

С
Т
А
Р
А
Я

Л
А
Д
О
Г
А

ЛАДОГА

и Глеб Лебедев

Восьмые чтения памяти

Анны Мачинской

Староладожский историко-архитектурный
и археологический музей-заповедник

Научно-исследовательский институт
комплексных социальных исследований СПбГУ

ЛАДОГА

и Глеб Лебедев

Восьмые чтения памяти
Анны Мачинской

Старая Ладога, 21 – 23 декабря 2003 г.

Сборник статей

Издательство СПбИИ РАН
«Нестор-История»
Санкт-Петербург
2004

УДК 930.26(471.2)(042)

ББК 63.4(2Рос30)я43

Ладога и Глеб Лебедев.

Восьмые чтения памяти Анны Мачинской. Сборник статей. — СПб.: Издательство Санкт-Петербургского института истории РАН «Нестор-История», 2004. — 380 с., ил.

В книге собраны статьи известных и молодых историков и археологов, посвящённые различным проблемам древней истории Скандинавии, Прибалтики, севера Восточной Европы от IV в. до н.э. до XIII в н.э., т.е. в эпоху включения этих областей в систему общеевропейских связей — от первого появления древнегреческих и римских мореплавателей на Балтике до заключения Новгородом торговых договоров с Ганзой и Готландом. Точкой пересечения и преломления многих североевропейских связей в ряде статей выступает Ладога — первая столица этносоциума «русь» и Русского протогосударства, с которой связана вся жизнь замечательного петербургского учёного Глеба Сергеевича Лебедева. Книга рассчитана как на специалистов, так и на всех интересующихся русской и североевропейской историей.

Научный редактор

Д.А.Мачинский

Рецензент

д.и.н., проф. М.Б.Шукин

Выпускающий редактор

Е.Ф.Качанова

*Издательство благодарит В.С.Кулешова и М.А.Юшкову
за помощь в создании оригинал-макета*

*В оформлении обложки использован «Знак Рюриковичей»
художника Т.А. Козьминой*

© Д.А.Мачинский, 2004

© Издательство СПбИИ РАН
«Нестор-История», 2004

ISBN 5-98187-076-1

ГЛЕБ ЛЕБЕДЕВ И ЛАДОГА

Седьмые чтения памяти Анны Мачинской и сборник, созданный на их базе, были посвящены 1250-летию Ладого.

Восьмые чтения и сборник целиком и полностью посвящены одному из учителей Анны — Глебу Сергеевичу Лебедеву, археологу и историку, одарённому двуединством постижения и фактологической, и мифологической составляющих исторического процесса. Он ушёл в инобытие именно в означенную годовщину Ладого, 15 августа — в день общепризнанного археологами и неофициального Дня Археолога, празднование коего и зародилось именно в Староладожской экспедиции. Этим сборником ученица приветствует и встречает Учителя в самой Ладого и в тех пространствах, где многое продолжается и дотворяется...

С Г.С.Лебедевым меня связывает многое — и сущностно, и биографически, — но пусть это останется между нами. Его древнерусское имя Глеб, с вероятностью, имеет скандинавские истоки (что предполагал и гениальный датский лингвист В.Томсен) — и посему далее я так и буду его именовать.

Одна женщина, пережившая клиническую смерть, свидетельствует, что встретивший её в кратковременном посмертии Свет-Личность показал ей в последовательности все эпизоды её жизни, связанные с Любовью и Познанием. Для людей уровня и склада Глеба я бы добавил «и с Творчеством». Видимо, лишь моменты, связанные с триединством Любви — Постижения — Творчества (в самом глубоко-высоком их понимании), являются вспышками Истинной жизни в общем потоке существования. И посему пусть всё, что скажется через меня о Глебе, будет сгруппировано вокруг неких «вспышек контакта» в наших отношениях, очных и заочных.

Первое соприкосновение с личностью Глеба — не слишком яркое, но запомнившееся. В библиотеке ИИМК'а в 1963 г. от строгой «гранд-дамы» Евгении Владимировны Ольшевской, работавшей на выдаче и вызывавшей трепет большинства читателей, я, пользовавшийся её доверием и симпатией, услышал о «замечательном мальчике» Глебе Лебедеве, который поступил на кафедру археологии ЛГУ, но был призван в армию и сейчас присылает ей оттуда умные письма. И ещё: рассказ, что школьником Глеб прочитал «Исландские саги» в переводе М.И.Стеблин-Каменского и навсегда попал в поле их обаяния. Не сомневаюсь, что знакомство с сагами только пробудило в Глебе изначально заложенное в нём призвание.

Не помню момента и обстоятельств моего первого знакомства с Глебом. Я был в стороне от событий периода «бури и натиска» на кафедре археологии 1960-х гг., когда под охраняющим крылом М.И.Артамонова был допущен спецкурс Л.С.Клейна «Варяжский вопрос и археология», а затем в 1964 г. и «Проблемный семинар», курируемый Л.С.Клейном, в основном, посвящённый роли скандинавов в сложении Русского государства. Но ещё раньше, в 1961/62 учебном году декан истфака В.В.Мавродин одобрил тему первой курсовой студента Лебедева «О причинах участия норманнов в образовании Древнерусского государства», что, по тем временам, было весьма смело.

Вторая «вспышка контакта» между нами как раз и связана с крупным научным итогом этого движения за возрождение и развитие лучших традиций русской дореволюционной науки. В 1974 г. была опубли-

ликована небольшая статья В.А.Булкина и Г.С.Лебедева «Гнездово и Бирка», которая представляла (о чём тогда не знали авторы) дальнейшее развитие концепции В.О.Ключевского о «вооружённых торговых городах» как главном факторе, ведущем, в конечном счёте, к возникновению русского государства.

Впервые умозрительная концепция В.О.Ключевского получала «плоть и кровь», т.е. прекрасно проанализированный археологический материал. При этом устанавливалось, что эти предгородские военно-торговые поселения развивались, в отличие от концепции Ключевского, не на базе славянских племенных центров, а явились новыми, изначально интернациональными образованиями, аналогичными подобным поселениям, известным в Северной Европе с рубежа VII–VIII вв. Таким образом, ранняя история Руси включалась в контекст европейской истории. Позднее, в 1978 г. эта концепция была развита и уточнена в совместной монографии Булкина – Дубова – Лебедева.

Эти этапные работы показали мне масштабы научного потенциала тогда уже лично близких мне В.А.Булкина и Г.С.Лебедева, и я отозвался на их монографию рецензией (в соавторстве с И.П.Шаскольским) в «Советской археологии».

Третья «вспышка» где-то около рубежа 1970–80-х гг. Я и Глеб сидим за разными столами в аудитории рядом с кафедрой на обсуждении какого-то доклада, посвящённого русо-варяжской тематике. Я слушаю некие «смелые» суждения, которые, в основном, повторяют то, что яснее и полнее было известно лучшим учёным второй половины XIX века — и вдруг беру бумагу и пишу записку Глебу:

«Я пью за варягов, за дедов лихих,
Кем русская сила подъята,
Кем славен наш Киев, кем грек приутих,
За синее море, которое их
Шумя, принсело от заката!»

А.К.Толстой

Это строки из самой любимой самим Толстым баллады «Змей Тугарин», строки из тоста князя Владимира.

Глеб читает, страстно утвердительно кивает мне, что-то быстро пишет на том же листке и передаёт мне обратно. Приписана продолжающая строчка:

«И выпил Владимир».

За этим коротким обменом цитатами стоит весьма многое. В-первых — это найденная историософски одарённым поэтом и принятая Глебом формула «Варяги — деды лихие», проложившие путь на Киев и на Царьград. Не пришельцы, не незваные гости, не приглашённые князья и дружины — это детали, обстоятельства — а то, чем они стали в славяно-финской среде: «деды лихие», порождённые и принесенные морем, без коих не было бы той Руси, в которой укоренена Россия. И не надо никаких ярлыков и обвинений, и нет оснований для ложного термина «норманнская теория», а есть реальная «русо-варяжская составляющая» в истории изначальной Руси.

Но фраза, процитированная Глебом вдобавок к моей цитате, вводит «тост» Владимира в более широкий и драматический контекст — о чём на сознательном уровне вряд ли догадывался и сам Алексей Толстой, и мы с Глебом в тот момент. И всё же не случайно, что эту приписку сделал именно Глеб...

Весь пафос баллады — в предсказании Змеем Тугариным будущего Руси, когда она из европейской славяно-варяжской державы превратится в данницу хана («И честь, государи, заменит вам кнут, // А вече — каганская воля»), а затем сама, по доброй воле, превратится в государство рабов, возглавляемое ханом («И, предкам великим на сором, // Не слушая голоса крови родной // Вы скажете: “Станем к варягам спиной, // Лицом повернёмся к обдорам”» — т.е. к зауральской Сибири).

Но весь парадокс-то заключается в том, что Владимир пьёт за свою вольную Русь и за будущее преодоление ею всех ханских невзгод из чары хазарского кагана («Подайте ж мне чару большую мою, // Ту чару, добытую в сече, // Добытую с ханом хазарским в бою, — // За русский обычай до дна её пью, // За древнее русское вече!»). Т.е. Владимир, произнося эти слова и выпивая из каганской чары, причащается евразийской, «ханской» судьбе Руси-России, и все оптимистические фразы концовки баллады уже ни к чему: ханско-рабское уже принято внутрь и стало неизбежностью, и шансов на преодоление этого в образном строе баллады уже нет.

Глеб, с присущей ему медиумичностью по отношению к различным «наитиям», дополнил мою цитату, бессознательно введя тему неизбежной «азиатской»* составляющей российской истории, вязкую

* По представлениям, доминировавшим в античности и средневековье, к востоку от Дона (где находились центры Хазарии), началась уже Азия (Азиатская Скифия). Титулом самого Владимира «в высоком стиле» было словосочетание «каган земли русской» («Слово о законе и благодати...» русина митрополита Илариона).

силу которой он сам недооценил в эпоху перемен 1985—94 гг., делая ставку на европейские корни Руси-России, и эта недооценка сыграла свою роль в его научной, общественной и душевной биографии.

И ещё: этой фразой-цитатой Глеб вводил тему «пития», опьянения, тему, эпически особенно связанную с Владимиром («Руси есть веселье питье, не можем бес того быти»), тему русской тяги к забвению и зиянию, к растворённости в опьянении не только вином, но и идеями, и образами сомнительных и двусмысленных достоинств.

Эта тяга, свойственная и Глебу, была героически преодолена им в отношении к вину, но осталась в его душевном строе, в его способности опьяняться идеями, образами и проектами весьма различного уровня — от почти гениальных до весьма сомнительных.

Вот что мне с болью и нежностью подумалось и представилось по поводу врезавшегося в память короткого обмена импульсами между нами. Глеб был соприроден и древней Скандинавии, и Руси, и современной ему России и в своей силе, и в своих слабостях.

Четвертый запомнившийся мне эпизод имеет пред- и постисторию. В 1977 г. вышла замечательная книжка Г.С. Лебедева «Археологические памятники Ленинградской области». Главное её достоинство — заряженность историзмом, постоянное вовлечение читателя в процесс исторической реконструкции прошлого, личная сопричастность обстоятельствам жизни и быта всех этих славян, финнов, скандинавов, из которых возникла первичная «русь» — без этнических пристрастий и связанных с ними подтасовок. И не важно, что не все факты точны и не все реконструкции безупречны (а иначе и не может быть), — книга для тех, кто способен вступить в резонанс с посылаемыми автором творческими импульсами.

Меня особо впечатлила глава «В краю приладожской чуди». Она открыла для меня приладожскую курганную культуру (ПКК). Конечно, я и раньше знал о раскопках в Юго-Восточном Приладожье, начатых Н.Е.Бранденбургом и продолжаемых моим коллегой и приятелем В.А.Назаренко, но образ этой культуры как совершенно уникального явления в истории этих мест, как некоего взрыва этносоциальной энергетики возник у меня только после книги Глеба. И хотя сам автор, отдавая дань господствующим взглядам, называл ПКК культурой приладожской чуди и веси, в самой словесно-смысловой ткани главы доминировало врождённое восхищение скандинавским компонентом ПКК, выявленным особо ярко. Спустя пару лет всё это дозрело во мне, и я понял, что именно скандинавский компонент и был структурообразующим при возникновении уникального по яркости для этой террито-

рии феномена и с уверенностью определил, с какими географическими и этносоциальными реальностями, известными из письменных источников, его следует соотнести. Я выждал, пока В.А.Назаренко спокойно защитит свою диссертацию о ПКК как культуре приладожской чуди, а затем...

Это было в начале 1984 г. в коридоре Истфака рядом с кафедрой археологии. Я подошёл к Глебу и спросил: «Глеб, а ты не думаешь, что приладожская курганная культура — это, в основном, колбяги?» Глеб посмотрел куда-то вверх и вправо. Это длилось секунд пять. Потом взглянул мне прямо в глаза и взял за руку: «Ты абсолютно прав». Он запросил своё «информационное поле», и оно ответило. И впоследствии, ещё до появления моей статьи на эту тему в 1988 г. он всегда считал это отождествление доказанным. Глеб рассказал об этом Володе Назаренко, и тот со скрипом признал мою правоту. Потом я предложил Володе написать совместную статью об этом, он согласился, а затем уклонился. И никогда печатно не признал того, что признал устно, в беседах. А Глеб уже в вышедшей в 1985 г. книге «Эпоха викингов в Северной Европе» кратко изложил мою «гипотезу».

Пятая «вспышка» — январь 1985 г. Конференция в Новгороде. В моём гостиничном номере Глеб, моя дочь Марина, ещё кто-то. Вдруг Глеб сказал: «Вот послушайте». И из него полился поток взаимосвязанных поэтических текстов, названный им тогда (как помнится) «Ладога зимой». Волнообразные переходы его низкого голоса, то гремящего, то затихавшего, неповторимый «голосовой луч» Глеба, эмоциональное поле постижения сути Ладоги и очарованности ею...

Мы были захвачены полностью. Это был — в единстве текста и исполнения — поток чистой поэзии.

Когда Глеб ушёл из этой жизни, о том давнем вечере и тексте вспомнила Марина. А затем я добыл эту, как мне помнилось, поэму, которая оказалась циклом стихотворений «Зима в Альдейгье». И по прочтении глазами увиделась «недотянутость» 2–3 стихотворений до общего стиля и уровня, недостаточная точность и убедительность некоторых образов и т.д. Но я перечитывал их многократно — и снова попадал под обаяние этого экстатического цикла «песен» о Ладоге. Интонация, голосовые волны — вот что определяющее в этом цикле. Это двенадцатичастная песнь о любви к Ладоге, явленной в образах Ингигерды, Эллисивы, царевны с фрески, Лады... И песнь о некогда мощном импульсе «скандинавства», ныне доживающего в Ладоге в формах ослабленных и болезненных...

А славянский компонент в цикле стихов представлен Велесом, богом Ладого, и (по «Слову о полке Игоре» — песенного мастерства. К слову, не сомневаюсь, что прозрения Глеба о тесной взаимосвязанности пары святилищ Перынь — Велеша, о сакральном центре культа Велеса севернее Ладого — достоверны.

Также только сейчас я узнал дату написания цикла: 29—31 августа 1984 г., за полгода до прочтения нам. И именно тогда, когда из Глеба пролилась эта стихийная «медитация о Ладог», он заканчивал свою книгу «Эпоха викингов в Северной Европе» (сдана в набор 28 ноября 1984 г.), где строгий анализ археологического материала проводился с применением статистико-комбинаторных методов, что по тем временам было ещё редкостью в отечественной исторической науке. Несомненно, цикл исторических песен и насыщенная графиками и схемами книга — это два неразрывно связанных способа постижения исторической реальности и сопричастности ей.

Сначала я намеревался написать историко-археологический комментарий к этим стихам, но отказался от этого. Пусть это будет цикл для посвящённых.

Отмечу лишь, что предпоследняя вещь цикла — это гадание на «Олеговой могиле» о своей судьбе. А последняя — это смерть героя (автора) несомненно в Ладог, хотя и соотнесенная со смертью Гаральда Гард-рада, с которым Глеб соотносит себя и в предыдущих стихах.

А книга Глеба «Эпоха викингов...» сыграла для формирования следующего поколения «русо-скандинавистов» ту же роль, какую когда-то для Глеба — «Исландские саги».

В 1986 г. в разговоре между мной и Анной Мачинской было впервые вычислено, что если принять за начало археологически уловимого строительства в Ладог дендрохронологическую дату самой ранней порубки дерева — 753 г., за которой следуют порубки в 754, 755, 756 гг. и т.д. — то тогда условное 1250-летие древней Ладого падает на 2003 г. и совпадает с 300-летием её позднего потомка — Санкт-Петербурга. Дата эта, пожалуй, менее условна, чем основание Москвы в 1147 г.

Я сообщил о нашем «открытии» коллегам, в том числе и Глебу. Долгое время найденную нами многозначную и символическую соотнесённость дат недооценивали, а потом, после того, как в 1995—98 гг. я обосновал её в докладах и печатных работах, вдруг интенсивно стали использовать отдельные археологи и чиновники, каждый в своих целях, и, как обычно у этой публики, без ссылки на «первоисточник».

Знал бы я тогда, как соотносённость этих дат глубоко вошла в надсознание Глеба, чутко уловившего её историософский смысл, недоступный до сих пор большинству его коллег и учеников, как она во многом предопределила точный срок его ухода.

А потом замелькали года «перестройки», и Глеб и я, как и многие, приняли участие в создании различных структур зарождающегося нового относительно более свободного общества. Глеб явно переоценивал скорость, необратимость и глубину происходящих перемен. Но иногда был провидцем. В начале осени 1990 г. он сказал мне: «через год коммунисты будут в оппозиции». Я сомневался. Но так и произошло.

В 1992 г. вышла книга Г.С.Лебедева «История отечественной археологии», ставшая ныне основным учебником в России по этой тематике. Огромное достоинство этой книги — рассмотрение всех этапов развития российской археологии на фоне эволюции мировоззренческих систем, культуры, общественных движений, мысли и институтов, историко-археологических концепций, как во всей западной цивилизации, так и в России.

Для студентов-археологов, ныне зачастую отличающихся узким кругозором, атрофией общественной ответственности и «заземлённостью» интересов, эта книга — незаменимый стимул в их развитии.

На несколько лет (1990—94 гг.) я практически выпал из общения с коллегами. А с 1995 г. начались «Чтения памяти Анны Мачинской», в которых Глеб неоднократно принимал участие. В 1998 г. мы даже отмечали на «Чтениях» его наступающее 55-летие.

Известно, что отношения Г.С.Лебедева с кафедрой археологии и Истфаком с середины 1990-х гг. были сложными. Ему удалось организовать собственную научную структуру — ныне НИИКСИ СПбГУ, где нашли свою «научную крышу» многие из его учеников.

В связи с этим должен сказать идущим вслед за нами: давно действующий домашний семинар М.Б.Шукина, «Чтения памяти Анны», курируемые Д.А.Мачинским, НИИКСИ Г.С.Лебедева — это одно общее дело. Мы трое никогда не делили проблемы и темы на «свои» и «чужие», никогда не испытывали тени зависти друг к другу, никогда не делили «учеников» на своих и чужих. Отношения наши определялись (и определяются) глубоким взаимным уважением, даже восхищением в другом тем, что не хватает тебе, смею сказать — любовью и постоянной взаимоподдержкой. Любой юный последователь Лебедева был желанным гостем на семинаре Шукина или на «Чтениях» Мачинского.

Как в стихах Глеба:

«Мы ль отцы; они ли — наши дети,
Сам себя я в каждом узнаю».*

От имени нас троих завещаю это и вам, идущие волнами вслед за нами.

А потом было ещё многое — и совместное переживание на «Олеговой могиле» от вечерней до утренней зари всех изменений природы, света, птичьих голосов, и выраженное однажды Глебом определённое желание быть похороненным в Ладоге (смутно уже предвосхищенное в его стихах 1984 г.). Ладога виделась ему как важная энергетическая точка в системе «силовых полей» земли и ноосферы. Помню, как однажды он при своей жене, В.А.Витязевой, говорил мне, что в Ладоге должны быть храмы всех конфессий, ну уж индуизма и буддизма — обязательно. Мы с Верой покорно соглашались.

О смерти Глеба в год вычисленного 1250-летия Альдейгьи-Ладоги, 15 августа, в День Археолога я узнал по телефону от Маши Юшковой.

Глеб был «морским», странствующим викингом — как учёный он не обрёл своего постоянного археологического места, своего раскопа и базы. И обрести его он мечтал именно в Ладоге — на меньшее он не пошёл бы. И сделать это было бы несложно, если бы не позорное «право индивидуальной собственности» на все археологические объекты Ладоги, сосредоточенные в одних руках.

Но в день смерти и, возможно, в посмертии он обрёл свой раскоп и свой дом-базу.

Именно в канун Дня Археолога Глеб Сергеевич дооформил все документы на кирпичный дом на Варяжской улице как будущую базу для практики студентов и комплексной экспедиции Санкт-Петербургского государственного университета и тем самым получил в перспективе возможность заложить свой раскоп на прилегающем к дому участке. Весь день 14 августа Глеб был счастлив, вдохновлён, читал стихи. И конечно, в неясных проблесках надсознания он знал, что если какой-то день считать условным днём годовщины основания Ладоги 1250 лет назад, то это День Археолога, 15 августа 2003 г.

И в ночь на 15 августа Глеб Сергеевич вернулся в тот дом, где он жил в Ладоге, обыкновенно ночуя на балконе. Не желая слишком

* Ну, впрочем, далеко не в каждом — Д. М.

настойчиво будить своих слишком крепко спавших бывших учеников, он попытался пробраться на балкон через крышу, сорвался и упал. Смерть наступила мгновенно.

Только очень обделённые люди могут полагать, что подобное совпадение дат и событий может быть случайным. Глубинное «я» Глеба знало о приближении конца. У мальчика, зачатого в блокадном Ленинграде и большого Россией, кончался опущенный запас жизненных сил.

Ему как конунгу, викингу и скальду по призванию было присуще древнескандинавское чувство Судьбы, её неизбежности, равно как и противостояния ей. В обстоятельствах смерти многих великих конунгов явственно просвечивает знание того, что в целом сроки смерти предопределены, но как конкретно, где и когда умереть — это моё дело. И смерть свою я, завершив основное дело, должен создать и обставить как некое действие и встретить достойно, не дожидаясь, пока раздавит неизбежная судьба, по своим, зачастую подлым законам. Так, по сути, и ушёл Глеб.

Когда отмечали 9-й день у могилы Глеба, я знал, что у любимого нами обоими А.К.Толстого есть некий стихотворный текст, очень подходящий для поминальной драпы по Глебу. Я перебрал в памяти «скандинавские баллады» Толстого — нет, не то, не то... И вдруг, текст возник в памяти.

Короткое предисловие к нему: все помнят, как рокотал голос Глеба, когда он пел, читал стихи или витийствовал, все знают, какое у него было крепкое рукопожатие... А над могилой Глеба раскинула ветви сосна с соседнего участка (на самом деле — голубая ель, но по конфигурации ветвей и кроны — сосна).

И вот эти странные, написанные незадолго до смерти стихи другого скальда и викинга, стихи несомненно психологически автобиографичные для А.К.Толстого и столь соответствующие многому в личности Глеба.

ГАРАЛЬД СВЕНГОЛЬМ

Его голос звучал как морская волна,
 Мрачен взор был грозящих очей,
 И была его длань как погибель сильна,
 Сердце зыблемой трости слабей.

Не в кровавом бою он врагами убит,
Не грозою повержен он в прах,
Под могильным холмом он без раны лежит,
Сам себе разрушитель и враг.

Струны мощные арфы певец напрягал,
Струны жизни порвались в нём,
И начатую песню Гаральд не скончал,
И лежит под могильным холмом.

И сосна там раскинула силу ветвей,
Словно облик его хороша,
И тоскует на ней по ночам соловей,
Словно песню кончает душа.

Никакого Гаральда Свенгольма, насколько мне известно, скандинавская история не знает.

А потом в декабре 2003 г. были «Восьмые чтения памяти Анны», целиком посвящённые Глебу Лебедеву, и на них было принято прозвучавшее ещё ранее предложение присвоить комплексному центру научных исследований и практики студентов имя Г.С.Лебедева.

И какие бы ни были официальные решения и названия, для всех, кто истинно любит Ладогу, это будет центр имени Лебедева.

И какую бы официальную дату ни назначили праздником основания Ладоги, для понимающих магию дат это всегда будет 15 августа.

И археологический раскоп на Варяжской, кто бы официально ни руководил работами, будет раскопом Глеба Лебедева.

Глеб Сергеевич Лебедев перешёл в инобытие, но его присутствие в Ладоге и воздействие на происходящее в ней явственно ощутимо.

Основание центра комплексных исследований СПбГУ, где могли бы сотрудничать археологи, историки, биологи, геологи и т. д. создаёт новые возможности для выхода археологических исследований в Ладоге на качественно новый уровень. Уже в «Чтениях» 2004 г. наряду с археологами и историками участвовали почвоведы и геологи.

Междисциплинарное сотрудничество могло бы принести свои плоды и в будущем, на раскопе, который предполагается заложить на Варяжской улице, но уже сейчас оно необходимо для достойных археологических работ на главном объекте Ладоги — на «Земляном городище».

В 2004 г., когда формировался настоящий сборник, произошло знаменательное событие: раскопки здесь вышли примерно на уровень 860—870-х гг., т.е. условно на уровень времени Рюрика. Ниже залегают древнейшие, поистине драгоценные и уникальные культурные слои с сохранившимися деревянными сооружениями, подобных которым по возрасту нет ни на Рюриковом городище, ни в Киеве, ни в Новгороде. Это отложения той жизни, которая не освещена даже в древнейших эпических преданиях нашей летописи.

И посему раскопки на «Земляном городище», финансируемые ныне достаточно щедро, должны вестись с соблюдением следующих непреложных правил, необходимых для адекватного восстановления картины жизни и хозяйства в древнейшей столице этносоциума «русь/рѡс»:

А) Весь культурный слой после его разборки должен просеиваться или промываться через сито с ячейками 3—5 кв. мм. Это позволит выявить мельчайшие находки — например, бусины, мелкие кости рыб и т. д. Известно, что иногда 1—2 бусины, не замеченные при разборке слоя, могут существенно изменить или уточнить его датировку.

Б) С различных горизонтов культурного слоя, хотя бы выборочно, должны браться пробы земли, просеиваемые через сито с ещё более мелкими ячейками, для выявления остатков семян культурных и диких растений с дальнейшим изучением их ботаниками.

Эти два способа выявления остатков жизни давно применяются при работах на Рюриковом городище.

В) Необходимо проведение палинологического анализа (на пыльцу растений), причём, не только лабораторный анализ, но и сам отбор образцов со всей толщины культурного слоя через несколько сантиметров должен производиться соответствующими специалистами.

Г) Нужен почвоведческий анализ палеопочв, встречающихся в разрезе культурного слоя, взятие проб грунта на геохимический анализ.

Д) Нужно организовать круглосуточную охрану раскопа от наглеющих грабителей.

Это — минимум. Без выполнения этих условий продолжение исследования драгоценного, уникального для Руси культурного слоя — преступно.

И ответственность за дальнейшие раскопки лежит как на руководителе экспедиции А.Н.Кирпичникове, так и на его ближайших помощниках, непосредственно руководящих работами на раскопе.

Для выполнения вышеизложенных элементарных правил раскопок на современном уровне необходимо время на подготовку археологи-

ческих работ и, вероятно, привлечение специалиста, способного организовать их на вышеозначенном уровне. Такие специалисты редки, я могу назвать лишь одного, находящегося в непосредственном подчинении у руководителя экспедиции, — Ольгу Алексеевну Шеглову, которая должна была бы на время оставить все другие свои дела и сосредоточиться на исследовании древнейших слоёв «Земляного городища» Ладоги.

Всё вышеизложенное я говорю и от имени Глеба Сергеевича Лебедева, похороненного и пребывающего в Ладоге. Археологические исследования достойного Ладоги уровня обрадовали бы его несказанно.

А «вспышки контакта» между тобой, Глеб, и нами продолжаются, и конца им в обозримом будущем не предвидится. Надёжного пристанища тебе в твоей возлюбленной Ладоге и попутного ветра в твоих возможных новых странствиях.

Д.А.Мачинский

НАВСТРЕЧУ ВЕТРУ

Писать воспоминания о людях творческих, активных, оставивших после себя будь то повести, романы, симфонии, квартеты, картины или, наконец, научные работы — дело непростое. Подобные воспоминания очень часто переходят в жанр исследовательских статей, как бы заново раскрывающих суть и смысл произведений писателя, композитора, художника, ученого и тем самым оказываются адресованными лишь узкому кругу посвященных.

В то же время никакие мемуары не скажут вам больше о творчестве того или иного писателя, художника, ученого, чем его собственные произведения; надо только научиться читать их, понимать и интерпретировать в каждую эпоху по-своему.

Что же тогда остается на долю того, кто решил все-таки сказать несколько слов о том, кого он знал и помнит?

Прежде всего это индивидуальная жизнь как совокупность физических действий, поступков, шагов, личных встреч и внутренних сопереживаний. Это не пересказ докладов и встреч на конференциях, а память о диспутах, обсуждениях, репликах.

Да, такие воспоминания нередко приобретают форму сюжетов, этюдов порой не связанных между собой, не всегда документально точных, но взятые вместе такие этюды позволяют увидеть образ живого человека в его динамике. За отрывочными мыслями, беглыми репликами, случайными высказываниями нередко стоят источники идей, планов и начинаний. Наконец, воспоминания, мемуары не должны чуждаться анализа и оценки со стороны того, кто пишет.

С Г.С.Лебедевым мы познакомились в начале 1970-х годов, когда я уже заведовал кафедрой математической лингвистики и у нас с ним была общая дипломантка Оля Конькова, написавшая диплом с применением лингвистических и археологических методов, и ставшая впоследствии уникальным специалистом по истории, этнографии и археологии Ингерманландии.

Уже тогда, еще совсем молодой, Глеб Сергеевич прозорливо предчувствовал необходимость унии историков и филологов при решении комплексных гуманитарных проблем. Но подлинная уния была

«заключена» позднее в 1982 г. с организацией семинара по этногенезу. Семинар даже в те годы, когда не обо всем и не о всех народах можно было еще говорить напрямую, оказался замечательным явлением в Ленинграде. Это был подлинно университетский семинар, где рядом сидели, выступали и спорили на равных студенты, аспиранты, профессора, доценты, археологи, историки, этнографы, антропологи, филологи, музыковеды. Основная ориентация семинара была — теория и методология этногенетических работ на материале этногенеза славян, финнов и балтов. В разное время на семинаре выступали как наши близкие друзья-археологи, филологи, так и В.В.Седов, Н.И.Толстой, В.В.Мартынов, И.И.Земцовский, К.В.Чистов, И.М.Дьяконов, Ю.В.Откупщиков, Г.Л.Курбатов, Г.А.Хабургаев, М.Б.Щукин, В.А.Лапин, Р.Я.Денисова, Р.А.Агеева, Л.С.Клейн. Уже даже этот, далеко не полный, перечень имен говорит сам за себя. На семинаре каждый из нас был и учеником и учителем. В 175 аудитории исторического факультета места занимались заранее до семнадцати часов, посетители стояли в дверях. Глеб Сергеевич был искрой и душой каждого заседания. Его вопросы, реплики зажигали юных, будили мысль средних и старших. Рядом с докладчиком красиво, ярко и романтично обычно выступал Д.А.Мачинский; сурово и отрезвляюще звучали слова Ю.М.Лесмана и Ю.В.Откупщикова. Семинар оказался прекрасной школой для всех его учеников. Думаю, что если бы не было бы этого семинара, не было ни многих идей Глеба Сергеевича, ни моих работ по этнолингвистике, ни наших коллективных с ним начинаний. Меня поражало, как Глеб Сергеевич знает археологический материал, памятники. При этом его отличало широкое сравнительно-историческое знание как новгородского, псковского, смоленского, так и финского, балтийского и германского материала. Уже тогда на семинаре мы с Глебом Сергеевичем пришли к нашей общей формуле «Во имя конкретной цели — этногенез — мы все должны научиться понимать друг друга, но при этом археолог или этнограф не должен превращаться в лингвиста, а лингвист в археолога или этнографа».

Сегодня, в 2003–2004 гг. мне часто говорят, что такие семинары сейчас уже невозможны, никого не влечет идея, чистая наука, ни в ком не горит огонь поиска, все приземлено, меркантильно, все работают до ночи и всем не до дискуссий. В какой-то степени это так; сломлена структура, сокрушены многие идеалы и ценности. Конечно, подлинная современная, просветительская, научная и художественная интеллигенция, та, которая не ушла на рынки, в ларьки, банки и в челноки,

отброшена на обочину. И все же в своих сильно поредевших рядах в лице студентов и учителей она способна на подлинные диспуты. Вот только лидеров не хватает, нет таких, как Глеб Сергеевич; Российской науке, студентам нужен новый молодой Глеб Сергеевич.

Пришел конец 80-х годов XX века. Грянула Перестройка. И здесь Глеб Сергеевич сразу же устремился навстречу новым ветрам и новым веяниям. Тогда в 1990—1991 годах он глубоко и наивно верил в то, что года через два-три все мы будем жить в едином Европейском доме, в единой новой Европе, а балтийская цивилизация и балтийское единство станут политической реальностью. Не раз на мои осторожные замечания о том, как осуществить те или иные контакты Глеб Сергеевич так мне говорил: «Ну, к тому времени мы все уже будем в едином Европейском доме». Он сразу же встал на сторону всех демократических преобразований, в ряды тех, кого теперь называют «демократами первой волны». Он принадлежал к той плеяде ученых романтиков начала 90-х годов, которые увлеченные бурей перемен, готовы были оставить свою работу, профессию ради служения новым общественным идеалам. Многие так и делали тогда в 90-е годы. Так поступил и Глеб Сергеевич. Он покидает родную кафедру археологии и с головой уходит в общественно-политическую деятельность. Телефон его был всегда занят, дозвониться было нельзя.

Должен ли серьезный ученый, глубокий специалист в своей области уходить в политику, а если да, то до какого предела? В целом, конечно, эта проблема сложная и непростая. Где тот порог, где та граница, за которой наступает разрыв со своим прошлым, наступает самодисквалификация, когда геолог или физик превращается в экономиста, политолога или становится предводителем какой-нибудь партии?

Как и всем романтикам начала 90-х годов Глебу Сергеевичу на пути политика суждены были промахи, ошибки, разочарования. К сожалению, и в самом Санкт-Петербургском университете в 90-е годы резко осложнились отношения между ректоратом и деканатом исторического факультета. В этой ситуации возвращение Г.С.Лебедева, одного из ярких демократов Петербурга, на родную кафедру, было уже невозможно. Конечно, несмотря на все, добровольный уход с кафедры археологии был ошибкой; теперь остались НИИКСИ, сам переживавший тяжелые времена; спецкурсы, Институт культуры, отдельные лекции по городу. И я рад, что именно в этот период нейтральная площадка «моей» кафедры математической лингвистики во многом превратилась в место его встреч не только со мною, но и со своими учениками. Здесь мы

обсуждали планы экспедиций, теорию историко-культурных зон, план книги «Основания регионалистики», ее главы, части, здесь зародились идеи и план объединения Петроскандика, здесь же шло выполнение крупного предприятия «Очерки исторической географии: Славяне и финны».

К счастью для археологии судьба распорядилась так, что Глеб Сергеевич оставил свою бурную деятельность в Ленсовете (Петросовете) и постепенно полностью вернулся к истории как науке. Но нет, он не ушел в себя, не превратился в кабинетного ученого, не таков был Глеб Сергеевич по складу своей души. Он сразу же развернул крупную общественную деятельность, он член многих обществ, комиссий, советов, активный участник чуть ли не всех городских общественно значимых культурных мероприятий, заседаний. И все же теперь до него уже можно было дозвониться по телефону, а призыв милейшей Веры Александровны «Глеб! Тебя А.С.!\», свидетельствовал о том, что он дома. Снова стало возможным встречаться и обсуждать общие проблемы. Конечно, не мне анализировать его собственные исторические позиции и гипотезы, но теория единой балтийской цивилизации или преемственности линии от Ладogi (Альдейгьюборга) к Петербургу отличаются бесспорной оригинальностью. Не мне критиковать и наши коллективные книги «Основания регионалистики» и «Очерки исторической географии: Славяне и финны». Глеб Сергеевич очень любил обе эти книги, как и свою «Историю отечественной археологии». Можно с ним, с нами спорить, не соглашаться, но и сегодня во всех главах, принадлежащих Г.С.Лебедеву, во всех его построениях, гипотезах, так и светятся яркий талант, далекий и высокий полет глубокой мысли. Славяно-скандинавская археология, история были для него жгучей современностью, окном в будущее России (см. Заключение в книге «Основания регионалистики»). Ему были свойственны постоянные, широкие ассоциации древнего мира и мира сугубо повседневного, и признаюсь, что я сам лично снимал излишнюю актуализацию и политизацию отдельных его абзацев и строк в наших с ним книгах. Глеб Сергеевич необычайно остро чувствовал социальные и политические запросы каждого нового дня. Писал он ярко, по-своему, сам же был редактором умело деликатным. Когда я ему давал прочитать чужие части наших книг на предмет корректировки, он обычно ничего не менял, не перекраивал, а лишь предлагал что-то уточнить и подправить. Встречаясь в 90-е годы с археологами, историками в городе, я постоянно слышал: «Глеб сказал, Глеб будет там-то. А Вы не знаете, где сейчас Глеб?» Все так и звали его за

глаза. Нет, я сам так никогда его не звал и не называл. За 30 лет я так и не перешел с ним на «ты». Для меня он был и остается Глебом Сергеевичем, но он был для меня некто большее, чем обычный фамильярный друг. Глеб Сергеевич научил меня древней истории, славяно-финской и скандинавской археологии, он раскрыл мне глаза на то, как лингвист должен понимать археологию. Он постоянно звал меня куда-то, к чему-то новому, к новым людям, вовлекал в новые коллективные планы, проекты, зажигал меня своими идеями и гипотезами. Не все могло состояться, не всему суждено было реализоваться, но с ним всегда было интересно. Весь его облик, глаза, манеры, поведение излучали увлеченность и энтузиазм.

Глеб Сергеевич был прирожденный лидер, вожак, организатор. Его уникальное плавание «Из Варяг в Греки» — яркий тому пример. Другой — упорство и настойчивость в создании университетской базы практики студентов в Старой Ладоге. Увлеченность, широта разных идей и начинаний порой мешали ему довести все до конца. Были замыслы, были и срывы, но не отступает тот, кто никуда не стремится и не идет.

Весной 2003 г. мы оба откликнулись на приглашение юных организаторов нового семинара по этнологии и этнолингвистике. На этом семинаре, и вновь в стенах исторического факультета Г.С.Лебедев, как всегда, живо и ярко рассказывал студентам о себе, о том, как он пришел в археологию, о своих учителях, как ездил в экспедицию, о наших с ним книгах и идеях. Это было последнее мое общение с Глебом Сергеевичем.

Есть два крайних типа сложившихся исследователей. Один — это те, кто тщательно и скрупулезно собирает свой материал из года в год, занимаются углублением его описания. Это прекрасные ученые, уникальные знатоки своего предмета, но сами по себе, по собственной инициативе они, как правило, крайне редко выступают как организаторы коллективных проектов, тем, это ученые в себе, их принципиально не интересует, что делается за пределами их собственного знания, рядом, в смежных науках, в жизни. Они не равнодушны к росту числа своих трудов, нередко крайне чувствительны к признанию своих идей коллегами в данной области.

Но есть и другой крайний тип. Это те, кто прекрасно знают свой материал, методы, положение дел в своей отрасли, но они постоянно стремятся дальше, за пределы крепостных стен своей науки, решают старые проблемы новыми методами, идут на союз с другими науками, учеными, не боятся смелых гипотез. Именно они не по указанию

сверху, а по собственному почину организуют новые коллективы, ищут новые формы организации науки и образования, выдвигают новые проекты. Они зовут, влекут и ведут за собой. С ними всем всегда интересно. Нередко у таких ученых меньше своих, индивидуальных капитальных трудов, на это у них не было времени. Они все в общем деле, в своих учениках и соратниках. От таких людей навсегда остается глубокий след в душе всех тех, кто был с ними рядом, кто шел за ними навстречу ветрам новых веяний.

Дело к вечеру, пять часов. С легким опозданием минут на 40–50 сумкой через плечо, с горящими глазами, он вбегает ко мне на кафедру математической лингвистики. Здесь же его обычно уже поджидает кто-нибудь из его юных учеников, зная, что здесь у меня найти его легче и вернее. «Александр Сергеевич, — начинает Г.С., — приезжал N, есть прекрасный проект от коми и финно-угров: по берегу Северного Ледовитого океана. История расселения. Помните, Вы сами мне говорили, что и севернорусские названия рыб в низовьях сибирских рек хранят следы единой миграции севернорусов с запада на восток по берегу. Летом нам надо обязательно организовать комплексную экспедицию. Ханты-Мансийск поддержит материально. Вы, археологи, филологи, надо обсудить. — Ну мне еще сегодня надо к В.Н.Трояну, в «Культуру»... Да не забудьте у Трояна побеседовать еще о Петроскандике. — Ну сейчас я побегу. Созвонимся».

Вот такой он и был, Глеб Сергеевич Лебедев, Глеб Лебедев — бескорыстный ученый, романтик, мечтатель, всегда весь в неустанном движении, в постоянном поиске новых идей, планов, начинаний.

А.С.Герд

Мне очень трудно написать о Глебе Сергеевиче Лебедеве. Трудно потому, что как ученый он обладал весьма широким кругом интересов. Не просто интересов, а разнообразием направлений и стилей в которых работал. Трудно потому, что он был нашим учителем не только как преподаватель кафедры археологии, а Учителем жизни, хотя до конца это понимаешь, когда его рядом нет и уже не будет. Наконец потому, что он являлся личностью яркой и, в то же время, весьма противоречивой во внешнем восприятии, хотя, кажется ощущал себя человеком целостным и самодостаточным. Одно можно твердо сказать, что его роль в формировании целой плеяды ныне активно работающих исследователей трудно переоценить.

Бессмысленно излагать в короткой статье его точки зрения и их эволюцию по тем или иным вопросам археологии и истории. Нужно отметить другое: Г.С.Лебедев старался находится на самом кончике острия проблем. Мне всегда казалось некоторой странностью раздвоение его как исследователя, заключавшегося в попытке совместить почти метафизические интуитивные искания и доходящую до математической, в прямом и переносном смысле, систему доказательств выводов.

Через всю его научную биографию прошел сформировавшийся в студенческие годы интерес к вопросам ранней истории Руси и как его стержень «варяжский вопрос», который изначально понимался им в ключе проблемы славяно-скандинавских отношений. При этом, узкие, локальные в пространстве и времени сюжеты разрастались в многомерном направлении, и предела росту не было. Логичным завершением этого творческого процесса явилось конституирование представлений об историко-культурных явлениях, как градации, иерархии топохронов. Именно так Г.С.Лебедев не только мыслил пространственно-временные связи, но и чувствовал себя и свое место внутри них.

Может показаться, что как самостоятельный археолог-полевик он сделал не так уж много. Цикл исследований в Верхнем Полужье, разведки в различных районах Северо-Запада. Однако именно эти работы актуализировали, в какой-то мере спровоцировали интерес к целому пласту проблем славяно-русской археологии: от культурно-исторической атрибуции сопок и длинных курганов до локальных центров средневековья, убедительно связанных с древнерусскими погостами, от

«протогородов» до рождения Санкт-Петербурга. При этом Г.С.Лебедев постоянно участвовал в раскопках или навешал экспедиции своих друзей и единомышленников — В.А.Назаренко, Е.А.Рябинина, В.А.Кольчатова, всех не перечислишь. Еще труднее упомянуть всех его учеников, желанным гостем, которых он оказывался. Не вмешиваясь в рабочий процесс, Лебедев как бы парил над раскопом, а потом новые родившиеся идеи заносил в свои ежедневно пополнявшиеся тетради, которые со временем сами по себе станут любопытнейшим источником. Особым направлением, к которому мы по молодости относились с добродушной иронией, стала для него эпопея экспедиции «Нево», длившаяся несколько лет. Только сейчас я отчетливо понимаю, как важно историку и археологу не точно осматривать отдельные пункты и реконструировать древние пути на карте по цепочкам памятников и кладов, а ощутить ветер пространства и времени, повторив от начала до конца по словам Константина Багрянородного «мучительное и страшное, невысоемое и тяжкое плавание».

И все же главной заветной любовью и целью для Лебедева всегда была Ладога. Она не просто являлась в его жизни опорным памятником в системе проблематики истории начальной Руси, не просто ключевым звеном на пути «из Варяг в Греки», не составной частью Циркумбалтийской цивилизации раннего средневековья — исторического предшественника Ганзы и современного Евросоюза, не особым сектором пространства, обозначенного им как «Скандо-Византия». Ладога служила ему духовной опорой, неким символом, отправным пунктом исторического вектора «от Ладоги к Петербургу». Знал ли он, что крайние точки этого одновременно географического отрезка и отрезка отечественной истории, станут крайними точками его собственной Судьбы? Знал вряд ли, но чувствовал почти наверняка.

У меня часто, по разным поводам, перед глазами встает одна старая фотография. Пятеро молодых людей в районе Варяжской улицы. Еще не начаты на ней раскопки В.П.Петренко, еще А.Н.Кирличников не раскрывает кладки каменной ладожской твердыни, а Е.А.Рябинин не берет спилы с построек древнейших слоев Земляного городища. Еще впереди многолетние исследования Ладоги и ее окрестностей, в которые люди на фотографии внесут свою ту или иную лепту. Четверо из них смотрят с молодым задором и азартом (Рябинин, Назаренко, Булкин, Плоткин), и только Лебедев, как бы отстраненно многозначительно глядит вниз, будто сквозь слои и века, погружившись в себя, характерно отставив правую руку, а на голове неизменная знаменитая кепочка, о которой даже сложена песня. В этом, думается, прекрасно отражено

замечательное свойство Глеба — умение не просто погружаться во время, но и перевоплощаться, ощущать себя одним из его героев. Такой дар дается не каждому, тем паче не каждому суждено поделиться им с другими, вызывая чувство сопричастности.

У Лебедева это получалось. В этом один из залогов успехов его лекций, особенно по эпохе викингов. Входя в раж, отрывисто вырисовывая мелом на доске древнеисландские слова, цитируя саги, драпы и висы, он обращался в викинга, конунга, скальда, чуть ли не становился берсерком. Иногда, наоборот, слушая студентов, замысловато обвинив левой ногой правую, прикрыв глаза, не прерывая говорящего, мерно кивая головой, слушал. И вдруг, мгновенно выходя из оцепенения, вскидывался и спрашивал: «Даа, а кстати...». К удивлению выступавшего часто оказывалось, что с массой вещей Лебедев не согласен. Обо всем этом можно рассказывать бесконечно долго. Мне думается, именно преподавательская университетская деятельность была для него максимальным полем самореализации. Интересно читать он мог и «Отечественную историографию», и «Археологию железного века», казалось, любой курс. Особая история — его проблемные семинары, где выступали не только студенты, но приглашались и выпускники, допускались послушать старших те, кто еще учился в школе. Безусловно, это обеспечивало не только высокий уровень докладов и остроту дискуссий по ним, но, что не менее важно, обеспечивало преемственность в развитии школы ленинградско-петербургской археологии, принадлежностью к которой Г.С.Лебедев так гордился и так ей преданно служил, требуя того же и от нас.

Своеобразным венцом «кафедрального» периода жизни Лебедева стал выход в свет монографии «Эпоха викингов в Северной Европе», предварительно прочитанная как спецкурс, слушателями которого многим из нашего поколения посчастливилось быть, и защита ее в качестве докторской диссертации. Симптоматично, что эти события совпали с началом процессов в стране, получивших название «перестройка».

Г.С. Лебедев никогда не был ни диссидентом, ни антисоветчиком, хотя приверженность «норманизму» была для него формой неосознанного фрондирования с режимом, а ретивыми его служителями именно так и расценивалась. Другое дело, что Лебедев болезненно воспринимал невозможность прямого общения с зарубежными коллегами, невозможность воочию видеть материалы и памятники, которые он знал не хуже их, но только по публикациям. Теперь эти возможности открывались.

Но Глеб не был бы Глебом, если обладая способностью чувствовать прошлое, столь же драматично-напряженно не ощущал день сегодняш-

ний. Не удивительно, что ставя под удар свое благополучие на «застойном» истфаке, он с головой ринулся в демократическое движение, закономерно оказавшись в составе первого Ленсовета, избранного в ходе реальной конкурентной политической борьбы. Как одну из своих главных заслуг в жизни он считал участие в инициативной группе, добившейся возвращения городу исторического названия Санкт-Петербург.

Будучи игроком по жизни, игроком прежде всего для себя и внутри себя, Лебедев быстро охладел к политической возне, хотя причастность к творению новой истории его явно тешила. Я помню восторги по поводу совместного полета с четой Горбачевых (М.С. уже не был ни Генсеком, ни президентом СССР) в Норвегию, где выступал для них своеобразным гидом. В тот момент Глеб успевал повсюду, где видел что-то новое: Интерьерный театр Беляка, движение исторических реконструкторов (отечественных и зарубежных), Дельфийские конгрессы...

Но явно хотелось еще чего-то своего. Своего «одаля-вотчины», своей дружины. Благодаря энергии он этого добился, соединив тогда казавшееся несоединимым, а ныне выглядящее столь закономерным и естественным: Сибирскую экспедицию Кости Чугунова и мою Северо-Западную. Я опущу рассказ об этом этапе жизненного пути Глеба Сергеевича, слишком много было событий, и слишком много личного, чтобы хоть как-то объективно об этом говорить. Скажу только, что благодаря ему мы (Северо-Западная археологическая экспедиция) обрели надежное пристанище в виде НИИ комплексных социальных исследований СПбГУ, где спокойно можем реализовывать свой творческий потенциал. Именно Г.С.Лебедев «подсадил» нас на проблематику петербургской археологии...

Летом 2003 года, в год 300-летия Санкт-Петербурга, родного города Г.С.Лебедева, без которого он себя не мыслил и жил не в нем, а ощущал себя частью его плоти, в Неву вошли корабли викингов. Их живописный лагерь раскинулся у стен Петропавловской крепости, а на песке пляжа встали копии рунических камней. Как на торжищах тысячелетней давности зазвучала норвежская, шведская и русская речь. Среди всего этого расхаживал Глеб. Круг времен замкнулся, мечта сбылась, а земная жизнь, увы, вскоре закончилась...

Г.С.Лебедев ушел из жизни и погребен в Ладого (Старой Ладого), без помпы, на простом сельском кладбище. Но он жив. Жив в нашей памяти и душах, своих книгах и статьях, дневниках и прекрасных стихах, детях и учениках. Жив в научном центре его имени, где продолжают задуманные им дела.

СЕВЕРНЫЕ НАРОДЫ СЕРЕДИНЫ IV — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ VI в.
В «GETICA» ИОРДАНА

Фамилии авторов статьи стоят не в общепринятом алфавитном порядке лишь потому, что первый из них берёт на себя бóльшую долю ответственности за те её положения и гипотезы, которые могут показаться некоторым читателям чересчур смелыми. Второй же из авторов статьи является чуть ли не самым молодым непосредственным учеником Г.С.Лебедева. Ещё в 1999 г., будучи школьником, он занял первое место на конкурсе «Навстречу будущему — Россия» с сочинением «Финно-угорские этносы в субстратной топонимике Ленинградской области», которое рецензировал Г.С.Лебедев. После этого В.С.Кулешов неоднократно пользовался консультациями и советами Г.С.Лебедева, посещал его лекции, что в большой степени и предопределило его поступление на Исторический факультет, а позднее и переход на кафедру археологии.

Проблематика настоящей работы, несомненно, входит в широкий круг научных интересов и историософских построений Глеба Сергеевича. Статья основана на данных письменных источников, лингвистики и топонимики. Авторы не пытаются комплексно сопоставить воссоздаваемую на этой базе картину с данными археологии — это дело будущего — и лишь в отдельных случаях привлекают свидетельства археологии, носящие в контексте статьи вспомогательный характер.

Прежде чем обращаться к текстам Иордана, кратко рассмотрим этногеографическую ситуацию в Балтике и на её берегах в предшествующее время, начиная с первого проникновения посланцев античной цивилизации в эти места. Исследование суммы знаний о Балтике, полученных в пределах IV в. до н. э. — II в. н. э. проведено ранее одним из авторов статьи, но пока не получило полноценного отображения в печати (Мачинский 1976: 83–84; Мачинский, Тиханова 1976: 63). Некоторые итоги этого исследования в сжатом виде и легли в основу излагаемого ниже.

По мнению большинства авторитетных учёных (в том числе великого К. Мюлленхоффа), ещё в IV в. до н. э. Пифей из Массалии во время своего знаменитого путешествия достиг Балтики. Дискуссионно лишь то, насколько далеко на северо-восток он проник. Путешествие это датируется разными исследователями в основном в пределах 350—320 гг. до н. э., вероятнее всего — около 330—320 гг. до н. э. Наиболее обоснованным представляется мнение К. Мюлленхоффа, относящего путешествие Пифея «к последним годам жизни Александра», т. е. к 325—323 гг. до н. э. Иными словами, в то самое время, когда Александр Македонский военными средствами и сухопутными походами «открывал» для эллинской цивилизации всю Переднюю Азию (отчасти известную и ранее) вплоть до Индии, Пифей из Массалии, учёный и путешественник, вполне мирными средствами и морским путём открыл для эллинов Средиземноморья почти совершенно неизвестный им ранее мир северных морских побережий Европы вплоть для Балтики включительно.

Наше внимание особо привлекает следующий текст Страбона (перевод намеренно не обработан литературно): «(Пифей) рассказывает ещё истории о Фуле и о тех областях, где нет ни земли, ни моря, ни воздуха, но некое соединение из этого всего, подобное морскому лёгкому (πλεύμον θαλάττιον), в коем и земля, и море, и всё вместе висело и которое как бы связь всего, и ни пройти, ни проплыть на корабле. Это подобное лёгкому (πλεύμον) он видел сам, об остальном он сообщал по слухам. Таковы сведения Пифея; а также, что он при возвращении оттуда посетил всё океанское побережье Европы от Гадейр до Танаиса [...], он утверждает, что обозрел весь север Европы вплоть до пределов мира (κόσμος)» (Strabo, II 4, 1—2; использован немецкий перевод Radt 2002: 252—255; благодарим Д.А. Шеглова за консультацию).

Фразу, где упоминается Танаис, понимали различно, однако большинство исследователей сходится в том, что Пифей отождествил с Танаисом устье некоей большой реки на северном побережье Европы в пределах Балтики. Среди эллинских писателей было распространено представление, что некоторые реки (например, Истр) могут раздваиваться в своём течении и впадать в совершенно разные моря. Для Пифея же достижение устья Танаиса означало завершение объезда всей Европы с севера, поскольку за Танаисом, по господствовавшему в IV в. до н. э. мнению, начиналась уже Азия. Аналогичным образом истории походов Александра Македонского именуют Танаисом Сыр-

Дарью, дабы доказать этим, что он покорил всю Азию и достиг восточных пределов Европы.

Большинство учёных вплоть до К. Мюленхоффа полагали, что за устье Танаиса Пифей принял устье Дюны (Западной Двины), а Д. Штихтенот даже сопоставлял этот Танаис с Невой. отождествление Танаиса с Западной Двиной представляется нам вполне вероятным.

Бесконечны споры о том, что такое «морское лёгкое». Вообще-то *πλεῦρον θαλάττιον* — это древнегреческое обозначение вида медузы. Но далее в тексте упоминается просто нечто подобное лёгкому (*πλεῦρον*). Что только не предлагали в объяснение этого явления: и морское мелководье, и поля морских водорослей, и даже северное сияние.

Авторам статьи с момента первого знакомства с этим текстом видится другое. Речь идёт о чём-то белесовато-сизого цвета, которое мягко, податливо, непрестанно колеблется, и в чём растворяются и смешиваются стихии воздуха, морской воды и земли; в силу этого по этому *нечто* невозможно ни пройти, ни проплыть. Важно, что вслед за рассказом об *этом* речь идёт о возвращении из плавания. Полагаем, что конец долгого путешествия неукротимого исследователя пришёлся на позднюю осень (Кларовски 1958: 24), и Пифей в Балтике (в Рижском заливе, около Аландов или, скорее всего, у берегов Швеции) встретился с обычным здесь, но невероятным для жителя сухого и солнечного Средиземноморья состоянием природы во время осенних густых туманов, начинающегося ледостава и дождя, смешанного со снегом. Двигаться мешало то, что на реках называется *шуга* 'мелкий рыхлый лёд, появляющийся перед ледоставом или идущий весной после ледохода' (СРЯ IV: 735), — а также туман и встречный ветер северных направлений, несущий снег с дождём. Если же плавание проходило вдоль восточного побережья Швеции или около Аландов — в местах, богатых невысокими островками, выступающими из тумана, — то вот и «стихия земли», смешанная со стихиями воздуха и воды в единое вещество.

Отметим, что ни у северных берегов Британии, ни у западных берегов Норвегии Пифей не мог столкнуться с подобным явлением во всей его красе: из-за Гольфстрима и высокой солёности воды море там не замерзает и *шуга* невозможна. Она возможна лишь на Балтике (границы среднегодового замерзания Балтики показаны на карте, рис. 1).

При таком осмыслении текста Страбона, восходящего к сочинению самого Пифея, становится понятным целый пласт сведений греческих

авторов о Балтике, полнее всего представленный у Плиния Старшего. Последний, описывая плавание вдоль берегов Скифии с севера на юг «вдоль берега Северного Океана пока не достигнем Гадиса» (у Пифея — Гадейры), пересказывает сведения различных авторов от IV—III вв. до н. э. (Пифей и Тимей) до рубежа эр (Филемон) и рассказывает и о некоем острове, на который волны выбрасывают янтарь, и об острове *Balcia*, а также о замерзающем океане, именуемом кимврами *Morimarusa* 'море мёртвых'. Это море отделяется от более южного мысом *Rusbeas*, в названии которого отметим корень *Rus-*. Эти сведения либо все непосредственно восходят к Пифею, либо, вероятнее, часть из них получена во время поездок неизвестных нам путешественников и купцов, повторивших маршрут Пифея в последние века до н. э., ещё до похода римского флота, достигшего Ютландии или обогнувшего её в 5 г. н. э. Отметим, что для кимвров, живущих у юго-западной оконечности Балтики, её замерзающая северо-восточная часть представлялась 'морем мёртвых', т. е. сакрализованным пространством (с негативным оттенком) — рис. 1, карта.

Сведения о двух разных морях в пределах Балтики — южном, представляющем одну из частей известного римлянам «Океана», и северном, отличном от него, — имеются и у Тацита в его «Германии». На этом свидетельстве, содержащем впервые достаточно подробное описание жителей побережья Балтики, остановимся подробнее.

В своём последовательном описании народов Германии Тацит, кратко описав живущих на южном берегу Балтики («Океана») готонов, ругиев и лемовиев, переходит к подробному рассказу о живущих «на Океане» (т. е. в Скандинавии, представлявшейся островом) племён свионов. Они чем-то так привлекают его внимание, что он не замечает никаких других этносов рядом с ними (кроме кратко и уничижительно упомянутых ситонов), хотя Кл. Птолемей поместил в Скандинавии целых семь народов, и среди них — *гутов* (*гаутов*), живших южнее свионов и потому имевших шанс быть описанными Тацитом ранее последних.

Тацит отмечает у свионов неограниченную (в отличие от других германцев) власть королей, наличие знати, свободных вооружённых мужей, вольноотпущенников и рабов; особо он подчёркивает, что у свионов «помимо (пеших) воинов и оружия» имеется подробно описанный им гребной флот; никакого флота — ни гребного, ни парусного — Тацит в «Германии» ни у одного другого приморского племени не отметил.

Автор сообщает, что «от внезапных набегов врага они ограждены Океаном», но при этом ни словом не намекает на то, как используют свионы свою жёсткую и централизованную социальную организацию (оружие, видимо, по праздникам изымается у народа королём и охраняется рабом) и, главное, свой уникальный флот (Тас. Germ. 44). Нет никаких намёков на военные действия свионов — притом что в «Германии» описываются войны и набеги хаттов, лангобардов, хари-ев, венедов...

Далее следует: «За свионами иное море — стоячее (*rigidum*) и почти недвижимое (*immutum*), которым, как считают, опоясывается и замыкается круг земной, и достоверность этого подтверждается тем, что последнее сияние заходящего солнца не гаснет вплоть до его восхода... И дотоле лишь непрерывно — и молва истинна — существует природа (*natura*)» (Тас., Germ. 45). Это «иное море» — несомненно, покрывающийся на несколько месяцев в году плавучими, а затем и сплошными льдами Ботнический залив к северу от Аландов и от выступающего на восток побережья Швеции севернее Стокгольма, носящего со времён средневековья название *Roden/Roslagen*. На иллюстрированной карте Скандинавии и Балтики Олауса Магнуса 1539 г. только Ботнический и Финский заливы показаны скованными столь прочным льдом, что по нему ездят на лошадях (а на Ботническом — и на оленях).

По представлениям античных авторов (см. выше сведения Плиния Старшего), Ботнический залив был частью Северного океана, а Скандинавия — островом. А «стоячее и «недвижное» море, начиная от коего нарушаются законы природы, — возможно, опосредованные отголоски впечатлений Пифея, подтверждённые сведениями, полученными от свионов.

Но всё это ещё ничего не говорит о той базе (экономической и не только), на которой возникли две особенности, отличающие свионов от остальных германцев: неограниченная королевская власть и гребной флот, явно господствующий на Балтике. Некоторый свет на это проливает следующий текст Тацита, описывающий одежду всех германцев: «Наиболее богатые отличаются тем, что, помимо плаща, на них есть и другая одежда... плотно облегающая тело. Носят они и шкуры (меха, *pelles*) диких зверей, ближайšie к берегу [т. е. к пограничным с Империей Рейну и Дунаю — Д. М., В. К.] — какие попало, более отдалённые — отборные, так как у них нет нарядов от торговли

[с Империей — Д. М., В. К.]. Они выбирают зверей и, сняв с них шкуру, разбрасывают по ней пятна из меха чудищ, порождаемых внешним Океаном и неведомым морем» (Тас. Germ. 17).

Итак, знать германцев отличается богатством одежды, причём живущие северо-восточнее — в глубине Германии — особо ценят одежду из отборных мехов и для украшения её употребляют куски меха животных (тюленей?), живущих в южной части Северного и в Балтийском морях («внешний Океан») и в Ботническом заливе («неведомое море»). Известно, что особым качеством и красотой отличается мех маленьких тюленей — *белькёв*. На иллюстрированной карте Олауса Магнуса, охватывающей Скандинавию, Финляндию и прилегающие моря и земли, охота на лежащих на льдинах тюленей (взрослых и маленьких), производимая с гребных лодок, подобных описанным Тацитом, изображена только в северной части Ботнического залива (Савельева 1983: карта на вкладке). Да и реально только гребной флот свионов мог добывать и перевозить к южным берегам Балтики достаточное число меховых шкур «чудищ, порождаемых внешним Океаном и неведомым морем».

Для полноты картины отметим, что к востоку от Балтики, примерно в области между верховьями Западной Двины и Ладогой (Мачинский, Тиханова 1976), Тацит отмечает ещё один народ — жалких бродячих охотников *феннов*, одеждой которым служат исключительно меха — *pelles*, обычно несколько уничижительно переводимые как *шкур*ы (Тас. Germ. 46). Никаких сведений о знакомстве свионов с Южным Приладожьем у Тацита нет.

После обзора сведений Тацита о свионах I в. н. э. обратимся к главной теме статьи — анализу текстов о северных народах в «Гетике» Иордана.

Двигаясь с севера на юг в своём описании Скандинавии, Иордан кратко упоминает племя *adogit*, а затем *скререфеннов*, питающихся мясом диких животных и яйцами птиц. Далее следует текст, который мы даём в том виде и с той пунктуацией, как его восстановил Т. Моммзен на основании всех доступных ему списков «Гетики» (Iordanis 1882: 59) и как он воспроизводится в книге Е. Ч. Скржинской (Иордан: 134) и последующих работах отечественных историков:

«Alia vero gens ibi moratur Suehans, quae velud Thyringi equis utuntur eximiis. hi quoque sunt, qui in usibus Romanorum sappherinas pelles commercio interveniente per alias innumeras gentes transmittunt, famosi pellium decora nigridine. hi cum inopes vivunt, ditissime vestiuntur» (Iord. Get. 21–22).

Вот перевод этого текста Е.Ч.Скржинской (Иордан: 69), так же принимаемый в целом современными отечественными исследователями (см. статью П.В.Шувалова в настоящем сборнике):

«Другое племя, живущее там же, — суэханс; они, подобно турингам, держат превосходных коней. Это они-то [суэханс?] и пересылают посредством торговли через бесчисленные другие племена сапфериновые шкурки для потребления римлян и потому славятся великолепной чернотой этих мехов. Племя это, живя в бедности, носит богатейшую одежду».

Тó, что *suehans* Иордана — это тó же, что и *sviones* Тацита, — давно общепринято. Разница в огласовке связана с тем, что у Иордана имя свионов передано так, как оно звучало на языке готов (Geijer 1832: 38); их оставшихся в Скандинавии родичей (?) Иордан упоминает при дальнейшем описании «Скандзы» под именем *gauthigoth* (Iord. Get. 22). Но тем более странным представляется приведённый выше перевод Е.Ч.Скржинской (соответствующий предложенной Моммзенем разбивке текста на предложения). Не могли *sviones/suehans*, описанные Тацитом как один из самых развитых германских этносов, да и (по Иордану) держащие в своих руках трансконтинентальную торговлю дорогими мехами и обладающие прекрасными конями, одновременно быть «живущими в бедности»!

Всё становится на свои места, если по другому разбить на предложения последние три строчки текста Иордана о *suehans*:

«hi quoque sunt, qui in isibus Romanorum sappherinas pelles commercio interveniente per alias innumeras gentes transmittunt. famosi pellium decora nigridine, hi cum inopes vivunt, ditissime vestiunt».

Тогда интересующий отрывок переводится следующим образом (при варианте перевода выражения *commercio interveniente* учитывается перевод сходного выражения *flumine interveniente* 'причём посреди протекает река'; ЛРС: 548):

«Другой же народ, живущий там — суэханс, которые, подобно турингам, пользуются превосходными конями. Это они-то посредством торговли [вариант: поскольку находятся в середине торговли] для потребления римлян переправляют сапфериновые меха через другие бесчисленные народы. Эти [последние] славные [славящиеся] прекрасной чернотой мехов, живут в бедности, [но] одеты очень богато [носят богатейшую одежду]».

Позднее мы узнали, что такое же выделение концовки текста в одно предложение (но только в переводе) было предложено известным

американским филологом Charles C. Mierow ещё в 1915 году (Mierow 1915). Однако его перевод в целом отличен и от нашего, и от перевода Скржинской — и из него следует, что кроме *suehans* (шведов) «здесь [в Скандинавии? — Д. М., В. К.] находятся также те, кто посылают через бесчисленные другие племена сапфериновые шкуры (*skins*), чтобы торговать для [их] потребления римлянами. Они — люди (*people*), славные тёмной красотой своих мехов (*furs*), и хотя живут в бедности, одеты наиболее богато»; перевод на русский с английского перевода.

Из перевода С. Mierow следует, что в Скандинавии кроме *suehans* имеется другой народ, держащий в своих руках трансконтинентальную торговлю дорогими мехами и одновременно живущий в нищете. — Всё это никак не вытекает из текста Иордана. Поэтому мы берём в основу дальнейшего анализа наш перевод как наиболее адекватный смыслу исходного текста Иордана.

Встают по меньшей мере три вопроса: (1) реальности какого времени соответствует этот текст? (2) что это за «бесчисленные народы», одетые в меха? (3) какие конкретно меха имеются в виду? Проще всего решается первый вопрос: мода на меха могла появиться у римлян только в эпоху сильнейшей «варваризации» и «германизации» населения Италии — особенно верхних слоёв общества, — что, по общим соображениям, вряд ли имело место ранее рубежа IV–V вв. Упоминание о прекрасных конях тюрингов восходит к Кассиодору (*Cassiod. Variar. IV, 1*), сообщающего, что король остготов Теодерих (475–526) получил в дар от тюрингов породистых лошадей. Сочинение Кассиодора, используемое Иорданом, не могло быть написано позднее 550 г. н. э., — вероятно, несколько ранее. Итак, текст соответствует реальности V — первой половины VI в., — скорее, второй половине этого временного промежутка — в пределах 475–530-х гг.

Лучшие дорогие меха от «бесчисленных народов» могли поставляться к *suehans* из таёжной зоны: либо с севера Скандинавского полуострова, либо — с востока, из областей, лежащих восточнее Балтики. Северный путь отпадает: севернее *suehans* «на острове Скандза» Иордан называет лишь племя *adogit*, у которых сорокодневные ночь и день (тундра и лесотундра на севере Скандинавии) и племя *scresfennae*, живущее охотой и собиранием птичьих яиц (без какого-либо упоминания меховой одежды или торговли мехами). Иными словами — к северу от *suehans* нет ни «бесчисленных народов», ни дорогих мехов.

Остаётся путь на восток. Но прежде чем реконструировать его по данным того же Иордана, надо разобраться с тем, меха какого конкрет-

но пушного зверька обозначены как «сапфериновые» (*sappherinas* у Иордана вместо грамматически правильного *sapphirinus* — подобные ошибки встречаются у Иордана).

«“Сапфериновые шкурки” (от греческого слова *σαπφειρίνος* ‘сапфировый’ или ‘сходный по окраске с драгоценным камнем сапфиром’) — какие-то ценные меха, конечно, не синего, ... а чёрного цвета, быть может, с синим отливом. Интересно, что греческое слово *κύανος* ... означает одновременно ‘тёмный, чёрный’, а также и ‘тёмно-синий’ ... Слово *κύανος* в соединении с другими словами имеет значение то ‘чёрного’, то ‘синего’: *κυανόφρος* ‘чернобровый’, *κυανῶπις* ‘синеглазый’ ...» (Скржинская 1960: 192). Здесь почти со всем можно согласиться. Добавим лишь греческие *κυανοχάιτης* ‘черногривый’ (о коне в эпической поэзии), *κύανος* ‘воронёная сталь’ (имеющая, как известно, синий отлив) и *κυανός* ‘лазурит’ (знаменитый поделочный камень ярко-синего цвета); латинское *sapphires* кроме ‘сапфира’ означает также и ‘лазурит’ (ГРС: 737; ЛРС: 899).

Заметим, что близкое по смыслу к *σαπφειρίνος* слово *κύανος* и его производные когда речь идёт о том или ином ‘волосном покрове’ явно означает именно ‘чёрный цвет’ (‘чернобровый’, ‘черногривый’). И в нашем случае речь явно идёт о ‘чёрных’ мехах, об их «прекрасной черноте» (*famosi pellium decora nigridine*). В трактовке слова «сапфериновый», исходя из вышеизложенного, акцент надо сделать не на ‘синий отлив’, а просто на присущее им качество ‘отлива’, на то, что это ‘блестящие меха’. Действительно, в очерченном семантическом поле и ‘сапфир’, и ‘лазурит’, и ‘воронёная сталь’, и человеческий глаз, и чёрная грива ухоженного коня обладают качеством ‘блеска’. Впрочем, во вторую очередь, на берегах лазурного Средиземноморья «под небом вечно голубым» эти меха, возможно, и приобретали в восприятии римлян синеватый отблеск.

Всё это важно потому, что из всех промысловых пушных зверей качеством **блеска** обладает только **мех соболя**, причём у лучших, особо ценимых популяций мех на спине черноватый или чёрный. А лучшие соболя (до завоевания Восточной Сибири и обнаружения баргузинского соболя) были в северо-восточной части Европы — на Печоре и в Уральском Прикамье — в единственном месте в Европе, где имеются леса из сибирского кедра — к северо-востоку от устья Косывы, притока Камы (Россия V, 1914: карта между с. 64 и 65). Соболю питается и самими кедровыми орехами, и особо многочисленными именно в

кедровом лесу белками и бурундуками. Древнейшее упоминание соболя в русской летописи — это рассказ Синодального списка Новгородской Первой летописи под 1193–1194 гг. о походе в эти места, на Югру новгородцев с воеводой Ядреем. Югра говорит новгородцам: «Копимь серебро и соболи» (для дани). Упоминание серебра говорит о том, что речь идёт о местностях, близких к Уральским горам.

Об этих лучших соболях крайнего северо-востока Европы говорят и А.Кантарини, побывавший в России в 1476–77 гг., и особенно С.Герберштейн, побывавший в России в 1517 и 1526 гг. Последний утверждает, что около Печоры и на западных склонах Урала «растут деревья кедры, около которых водятся самые чёрные соболи», у которых ценится «чернота, длиннота и густота шерсти». В тех местах живут самоедь (ненцы), вогуличи (угры манси) и юричи/югары, которые «и до сего дня имеют общий с венграми язык». Западнее расположено Подвинье (область Устюг) — «соболиных мехов там немного и они не очень высокого качества» (Герберштейн 1986: 83, 111–119).

Из сочинений араба Абу Хамида ал-Гарнати, побывавшего в Волжской Булгарии ок. 1133–1136 гг., следует, что соболиные меха в Булгарию привозят не живущие к северу от неё жители области Вису, а живущие ещё севернее жители области Йура (югра). «А у жителей Йуры... только огромные деревья [кедры? — Д. М., В. К.] и леса... и соболей у них очень много, а мясо соболей они едят» (ал-Гарнати 1971: 33–34).

Итак, лучшие чёрные и блестящие меха соболя, скорее всего могли поступать к *suehans* из области Приуральского Прикамья и таёжной Печоры. Далее они пересылались в направлении Италии. Можно даже с известной вероятностью восстановить путь движения мехов от *suehans* к Риму. Казалось бы естественным предположить, что меха переправлялись далее через соседящих со свионами с юга гаутов. Но это маловероятно, так как гауты (ёты) названы и охарактеризованы у Иордана как «гаутигот (*gauthigoth*), племя жестокое и в высшей степени склонное к войнам» — и это на фоне занятых мирной торговлей *suehans* (Iord. Get. 22). Враждебные отношения гаутов и свионов в V–VI вв. подчёркиваются и описываются в англо-саксонской поэме «Беовульф». Так же и Прокопий Кесарийский, современник Иордана, рассказывая о переселении герулов (ерулов) около 512–519 гг. из Подунавья в южную часть Скандинавии к гаутам, при описании различных народов Скандинавии ни словом не упоминает о свионах-*suehans*, что тоже

говорит об отсутствии доброжелательных контактов между ними и гаутами.

К слову, Скандинавию, которую Иордан обозначает как «остров Скандза», весьма эрудированный Прокопий называет «остров Фула», не называя, впрочем, своих источников. Также он пишет, что лично ему «никак не удалось» побывать на Фуле (значит, это было возможно?), но он подробно расспрашивал о Фуле «тех, которые оттуда приходят к нам» (Procop. De bello Gothico II, 14–15).

Если отбросить путь через земли гаутов, то остаётся единственный путь на юг — морем, используя великолепный гребной флот свионов-*suehans*, столь подробно описанный Тацитом. Видимо, одна из основных задач этого флота — плавания, во-первых, к восточным берегам Балтики, где начинался торговый «меховой путь» в Прикамье, и, во-вторых, к южному и юго-западному её побережью — для переправки дорогих мехов на юг — к другим германцам, а позднее и к римлянам. В свете вышесказанного становится понятным, почему Тацит, подробно описывая свионов и их гребной флот, совершенно «не замечает» гаутов.

Вероятно, и в V — первой половине VI в. флот свионов оставался преимущественно гребным — первые достоверные свидетельства широкого распространения паруса в Балтике на местных судах относятся только к концу VI — VII в.

Флот свионов мог перевозить соболиные (и иные) меха в середине V — первой трети VI в. в Юго-Западную Балтику, к дружественным данам, саксам и варинам, а оттуда меха переправлялись на юг через варварское королевство (существовавшее до 531 г.) упомянутых Кассиодором и Иорданом тюрингов. Владения последних простирались на юге до Дуная — границы германцев с империей; следовательно, по меньшей мере, южная часть королевства тюрингов входила в область, где позднее сформировался древневерхненемецкий язык, в письменной форме известный с середины VIII в. И именно к этому времени относится, видимо, древнейшая фиксация названия соболя во всей европейской традиции — древневерхненемецкое *zobil*, документально засвидетельствованное уже в 767 г. (Назаренко 1984: 92).

Теперь мы переходим к главной теме нашей статьи — выявлению того конкретного пути и тех одетых в меха бесчисленных народов, откуда и поступали к свионам драгоценные «сапфериновые» собольи меха. Полагаем, что *innumeras gentes* ‘бесчисленные народы’ (Iord. Get. 21) убедительно соответствуют *multas... arctoi gentes* ‘многие ...северные

народы' (Iord. Get. 116), которые покорились готскому королю Германарику и жили, по мнению, высказанному ещё К.Мюлленхоффом, от Ладоги до Урала (Iordanis 1882: 164–165). «После того, как король готов Геберих отошёл от дел человеческих, через некоторое время унаследовал королевство Херманарик, знаменитейший из Амалов, который многие весьма воинственные северные народы покорил и заставил повиноваться своим законам. Некоторые древние справедливо сравнивали его с Александром Великим, если, со своей стороны, он владел теми, которых усмирил: Goltescytha, Thiudos, Inaunxis, Vasinabroncas, Merens, Mordens, Imniscaris, Rogas, Tadzans, Athaul, Navego, Bubegenas, Coldas» (Iord. Get. 116).

Первая фраза нашего перевода близка к переводу Е.Ч.Скржинской, вторая (намеренно не обработанная литературно, дабы передать не вполне ясный смысл текста Иордана) близка к переводу А.Н.Анфертьева в том, что «древние авторы сравнивали Эрменрика с Александром... именно за то, что он покорил нижеперечисленные народы» (Анфертьев 1994: 149). Два других «нововведения» в этом переводе мы не принимаем (подробное обоснование этого потребовало бы целой статьи). Несомненно, в первичном тексте Иордана, где утверждалось, что «Херманарик... многие... народы покорил», не могло одновременно стоять точное число этих народов — *undecim* 'одиннадцать', сохранившееся только в рукописях ветви γ. Попытка втиснуть это числительное в перевод заставляет А.Н.Анфертьева вводить отсутствующий оборот «в том числе» и разрывать неразрывно связанные слова (Анфертьев 1994: 111, 149). Видимо, *undecim* было вставлено одним из переписчиков, который по-своему подсчитал малопонятные названия «северных народов» (некоторые из коих не являются собственно этнонимами). Так же неприемлемо предположение, что *Golthescytha* представляет собой образное именование того же Херманарика (Анфертьев 1994: 111, 149–151).

Итак, в понимании этих мест мы остаёмся на позициях, восходящих ещё к Т.Моммзену и К.Мюлленхоффу и следующей за ними Е.Ч.Скржинской.

Поскольку описанное покорение народов севера помещено Иорданом в начале рассказа о завоеваниях Херманарика, важно определить время его правления. К сожалению, что-либо принципиально более точное, чем вычисленные Моммзенем (опиравшимся на А. Гутшмида) условные 351–376 гг., предложить трудно (Iordanis 1882: XXI). Если

верна выведенная Гутшмидом дата победы над вандалами Гебериха, предшественника Херманарика (около 336 г.), то тогда годы правления последнего определяются в диапазоне 337–376 гг. (Jordanis 1882: XXI). В таком случае покорение северных народов должно относиться ко времени около середины IV в.

Существует, однако, другая возможность. Перечень «северных народов» представляет итинерарий, списанный откуда-то Иорданом (Кассиодором?) и на каких-то основаниях связанный им с военными акциями Херманарика. Итинерарий этот мог отражать реальность и более позднего времени — конца IV — первой половины VI в., учитывая, к тому же, что какая-то часть готов ещё оставалась в Северном Причерноморье в первой половине V в. — а возможно, и позднее. Его логическая связанность с проанализированным ранее текстом о *suehans* («бесчисленные народы» на «меховом пути» — «многие... народы» на пути от Балтики на восток) подкрепляется тем, что в первом случае употреблено заимствование из греческого — *sappherinas* (причём, в форме столь же близкой греч. σαπφειρίνος, как и к лат. *sapphirinus*), а во втором случае — прилагательное *arctoi* 'северные', восходящее к греч. ἄρκτοι 'медведицы' (о двух северных созвездиях), в переносном смысле — 'север' — и отличное от заимствованного в латынь *arctoa*, *arcti* (ГРС: 195; ЛРС: 91; Скржинская 1960: 265).

Но даже и в этом случае какие-то основания для того, чтобы связывать завоевание малоизвестных северных народов именно со временем могущества готов в Северном Причерноморье, у Иордана, вероятно, были. В пользу этого говорит прямое сопоставление Херманарика с Александром Великим. Наивно предположение В. П. Будановой (1990: 124), что основанием для сопоставления является *Itinerarium Alexandri* («Дорожник Александра»), составленный для императора Констанция (337–361 гг.). Этот дорожник создан на базе более ранних источников, рассказывающих и о походе Александра на север от Понта и Меотиды, и о победе его над скифами, которые в «Дорожнике» просто заменены, актуальности ради, на современных Констанцию готов (Лавров 2000: 337–338). Да и странным выглядит сопоставление Александра с готом Херманариком лишь на том основании, что Александр походя «на обратном пути напал на готов и также победил их в сражении» (*Itiner. Alex.* XVI).

Полагаем, что существенным основанием для сравнения Херманарика с Александром была победа его над особой группой «скифов»,

стоящей первой в перечне *arctoi gentes* и названной *Golthescytha*. Допустимо полагать, что это не столько этноним, сколько хороним — изначально неправильно записанное Иорданом слово **Golthescythia*. Известно, что готские предания знали несколько частей большой причерноморской Скифии: «земли Скифии, которые... назывались Ойум», где живёт народ *spali* (Iord. Get. 27), «часть Скифии, соседящую с морем Понтом» (Iord. Get. 28). Вписывается в этот ряд и *Golthescytha*. Но что такое *Golthe*-?

Приступая к «расшифровке» списка *arctoi gentes*, мы вступаем в область разнообразных гипотез, выдвинутых учёными XVIII–XX вв. Авторы статьи смогли познакомиться лишь с рядом ключевых работ по этой теме и лишены возможности (исходя из допустимых размеров статьи) вступать в полемику с теми, чьи построения представляются малоубедительными. Мы вынуждены лишь изложить и аргументировать тот вариант прочтения списка, который представляется наиболее вероятным.

В отношении *Golthe*- единственно приемлемым представляется предложенное ещё Тунманном (Thunmann 1774) и поддержанное многими — в недавнее время в сжатой форме Д.А.Мачинским (1976: 88, карта; 1984: 10; 1988: 124), в развёрнутой — В.Н.Топоровым (1979: 91–96; 1983) — отождествление этого этнонима с названиями балтских племён к северу от причерноморских готов — *галиндами* в бывш. Восточной Пруссии и *голядью* на р. Протве (приток Оки).

Логично, что, по крайней мере, первый из перечисленных *arctoi gentes*, т.е. *Golthe*- (*scytha*) должен был непосредственно граничить в представлении Кассиодора — Иордана с областью причерноморских готов (т.е. с черняховской культурой), что было возможно лишь в по-речье и на левобережье Днепра, а по данным топонимики, этот этнос должен был быть балтийским по языку (Мачинский 1976: 96; Мачинский, Тиханова 1976: 81).

Свои взгляды по поводу локализации *Golthe*- Д.А. Мачинский подробно изложил в докладе 14.XI.2000 г. на конференции, посвящённой 60-летию Е.А.Горюнова, проходившей в Санкт-Петербурге.

Несомненно, *Golthe*- связано не с упоминаемыми Кл. Птолемеем западными галиндами, которые у Тацита и Иордана явно (вместе с судинами) перекрываются именем и входят в состав эстиев (Браун 1899: 250–252), также подчинившихся Херманарику (Iord. Get. 120), а

с восточными балтами, остаточной группой которых, видимо, является летописная *голядь* XI–XII вв. на Протве.

Уже указывалось на то, что на левобережье Днепра имеется гидроним, впервые зафиксированный тогда же, что и *голядь*, но более близкий к *Golthe*- у Иордана (Мачинский 1984: 10). Имеется в виду упоминание в Ипатьевской летописи под 1111 г. реки *Голта*, левого притока Псла. Ныне этот гидроним фиксируется в форме *Голтва*, но первичность формы *Голта* не вызывает сомнений (-в- в *Голтва* соответствует продуктивному балтийскому гидронимическому суффиксу -iv-: **Galtiv-a*). В настоящее время существует целый куст названий *Голт(в)а*, с вариантами всего — одиннадцать. «Они соответствуют семи гидрообъектам, рекам, которые все без исключения сосредоточены на небольшом пространстве, в бассейне реки Псёл на левобережье Днепра. Принимая во внимание то, что на обширных окружающих территориях нет больше ни одной *Голтвы*, мы должны будем оценить скопление *Голтв* на Псле как необычный гидронимический феномен» (Трубачёв 1968: 72). О.Н.Трубачёв сопоставляет этот «феномен» с изолированным словенским *Golt* (название источника) и со словенским же апеллятивом *gôlt* ‘пропасть’ и лишь на этом основании включает *Голту/Голтву* в число архаических славянских гидронимов (Трубачёв 1968: 73, 272, карта 11), игнорируя многочисленные прусские (балтийские) топонимы *Golte, Golthe*, зафиксированные в XIII–XIV вв., и близкие к ним литовско-латышские топонимы с корнем *Galt-* (Топоров 1983: 45).

Полагаем, что местность в бассейне Псла со скоплением *Голт(в)* — это рудимент этнонима с корнем **Golt-/Galt-*, с носителями которого готы при движении на юго-восток и восток столкнулись в Днепровском левобережье около III в. О наличии здесь этноса с подобным названием косвенно свидетельствуют и два других источника.

На *Tabula Peutingeriana*, составленной, вероятно, в начале III в. и корректировавшейся в середине IV — V в. (Подосинов 2002: 290–295), в восточной части сегмента VII и в западной части сегмента VIII, соответствующих Северному Причерноморью от Дуная и Карпат до Дона, отсутствуют названия готов, гепидов, герулов, что доказывает сохранение этого участка карты исключительно в редакции начала III в. При отсутствии имён готов и др. на этом пространстве заметное место занимают *бастарны* (*blastarni* — sic!), именем коих названы на карте все восточные Карпаты (*Alpes Bastarnice*). Древность этой части карты

доказывается и тем, что Днепр на ней именуется не *Danaper* или *Boristhenes*, как в «готской» традиции Кассиодора — Иордана, и не *Var*, как у гуннов (Iord., Get. 30, 35, 44, 269), но *Nusacus*, а Днестр — не *Danaster*, но *Agalingus* (Шрамм 1997: 137–138; Подосинов 2002: 332, 336, 338). *Agalingus* трактуется как германско-бастарнское название (Much 1893: 36; Браун 1899: 107–108, 112, 116; Мачинский 1973: 60–61), а *Nusacus* интерпретировано как готское прилагательное **Nosags* ‘предгорный’, обозначающее днепровские пороги. Но поскольку такое название Днепра отсутствует в готской или более поздней традиции, то и *Nusacus* следует отнести к более раннему пласту восточногерманских языков — может быть, бастарнскому. Название это могло возникнуть (как и *Agalingus*) во II–I вв. до н. э. — во времена расцвета зарубинецко-попештской культурной общности, в основном соответствовавшей бастарнам (возможно — отчасти и скирам) — и сохранялось, вероятно, до начала III в. н. э. — времени составления карты.

На *Tabula Peutingeriana* Днепр/*Nusacus*, равно как на карте Кл. Птолемея Днепр/*Βορυσθένοϋς*, изображён вытекающим с северо-запада из небольшого тёмного пятна, отчётливо отличающегося от изображений достоверных озёр на обеих картах. Видимо, за исток Днепра принималось то огромное «болото», о котором пишет Иордан (Iord. Get. 46) — т. е., вероятно, Припять, текущая из болотистого Полесья, центральная часть которого во II в. до н. э. — середине I в. н. э. была занята зарубинецкой культурой.

К востоку от *Nusacus* на карте помечена другая река, названная *Tanais*. Однако, чрезвычайное сближение истоков этой реки с истоками Днепра (*Nusacus*), направление её течения с запада на восток склоняют к мысли, что источники *Tabula Peutingeriana* имели в виду Северский Донец как основное русло Танаиса (неразличение Дона и Донца встречается в ряде античных и средневековых источников).

У истоков этого Танаиса-Донца помещён этноним *Tanasis Galatie*. А.В.Подосинов, присоединяясь к мнению зарубежных учёных, склонен видеть здесь этноним *Tanaitae* ‘жители города Танаиса’. Однако, например, у Аммиана Марцеллина этот этноним отнесён не к горожанам, а к живущим по всему течению Танаиса степнякам-аланам. А поскольку помещать кельтов-галатов у истоков Донца в первые века н. э. нет никаких оснований, мы допускаем, что под *Galatie* имеется в виду тот же этнос, который оставил топонимику с корнем **Golt-/Galt-* (Подосинов 2002: 309, 338–339).

Наконец, в «Истории лангобардов» Павла Диакона, в рассказе о странствиях лангобардов-виннилов последние проходят через страну *Golanda* (*Golada*, *Golaida*), соседящую со страной *Anthaib* (букв. 'область антов') с вариантами *Antaib*, *Anthab*. Ф. Браун считает, что это сказание, впервые записанное в VII в., было заимствовано лангобардами у готов (Браун 1899: 308–318). В любом случае имя антов ведёт ко времени не ранее конца IV в., а соседство *Golanda* и земли антов могло реально существовать лишь в поречье и левобережье Днепра. Родство этнонима *Golanda* с летописным *голядь* — несомненно; мы считаем маловероятной более западную локализацию *Golanda* и *Anthaib*, предложенную в статье (Мачинский, Тиханова 1976: 83, рис. 4).

Возвращаясь к сгустку гидронимов *Голт(в)а* на Псле, заметим, что он находится на южном пограничье той выявленной археологически культурной традиции, с которой готы столкнулись при проникновении на левобережье Днепра (что соответствует сложению и распространению около 230–260 гг. черняховской культуры). Через Псёл в районе скопления *Голт(в)* проходит южная граница памятников последней трети I — начала III в. до н. э., неудачно называемых «пост-зарубинецкими» или «поздnezарубинецкими». Уж если им нельзя присвоить «высокое звание» культуры, то речь должна идти только о «памятниках типа...», или о «горизонте древностей...», названных по имени типичных памятников (по М.Б. Шукину 1994; 1997; 2005). Именно через северную часть нижнего Псла проходит граница своеобразных, с северными элементами (штрихованная керамика) памятников «типа Грини-Вовки» (II — начало III в.), причём, эпонимное поселение Вовки расположено в непосредственном соседстве со скоплением *Голт(в)* на левобережье Псла. В верховьях Псла мы имеем синхронные памятники типа поселения Картамышево II (вторая половина II — начало III в.; Горюнова 2004; Щеглова 2004). В целом, Днепровское Левобережье к югу от Сейма занято до начала (середины?) III в. памятниками «горизонта Картамышево-Вовки», на базе которых около середины III в. и складывается местный вариант киевской культуры, южная граница которого проходит там же через скопление *Голт(в)*.

К сожалению, не только вся киевская культура Среднего и Верхнего Поднепровья, но и памятники предшествующего ей культурного горизонта зачастую безоговорочно провозглашаются «протославянскими» (Обломский 2000: 48) или напрямую «раннеславянскими» (Горюнова

2004б: 50; Зиньковская 2004: 206). Распространены памятники этого горизонта, а позднее и киевской культуры и в бассейне верхнего Северского Донца, где на карте, отражающей реальность I — начало III в., помещены *Galatie*.

Отметим, что в ближайшем соседстве с гидронимом *Голта/Голтва* (левобережье Псла), который мы определяем как древнебалтийский или балто-славянский, имеются два гидронима, отражающие весьма древнюю этническую ситуацию в этих местах: *Хорола* (правый приток Псла) — название достоверно иранское (Moszyński 1957) — и *Танискава* (левобережье Ворсклы) — гидроним германского или ирано-германского происхождения, самый восточный из германских гидронимов, отмеченных О.Н.Трубачёвым (1968: 51–52, 285, карта 16).

Исходя из вышеизложенного, мы заключаем, что именно на левобережье Днепра и, вероятно, в верховьях Северского Донца готы встретили около середины III в. этнос *Golthe-/Golanda*, который был частично оттеснён ими на север — в Подесенье, за реку Сейм, до которой распространены классические черняховские (условно «готские») памятники.

Обрисованная выше картина подкрепляется тем, что, по проведённой Д.А.Мачинским реконструкции этнополитической ситуации в Северном Причерноморье в середине III в. — около 376 г., хорошо определяются все крупные этносы, соседящие с готами во всех направлениях, кроме одного — северо-восточного на верхнем Днепре, в Подесенье и Верхнем Поочье (Маџинский 1974). Здесь-то и расположена та *Golthescytha*, на которую и была направлена военная активность Херманарика в третьей четверти IV в. (Рис. 2, карта)

Мы не можем согласиться с мнением В.Н.Топорова (1983) и других исследователей, что *Golthescytha* представляет собой сдвоенный этноним, отражающий определённую реальность, т. е. некую помесь «галтов» (балтов) и «скифов» (иранцев). В «готской» традиции Аблавия — Кассиодора — Иордана слово *скифы* не обозначает какого-либо отдельного этноса в Причерноморье, участвующего в событиях III–V вв. Древние скифы более раннего времени рассматриваются как те же готы в древности, а в одном случае, видимо, отождествляются и с готами III–IV вв. Этноним «аланы-скифы», присутствующий на карте Кл. Птолемея (II в. н. э.), Иордану чужд: он нигде не называет алан скифами.

Остаются две возможности: либо *Golthescytha* — это испорченное **Golthescythia* (та часть *Скифии*, где живут *голты*), либо *голты* названы

ещё и *скифами*, дабы было больше оснований сравнивать Херманарика с Александром Великим, по легенде, победившим причерноморских скифов. Тем более что на карте Кл. Птолемея юго-западнее верховьев Танаиса помещены «алтари Александра» (Ἀλεξάνδρου βωμοί), отмечающие, судя по всему, северные пределы мифических походов Александра (SC I: 231–232). Рядом с этими алтарями помещён более нигде не упоминаемый народ *νασκού* (наски), имя которых можно сопоставить лишь с отмеченным выше *Nusacus* 'Днепр'. В целом *алтари Александра* и *наски* расположены где-то в восточной части Днепро-Донского междуречья севернее степняков аланов-скифов — т. е. примерно там же, где реконструируются восточные пределы *Golthescytha*.

Иными словами, именно реальная победа над соседящими с готами на севере и северо-востоке *голтами* и была основанием для сопоставления Херманарика с Александром. Все другие *arctoi gentes*, извлечённые из некоего итинерария, могли быть присоединены к голтам Иорданом (или предшествовавшим ему автором) и позднее, ради пущего возвеличения знаменитейшего готского владыки.

В целом *Goltescytha* и *Golanda/Golaida* могут быть соотнесены, в первую очередь, с киевской культурой и с предшествующим ей горизонтом древностей в Среднем и Верхнем Поднепровье. Из «балтийского колорита» этих этнонимов-хоронимов отнюдь не следует, что из соответствующей им этнической среды не могли выкристаллизироваться в южной её части и определённые группы, относимые обычно к ранним славянам — в частности, анты (пеньковская культура?), в то время как северная часть оставалась в языковом отношении преимущественно «балтийской» (колочинская культура?). Осознание этого «балтийского единства», возможно, выразилось и в том, что в этнокарте, словесно воссоздаваемой Иорданом для последней четверти V — начала VI в., имя *эстиев*, ранее (в конце I в. у Тацита и при описании событий IV в. — у Иордана) жёстко привязанное к побережью Балтики, распространяется на всю территорию от Балтики до *акациров*, локализовать которых можно в (южной части?) лесостепи Среднего Поднепровья и Днепро-Донского междуречья (Мачинский 1976: 97, рис. 5; Мачинский, Тиханова 1976: 86, рис. 5). Здесь нет возможности останавливаться на огромной проблеме балто-славянского языкового единства, на вероятном происхождении праславянского и древнеславянского языка из южных древнебалтийских или балто-славянских диалектов.

Предлагаемая гипотеза позволила бы соотнести с сообщениями Иордана некоторые археологические факты, говорящие о напряжённых отношениях пришельцев-готов (~ черняховская культура) с автохтонами *Golthe-* (~ киевская культура), что не исключает их сосуществования на определённых территориях, смешения и мирного взаимовлияния.

Чрезвычайно интересна этнокультурная ситуация, воссоздаваемая О.А. Щегловой, а также отчасти и В.М. Горюновой для микрорайона в верховьях Псла (Щеглова 2004: 117–123; Горюнова 2004а: 18–42, 2004б: 43–87). В середине II — первой половине III в. здесь существуют поселения типа Картамышево II, культура которых эволюционно перерастает в киевскую культуру около середины III в. — т. е. тогда, когда в других районах Левобережья появляются первые «черняховцы»-готы. Киевская культура сменяется здесь черняховской во второй половине IV в. (что вполне совпадает с наступлением Херманарика на северо-восток), а потомки «киевцев» отступают далее на северо-восток, в верховья Дона. «Черняховцы» живут здесь и в начале V в., а затем, видимо, наступает период, не заполненный памятниками оседлого населения. Только в конце V в. появляется один, относимый О.А. Щегловой к киевской культуре, а в VI в. эта территория занимается носителями колочинской культуры, являющейся следующим этапом в развитии культуры киевской — видимо, деснинского её варианта.

По наблюдениям А.М. Обломского, ещё севернее — на нижнем и среднем Сейме — во второй половине IV в. вся восстанавливаемая археологией картина «свидетельствует о враждебных отношениях деснинского варианта киевской культуры и «черняховцев» (Обломский 2001: 37, 39).

На северной окраине «киевской культурной общности» — в Среднем и Верхнем Подвинье и в верховьях Великой — во второй половине — конце III в. появляются «памятники типа Заозерья», представляющие собой выплеск на север «киевских традиций». Характерно, что первичным индикатором для выделения этой группы послужили расчёсы на сосудах, нанесённые черняховскими гребнями, что говорит о непосредственных контактах предков «заозерцев» на юге с готами. В конце IV — V в. наблюдается новый приток сюда населения из области киевской культуры Подесенья (Лопатин 1995; 2004; Фурасьев 2001; 2004), что соответствует давлению с юга, осуществляемому либо готами Херманарика, либо уже гуннами.

Вероятно, этноним-хороним *Golthe-/Golanda*, воспринятый готами в поречье и левобережье Днепра, распространялся ими и на живущие в бассейне верхней Оки племена, оставившие мощинскую культуру, на территории которой в более позднее время (XI–XII вв.) и зафиксирована остаточная этногруппа «люди голядь». А мощинская культура на востоке и на севере уже граничит с областью расселения, соответственно, древней мордвы и древней мери, впервые упоминаемых Иорданом, — *Mordens* и *Merens*, следующих за *Goltescytha* в списке *arctoi gentes*, расположенных на пути, ведущем из Приладожья в Приуралье. Однако первым из этносов на этом пути Иордан называет всё же не *Merens* и *Mordens*, а *Thiudos*.

Для удобства читателя приведём первую часть этого итинерария снова: «*Thuidos Inaunxis Vasinabroncas Merens Mordens Imniscaris*». Эти названия породили в европейской литературе целую исследовательскую традицию (Сум, Портан, Тунманн, Шафарик, Цейс, Крузе, Линдстрём, Коскинен, Томсен, Мюлленхофф, Томашек, Снельман-Вирккунен, фон Гринбергер, Миккола, Стендер-Петерсен, Шмидт, Сакс, Шёнфельд, Шрамм), исчерпывающе освещённую в монографии И. Коркканен (Korkkanen 1975). Из отечественных исследователей следует отметить Ф.А. Брауна, Е.Ч. Скржинскую и А.Н. Анфертьева. К сожалению, последний уклонился от рассмотрения плодотворных интерпретаций этого текста, предложенных предшественниками, и сосредоточился на чисто филологических разысканиях: «Большинство предложенных гипотез слишком удаляются от текста, чтобы их здесь рассматривать» (Анфертьев 1994: 151). В итоге он прошёл мимо давно предложенной и несомненной трактовки псевдоэтнонима *Inaunxis* как широко известного хоронима.

Честь верного сопоставления *Inaunxis* — *in *Aun-ks-* — с прибалтийско-финским (финским, карельским, ливвиковским) названием Олонца — *Aunus* — и Олонецкого края — *Aunuksen maa* ‘земля Aunu-kse-’ — принадлежит Й. Линдстрёму (Lindström 1852: 9). Позднее с ним согласились Ю. Коскинен, В. Томсен, К. Мюлленхофф, Ф.А. Браун и другие (Браун 1899: 255). Значение *Thiudos Inaunxis*, по Линдстрёму, — ‘чудь в Олонце’. Вопреки заключению М. Фасмера о том, что «финское название *Aunus* фонетически не может считаться источником русского *Олонца*» (ЭСРЯ III: 135), субституция прибалтийско-финского **awn-* (**awn-ukse-*) посредством слав. **oln-* (**oln-yc-*) для позднепраславянского времени является единственно возможной. Подчеркнём важность

наблюдения Д.А. Мачинского, впервые отражённого в работе Т.А. Бернштам (Бернштам 1973: 10), что на карте России, изданной в 1613 г. Г. Герритсом и созданной на базе «чертежа России» царевича Фёдора Годунова, рядом с изображением р. Свирь (и как будто несколько южнее её) имеется надпись *Auinsma*, говорящая о том, что в XVI в., когда создавался прототип этой карты, область *Aunuksen maa* распространялась на юге до Свири или даже и на её левобережье (Рыбаков 1974: 57–69, карта в приложении).

Убедительным прочтением начала балто-уральского итинерария является лишь *Thiudos in Aunxis*. Предположение В.В. Седова (1978: 13, примечание) о предпочтительном чтении «*Thiudos, in Aunxis Vas, in Abroncas Merens*», т. е. «чудь, в Межозерье весь, в Абронке меря...» неубедительно, так как главным содержанием текста является перечисление народов, подчинённых Херманариком, и поэтому первыми называются этносы, а уж потом местности (или реки), где они проживают.

Также нельзя принять предположение ряда исследователей, связывающих *Thiudos* с территорией Эстонии. В качестве основного этнонима-самоназвания прибалтийско-финского населения этой территории (для эпохи Херманарика — носителей культуры *Tarandgräber*) реконструируется слово **wiro* ~ **wero* (фин. *viro*, эст. *Viru*, южно-эст. *võro*). В германской же традиции (в частности, в исландских и латинских источниках) по отношению к **wiro* никогда не употреблялся термин типа *чудь* — всегда только *Vir-* и/или *E(i)st-*. Первыми, кто стал именовать *чудью* прибалтийско-финские племена Эстонии, были славяне, познакомившиеся с ними не ранее конца VII — VIII в.

Таким образом, единственной реальной интерпретацией *Thiudos Inaunxis* остаётся *Thiudos in Aunxis* (= *in Aun-ks-*) — т. е. *Thiudos* в области между Ладогой и Онегой, или, учитывая карту 1613 г., — *Thiudos* на Свири (рис. 2, карта).

На интерпретацию формы *Thiudos* в историографии сложились две взаимосвязанные точки зрения: (1) рассматривать эту форму в соответствии с (и в значении) др.-рус. *чюдь*; (2) рассматривать *Thiudos* как отражение гот. *þiuda* 'народ', ещё точнее — *þiudōs* 'народы' (Iordanis 1882: 165). Первая версия мотивирована наличием на севере Восточной Европы плотной «чуждской вуали» в этнонимии, топонимии и фольклоре. Во второй версии поражает почти полное совпадение *Thiudos* и гот. *þiudōs*, позволяющее переводить *Thiudos in Aunxis* как

«народы в Межозерье». Несколько смущает наличие **аппеллятивного готского слова** в ряду **неаппеллятивных неготских** в списке *arctoi gentes*. Однако именно в начале списка при описании ближайших к Балтике этносов естественнее всего ожидать употребления каких-либо готских слов для обозначения местных племён. Кроме того несомненна этимологическая связь слав. **čudь* (др.-рус. *чюдь*) и саам. **čudē* 'чудь' (сев.-саам. *čudde*) с герм. ***leudʰ-* 'народ, люди' (гот. *þiuda*). Маловероятно, что славянская и саамская формы имеют негерманское происхождение и восходят к некоему слову, которое чисто случайно совпало с гот. *þiuda*, тем более что ни **čudь*, ни **čudē*, ни их производные никогда не были полноценными самоназваниями. Скорее всего, в списке зафиксирована ситуация, когда готский аппеллятив *þiuda* (множественное число *þiudōs*), которым готы обозначали незнакомые народы, уже превращался для данной местности в имя этноса.

В этом отношении довольно привлекательно выглядит самоназвание прибалтийско-финского населения Ладожско-Онежского перешейка: ливвиков, людиков и северных вепсов. В среде первых распространён этноним *livvikōi*, *liwgiľaine* (Макаров 1990: 188), *ľiudi* (Попов 1973: 84), среди вторых — *ľuwđikuoi* (Баранцев 1975: 3), *ľüdiňik* (Пименов 1965: 7), *ľud'* (Попов 1973: 84). Вопреки распространённому мнению об отсутствии связи между вариантами данного самоназвания (Хайду 1985: 107), все эти формы очевидным образом друг другу родственны и восходят к ПФ (диал.) ***liwli*. Последнее легко опознаётся как заимствование (германизм) с источником типа древневерхненемецкого *liut* 'народ'. Кстати другими продолжениями германо-балто-славянского ***leudʰ-* 'народ' (родственного лат. *ľiber* 'свободный', но по каким-то причинам ставшего в указанных индоевропейских ветвях синонимом индоевропейского ***leuʰ-* 'народ, община') являются лит. *liáudis* 'народ' и слав. *ľjudьje* 'люди'. Таким образом, *ľüdiňikad* 'людики, северные вепсы' оказываются не только созвучны *людям* (Д. В. Бубрих вообще видел здесь прямое заимствование из русского), но и «глубинно родственны» им через германское посредство; — симметричность всей этой ситуации аспектам проблемы *Thiudos* очевидна. Синонимией герм. ***leudʰ-* : ***leuʰ-* 'народ' нельзя пренебречь, предполагая возможную связь этнонима ладожско-онежских финнов с иордановой формой *Thiudos*.

Не вызывает удивления, что перечень народов начинается с межозерья Ладоги и Онеги: ещё и в эпоху викингов непрерывный морской путь

завершался лишь у юго-восточных берегов Ладogi, между Волховом и Свирью. Мы полагаем, что в «Getica» имеется ещё одно место, говорящее о давнем знакомстве скандинавов с водным путём на восток.

«Скандза имеет с востока обширнейшее, углублённое в земной круг озеро, откуда река Ваги (Vagi), волнуясь, извергается как некое **порождение материнской утробы** (venter 'живот, материнская утроба') в океан. С запада Скандза окружена огромным морем, с севера же охватывается недоступным для плавания широчайшим океаном, из которого, будто какая-то выступающая рука, образуется Германское море, вытянутое вроде залива. Говорят, что там расположены также какие-то мелкие, но многочисленные острова; рассказывают ещё, что если в случае замерзания моря от сильного мороза на них переходят волки, то лишаются зрения (Iord. Get. 17–18; перевод Е.Ч.Скржинской, кроме выделенных слов, переведённых ею как «порождение чрева»).

Во второй части отрывка речь идёт о Ботническом заливе, который представлялся продолжением северного океана и о Балтике в целом. «Многочисленные острова» в замерзающем море — это, несомненно, островки у побережья Рослагена (*Roslagen*), соседящие на востоке с Аландами. Отрывок говорит о знакомстве скандинавов с сухопутным путём по льду Балтики, изображённым позднее на карте Олауса Магнуса.

Первая же часть отрывка может быть понята в свете присущего скандинавской традиции вплоть до XVI в. представления об огромном озере на восток от Балтики, иногда называемом Белым, в котором слились преувеличенные впечатления об опасной для плавания Ладoge и более смутные об Онего (Мачинский 1986: 15–17) Это же представление отражено в «Повести временных лет» (Ипатьевский список): «озеро великое Нево и того озера внидет оустье в море Варяское».

В таком случае *Vagi* — это Нева. Правда, смущает странное её название. Одна попытка объяснения в сжатой форме была предложена ранее (Мачинский 1984: 9–10). Но прежде чем излагать эту гипотезу подробнее, позволим себе краткое отступление.

Канонический текст «Гетики», восстановленный Т.Моммзенем на основании всех доступных ему списков, является, тем не менее, лишь высоковероятной реконструкцией. И поэтому варианты написания малоизвестных имён собственных, сохранившихся в отдельных списках, но не введённые в канон, могут подсказать иное их прочтение. Образец реализации такой возможности дал А.Н.Анфертьев, показав-

ший, что имя женщины из народа росомонов, также покорного Херманарику, восстановленное Моммзенем на основании большинства списков как *Sunilda*, на самом деле исходно было написано как *Sunihilda*, причём для реконструкции этого имени были привлечены как достаточно достоверные списки XYZ ветви γ , так и менее надёжные списки OV ветви ϵ (Анфертьев 1994: 101, 113, 156–157). Более того, в отдельных случаях вариант написания какого-либо имени, отличный от канона, может быть лишь результатом трактовки его переписчиком данного списка. Однако, нельзя быть уверенным, что переписчик, живший много ближе нас ко времени Иордана, исходя из собственных знаний и разума, не восстановил изначально правильное звучание имени местности, этноса, реки, искажённое Иорданом или его предшественником, при переписке более раннего текста.

Исходя из этого, вернёмся к реке *Vagi*. Тексты Иордана, говорящие о происхождении или проистекании, зачастую насыщены «терминологией порождения» — в данном случае *gremium* ‘лоно (материнское), глубина’, *venter generatus* ‘порождение материнской утробы’. Говоря о происхождении готы из Скандзы, он употребляет выражение «из недр острова» — *insulae gremio* (Iord. Get. 9), об истоках Днепра — «Данапр рождается великим болотом, как бы из матки извергаясь» — *quasi ex matre profunditur* (*matrix* ‘матка, материнская утроба’) (Iord., Get. 46). Но наиболее выразителен следующий текст: «С этого самого острова Скандза, как бы из мастерской племён, или, вернее, как бы из вагины (*vagina*) племён, по преданию, вышли готы...» (Iord., Get. 25). У Е.Ч.Скржинской *vagina* переведена как «утроба», что неточно по смыслу. Здесь имеется в виду не пассивная, принимающая функция прекрасного органа («*влагалище*»), а обратная — порождающая, извергающая, — так что данное место можно нетрадиционно перевести «как бы из *порождалица* племён».

В списке 0 переписчик написал вместо *vagina* — *vagi*, т. е. в точности повторил имя реки *Vagi*. Мы допускаем, что в источнике Иордана говорилось о великом озере как о матке, материнской утробе (*venter*) и о реке, уподобленной *вагине* (*vagina*), извергающейся в океан. Из этого и могло возникнуть название *Vagi*.

Другую гипотезу о происхождении этого имени выдвинул В.С.Кулешов (2003: 33): *Vagi* < *[*Nejvaljo*]*gi*, отметив, однако, что она «ничем не подтверждена». В этой же статье автор вполне основательно доказывает, что первичным названием Невы было индоевропейское слово

**neçā* 'Новая', а имя великой реки обязано своим происхождением прорыву Невы из Ладоги в Балтику во второй половине II тыс. до н. э. В.С. Кулешов допускает, что фраза о *Vagi* у Иордана — отголосок фольклорного образа, предания о прорыве Невы.¹

Итак, несомненно, в тексте Иордана упоминается этнос *Thiudos* (*Thiud-*), живущий в местности (по реке) *Aunxis* (*Aun-ks-*). Высокочастотна, что ранее, при рассказе о Скандзе речь идёт об Ладожском озере и Неве. Замечено, что и следующие слова в списке легко разделяются по тому же принципу: *Thiudos in Aunxis*, *Vas in Abroncas*, *Merens*, *Mordens in Niscaris* — последнее соответствует, видимо, *Mordens in Miscaris* (Mikkola 1915; Скржинская 1960: 265). Если отбросить латинизированные окончания, то последовательность этносов *Thiud-*, *Vas*, *Mer-en-*, *Mord-en-* полностью соответствует последо-

¹ По моей просьбе крупнейший лингвист финно-угровед Е. А. Хелимский (Университет Гамбурга) прислал отзыв на статью В.С. Кулешова, опубликованную в предыдущем, седьмом сборнике «Чтений». Этот отзыв я считаю полезным привести ниже — Д.А. Мачинский.

«В статье В.С. Кулешова «Нева» убедительно и красиво обоснована этимология, отдающая исторический приоритет германскому названию реки типа древнескандинавского *Nyia*, средне-нижне-немецкого *Ni*, *Nyu*, шведского *Ny* (буквально 'Новая [река]') в сравнении с прибалтийско-финским (фин. *Nevajoki*) и русским *Нева*. По мнению автора, древнее индоевропейское население Прибалтики — не обязательно прямые предки германцев — было непосредственным свидетелем «рождения Невы» за счет прорыва вод Ладожского озера через перешеек, отделявший его от Балтийского моря, что произошло, по наиболее вероятным датировкам, во второй половине II тыс. до н. э. В культурной памяти этих индоевропейцев запечатлелся образ возникновения «Новой реки» (индоевропейское **neçā* 'новая'), который, как указывает В.С. Кулешов, мог отразиться и в описании региона у Иордана («Getica», VI в.). Напротив, прибалтийские финны — переселение их языковых предков в Прибалтику из верхневолжского региона следует, видимо, датировать не ранее начала I тыс. до н. э. — должны были уже застать саму Неву в близком к современному состоянию и заимствовать ее индоевропейское название **neçā*, которое затем либо было переосмыслено в связи с финно-саамским **ñewa* 'болото (и т. п.)' > фин. *neva*, либо даже само послужило источником последнего слова, не имеющего соответствий в других финно-угорских языках.

Предложенная в статье этимология в той или иной форме выдвигалась и ранее, однако у В.С. Кулешова ее лингвистические и исторические обоснования впервые приведены в гармоничное соответствие, так что альтернативную версию о народно-этимологической природе обозначения Невы как «новой реки» можно, пожалуй, списать в архив» — Е.А. Хелимский.

вательности «языков», расположенных, по данным русских летописей, на балто-волжском пути: *чудь* (правда, к югу от Финского залива), *весь, меря, мордва*. Бесспорна локализация хоронима (гидронима?) *Aun-ks-* (*Aunuksen maa*), весьма вероятно отождествление **Miscar-* с *мещерой* на Оке (Mikkola 1915: 62). Правда, в летописной традиции мещера выступает как этноним, а не как вероятный хороним у Иордана, соответствующий современной *Мещёре* — лесному краю западнее Касимова между Клязьмой и Окой (Фоминцева 1991: 125–126). Весьма вероятно, что в древности название **Miscar-/Мещёра* охватывало большую территорию — на востоке до низовьев Клязьмы, на которую приходился важный отрезок Балто-Волжского пути, а возможно — и до впадения Оки в Волгу.

По данным В.Н. Татищева, «мещера именовалась та же мордва, где царь Иоанн Грозный нагайскими татарами населил и где грады их Темников, Кадом, Елатыма и пр.» (Татищев II: 201). Все эти грады восточнее Касимова и расположены по обоим берегам Оки, т. е. ещё в XVI в. название «мещера» локализовалось восточнее, чем ныне, и было тесно связано с этнонимом «мордва». Данные имевшихся у него летописей В.Н.Татищев резюмировал в тексте своей «Истории Российской» так: «По Оке реке, где втекает в Волгу, мещера свой язык...» (Татищев II: 30).

Остаётся неясным словосочетание *Vasinabroncas*. Исследователи испытывают затруднение: каким образом членить эту форму, чтобы получить соответствие *vesi* и выяснить, что здесь содержится помимо неё? Многие исследователи рассматривали отдельно *Vasina* и *Broncas*, видя в последних *биармов* (др.-исл. *bjarmar*, др.-англ. *beormas*) (Schafarik 1843: 304; Jordanis 1882: 166) и — в конечном итоге — *пермь* (Рыбаков 1987: 33). Фонетически такое сопоставление весьма неточно. Тогда в качестве *vesi* можно оставить *Vasi*, сославшись на неясность всего остального (*-i* в *Vasi* идеально отражало бы слав. окончание *-ь*); однако, и такое деление неудовлетворительно. Представляется, что текст Иордана не даёт оснований для иного прочтения, нежели *Vas in *Abronc-*; что вторая часть формы *Vasinabroncas* содержит не обязательно этноним, впервые заметила Е.Ч.Скржинская (Скржинская 1960: 265). Г.С.Лебедев был первым, кто интуитивно угадал, что *Abronc-* — гидроним: «in Abroncas (неясный восточноевропейский гидроним?)...» (Лебедев 1985: 166).

Не претендуя на окончательное решение, мы хотели бы предложить следующее объяснение. Поскольку вероятна локализация на реке (ибо путь перечисления *arctoi gentes* — речной), мы предлагаем видеть

в *Abronc-* гидроним, характеризующий страну *vesci*. Похожего названия в связанном с *vesью* регионе в настоящее время нет: все протекающие в нём крупные реки — *Шексна*, *Суда* и *Молога* — носят не финно-угорские, а балтийские названия; название, например, *Шексны* укладывается в балтийскую словообразовательную модель: лит. *šėkas* 'пёстрый' > **Šek-sn-à* (Ю.В.Откупщиков, устное сообщение). В нашем понимании *Abronc-* является финно-угорским названием «северно-финского типа» (термин А.К.Матвеева) и содержит помимо «речного» форманта корень **apra* 'дождь' (и шире: 'непогода и т. п.' — см. индоиранские соответствия²). Он хорошо известен в саамских языках: общесаам. **epre* при сев.-саам. *arvi*, саам. (кильдинский диалект) *аббрь*. Сохранился предполагаемое название до наших дней, оно могло бы звучать как **Аброньга*; похожий гидроним на Русском Севере известен: это р. *Авреньга* — правый приток Ноусы, правого притока Леди, левого притока Ваги; запись сделана в Шенкурском районе Архангельской области (А.К.Матвеев, электронное сообщение от 23.12.2003). Под **Аброньгой* может скрывается, например, *Шексна* — река, текущая с севера — из Белоозера в Волгу — и как бы приносящая северные дожди и непогоду. (Также как возможный вариант следует иметь в виду речную систему Чагода — Чагодоща — Молога; последняя впадает в Волгу с северо-запада.) Ближайшим типологическим соответствием 'реке непогоды' оказывается прибалтийско-финское название озера Ильмень: **Ilmajärvi* 'озеро погоды' (Попов 1981: 47).

Итак, *Vas* соответствует *vesci* древнерусских и отчасти *Visu* арабских средневековых источников, хотя последний этноним явно обозначает этнос, живший на более обширной территории к северу от Волжской Булгарии. Поскольку *Abronc-* гипотетически обозначает 'дождевая река' или 'река непогоды', то любопытно привести текст араба Абу Хамида ал-Гарнати, побывавшего в городе Булгаре около 1133-1136 гг.: «Жителям Вису и Йура [югра к северу от Вису — Д. М., В. К.] запрещено летом вступать в страну Булгар, потому что когда в эти области всту-

² Данный корень, вопреки ошибочной этимологии Й. Койвулеhto (Koivulehto 2001: 246), имеет несомненное индоиранское происхождение: ср. авестийское *awra-* 'туча, облако' и древнеиндийское *abhrá-* 'пасмурная погода; дождевая туча, облако', позволяющие говорить об индоиранском **ab'ra-* 'облако, туча' из индоевропейского **ǵbh-ro-* (ЭСИЯ 1: 74–75). В древних и современных иранских языках наблюдается широкий спектр значений этой основы: 'воздух, небо; облако, туча; дождь, ливень' (там же).

пают кто-нибудь из них, даже в самую сильную жару, то воздух и вода холодеют, как зимой, и у людей гибнут посевы. Это у них проверено» (ал-Гарнати 1971: 34).

На *Imniscaris* ~ *in* **Miskar*- заканчивается ряд названий, поддающихся несомненной или высоковероятной расшифровке. Далее следует: *Rogas Tadzans Athaul Navego Bubegenas Coldas*. По предположению Й. Маркварта, поддержанному Г. Шраммом, *Rogas Tadzans* представляют одно слово со значением «обитатели берегов (гот. *staid-*) Волги»: реконструированная форма **Raúastadjans*. **Raúa*, так же как *Ra* (название Волги у Кл. Птолемея), сохраняется в мордовских языках: *Rava* (Marquart 1903: 378; Шрамм 1997: 75–77). Оставив эту этимологию (сомнительную, на наш взгляд) на совести её авторов, заметим, что тема Волги неслучайно возникает при анализе списка *arctoi gentes* после упоминания в нём *мери* и *мордвы*, проживавших в Поволжье. Таинственный список народов после *Mordens Imniscaris* заставляет думать о том, в каком направлении они располагались далее: примерно от места слияния Оки и Волги. Поскольку к югу от этого места ни один источник не называет ни одного этноса с названием, подобным одному из перечисленных выше, остаётся полагать, что перечисление далее следует по естественному речному пути Волга — Кама на восток и северо-восток.³ И мысль о 'Рā Кл. Птолемея, возможно, сохранённом в морд. *Rava*, возникает неслучайно.

В труде Кл. Птолемея Волга впервые достоверно описана в системе географических координат и изображена на карте. Данные о ней относятся к позднему пласту сведений Кл. Птолемея, т. е. к началу II в. н. э. Карту, основанную на координатах Птолемея точно реконструировал В. В. Латышев в своём своде (SC I: 238, карта). Точность локализации Волги поражает. Подчёркнуто выявлен резкий излом направления её течения с юго-запада на юго-восток в месте сближения с Танаисом. Но особенно важно отчётливое знание, что выше (севернее) этого поворота река 'Рā возникает из слияния двух рек, текущих с северо-востока и северо-запада, с Гиперборейских гор. В этих реках бесспорно узнаются Кама и верхняя и средняя Волга (с северными

³ Нельзя принять предлагавшееся ранее (Маџинский 1974: 17; Мачинский 1976: 96, карта рис. 3; Мачинский, Тиханова 1976: 76) и основанное на отдалённом созвучии отождествление или сближение начального *Golthescytha* с последним в списке народов *Coldas* (или *Coldas* с *голядью*).

притоками). Течение Волги на этом участке (т. е. западного истока Р^д) с северо-запада на юго-восток следует признать соответствующим реальности, если за её исток принять Шексну, текущую из Белоозера (или Чагоду — Чагодошу — Мологу), где и проживала летописная весь и, вероятно, *Vas* Иордана. Течение Камы с северо-востока на юго-восток так же бесспорно, если принять за её истоки Колву и Вишеру, вытекающие с западных склонов Урала и находящиеся уже в зоне кедровых лесов, богатых в старину особенно ценной популяцией соболя. Истоки верхней Волги и верхней Камы, по Птолемею, одинаково лежат на 61° СШ. Реальные, предложенные выше северные истоки Волги (Шексны) лежат на 60° СШ, а Камы (Колвы — Вишеры) между 61° и 62° СШ. Почти полное совпадение птолемеевой и современной широты истоков, несомненно, случайно, но при переводе первой во вторую восточный исток и должен оказаться несколько севернее западного (см. Браун 1899, карта). Наконец, у Птолемея западный исток, мера по прямой, несколько короче восточного, что также соответствует действительности. Что касается Гиперборейских (т. е., упрощая, северных) гор, тянувшихся в направлении с востока на запад, то их, конечно, можно принять за плод кабинетной эрудиции, но можно и заметить, что к западу от истоков Колвы действительно тянется на запад длинная гряда возвышенностей, называемых ныне почти как у Птолемея — Северные Увалы. Абсолютные отметки этих возвышенностей не превышают 294 м, но в окружении низменных равнин последние могут сойти и за горы.

Итак, мы имеем у Птолемея поразительно точное для II в. изображение речного пути Волга — Кама, северо-западный конец которого сближается с Балтикой (Венедским заливом), а северо-восточный начинается у восточного края Гиперборейских гор. Если уж Прокопий лично знал людей, приехавших в первой половине VI в. из Скандинавии (Фулы), а Аристей из Проконесса в VII в. до н.э. добрался до Зауралья, то нельзя исключить, что какие-то выходцы из Причерноморья побывали у истоков Волги и Камы в I—II вв. и сделали соответствующие астрономические измерения для определения их координат.

Отчётливо выявлен на карте Птолемея и другой речной путь, ведущий из таёжного Приуралья в Причерноморье. Течение восточного истока Волги (Камы), самой Волги до сближения с Танаисом и самого Танаиса (Дона) в нижнем течении представляют собой почти прямую

линию (что недалеко от действительности). Из карты Птолемея становится понятным представление, отражённое уже у Мелы и Плиния Старшего (I в.), о том, что Танаис напрямую течёт с Рипейских гор, у которых живут священные аримфеи/аргиппей — по Геродоту, явно живущие в Юго-Западном Приуралье по р. Белой (Мачинский 1971). Просто волок между Доном и Волгой воспринимался как часть непрерывного речного пути.

Отметим, что подобного — подробного и верного — изображения северных истоков других великих рек Восточной Европы у Птолемея не замечено. У Танаиса (Дона) обозначен всего один исток, хотя известно, сколь важен был в системе речных путей другой его исток — Северский Донец, сближающийся с истоками рек Днепровского бассейна. Один исток Борисфена изображён вытекающим из кружка (озеро Амадока); другой, «самый северный», помещён южнее Хроноса (Немана) и изображён начинающимся из тёмного круглого пятна (на северо-западе) — вероятно, из того болота, которое упомянуто Иорданом; т. е. и здесь имеется в виду, скорее всего, Припять. О более северных истоках Борисфена (собственно Днепр и Березина) Птолемею не ведомо. На этом фоне столь точное знание о куда более северных истоках 'Рă/Волги — уникально.

Резюмируем: если уже великий астроном и географ Кл. Птолемей, работавший в Александрии во II в. знал о существовании речного пути Волга — Кама, то нет ничего удивительного, что Иордан уже знает народы, живущие вдоль этого пути.

У Птолемея реальные народы на пути Волга — Кама не названы: на Каме они отсутствуют полностью, а на верхней Волге помещены фантастические для этих мест «царские сарматы» и «конеды-сарматы». Отражением контактов информаторов с местным населением на средней Волге является её название — 'Рă, родственное лишь морд. *Rava*. Этот недостаток карты отчасти восполняется итинерарием Иордана, к которому мы теперь и возвращаемся.

Следующее название *Athaul* (варианты: *Athual*, *Athal*, *Azauf*) впервые сопоставил с тюрко-булгарским наименованием Волги (*Etil*, *Edil*, *Idil*) датчанин Сум (Suhm 1772: 17), с ним согласился А. Стендер-Петерсен, а позднее и Т. Левицкий (Lewicki 1956: 136). Первичное значение этого слова — 'большая река', и в Центральной Азии оно употреблялось для обозначения Енисея и степной страны, расположенной на нём: «О, моя страна Идиль (Енисейская), вечно существуй!» — тюркская руническая

надпись VIII в. (Кляшторный 2003: 240; благодарим автора этой книги за ценные консультации).

Нам представляется наиболее убедительным сопоставление *Athaul/Athal* с названием *Ателькузу* (речная долина или страна?) у Константина Багрянородного и, особенно, с болгарским её названием у ибн-Фадлана, восстановленным А. П. Ковалевским путём сопоставления с её названием у родственных булгарам чувашей. И сама Волга (чуть ниже слияния её с Камой), и торговое место с базаром на её берегу назывались у булгар в начале X в. (по Ковалевскому) *Amäl* или *Амыл* (Ковалевский 1954: 9, 29, 50; 1956: 116, 135, 138). Исходя из этого, мы полагаем, что *Athaul/Athal* Иордана соответствует названию Волги и южной Камы, или же имени местности или этноса на их берегах. Тюркское название, по общепринятому мнению, не могло появиться здесь ранее V в., хотя, впрочем, никто не знает точно, не появились ли вместе с гуннами и сопутствующие им тюркоязычные племена на Волге несколько ранее — в IV в.

Этноним (?) *Navego* мы оставляем без комментариев, располагая его на нижней Каме.

Завершают список *Bubegenas Coldas*, расположенные согласно нашей гипотезе на средней Каме и на её северо-восточных уральских истоках — Вишере и Колве. В отношении *Bubegenas* упомянем о предположении (выраженном впервые устно Т. А. Бернштам), что *Bubegenas* является искажённой передачей латинского *bubo* 'филин', а *genas* — латинского *gens*, множественное число *gentes* 'род, племя, народ'. Такое допущение находит поддержку в разночтениях списков ОВ: *Bubegentas*. В таком случае это походит на латинский перевод этнонима, означающего 'народы филина' — **bubonis gentes*, в испорченном варианте — **Bubogentes > Bubegentas > Bubegenas*.

Последний этноним *Coldas*, если отбросить латинизированное окончание, даёт корень *Cold-*. Прежде чем переходить к значению двух последних этнонимов, вспомним, что на первом этапе эллинского освоения Северного Причерноморья в V в. до н. э. уже существовал некий путь, ведущий из степей Причерноморья на север через Подонье, а затем на восток по югу лесной зоны в Юго-Западное Приуралье. На этом пути, как сообщает Геродот, живут савроматы, будины, тиссагеты, ирки, скифы, отложившиеся от царских скифов, и, наконец, арripпеи «у подножия высоких гор» (Herod. IV, 21–25). О деталях этого пути эллины из понтийских гаваней узнавали от скифов, ходив-

ших по этому пути с помощью семи переводчиков.⁴ Исследователи часто называют этот путь «торговым», но в тексте нет ни слова о торговле, да и вряд ли торговля на этом пути была главной целью кочевников-скифов. Цель этого пути — *аргиппей*, высокосакрализованный народ, на которых никто не нападает, у коих находят убежище обиженные и разрешают свои споры соседи. Иными словами, главная цель этого пути — достижение сакрального центра, приобщение к некоей божественной силе. Да и все длинные пути, отмеченные Геродотом к северу и востоку от Понта, сакральны в своей основе (Мачинский 2002). Аргиппей надёжно локализируются в лесостепной части бассейна р. Белой, к западу от гор южного Урала (Мачинский 1971). Рассказывают они и о более северных областях: если пройти горы (весь Урал?), то там есть люди, которые спят шесть месяцев, — это отголосок представлений о многодневной ночи за полярным кругом.

Многие многофункциональные пути античности и средневековья имели конечной целью некое высокосакрализованное место, будь то Хакасско-Минусинская котловина на Енисее, земля аргиппеев, урочище Экзампей, Делос, Дельфы или Иерусалим, Константинополь, Мекка, Багдад. В раннем средневековье (VII–X вв.) таким местом для скандинавов было и Камское Приуралье (Мачинский 1997: 156–163). Полагаем, что его сакральная притягательность имела место и раньше. Во всяком случае, признаки повышенной сакрализации жизни — наличие особых жертвенных мест (так называемых «костеносных городищ») и чрезвычайная образная насыщенность различных антропоморфных изображений на литых «украшениях» магико-колдовского характера — прослеживаются ранее середины I тыс., в эпоху глядендовской культуры и близких ей групп памятников (~III в. до н. э. — середина IV в. н. э.). Глубинными корнями эти черты повышенной сакрализации жизни уходят ещё ранее, в ананьинскую культуру (~VIII — начало III в. до н. э.), носителями южного варианта которой и были аргиппей Геродота (датировки приводятся по обобщающей книге: Белавин 2002).

⁴ Упоминание семи переводчиков на этом древнейшем пути в Приуралье делает вероятным (по аналогии) использование в списке *arctoi gentes* этнонимов, гидронимов, хоронимов, объясняемых из разных языков (латинского, готского, балтийских, тюркских, финских, угорских).

Если допустить, что *Bubegenas/Bubegentas* Иордана происходят из лат. **Bubo-gentes* 'племена филина'⁵, то отметим, что образ человеко-филина, филина с антропоморфным ликом на груди или просто филина выразительно представлен в искусстве «звериного стиля» Прикамья — преимущественно в северной его части.

Мы использовали лишь одно обобщающее издание, и в нём — древнейшее изображение идола в виде человеко-филина происходит из места слияния Язьвы и Вишеры, неподалёку от устья Колвы, и датируется I—III в. н.э. (Оборин, Чагин 1988: 61, илл. 15), а изображение филина с ликом на груди из окрестностей Чердыни на Колве (древний центр аборигенов Приуралья, а позднее и опорный пункт русской колонизации) с датой VIII—IX вв. н. э. (Оборин, Чагин 1988: 59, илл. 13). Встречаются подобные образы и севернее, в южной части бассейна Печоры.

Добавим, что из всех областей Европы только здесь — в таёжном Приуралье — наряду с европейским филином (*Bubo maximus*) встречается филин сибирский (*Bubo maximus sibiricus*), отличающийся большими размерами и более густым оперением (Россия V, 1914: 118). Так что у местного населения были все основания называться «племенами филина».

Особый расцвет культово-магической образности на прикамских литых предметах падает на середину VI — середину IX в. (эпоха ломоватовско-неволинской культурно-исторической общности). К уже упомянутым чертам прибавляются изображения женских идолов с третьим глазом и магические женские же пояса конца VII — середины VIII в. с фаллическими изображениями, которые, попадая в зону скандинавского влияния, становятся мужскими (Мачинский 1997: 159–162; Волковицкий 1995).

Вероятно, для этого же времени здесь локализуется *Utgardr* скандинавской мифологической традиции ('внешняя ограда, внешнее огороженное пространство, внешняя усадьба') — мировой центр магиико-колдовского искусства, лежащий к востоку от Балтики в конце длинного пути через леса и «величайшую из рек»; при подходе к Утгарду отмечаются некие «горы на севере» (Северные увалы? Гиперборейские горы?). Именно сюда направляются скандинавские боги Тор и Локи — и начисто

⁵ По-латыни правильно было бы *bubonis gentes*, но, вероятно, мы здесь имеем дело с испорченным текстом.

проигрывают состязание в магии и мудрости с конунгом по имени Утгарда-Локи (Младшая Эдда 1970: 40–46; Мачинский 1997: 160).

Ал-Гарнати (XII в.) отмечает у самого северного таёжного народа *Йура* (*югра*) черту, роднящую его со священными аргиппеями Геродота: «у жителей Йуры нет войны» (ал-Гарнати 1971: 33). Об этой же *югре/югричах* Герберштейну (XVI в.) рассказывали, что они «имеют общий с венграми язык» — т. е. угорский. Речь идёт о манси, хантах и других родственных им угорских племенах, живших тогда в тайге западнее Уральских гор.

Переходя к рассмотрению последнего в списке этнонима *Coldas*, по отношению к которому *Bubegenas/Bubegentas/*Bubo-gentes*, возможно, является лишь определением, мы предлагаем рискованную гипотезу, нуждающуюся в тщательной проверке.

В письменных памятниках древнерусского языка XI–XIV (и, видимо, XV) вв. отсутствуют слово *колдун* и производные от него (СДРЯ XI–XIV вв. IV 1991) — при хорошей разработанности лексики с близкими значениями (только в «Повести временных лет» — *вольхвъ, волхование, волшебство, вольшьвьленье, кудесникъ, чародейство*). Во всяком случае, *колдун* и его производные достоверно появляются лишь в письменных памятниках XVII в. (Сборники заговоров Олонецкой губернии и др.), преимущественно созданных в северной части территории проживания великороссов в XVII в. (Олонецкая губерния, Верхнее Поволжье): *колдун, колдуница, колдунья, колдуниха, колдовати, колдовство* (СРЯ XI–XVII вв. 7 1980: 232). Лишь на основании одного травника, известного по списку XVII в., но первично созданного в 1534 г., можно предполагать, что подобные слова (*колдование* и т. п.) были известны уже в XVI в. В славянских языках — белорусском, украинском, польском, чешском, словацком, болгарском — слова, соответствующие *колдуну*, отсутствуют. (Именно поэтому реконструкцию слова **kьldunь* для праславянского времени, предложенную О. Н. Трубочёвым в ЭССЯ 13: 185, необходимо признать ошибочной.) В древнерусском они появляются, видимо, в XVI в. и распространяются в XVII в. — т. е. тогда, когда происходит интенсивное освоение русскими таёжного Приуралья (Строгановы и др.), первичным центром которого являлась Чердынь на Колве. Возникает предположение, что именно в это время из языков Прикамья и Приуралья русскими было заимствовано некое слово, родственное названию *Coldas* Иордана, послужившее в силу своего исходного значения (или других обстоятельств) базой для возникновения слов *колд-ова-ти, колд-ун* и их производных.

К сожалению, авторам не удалось найти в современных обско-угорских языках (манси и хантыйском) слов, которые могли бы отражать источник заимствования русского *колдун*. Ближайшие аналогии *Coldas* у Иордана и *колдун* в русском обнаруживаются лишь на противоположной — юго-западной — окраине славянского мира: сербохорватское *колдуш*, словенское *kolduš* ‘нищий’, сербохорватское *колдовати*, словенское *koldovāti* ‘нищенствовать’, которые достоверно являются заимствованием из венгерского (генетически относящегося к угорской ветви финно-угорских языков), где представлено *koldus* ‘bettler | нищий, побирушка, калика’ и *koldul-* ‘betteln | нищенствовать, попрошайничать, побираться, кланчить’ (русские переводы даны по словарю MOSz). Правда, М. Фасмер считает, что связь этих слов с русск. *колдовать* и *колдун* «довольно маловероятна» (ЭСРЯ, II: 287–288), однако, он не приводит этноним (?) *Coldas*, близкий венгерскому *koldus*. Фасмер склонен сблизать рус. *колдовать* с формами из разных индоевропейских языков (греческого, латинского, германских), восходящими к корню со значением ‘звать’. Нельзя не отметить некоторую «размытость» этих сопоставлений с формальной и семантической точек зрения, тогда как «маловероятное» сопоставление с венгерскими и южнославянскими словами весьма правдоподобно. Близкое соответствие венгерскому *koldus* предоставляет тюркский материал, содержащийся в древнетюркских письменных памятниках X–XI вв.: *qolhuçī* ‘проситель, попрошайка; нищий’ (к *qolt-* ‘просить’), *qolhuçī* ‘проситель; нищий’ (к *qol-* ‘просить, добиваться; желать’), *qoldaš* ‘товарищ, собрат’ (к *qol* ‘рука’) — ДТС: 454. Фонетическая и семантическая близость венгерской и древнетюркских форм привлекает внимание. Она естественно может объясняться непосредственным взаимодействием тюрков и угров около пограничья лесной и степной зон Евразии, в частности — в Приуралье, а для угров/венгров — и в степной зоне Европы. Вероятно заимствование этих форм из древнетюркского в венгерский (благодарим С.Г.Кляшторного за консультацию).

Кажется, до сих пор не предлагалось сопоставление с германскими формами: др.-исл. *galdr* ~ *galdr* ‘song..., but almost always with the notion of a charm or spell | песня..., почти всегда связанная с колдовством или заклятием’ (IED: 187b), ‘Zauberlied, Zaubersang, Zauberweise; Zauberei | заклинание; волшебство’ (Baetke 1976: 180), швед., норв., дат. *galder* (основа *galdra-*), древнеанглийское *gealdor*, древневерхненемецкое *galstar* ‘магическое заклинание’. Наличие этой основы во всех германских языках позволяет реконструировать её для прагерманского — с

тяготением к северогерманскому ареалу. Автор этимологического словаря (IEW: 383) предлагает возводить эту основу к тому же индоевропейскому корню 'звать, голосить', но формальные аспекты такой деривации остаются недостаточно ясными, а данные для внешнего сравнения отсутствуют.

Несмотря на неточность фонетического соответствия этой германской основы русскому *колдовать*, заслуживает внимания наличие общего семантического компонента 'волшебство'. Не заимствовано ли то слово в прагерманском языке (или северогерманском), к которому восходит др.-исл. *galdr* и другие германские формы, из того же приуральского источника, что и русское *колдовать*, хотя и значительно раньше?

Попытаемся гипотетически воссоздать историко-культурную картину, при которой могла возникнуть очерченная система языковых связей и ассоциаций. Напомним текст Иордана о народах, поставляющих лучшие меха в Скандинавию: «славные прекрасной чернотой мехов, живут в бедности, но носят богатейшую одежду» (Iord. Get. 21–22). Эти слова, как явствует из всех приведённых в статье данных, наиболее справедливы для наиболее отдалённого народа, обладавшего лучшими мехами соболя, — т. е. для *Coldas* (или *Bubegenas Coldas*). С ними перекликаются слова ал-Гарнати о живущих примерно в этих местах народе Йура: «и нет у них ни верховых, ни вьючных животных... и соболей у них очень много» (ал-Гарнати 1971: 33), т. е. эти народы и с точки зрения свионов-*suehans*, «обладающих превосходными конями», и с позиций арабов и их информаторов — конников тюркок-булгар — представляются нищими, но богатыми мехами. В то же время и сообщение ал-Гарнати «у жителей Йуры нет войны», и данные археологии и скандинавских преданий говорят о повышенном сакральном статусе населения Прикамья и даже о высокоразвитой «шаманской» (?) культуре магии и эзотерических представлений («третий глаз»).

Возможно, мы имеем дело с различным восприятием угров Прикамья (какая-то часть которых в древности, возможно, именовалась *Coldas*), с одной стороны, у степных народов и тюркок, которым они, по отсутствию коней и скота, представлялись бедняками, нищими, с другой стороны — у скандинавов и русских, которые, наряду с бедностью, отмечали и их высокую культуру «колдования». Кроме того, и у *попрошаек-нищих* (в венгерском, словенском, сербохорватском), и у *колдунов* — мастеров заговоров (северная Россия) имеется нечто общее:

многократное повторение одинаковых словесных формул, интенсивное, иногда гипнотическое воздействие на сознание воспринимающего. Не возникло ли наименование *Coldas* как обозначение северных 'бедных' народов Прикамья в среде живущих к югу от них и к востоку от Волги тюрок (и южных лесостепных угров?) и лишь затем стало названием (самоназванием?) какой-то этнической группы на Средней Каме и её восточных притоках — Косьве, Вишере, Колве? Как известно, зачастую наиболее «отсталые» народы считаются у соседних наиболее сведущими в волшебстве, а в данном случае для этого были и реальные основания — отсюда предполагаемая связь *Coldas* и *колдун*. И, наконец, не связано ли с *Coldas* названием реки *Колвы* — северо-восточного истока Камы? Однако всё это пока остаётся областью гипотез и предположений, нуждающихся в проверке.

У Иордана есть и другой текст о торговле мехами, направленной уже не в сторону Балтики и Скандинавии, а в сторону Причерноморья. После рассказа о булгарах и гуннах в Причерноморье следует: «Хунугуры же (*Hunuguri*) известны тем, что от них идёт торговля мехами пушных зверьков...» (*Iord. Get.* 37). По вероятной догадке А.Н. Анфертьева, «возникает возможность видеть в них обских угров, часть которых могла обитать... юго-западнее мест их современного расселения» (Анфертьев 1994: 143). Если это так, то такая торговля могла проходить по тому почти прямому речному пути Колва — Кама — Средняя Волга — Нижний Дон, который, как отмечалось выше, уже намечен на карте Кл. Птолемея.

Итак, нам представляется убедительной тесная смысловая связь текста Иордана о *suehans* (свионах) и «бесчисленных народах», ведущих меховую торговлю, и его же текста о «многих... северных народах», покорившихся готскому королю Херманарику. Остаются нерешёнными два взаимосвязанных вопроса: во-первых, к какому времени относится список *arctoi gentes* (середина — третья четверть IV в. или V — первая треть VI в.?), и, во-вторых, каким образом народы, живущие по торговому пути, ведущему на Балтику к *suehans*-свионам, оказались соотнесёнными с военной активностью причерноморских готов?

На первый вопрос однозначного ответа нет. Казалось бы, столь развитой и подробно описанный путь через *arctoi gentes*, увязанный нами с текстом о *suehans*, направляющих меха к ромеям, мог сформироваться лишь после рубежа IV/V вв., когда мода на меха (собольи и другие) была перенята римлянами от варваров. Однако для этого надо было, чтобы эта «мода» ещё раньше была распространена среди германцев —

и из анализа текста Тацита мы узнаём, что меховая торговля среди них уже существовала в I в., — а карта Кл. Птолемея свидетельствует, что речные северные пути, ведущие из Приуралья к Балтике и Чёрному морю, стали известны античному миру не позже начала II в.

Поскольку мы, вопреки распространившемуся ныне поветрию гипертритицизма, исходим в своей работе из проверенной веками европейской науки «презумпции невинности» по отношению к письменному источнику — вернее, из «презумпции доверия» к нему (если нет действительно прямых доказательств, опровергающих его сообщения), то полагаем, что с деятельностью готов Херманарика могут быть прямо или косвенно связаны не только непосредственно соседящие с ними *Golthescytha*, но и все *arctoi gentes*. Как известно, кроме них, Херманарик, по Иордану, оружием покорил герулов и венетов, а «умом и доблестью» [дипломатией и устрашением? — Д. М., В. К.] прибалтийских эстиев (*Iord., Get.* 117–120). Уже неоднократно указывалось, что покорение этих трёх этносов обеспечивало Херманарику контроль над балто-черноморским путём, начинавшимся на Немане (эстии), продолжавшимся через правобережные притоки Днепра (венеты) и завершавшимся через Северский Донец на Нижнем Дону (герулы) (Маџинский 1974; Мачинский, Тиханова 1976). Этот обходной путь был насущно необходим готам, поскольку наиболее прямой путь на Балтику через Западный Буг и Вислу к местам готских «прародин» — южному побережью Балтики и южной Скандинавии — был надёжно перекрыт враждебными «родичами» гепидами.

Но описанные действия ещё не позволяли готам обеспечить себе какое-то присутствие собственно в Скандинавии. Эта цель была достигнута (видимо, путём династического брака Херманарика с Сунихильдой) союзом с ещё одним народом, который в 370–е гг., в период натиска гуннов, «наряду с другими выказывал покорность ему» (*Iord., Get.* 129). Это *Rosomonorum gens* большинства списков «Гетики»; однако, в раннем списке V (IX в.) стоит *Rosomanorum*, а в списке Z — *Rosimanagerum*. Исходно в тексте Иордана речь шла об этносе *Rosomoni*, но неслучайно и с достаточным основанием в некоторых списках его называли *Rosomani/Rosimani*. Впрочем, подобные разночтения встречаются не только в списках «Гетики»: в донесении норманна Отгара о плавании в Биармию (кон. IX в.) в раннем списке стоит *Nordmonna*, а в более позднем *Nordmanna* (Матузова 1979: 20, 24).

Эпизод нападения на Херманарика братьев Сунихильды из рода *росоманов*, мстящих за сестру, отражён в прозаических сказаниях

«Младшей Эдды» и в песнях «Старшей Эдды» (XIII в.), где герои, соответствующие и практически одноимённые героям росоманов Иордана, исходно живут на берегу моря (по косвенным данным — Балтийского), в значительном удалении от причерноморских готв. Полагаем, что *Rosomani/Rosomani* IV–VI вв. являются формой передачи того же социального (и этнического?) термина, который отражён в шведских источниках с XIII–XIV вв. в слове *roþsmæn/roðsmæn* ‘гребцы’, обозначающем жителей приморской области *Roden/Roden/Roslagen*, название которой выводится из древне-северно-германского **rōð(e)R*, **rōþ(e)R* ‘гребля, гребной поход, плавание между островами’ (Kunik 1844; 1845; Томсен 1891; Ekblom 1957, Ekbo 1981; Мачинский 1990: 110–112). Название это могло сложиться и утвердиться только в эпоху ранее VI в., до широкого распространения паруса. Область *Roden/Roslagen*, ныне занимающая северо-восточную, приморскую часть Упланда, в древности распространялась значительно южнее, захватывая часть побережья Östergötland’a (Nordisk Familjebok 1916, 23: 934–935). С приведёнными германскими словами связано и происхождение названий народа *Rhos*, оказавшегося свеонами (Бертинские анналы, 839 г.), и народа *русь* наших летописей. Хочется вспомнить и название мыса *Rusbeas* (*Rusby*?) у Плиния, разделявшего замерзающую и незамерзающую части Балтики. Связать все эти термины в единую систему — задача для лингвистов-этимологов несложная.

Мы полагаем, что *Rosomani/roþsmæn* — это приморская группа свионов-*suehans*, осуществлявшая непосредственно на гребных судах торговые связи (и грабительские походы?) и с южным, и с восточным побережьем Балтики. И торговый путь, ведущий от Ладоги на восток, был им известен лучше, чем кому-либо. Готы Херманарика, вступившие в союз с этой этносоциальной группой (или подчинившие её), также становились причастны к торговым и военным операциям на этом пути — который, возможно, на срединном его участке, был знаком им и раньше.

Все попытки воссоздания реальности прошлого — ареалов этносов, их отношений друг с другом, торгово-сакральных путей и т. д. — средствами анализа письменных источников, сравнительного языкознания, топонимики и археологии могут привести лишь к вероятностным реконструкциям, которые при относительном совпадении независимо полученных данных различными дисциплинами результатов становятся

высоковероятными и зачастую (не всегда заслуженно) приобретают впоследствии статус бесспорных фактов.

К сожалению, авторы вынуждены оставить сопоставление полученных ими результатов с данными археологии на будущее. Заметим, что подобная попытка была предпринята М.М.Казанским и поддержана М.Б.Щукиным (Kazanski 1992; Щукин 2005: 207–219). Результаты наблюдений М.М.Казанского следует приветствовать, но ни в коем случае не абсолютизировать. Его карта распространения черняховских вещей в лесной зоне Восточной Европы как бы подтверждает некие связи этой культуры с Верхним Поднепровьем, Прибалтикой, Поочьем и Нижним Прикамьем, но не обнаруживает почти никаких связей с Верхним Поволжьем, практически никаких — с Приуральским Прикамьем, и совершенно никаких — со всей территорией от Западной Двины до Ладого, Онего и Белоозера. И это отнюдь не означает, что таких связей не было. Например, на Западной Двине и в верховьях Великой обнаружены расчёсы на местной керамике типа Заозерья, нанесённые черняховскими гребнями. А непосредственно к северу от черняховской культуры, чуть западнее поречья Березины и Днепра, южнее верховьев Немана, восточнее поречья Западного Буга на карте выявляется зияющая «зона археологической трудноуловимости», на которую, как на вероятную область обитания *венетов* и формирования *словен/склавинов*, многократно указывал Д.А.Мачинский (Mačinskij 1974; Мачинский 1976 и др.). Эта область до сих пор не заполнена стабильными памятниками какой-либо культуры с последней трети I до середины IV в., за исключением отдельных погребений и одиночных вещевых находок. Только в последнее время именно на этой территории выявляется пласт памятников ранней фазы пражской культуры середины IV — начала V в. (Гавритухин 2000), несомненно, соответствующих *венетам*, с которыми, по Иордану, воевал Херманарик и самоназванием коих было — **slovēne*, передававшееся в позднеантичных сочинениях как Σκλαβηνοί, Σκλάβοι, *Sclavini*, *Sclavi* и т. п. Кстати, эта область зияет пустующим белым пятном и на других картах М.М.Казанского, отражающих распространение в лесах Восточной Европы различных центральноевропейских и прибалтийско-среднеднепровских вещей, из чего никак не следует, что эта область не была заселена и не имела никаких контактов со своими соседями. Так же обстоит дело и с «зоной археологической пустоты» между Ладогой, Онего, Белоозером и Ильменем в I–VII вв., где проживали *Thiudos in Aun-ks-* и *Vas in Abronc-* и которую ещё предстоит заполнить.

Значение данной статьи видится нам в том, что путём анализа и сопоставления различных источников мы убедительно выявили наличие пути, ведущего из Центральной Швеции через Приладожье и Поволжье в приуральское Прикамье, — пути, возникшего не позднее II в. и интенсивно функционировавшего во второй половине IV — первой половине VI в. Несомненно, этот путь (с различными ответвлениями в водном и сухопутном вариантах) оставался весьма актуальным и в более позднее время, и его наличие было одним из стимулов, вызывавшем колонизацию с запада (скандинавские германцы, первичная русь, варяги и частично колбяги) и с юга (ильменские словене, балто-финская нерева/мерёва, соответствующая культуре псковских длинных курганов). В конечном счёте, всё это способствовало сложению в Поволховье полиэтничного этносоциума *русь* и протогосударственного образования *Русь* со столицей в Ладоге/*Aldeigja*.

Путь в Приуралье, проложенный скандинавами ещё до появления здесь славян и балтов, со временем, после усвоения и исчерпания всех возможностей «пути из варяг в греки» оказался определяющим путём российской истории. Этот путь, неким стержнем которого служит параллель по 60° СШ (проходящая через Старую Ладогу и Осло и рядом с которой расположены Старая Уппсала, Санкт-Петербург, Белоозеро и устье реки Вишеры) позднее продолжился в конце XVI в. в таёжное Зауралье, причём внешним стимулом в большой мере служило освоение новых территорий обитания и промысла высококачественного соболя, этого «золотого руна» сибирских землепроходцев. Путь этот в конечном счёте и обеспечил Россию всеми основными сырьевыми богатствами, которые и в настоящее время играют огромную и двусмысленную роль в определении её места на международной арене. Был у этого пути и «сакральный аспект» — поиск благодатного мифического *Беловодья* от Алтая до Тихого Океана.

А параллель по 60° СШ в конечном счёте достигает на востоке тихоокеанских морей в непосредственной близости к ещё одной столице, названной так в поистине народной песне:

*Вставал на пути Магадан,
столица колымского края.*

Из такой песни такого слова не выкинешь. И такая концовка статьи, несомненно, понравилась бы — и понравится — Глебу Сергеевичу Лебедеву.

Литература

- ал-Гарнати 1971 — Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати. М., 1971.
- Анфертьев 1994 — Анфертьев А.Н. Иордан // Свод древнейших письменных известий о славянах. I. М., 1994.
- Баранцев 1975 — Баранцев А.П. Фонологические средства людиковской речи. Л., 1975.
- Белавин 2002 — Белавин А.М. Очерки археологии Пермского Предуралья. Пермь, 2002.
- Бернштам 1973 — Бернштам Т.А. Роль верхневолжской колонизации в освоении Русского Севера // Фольклор и этнография Русского Севера. Л., 1973.
- Браун 1899 — Браун Ф. Разыскания в области гото-славянских отношений. I. СПб., 1899.
- Буданова 1990 — Буданова В.П. Готы в эпоху Великого переселения народов. М., 1990.
- Волковицкий 1995 — Волковицкий А. И. Ещё раз о пояском наборе из сопки №140 // Ладога и Северная Русь. Чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 1995.
- Гавритухин 2000 — Гавритухин И.О. Начало великого славянского расселения на юг и запад // Археологічні студії. Київ; Чернівці, 2000.
- Герберштейн 1986 — Сигизмунд Герберштейн. Записки о московских делах // Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986.
- Горюнова 2004а — Горюнова В.М. Могильник VI–VII вв. у с. Картамышево Обоянского района Курской области // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе. Доклады научной конференции, посвящённой 60-летию со дня рождения Е. А. Горюнова. СПб., 2002.
- Горюнова 2004б — Горюнова В.М. Поселение Картамышево II (постзарубинецкая культура на верхнем Псле) // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе. Доклады научной конференции, посвящённой 60-летию со дня рождения Е. А. Горюнова. СПб., 2002.
- ГРС — Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь. М., 1991.
- ДТС — Древнетюркский словарь. Л., 1969.
- Зиньковская 2004 — Зиньковская И.В. К вопросу об этнокультурных контактах славянского и германского населения в Днепро-Донской лесостепи // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе. Доклады научной конференции, посвящённой 60-летию со дня рождения Е.А. Горюнова. СПб., 2002.
- Кляшторный 2003 — Кляшторный С.Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб., 2003.
- Ковалевский 1954 — Ковалевский А.П. Чуваши и болгары по данным Ахмеда ибн-Фадлана. Чебоксары, 1954.
- Ковалевский 1956 — Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956.

Кулешов 2003 — Кулешов В.С. Нева // Ладога — первая столица Руси. Седьмые чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 2003.

Лавров 2000 — Лавров В.В. Восточные германцы в Приазовье в III–IV вв. н. э. // *Stratum*, 2000: №4. Время великих миграций. СПб.; Кишинёв, Бухарест.

Лебедев 1985 — Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985.

Лопатин 1995 — Лопатин Н.В. Стили декора керамики днепро-двинского бассейна в первой половине — середине I тыс. н. э. // Древности северо-западной России. Сборник материалов научной конференции, посвящённой 90-летию со дня рождения Г. П. Гроздилова. СПб., 1995.

Лопатин 2004 — Лопатин Н.В. Керамические стили и культурные группы III–V вв. н. э. в Верхнем Поднепровье и Подвинье // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе. Доклады научной конференции, посвящённой 60-летию со дня рождения Е. А. Горюнова. СПб., 2002.

ЛРС — Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. М., 1979.

Макаров 1990 — Макаров Г.Н. Словарь карельского языка (ливвиковский диалект). Петрозаводск, 1990.

Матузова 1979 — Матузова В.И. Английские средневековые источники IX–XIII вв. М., 1979.

Мачинский 1971 — Мачинский Д.А. О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников // АСГЭ, 13. СПб., 1971.

Мачинский 1973 — Мачинский Д.А. Кельты на землях к востоку от Карпат // АСГЭ, 15. СПб., 1973.

Мачинский 1976 — Мачинский Д.А. К вопросу о территории обитания славян I–VI вв. // АСГЭ, 17. Л., 1976.

Мачинский 1984 — Мачинский Д.А. О месте Северной Руси в процессе сложения Древнерусского государства // Археологическое исследование Новгородской земли. Л., 1984.

Мачинский 1986 — Мачинский Д.А. Этносоциальные и этнокультурные процессы в Северной Руси // Русский Север. Л., 1986.

Мачинский 1988 — Мачинский Д.А. Некоторые географические и исторические предпосылки возникновения севернорусского протогосударства // АСГЭ, 29. Л., 1988.

Мачинский 1990 — Мачинский Д.А. О роли финноязычного населения бассейнов Волхова и Великой в сложении этносоциума «русь» // Современное финно-угроведение: опыт и проблемы. Л., 1990.

Мачинский 1997 — Мачинский Д.А. Ладога/Aldeigja: религиозно-мифологическое сознание и историко-археологическая реальность (VIII–XII вв.) / / Ладога и религиозное сознание. Третьи чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 1997.

Мачинский 2002 — Мачинский Д.А. Ещё раз о древнейшем сакральном пути Евразии, о соотношении афанасьевской культуры и стел с «трёхглазыми ликами» // Ладога и Северная Европа от Байкала до Ла-Манша. Шестые чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 2002.

Мачинский, Тиханова 1976 — Мачинский Д. А., Тиханова М. А. О местах обитания и направлениях движения славян I–VII вв. н. э. по письменным и археологическим источникам // *Acta Archaeologica Carpathica*, 16. 1976.

Младшая Элда 1970 — Младшая Элда. Л., 1970.

Назаренко 1984 — Назаренко А.В. Имя «Русь» и его производные в немецких средневековых актах (IX–XIV вв.) // *Древнейшие государства на территории СССР*, 1982. М., 1984.

Обломский 2001 — Обломский А.М. Днепровское лесостепное левобережье в позднееримское и гуннское время (середина III — вторая половина V вв. н. э.): Автореф. докт. дисс. М., 2001.

Оборин, Чагин 1988 — Оборин В.А., Чагин Г.Н. Искусство Прикамья. Чудские древности Рифея. Пермский звериный стиль. Пермь, 1988.

Пименов 1965 — Пименов В.В. Вепсы. М.; Л., 1965.

Подосинов 2002 — Подосинов А.В. Восточная Европа в римской картографической традиции. М., 2002.

Попов 1973 — Попов А.И. Названия народов СССР. Л., 1973.

Попов 1981 — Попов А.И. Следы времён минувших. Л., 1981.

Россия 1914 — Россия. Полное географическое описание нашего отечества под редакцией В. П. Семёнова-Тянь-Шанского. V. Урал и Приуралье. СПб., 1914.

Рыбаков 1974 — Рыбаков Б.А. Русские карты Московии XV — нач. XVI вв. М. 1974.

Рыбаков 1987 — Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1987.

Савельева 1983 — Савельева Е.А. Олаус Магнус и его «История северных народов». Л., 1983.

СДРЯ XI–XIV вв. — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). IV. М., 1991.

Седов 1978 — Седов В.В. Этногеография Восточной Европы середины I тыс. н. э. // *Восточная Европа в древности и средневековье*. М., 1978.

Скржинская 1960 — Скржинская Е.Ч. Комментарий // *Иордан. Getica*. О происхождении и деяниях гетов. М., 1960.

СРЯ — Словарь русского языка: в 4-х тт. М., 1981–1984.

СРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. 7. М., 1980.

Татищев II — Татищев В.Н. История Российская. II. М.; Л., 1963.

Томсен 1891 — Томсен В. Начало русского государства. М., 1881.

Топоров 1979 — Топоров В.Н. *Golthescytha* Иордана // VIII Конференция по Древнему Востоку. М., 1979.

Топоров 1983 — Топоров В.Н. Ещё раз о *Golthescytha* у Иордана (*Getica* 116) // *Славянское и балканское языкознание*. М., 1983.

Трубачёв 1968 — Трубачёв О.Н. Названия рек Правобережной Украины. М., 1968.

Фоминцева 1991 — Фоминцева Л.А. Земля Владимирская. Географический словарь. Владимир, 1991.

Фурасьев 2001 — Фурасьев А.Г. Динамика культурных трансформаций в междуречье Западной Двины и Великой во второй и третьей четверти I тыс. н. э.: Автореф. канд. дисс. СПб., 2001.

Фурасьев 2004 — Фурасьев А.Г. Истоки погребального обряда грунтовых могильников Подвинья в сер. I тыс. н. э. // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе. Доклады научной конференции, посвящённой 60-летию со дня рождения Е. А. Горюнова. СПб., 2002.

Хайду 1985 — Хайду П. Уральские языки и народы. М., 1985.

Шрамм 1997 — Шрамм Г. Реки Северного Причерноморья. М., 1997.

Щеглова 2004 — Щеглова О.А. Микрорегион Верхнего Псла от рубежа эр до рубежа тысячелетий // Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе. Доклады научной конференции, посвящённой 60-летию со дня рождения Е.А. Горюнова. СПб., 2002.

Шукин 1994 — Шукин М.Б. На рубеже эр. СПб., 1994.

Шукин 1997 — Шукин М.Б. Рождение славян // Стратум: структуры и катастрофы. СПб., 1997.

Шукин 2005 — Шукин М.Б. Готский путь. Готы, Рим и черняховская культура. СПб., 2005.

ЭСИЯ — Расторгуева В.С., Эдельман Д.И. Этимологический словарь иранских языков. I. М., 2000.

ЭСРЯ — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1964—1973.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Вып. 1—30-. М., 1974—2003-.

Baetke 1976 — Baetke W. Wörterbuch zur altnordischen Prosaliteratur. Berlin, 1976.

Eklom 1957 — Eklom R. Roslagen — Rußland // Zeitschrift für Slavische Philologie, 26. H. I. Heidelberg, 1957.

Ekbo 1981 — Ekbo S. The etymology of finish Ruotsi — Sweden // Les pays du Nord et Byzance (Scandinavie et Byzance). 1981.

Geijer 1832 — Geijer E. G. Geschichte Schwedens. I. Band. Hamburg, 1832.

IED — Cleasby R., Vigfusson G. An Icelandic-English Dictionary. Oxford, 1957.

IEW — Jóhannesson A. Isländisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1951—1956.

Iordanis 1882 — Iordanis Romana et Getica / Recensuit T. Mommsen. Berlin, 1882.

Kazanski 1992 — Kazanski M. Les arctoi gentes et «l'empire» d'Hermanaric // Germania 70, 1. Halbband. 1992.

Knapowski 1958 — Knapowski R. Zagadnienia chronologii i zasięgu podróży odkrywczych Piteasa z Marsylii. Poznańskie towarzystwo przyjaciół nauk. Wydział historii i nauk społecznych. Prace komisji historycznej. t. XVIII — zeszyt 1. Poznań, 1958.

Koivulehto 2001 — Koivulehto J. The earliest contacts between Indo-European and Uralic speakers in the light of lexical items // *Early Contacts between Uralic and Indo-European*. Helsinki, 2001.

Korkkanen 1975 — Korkkanen I. *The Peoples of Hermanaric: Jordanes, Getica 116*. Helsinki, 1975.

Kunik 1844; 1845 — Kunik E. *Die Berufung der swedischen Rodsen durch die Finnen und Slawen*. Bd. 1. SPb., 1844; Bd. 2. SPb., 1845.

Lewicki 1965 — Lewicki T. *Źródła arabskie do dziejów słowiańszczyzny*. I. Wrocław; Kraków, 1956.

Lindström 1852 — Lindström J. A. *Försök till bewis, att Rurik och hans Wareger woro af Finsk härkomst*. Tawastehus, 1852.

Mačinskij 1976 — Mačinskij D. A. *Die älteste zuverlässige urkundliche Erwähnung der Slawen* // *Ethnologia Slavica*, VI. Bratislava, 1976.

Marquart 1903 — Marquart I. *Osteuropäische und Ostasiatische Streifzüge*. Lpz., 1903.

Mierow 1915 — Mierow Ch. C. *Jordanes' The Origin and Deeds of the Goths*. Princeton NJ, 1915.

Mikkola 1915 — Mikkola J. J. *Die Namen der Völker Hermanarichs* // *Finnisch-Ugrische Forschungen*, 15. Helsinki, 1915.

MOSz — Hadrovics L., Gáldi L. *Magyar-ország szótár*. Budapest, 1972.

Moszyński 1957 — Moszyński K. *Pierwotny zasięg języka prasłowiańskiego*. Wrocław; Kraków, 1957.

Much 1893 — Much R. *Die Südmark der Germanen. Goten und Ingvaeonen* // *Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Litteratur*, XVII. Halle, 1892.

Nordisk Familjebok 1916 — *Nordisk Familjebok. Konversationslexicon och realencyklopedi*. 23. Stockholm, 1916.

Radt 2002 — Radt S. *Strabons Geographika*. Bd. I. *Prolegomena*. Buch I–IV. Text und überetzung. Göttingen, 2002.

SC I — *Scythica et Caucasica*. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Собрал и издал в русском переводе В. В. Латышев. I. СПб., 1890.

Schafarik 1943 — Schafarik P. J. *Slawische Alterthümer*. I. Lpz., 1843.

Suhm 1772 — Suhm P. Fr. *Historie om de fra Norden Udvandrede Folk*. I.

PELLES SAPPHIRINAE И ВОСТОЧНЫЙ ПУТЬ.

К вопросу о политической истории Балто-Скандии в V–VI вв.

Когда я, в те времена ещё студент кафедры истории средних веков, впервые курсом на третьем оказался на лекциях Глеба Сергеевича, то был сразу же полностью покорён тем, как он читал, и тем, о чём были его лекции. Читал он лекции, самозабвенно погружаясь в эпоху и увлекая за собой полностью пленённого слушателя. Он творил древнюю культуру, её смысл и историю прямо на глазах у студентов, не очень иногда считаясь с той или иной степенью гипотетичности творимого. Зато сотворённое им полностью захватывало и очаровывало! Сам викинг в душе, он мог вжиться и показать основы любой варварской культуры древности. И делал это не только страстно и с полной самоотдачей, но и как-то по-доброму улыбаясь и светясь изнутри каким-то особым пассионарным светом. Он настолько уходил в это действие, что, как казалось, почти не замечал происходящее вокруг. Мог, например, в процессе чтения лекции, выглянуть из аудитории в коридор и, продолжая говорить уже из-за полуоткрытой двери, снова вернуться на кафедру, не прерывая чтение. Вместе с тем, стоило вам хоть слово обронить во время его лекции по существу, как он тут же поддерживал предложенную тему. А сюжетов в его лекциях, по которым хотелось что-то сказать или спросить, была масса. И, среди прочих, такими темами были «славяно-германские отношения» и «вендельский период». С этого началось моё увлечение археологией и Глеб, после очередной не очень продуманной атаки вопросами с моей стороны, посоветовал мне походить на домашний семинар к М.Б.Шукину, что предредило мою дальнейшую судьбу. Позже этот первоначальный импульс, соединённый с медиевистическим образованием, антиковедческими и нумизматическими студиями и общей скандинавской атмосферой, привёл меня к настоящей теме*.

* Сначала эта тема была опробована в начале 2004 года на семинаре у М.Б.Шукина, а затем немного под другим названием («*Pelles sapphirinae murinae: on the interaction between Mediterranean and North-Eastern Europe in the Late Antiquity*») была доложена 3 мая 2004 года на конференции по снабжению римской империи (Supplying Rome and the Roman Empire. International seminar. Siena—Certosa di Pontignano, May 2–4 2004), куда автор попал благодаря финансовой помощи международного доктората сиенского университета (International Doctorate—Doctor

Феномен пушной торговли достаточно хорошо изучен на примере Северной Америки XVII—XIX вв. (напр.: Брассер 1978: 34—45; Фентон 1978: 123—130). Тот же феномен исследован на примере Финляндии (Таавитсайнен 1990; Эря-Эско 1990) и Карелии (Сакса 1990; 1996: 15—16; Saksa 1992: 99) меровингской эпохи и эпохи викингов. Везде отчётливо выделяются такие неперенные слагаемые торговли мехами как: спрос на меха, рынок сбыта, внешние торговые пути и прибрежные фактории, богатые зверем северные угодья, лесные охотники-трапперы, поступающие в обмен на пушнину товары, цепочки посредников, формирование крупных воинственных союзов племён, пушные войны, вытеснение или обложение данью более слабых соседей, продвижение охотников и факторий вслед за выбиваемым зверем, изменение структуры расселения и медленная миграция населения от прибрежных факторий всё дальше вглубь континента, складывание расходящейся веером от факторий структуры торговых путей и связанных с ними новых племенных территорий.

Всё это, по моему мнению, находит себе полное соответствие в ситуации на севере Европы V—VI вв. н. э.: мода на меха в Средиземноморье, полуварварское окружение германских королей и римских императоров, старая система римских и германских коммуникаций (Янтарный путь, путь по Рейну и далее вдоль фризских островов, пути по Везеру и Эльбе), возникновение фризского, датского и шведского королевств, богатая соболем тайга Фенноскандии, Причудья и Приладожья, саамское охотничье население, соседние с ним финны и свеи, расположенные к югу от них Готланд, Эланд, и на южной Балтике — видварии, Борнхольм и даны со шлезвигскими англами, многочисленные войны между ними, начало скандинавской миграции в Финляндию, вытеснение финнами и карелами саамов, возникновение вдоль транспортных путей прототерриторий будущих земель Даларне, Сатакунта, Карьяла и других, вытянутых с юга на север.

Античная цивилизация не понимала красоты северных мехов и соответственно не ценила их (см. великолепную работу: Kolendo 1999).

Europaeus «The Cultures of the Provinces of the Roman Empire»). Считаю своим долгом поблагодарить за организационную поддержку координатора доктората профессора Барбару Скардили (prof. Barbara Scardigli) и за ряд ценных замечаний профессора Йежи Колендо (prof. Jerzy Kolendo). К сожалению, там, на тёплом юге, эта северная тема была встречена итальянскими коллегами несколько холодно, и, спустя полгода, этот же текст был зачитан на конференции в Ладого, посвящённой памяти Ани Мачинской.

Так, в знаменитом декрете о ценах на товары 301 года императора Диоклециана (СTh. XIV,10,4; Kolendo 1999: 13 sqq.) среди других товаров меха занимают весьма скромное место. Думать, что в Италии и Греции так тепло, что меха не нужны, — заблуждение. Зимой там весьма прохладно, а иногда бывают и морозы. Зимой греки и римляне сидели дома, не выходили наружу и кутались в шерсть, но не в мех! Более того, шерсть считалась более тёплой, чем мех. Мех, шкура и кожа не различались и обозначались в греческом и в латыни одним и тем же словом: *pellis* или *scortea* — в латыни, и *δέριον* — в греческом. Иначе говоря, античность не знала слов «пушнина» и «мех», но только слово «шкура». В латыни не отличали куницу от барсука, соболя от мыши, в греческом — куницу от ласки и хорька. Одежда из меха существовала и носилась многими, но была признаком грубости, неотёсанности и деревенскости, а также варварства и рабского состояния. Шкуры-меха использовались, но не для одежды. Ими лечились (теплом бобрового меха от подагры, пеплом сожжённого бобрового меха от ожёга), их использовали как накидки на мебель или как подстилки. Но красоты в одежде из северных мехов, пушнины, не видели, хотя и знали, что у варваров (скифов, германцев) мех ценится. Знали, что на ощупь пушнина приятная, знали, что она ноская и хорошо защищает. Но носить меха считалось постыдным. Шкуры ввозились в империю, но лишь в ограниченных размерах.

Мода на меха появляется только с проникновением варваров в империю в период Великого переселения народов с конца IV в., когда варварская знать постепенно получает всё большее влияние в позднеантичном мире (Kolendo 1999: 18 sqq.). Теперь носить меховую одежду, длинные волосы и штаны, т.е. выглядеть «по-скифски» или «по-гуннски», становится модным в среде столичной молодёжи. Это, а также антигерманская истерия рубежа IV–V вв. приводит к законодательному запрету императоров Гонория и Феодосия II от 12 декабря 416 года носить меха и свободным, и рабам в столицах империи.

Лингвистико

Любопытные результаты дал тотальный учёт «пушной» терминологии по сочинениям античных авторов: выяснилось (см. приложение), что образованные люди классической и поздней античности использовали разный набор «пушных» терминов. Так, классическая латынь использовала только слова *pellis* и, реже, *scortea* и прилагательные *pellitus* и *scorteus*. В поздней же латыни, у авторов V–VII вв.

появляется масса новых слов для обозначения реалий, связанных с мехом: 4 синонима к слову *scorteus*, 2 синонима к слову *scortea* и т. д., — всего не менее 11 неологизмов. Такой взрыв терминологии не может быть случаен: ясно, что общество стало испытывать потребность в новых словах для обозначения незначительных или неизвестных до тех пор реалий, их качеств и оттенков. Филологические стороны и тонкости этого явления в данной статье не затрагиваются: для этого требуется специальное исследование. Любопытно лишь отметить, что подобный процесс в греческом языке не происходит! В нём лишь в средние века появляется новое слово для обозначения мехов: *γού(ν)να*. Видимо, распространение моды на меха, в первую очередь, происходило на латинском Западе или в романизированной полуварварской военной среде.

Нарративные источники

Письменные источники по теме пушной торговли в позднюю античность крайне скупы: только Кассиодор в дошедшем до нас изложении Иордана сообщает о торговле мехами. Вот эти два места (*Cassiod. apud Jord. Get. 21.37*):

«(21)... Другое племя (*gens*), живущее там, — свеханс¹, которое/ые (*quae*) подобно тюрингам² держат (*utuntur*) превосходных коней³. Это они-то [свеханс?] и пересылают посредством торговли (*commercio*) через бесчисленные другие племена иссинечёрные⁴ меха для потребления римлян, славясь великолепной чернотой мехов. Эти, живя в бедности, носят богатейшую одежду»⁵.

«(32) А по той стороне, которая примыкает к понтийскому взморью, она [Скифия] покрыта небезызвестными городами: Борисфениды, Ольвия, Калипода, Херсона, Феодосия, Карей, Мирмекий и Трапезунта, основать каковые позволили грекам непокорённые скифские народы, чтобы [эти города] осуществляли с ними торговлю (*commercio*). ... (37) ... Альтиагиры, которые летом кочуют по степям, на обширных пространствах в зависимости от [того, куда] повлечет [их] корм для скота, зимой, возвращаясь к Понтийскому морю, [живут] возле Херсоны, куда алчный купец (*mercator*) ввозит добро из Азии. [...]»⁶ Хунугуры⁷ же известны оттого, что от них идет торговля шкурами мышей (*pellium muscipulum commercium*). [...]»⁸ их устрасила отвага стольких мужей»⁹.

Итак, можно резюмировать. На рубеже V/VI вв. свеи (шведы), как-то связанные в сознании Кассиодора—Иордана с тюрингами, пересы-

лают по длинной цепочке торговых посредников великолепные своей чернотой дорогие иссинечёрные меха. Любопытно, что адресатом этой торговли являются уже не готы, а римляне! ... В Северном Причерноморье много греческих городов, основанных ради торговли. Там кочуют от моря до внутренних районов (лесостепь? Прикамье?) различные гуннские племена, в т.ч. альциагиры. У моря они обитают около Херсонеса, куда купцы привозят азиатские товары. Хунугуры, либо кочевники Предкавказья, либо лесные охотники Прикамья, известны тем, что поставляют на рынок меха.

В своё время была предпринята попытка объединить эти сведения в единую торговую цепочку от Швеции через Восточную Европу до хунугуров и Херсонеса (Haussig 1980), но такое построение выглядит мало убедительным. Действительно, зачем кочевникам было везти меха из далёкой Швеции, когда и поближе, в восточноевропейской тайге (на Средней Волге и на Каме, например), и позже было достаточно пушнины. Скорее мы здесь имеем дело с двумя независимыми рынками пушнины: фенноскандским и причерноморско-поволжским.

Процитированные слова Кассиодора—Иордана о свеях и мехах являются частью более обширного описания им острова Скандзы, т.е. Скандинавии. Сходное описание, но на этот раз острова Фулы, имеется в тексте «Войн» Прокопия Кесарийского (Procop. Caes. Goth. II, 15, 4—26). Это описание приведено Прокопием в связи с переселением герулов на этот остров из Подунавья. Действительно, оба эти описания, Прокопия и Кассиодора—Иордана, чрезвычайно схожи — настолько, что следует предполагать общий источник для обоих. Вот, какую структуру этого общего прототекста можно выделить на основании сравнения текста Кассиодора—Иордана и Прокопия:

1. классическая традиция (Птолемей, Помпоний Мела) о севере — Океан, Британия, Коданский залив, Вистула и т. д.;
2. народы острова — по Птоlemeю, семь, а по другим, тринадцать;
3. парадоксография о севере — полярная ночь у фулитов («адогит»¹⁰), слепнувшие волки на льду моря;
4. скритифины/скререфенны — живут охотой, у них много зверья;
5. другие народы острова.

Но в некоторых деталях оба источника принципиально расходятся: для Кассиодора важное племя на острове — свеи, а для Прокопия — гауты. Кассиодор знает о какой-то связи свеев с тюрингами, утерянной Иорданом при аттракции текста Кассиодора. Прокопий повествует об отношениях герулов с гаутами, данами, варнами и склавина-

ми. Кассиодор называет на севере видивариев, эстиев, реку Вистулу (эта форма указывает на греческий источник!), а также целый список народов, объединённых первоначально в шесть эпических тул (это готский источник — ср. «Видсид»). Этнонимия обоих авторов почти нигде не пересекается и, можно сказать, прямо противоположна. Не скрываются ли за этим разные источники и стоящие за ними разные дипломатическо-торговые связи? У Кассиодора: остготские связи по линии Италия—тюринги—низовья Вислы (видиварии и эстии)—свеи. У Прокопия: герульские по линии дунайские герулы—склавины—варны—даны—гауты.

Важно, что Кассиодор опирался на готские первоисточники, а Прокопий лично общался с теми, кто ездит на север. Вообще авторы обоих текстов очень хорошо осведомлены о жизни на севере (полярная ночь, праздник весны, сбор птичьих яиц, охота, болота и леса). Интересно, что оба источника подробно и весьма правдоподобно (!) описывают жизнь «скритифинов/скререфеннов» — бродячих охотников севера. И при этом делают упор на то, что скритифины/скререфенны (саамы?) — охотники, в то время как этнографические саамы — олениводы, возможно с достаточно древним опытом общения с оленем.

Археология (подробнее см.: Kolendo 1999: 8 sq.), к сожалению, прямо не может подтвердить добычу и транспортировку пушнины (в отличие от торговли янтарём): об этом не могут свидетельствовать ни остеологический (тушки разделяются прямо на месте охоты), ни органический материал (плохо сохраняется), ни набор хозяйственных инструментов (те же орудия используются и для выделки кож). Данные же письменных источников ограничены. Так что, тут требуется комплексное исследование с использованием в т.ч. и косвенных источников.

Нумизматика

Период V–VI вв. — это «золотой век» Скандинавии: по обилию золотых находок этот период сильно превосходит все остальные. На севере найдено чрезвычайно много золота этого времени — как в виде вещей, так и в римских—ранневизантийских монетах — солидах. Сольды обычно находят в кладах по несколько монет, обычно до десятка, но иногда и по несколько десятков (Herschend 1980: 72 fig.3). Загадку этого золотого потока на Балтику пытались разрешить многие (напр.: Bursche 1993; Fagerlie 1967; Herschend 1980; Knapke 1941; Näsman 1998; Roman Gold 2001; Werner 1949). Господствующая мо-

дель сводится к следующему. Поскольку структура (*Münzspiegel*) всех находок золотых монет достаточно сходна, а временной диапазон небольшой, от начала V до начала VI в. (Fagerlie 1967: 159–161; Herschend 1980: 105 fig.19), то, скорее всего, они — следствие каких-то кратковременных контактов с империей в последней четверти V — первой четверти VI в. Соотношение групп монет по императорам и местам чеканки, а также различные по регионам доли монет хорошей сохранности и соотношение монет, отчеканенных одинаковыми штампеями (Fagerlie 1967)¹¹, позволяют считать, что имели место целенаправленные поставки солидов из Италии в тот или иной регион севера. Достоверно мы знаем только один источник золотых монет для варваров — наёмная военная служба у императоров. Поэтому разумно предположить, что эти монеты попали на север в результате массовой службы северных воинов в основном у западных императоров и короля Италии Одоакра. — В этой концепции есть несколько слабых мест. Действительно, северная традиция («Беовульф», «Видсид», сага об Инглингах) ничего не помнят о службе скандинавских воинов при дворах императоров. Для сравнения можно привести кельтскую традицию, где такой мотив присутствует и сохранены фигуры конкретных императоров. Более того, странное распределение монет во времени (где монеты IV в.?, где VI в.?) и в пространстве (где золото других германцев, например франков, аламанных, готов, бывших основными наёмниками в империи?) позволяет предполагать другой механизм поступления золота. К тому же, клады по пять–десять солидов не очень то похожи на накопления профессиональных воинов, проводших несколько лет, а то и с десятков-другой на службе при дворе великого императора или короля. Впрочем, самих золотых монет V–VI вв. найдено на территории Скандинавии не так уж и много: около 900 в Дании и Швеции по данным на середину XX в. (Fagerlie 1967), 782 монеты в Швеции на конец XX в. (Goldroom 2002: 15), из них 308 на одном острове Эланд (Herschend 1980: 33), и, кроме того, около 400 на территории Польши (Ciołek 2001). Эти полторы тысячи золотых монет или примерно 7 кг золота соответствуют по курсу того времени 84 кг серебра, — в среднем, примерно по четыреста гр. серебра в год, что не так и много в сравнении с эпохой викингов. Для сравнения — общий вес найденных в Швеции серебряных монет в эпоху викингов равен 500 кг (Goldroom 2002: 34), т. е. примерно по 2 кг серебра в год. Аттала же получал с Восточной империи в период своего максимального могущества в 40-е гг. V в. ежегодно по 680 кг золота (2100 £_{ав}). Одна-

ко, надо принять во внимание, что большинство золотых монет, попадая на север, вскоре шло в переплавку как сырьё для изготовления престижных вещей. Прямых свидетельств о переплавке большого количества монет, кажется, у нас пока нет. Но есть большие клады золотых вещей, попавших в Скандинавию отчасти в готовом виде. Например, вес золотых колец и слитков только одного клада из Тимбохольма (Вестерётланд) составляет те же 7 кг (Goldroom 2002: 15). Правда эти вещи были сделаны в раннеримское время где-то на юго-востоке Европы (Herschend 2001)¹², но сфомированы в клад именно в позднеантичный период! Одна из трёх знаменитых золотых пекторалей этого периода, найденных в Ёталанде, весит 823 г (пектораль из Мене в Вестерётланде), другая (Ферьстаден на Эланде) — 707, третья (Олеберг в Вестерётланде) — 620 г (Goldroom 2002: 17–23). Золотая гривна из Турехольма (в Седерманланде) весит почти килограмм (Goldroom 2002: 25). Так что приток золота в Балто-Скандию был во много раз большим и дошедшие до нас монеты — лишь жалкая тень былого обилия. С другой стороны, солид (\$) — это весьма дорогая монета: в 569 г. в египетском городе Антинуполь один адвокат нанял себе слугу на год за еду ($2\frac{1}{4}$ \$ в год) и одежду ($\frac{2}{3}$ \$ в год); годовой бюджет семьи ремесленника составлял около 10 \$; примерно столько же получал в год римский солдат и владелец небольшой мастерской за месяц. Но доходы богачей были существенно выше: доход от среднего поместья в Италии равнялся нескольким тысячам солидов в год. Аналогично и крупные чиновники и военные получали весьма серьёзные суммы.

Большую проблему представляет абсолютное датирование монетных находок — как единичных находок, так и небольших по объёму кладов. С одной стороны, с 365 г. в империи все поступающие в казну золотые монеты переплавлялись заново, и таким образом новые платежи осуществлялись государством как правило в свежей отчеканенной монете. С другой стороны, структура монетных кладов, как на территории империи, так в Балто-Скандии показывает, что в одно и то же время использовались монеты разных императоров с разбросом между датами их чеканки в среднем лет в 50–100. В то же время, картирование единичных находок монет (Кларке 1941: Karten) показывает различные ареалы распространения в Балто-Скандии для различных хронологических групп. Видимо, всё-таки основная масса золотых монет, попадала на север Европы и выпадала в землю вскоре после того, как была отчеканена. В то же время для небольших групп монет возможно существенное запаздывание (золото в цене со временем не

падает!), что установлено археологически: для одного из новых кладов с Борнхольма из 6 монет с младшей монетой 435 г. установлена дата по брактеатам, находившимся в том же кладе, — около 500 года (Horsnæs 2002). Более того, ясно, что пока мы плохо представляем себе денежное обращение на север Европы в этот период. Так, серебряные римские монеты конца I — II в. продолжали существовать в культуре Балто-Скандии минимум до V вв. (клад из Фромборга—Фрауенбурга на побережье Восточной Пруссии — Cioiek 2001, kat. № 63), что ставит под сомнение всякое датирование по этим монетам.

Археология

Известен ряд типов небольших металлических изделий — фибул, подвесок, бляшек, распределение которых весьма интересно (Bitner-Wryblewska 2001). Весь регион Балто-Скандии распадается на два субрегиона: «скандинавский» (Дания, Норвегия, Швеция) и «балтийский» (Восточная Пруссия, Прибалтика, Финляндия, Борнхольм, Эланд, Готланд).

В западном скандинавском субрегионе вещи сёздальского горизонта (C3/D—D: вторая половина IV — кон. V в.) охватывают Данию, юго-запад Швеции и юг и запад Норвегии, не севернее Тронхеймсфьёрдаа (Bitner-Wróbłewska 2001: p. 94 fig. 19, p. 97 fig. 20, p. 100 fig. 22, p. 103 fig. 24). Вещи же с чертами предполагаемого восточного (балтийского) происхождения второй половины V — VI в. распространены в основном на западе Норвегии (Рогаланд и Хёрдаланд), но встречаются и гораздо севернее — в Халогаланде (Bitner-Wróbłewska 2001: p. 67 fig. 13, p. 72 fig. 14).

Для балтийского субрегиона выявляется следующая динамика (Bitner-Wróbłewska 2001: p.35 fig.3, p.7 fig.44, p.60 fig.11).

В периоде D (кон. IV — кон. V в.) активными связями охвачен юг — Померания, Пруссия, устье Вислы, Мемельская область, Жемайтия, Борнхольм, Эланд, Готланд (тип I фибул с лопатообразной ножкой, фибулы типа Шёнварлинг/Сковарч).

В конце периода D — начале периода E (кон. V — нач. VI в.) происходит постепенное распространение импортов с юга на север — из Пруссии на Эланд, Жемайтию и в Эстонию (типы II и III фибул со звёздообразной ножкой).

В периоде E (VI в.) в Финляндии (Юго-Западная Финляндия и Эстерботния) и в Эстонии (побережье Финского залива и район Чудского озера) распространены подражания местного производства им-

портным изделиям с юга (тип VI фибул с лопатообразной ножкой). Вся территория от Борнхольма и Пруссии до Эстерботнии и Угаунии на юго-востоке Эстонии охвачена активными связями (тип фибул Долькейм/Коврово). При этом центр распространения этих фибул — Пруссия и Жемайтия, а в Эстонии и Финляндии они распространены лишь местами, вдоль путей.

Итак, перед нами — картина несомненной экспансии фибул на протяжении V–VI вв. по Балтике из района устья Вислы и Пруссии на север вплоть до таёжной Финляндии и Причудья. Другое направление балтийских влияний — Рогаланд и Хёрдаланд, откуда на протяжении конца V — VI в. происходит экспансия вдоль норвежского берега в Халогаланд. Сначала распространяются импорты, а потом — начинают производить подражания на месте. Свидетельствует ли это явление о массовой миграции населения? — Наверяд ли, т.к. остальной материал, по-крайней мере для Балтики, не подтверждает такое объяснение. Остаётся гипотеза распространения через торговлю. Но какие товары или услуги могли двигаться в обратном направлении? — Рабы-саамы? Продукты оленеводства? Гагачий пух? Птичьи яйца? Колдовские услуги саамских шаманов? — Вряд ли. Остаются меха. Любопытно в этой связи отметить, что на период D падает массовое распространение стеклянных бус, в т. ч. и вдоль Янтарного пути (Maćzyńska 1978).

Чрезвычайно ценные наблюдения сделаны археологами по территории Финляндии и Карелии (Сакса 1996: 15–16; 1992 и др.). Установлено, что во второй–третьей четверти I тысячелетия н. э. на этой территории сосуществовали две культуры — культура железного века времени Великого переселения народов и времени меровингов (на юго-западе Финляндии, в Эстонии, на Верхней Волге) и культура лесных традиций, восходящих к лесному неолиту. При этом более развитая культура железного века постепенно внедряется в зону культуры неолитических традиций вдоль основных водных коммуникаций. Одновременно происходит распространение по этой осваиваемой территории нового набора орудий: наконечников копий, топоров и блоковидных кресал.

Северная традиция

Систему международных отношений в Северной Европе можно условно реконструировать по изначально устной традиции германских народов (сага об Инглингах, поэма Беовульф и стихотворение Видсид¹³). Несомненно, в элической традиции отражены не все события,

а то, что сохранено — деформировано в соответствии с закономерностями формирования и развития эпического повествования. Тем не менее, очевидно, что эпическая память бережно сохраняет сведения о множестве важных для людей того времени деталей. Это позволяет использовать эпическую традицию для частичного восстановления прошлого. При этом, для нашей темы важны не столько сами факты контактов конунгов разных стран между собой, сколько представленные традиции об этих контактах. Те события, которые были более важными для участников, как раз и сформировали представления последующих поколений о их прошлом. Итак, отношения между конунгами Уппсалы, Готланда и Дании можно описать следующим образом, взяв за основу периодизации традицию Инглингов, правивших в этот период в Уппсале.

В доисторическом периоде в Швеции правили легендарные короли-«дроттины» из династии Инглингов, каждый из которых носил кроме своего личного имени также и имя Ингви. Затем, после того, как в Дании появятся первые короли-«конунги», в Уппсале появляются свои конунги. Первым из них был *Дюгви*, бывший племянником по матери первого датского конунга Дана Гордого, правившего до глубокой старости. — *Не исключено, что это является эпическим свидетельством длительной зависимости Швеции в IV в. от складывавшегося Датского королевства, контролировавшего, судя по всему, основные районы Балто-Скандии. Сын Дана Фроди Гордый был известен своим миролюбием, что подчёркивает в целом мирное течение жизни в этот период.*

За конунгом *Дагом*, сыном Дюгви традиция числит какие-то сложные, в т. ч. и военные, отношения с причерноморскими готами Германариха (Шувалов 2004). Даг совершает поход на земли готов и гибнет там. Каким путём (висло-бутско-днестровским, неманско-березинским, двинско-днепровским или ладожско-волжским) осуществлялись эти контакты — нам не ясно. Но это свидетельство о связях западной Балтики с причерноморскими готами находит себе полное подтверждение в тексте англосаксонской поэмы VI–VII вв. «Видсид» (Шувалов 1998). В ней ранний эпический план представлен легендарными событиями и именами, связанными с эпическими циклами Аттилы, Германариха и Хильды (=ядро буд. «Кудруны»). Основной темой там является поездка скопа Видсида от двора шлезвигского короля Эадгильса ко двору готского Германариха и обратно. — *Итак, северная традиция, возможно, сохраняла какие-то воспоминания о тесных военных и дипломатических связях и обмене дарами с причерноморскими го-*

тами легендарного Германариха. Любопытно, что другим крайним пунктом этих контактов является Шлезвиг — важный перевалочный пункт из Балтики в Северное море. Конец этим контактам должно было положить вторжение гуннов и вызванное им расселение славян, разрезавшие Европу римского времени на Средиземноморье и Скандо-Балтику. Прекращаются регулярные связи Балтики со Средиземноморьем через земли Восточной Европы и по Янтарному пути. В связи с этим, основные европейские контакты север-юг оттягиваются на запад.

Сын Дага *Агни* был очень могущественным и воинственным. Это — первый конунг, который, по дошедшей до нас традиции, совершил успешный поход в страну каких-то финнов, разорил и покорил её, взял большую добычу (из чего?) и убил конунга финнов с говорящим именем «Фрости» ('Мороз'), а дочь его взял себе в жёны (чтобы утвердиться в глазах финнов? — а зачем?). Этим Агни очень прославился (!), хотя и погиб жалкой смертью там, на Востоке: его повесила на его же гривне его же невеста, дочь Фрости. — Это наиболее раннее свидетельство активности уппсальских конунгов в восточной Балтике (Шувалов 2004) условно датируется исследователями началом V века. Не исключено, что здесь мы имеем прямое свидетельство, опосредованное эпической памятью, о самом начале борьбы за пушные угодья на севере Европы. Это может быть связано с тем, что как раз в начале V в. политическая элита Средиземноморья стала испытывать потребность в массовом ввозе мехов (т. н. «гуннская» мода в столицах империи).

После Агни королевская власть стала делиться между братьями: Альреком и Эйриком, Ингви и Альвом, Ёрундом и Эйриком. Начинается чередование воинственных и миролюбивых конунгов. *Ингви* известен своей воинственностью и походами. После смерти Ингви и Альва, пока Ёрунд и Эйрик ещё были слишком малы, Уппсалой правил их кузен *Хуглейк*. Он был миролюбив и богат. Его убил в битве морской конунг Хаки, захвативший Уппсалу на три года. Тем временем *Ёрунд* и *Эйрик* плавали по морю и воевали в разных землях, в т. ч. в Дании, где убили конунга халейгов из северной Норвегии (из Халогаланда). Затем они отвоевали у Хаки Уппсалу в тяжелейшей битве, где пал не только Хаки, но и Эйрик. Став конунгом Уппсалы, Ёрунд часто ходил в морские походы. Последний раз он отправился в Данию, где на севере Ютландии в Лимафьёрде в заливе Оддасунд был наголову разбит халейгами и местными жителями. — Все эти эпические события, условно датируемые первой четвертью V в. указывают на возрастание роли воинственных конунгов, на вооружённые столкновения и смуты. Возможно, эта

напряжённость — следствие борьбы за пути, по которым циркулировали какие-то ценности (пушнина?). Интересно, что и северные норвежцы, и шведы направляют свои основные усилия на то, чтобы поставить под свой контроль район датских проливов, в т. ч. такой стратегически важный пролив, как Лимафьорд, связывающий (в обход Шлезвига и Дании) Северное море с землями сеев и гаутов (через Западный Ётланд), а также и с Норвегией. Видимо, пути, проходившие вдоль Ютландии приобретают всё большее значение для конунгов Скандинавии. Похоже, что рынки Нижнего Рейна играют большую роль в этот период.

В Дании мирное правление Фроди Гордого сменяется правлением его воинственных сыновей — Хальвдана и Филлейва. В Швеции же следующим конунгом был мудрый и миролюбивый (тип конунга-жреца) Аун или Ани Старый сын Ёрунда. Он правил, по преданию, сто лет, принося каждые десять лет в жертву по одному сыну. Ему два раза приходилось сбегать из Уппсалы в Западный Гаутланд (Ётланд). Сначала — когда в Уппсалу нагрянул с войском Хальвдан и разгромил его в нескольких битвах. Затем — когда пришёл Али Смелый сын Фриллеява. Оба раза конунги данов занимали шведский престол и, по преданию Инглингов, правили из Уппсалы до своей смерти (видимо, Уппсала имела большое стратегическое значение для Дании). Но оба раза Аун мирным путём возвращался в Уппсалу и умер там в глубокой старости своей смертью. После его смерти остались значительные сокровища, которые, несомненно, были скоплены мирным путём (дань, дары, пошлины?). К этому же периоду относится и сказание о битве в Финнсбурге — столице фризского конунга Финна. Финн был уже давно женат на датчанке Хильдебург, дочери Скильдинга Хока. На фризов совершили нападение гостившие у Финна даны во главе с тем же Хоком и его сыном Хнэфом, воином конунга Хальфдана. — *Итак, в этот период (вторая — третья четверть V в.) продолжают усьобицы и внешние войны. При этом инициатива переходит от сеев к данам. Даны упорно расширяют свою державу на восток (в Швецию) и на запад (Финнсбург). У сеев — устойчивые союзные связи с западными гаутами (Вест-Ётланд, через который проходит древний путь из Уппсалы к Лимафьёрду).*

Правивший после Ауна его сын известен в традиции Инглингов как миролюбивый конунг *Эгиль*, а в англосаксонской — как Онгентев. Эгиль был изгнан из страны восставшими рабами, но восстановлен на престоле с помощью войска, присланного датским конунгом Фроди с острова Зеланд. Условием предоставления помощи была обе-

шанная Эгилем дань. Но Эгиль стал посылать Фроди не дань, а богатые подарки (золотом? мехами?) каждые полгода, сохраняя с ним дружбу. У гаутов (на Готланде?) в это же время правит Хредель, основатель династии гаутских конунгов. По традиции, при нём гауты господствовали на море, т. к. враги опасались его могущества. Лишь после его смерти, при конунге Хадкюне, враги стали нападать на гаутов (Беовульф 2471–2473). В англосаксонской традиции свейский конунг Онгентеов ходил войной на гаутов за море (на о. Готланд?), одержал победу и убил гаутского конунга Хадкюна, сына умершего Хределя. Но на следующий день брат павшего Хадкюна конунг Хигелак разбил свеев и зять Хадкюна Эвор убил Онгентеова. На какое-то время Хигелак восстановил господство гаутов, так что традиция упоминает в качестве то ли зависимых, то ли союзных с гаутами и данов, и свеев, и — что особенно интересно — гепидов (Беовульф 2493–2496). Затем, однако, согласно истории Григория Турского, Хигелак совершил неудачный поход в земли фризов и хаттуариев на Рейне, где и погиб в сражении с франками в 515–516 г. (Greg. Turon. hist. III,3, однако, у Григория он — король данов: видимо, на западе ещё не отличали одних от других). У данов примерно в это же время начинается внутренняя смута, в результате которой гибнет конунг Хальфдан. — *Итак, в этот период (конец V — начало VI в.) даны продолжают успешно вмешиваться в шведские дела. Гауты утверждаются на Балтийском море, затем, однако, их мощь временно слабеет. Потом происходит новое усиление гаутов (Готланд) — конкурента Дании и Уппсалы. Гауты не только дают отпор свеям, зависимым от данов, но и пытаются закрепиться на западе (Фризия и хаттуарии). Все эти конфликты происходят вдоль торгового пути Рейн–Фризия–Дания–Швеция/Готланд. Возможно, что и упоминание гепидов в этом контексте не случайно: как раз примерно в это время (после 494 и скорее ближе к 512 г.) к гаутам на остров Фула переселилась с Дуная та часть герулов, которая не захотела подчиниться римлянам и состояла в дружественных отношениях с гепидами. Эти герулы, по Прокопию прошли с Дуная сначала через всех славян, затем — через пустоши (по Одере и Хафелю?), после — через земли варнов (на Средней или на Нижней Эльбе?) и данов и морем прибыли на остров «Фула» к гаутам. При этом никто не оказывал герулам сопротивления. Любопытно, что герулы идут к гаутам не через низовья Вислы или Одера на Борнхольм мимо Сконе, а через земли варнов и данов. Видимо, кто-то преграждал им путь через низовья Одера и Вислы и этот кто-то были не славяне, через которых герулы успешно прошли до этого. Впрочем, не*

исключено, что в пользу «эльбского» маршрута герулов склонили какие-то другие, а не политические факторы — например, культовые запреты или традиция. В любом случае, маршрут движения герулов по линии славяне—пустошь—варны—даны явно воспринимается нашим источником, Прокопием, как что-то уникальное: следовательно, путь этот раньше не был известен в Константинополе. Любопытно, что Прокопий не называет свеев и тюрингов при описании Фулы и соседних территорий в связи с маршрутом герулов, но лишь варнов, данов и гаутов. Возможно, это указывает на существовавшую в это время регулярную систему связей гауты—даны—варны—герулы. Теперь же к этой цепочке предполагалось присоединить и Константинополь (желание Прокопия съездить на Фулу). Но вместе с тем, Прокопий упоминает в качестве своих информаторов каких-то людей, ездящих на Фулу: видимо к его времени (середина VI в.) такие поездки стали уже регулярными. Интересно, что к этому же периоду относится и риторически обработанная Кассиодором переписка эстиев и короля готов Италии Теодориха, возможно по вопросу воссоздания Янтарного пути. Не исключено, что к этому времени восходят сведения Кассиодора/Иордана о расселении склавинов от Данастра и Висклы до Мурсианского озера (Шувалов 1989), о посылающих прекрасных коней тюрингах, о видивариях в устье Вистулы, о свеях на острове Скандзе. При этом Прокопий упоминает те народы, которых не упоминает Иордан и наоборот: у Кассиодора/Иордана в списке народов отсутствуют варны, даны и гауты! Возможно, это указывает на то, что поставки мехов от свеев шли в Равенну минуя Готланд и Датские острова. Скорее всего, это был путь либо по линии Уппсала—Западный Эталанд—Лимафьёрд—фризы—Рейн, либо же по линии свеи—Готланд—эстии—видиварии—тюринги.

Затем происходит решительная перестройка датско-свейских и свейско-гаутских отношений. Приемник Эгиля *Оттар* (Охтхере) примирился с гаутами (Беовульф ст. 2474—2476), отказал датскому конунгу Фроди в подарках и дани, за что тот сначала разоряет Швецию, а потом отправляется в Восточные Страны. Воспользовавшись этим, Оттар, в свою очередь, совершает набег на север Ютландии и Лимафьёрд, опустошив по пути и Данию. Поход кончается поражением свеев и Оттар гибнет. После смерти Фроди в Дании воцаряются сыновья Хальвдана: сначала, на несколько лет, — Херогар и, затем, — Хродгар. Хродгар строит знаменитый «Хеорот» — дворец, воспетый в «Беовульфе», и правит долго и счастливо. У Хродгара в начале его правления находит приют, сбежав от гаутов, Эггтеов, один из знатных

гаутов (он — отец легендарного Беовульфа). — *Итак, в начале этого периода (датируемого серединой—концом первой четверти VI в.) Уппсала выходит из подчинения Дании и заключает мир с Готландом. Не исключено, что это связано с активностью пути свеи—Готланд—эстии—видиварии—тюринги—Равенна. Это приводит не только к войне между свеями и данами, но и к попытке обеих сторон создать собственную систему дальних связей: данами — на востоке, свеями — на западе через Лимафьёрд. Возможно, сложные отношения даны имели и с гаутами (Эггтеов и Хродгар). Постепенно, однако, даны усиливаются и сохраняют главенствующее положение на западе региона.*

Следующим конунгом в Уппсале по англосаксонской традиции был *Онела*, второй сын Онгентеова. Он же, видимо, представлен в скандинавской традиции фигурами Ауна и Али Уппландского из Норвегии. Онела был женат на дочери Хальфдана датского, сестре правившего в это время данами Хродгара. При воцарении Онелы его племянники, сыновья Охтхере, Эанмунд и Эадгильс бежали из Уппсалы за море (на о. Готланд?) к конунгу гаутов *Хардреду*, преемнику Хигелака. Онела совершил набег на гаутов, давших приют Эанмунду и Эадгильсу. Там он убил конунга гаутов Хардредра и Эанмунда, но был вскоре, в свою очередь, убит Эадгильсом во время ответного зимнего набега гаутов на свеев. Возможно, эта же битва зафиксирована в саге об Инглингах, как битва Адильса с Али Уппландском на льду оз. Венир. Затем в Уппсале воцаряется *Адильс/Эадгильс*, сын Отгара, известный своим богатством. Он был воинственным конунгом и ходил в походы, в частности в страну саксов (на Нижней Эльбе?). Адильс был женат на Ирсе, дочери датского конунга Хельги, брата Хродгара. Над гаутами же вместо павшего Хардредра стал править легендарный *Беовульф*, герой соответствующей поэмы. У данов умершему Хродгару наследует его брат Хельги, который совершает поход в Швецию против Адильса. Примерно в это же время гибнет в огне знаменитый Хеорот во время войны данов с хадобардами. Наследовавший погибшему Хельги Хрольф Жердинка также вмешивается в уппсальские дела. Все три конунга (Беовульф, Адильс и Хрольф), по преданию, правили долго и их страны процветали. — *Эти эпические события второй—третьей четверти VI в., возможно, отражают восстановление союзных (на основе брачных) отношений данов со свеями и ответную безрезультатную попытку гаутов поставить на уппсальском престоле своего ставленника, кончающуюся вторжением данов и возобновлением датско-шведских отношений. В целом, отношения Дания—Швеция—Готланд в этот пери-*

од нормализуются и, видимо, устанавливается некоторое подобие равновесия. Тем не менее, стороны ищут возможности обойти друг друга, в частности, свеи пытаются утвердиться на западе — на Нижней Эльбе (в обход данов, ютов и фризов?) и найти таким образом выход к Рейну по древнему пути Гамбург—Бремен—Падерборн—Дуйсбург. Возможно, с этим же связана и война данов с хадобардами, жившими где-то рядом с саксами и лангобардами. Гауты же, по Прокопию Кесарийскому, в это же время (примерно в 30-е гг. VI в.) отправляют из числа герулов, пришедших к ним до этого, своего претендента на королевский трон дунайских герулов по имени Датий с дружиной. Это было сделано по просьбе специально присланного посольства герулов, живших на Дунае у границы с империей. Датий и герулы двигались через данов, что, возможно, указывает на союзнические отношения данов и Готланда в этот период. Такой маршрут герулов (через данов) был, скорее всего, вынужденным. Но причинами тому могли быть и контроль данов над южной Балтикой (Померанией и Пруссией), и перерезавшие Янтарный путь славяне, и традиция предшествующих передвижений герулов (около 512 года). По прибытии на Дунай, Датий, однако не смог договориться с римлянами и увёл признавших его герулов (примерно тысячи три воинов) к гепидам. Именно в связи с этими передвижениями герулов Прокопий и рассказывает об острове Фула. Не исключено, что гауты надеялись таким образом восстановить связи со Средиземноморьем по старому Янтарному пути. Интересно, что и Прокопий проявляет в своём сочинении большой интерес к маршруту герулов и даже сам хотел съездить на остров Фула! Видимо, и в империи существовала потребность в связях с Балтикой и, в частности, с гаутами, которых Прокопий называет одним из самых многочисленных на Фуле. Поскольку Прокопий, как и вся античная традиция, не разделял Скандинавию и Готланд, то под гаутами Прокопия можно понимать гаутов и Готланда, и Эталанда.

Время правления *Эйстейна*, сына Адильса, отмечено в традиции набегами датских и норвежских конунгов на Швецию. Один из них по имени *Сельви* убил Эйстейна и, разбив свеев в упорной кровопролитной битве, захватил власть и долго правил Уппсалой. Любопытно, что он к этому времени уже имел владения в Ютландии и ходил часто в Восточные Страны: т. о. под его контролем оказался путь из восточной Балтики до Ютландии. После его убийства власть в Уппсале перешла к сыну Эйстейна воинственному *Ингвару*. Тогда на Швецию совершали набеги и датчане и люди из Восточных Стран (викинги или аборигены?). Ингвар заключил мир с датчанами и стал ходить в

походы в Восточные Страны, где однажды на северо-западе Эстонии потерпел поражение и был убит. Один из сыновей Ингвара по имени *Скира* стал конунгом в Гардариках (Мачинский 1998: 133), а другой, *Эунд* Дорога — в Уппсале. Он отомстил за отца и разорил всю страну эстов. В саге об Инглингах отмечено, что «в его дни в Швеции царил мир, и у него было очень много всякого добра». Его сын и преемник *Ингьяльд* коварным образом убил двенадцать «малых» конунгов, в т. ч. подчинённых ему областей Шведской Державы (Уппланд, Нерики, Западный Гаутланд и Сёдерманланд). — *Важно отметить, что как раз по этим областям проходит древний сухопутный путь из Балтики к проливу Каттегат. Интересно, что на лежащие рядом, но несколько в стороне, области (Восточный Гаутланд, Смоланд, Сконе) непосредственные интересы Уппсалы в этот период не распространялись. В этот же период (посл. четв. VI — сер. VII в.) уппсальские конунги в упорной борьбе с внешними и внутренними конкурентами, возобновив на какой-то период союз с датчанами, ставят под свой полный контроль путь от Ютландии к Аландам и какую-то важную часть Восточного Пути, что создаёт им достаточные ресурсы и позволяет перейти к внутреннему обустройству своей державы: сначала мирной (дороги Эунда), а затем и насильственной (коварство Ингьяльда) централизации своих владений. Это приводит к кризису, и власть в Уппсале в посл. четверти VII в. захватывает конунг Сконе *Ивар Широкие Объятия*, подчинивший также «Датскую Державу и большую часть Страны Саксов, всю Восточную Державу и пятую часть Англии». Наконец, путь из Ладогои через Балтику и Данию на Запад оказался под контролем одной политической силы.*

Теперь, после этого обзора источников, попробуем воссоздать картину развития международных отношений в Центральной, Северной и Восточной Европе, сложившихся вокруг пушной торговли. Основой нам здесь послужат существующие в науке разработки по общей истории Скандинавии I тыс. н. э. (Лебедев 1985: 29–45; Roman Gold 2001), мы же попытаемся создать более детальную картину.

На протяжении римского времени датские острова играли главенствующую в Северной Европе роль в связях с империей. Складывавшееся вдоль этих путей датское королевство контролировало основные районы Балто-Скандии (вещи круга Сёздаля). Главными распределительными центрами римских импортов (бронзовая посуда, стеклянные сосуды, краснолаковая керамика) во второй половине III — третьей четверти IV вв. (периоды C2 и C3) были княжеские центры на островах

Зееланд и Фюн. С Зееланда товары распространялись на остальные территории: Сконе, Борнхольм, Эланд, Готланд (Lund Hansen 1988). В это время функционируют два основных транспортных пути, связывающих Балто-Скандию с империей (Lund Hansen 1988). Во-первых, для западной Скандинавии, Дании и опосредовано для Балтики — морской «фризский» путь с Балтики вокруг Ютландии через Лимафьёрд или же по волокам Шлезвига вдоль островов саксов и фризов на Нижний Рейн. Особо тут стоит отметить проблему существования волоков в Шлезвиге из Северного в Балтийское море, в т. ч. и на месте будущего Хедебю. Во-вторых, для южной и восточной Балтики, Борнхольма и Дании — Янтарный путь от устья Вислы через Силезию, Богемию или Моравию, через римский Норик до Аквилеи в Венеции (Wielowiejski 1980). Выход на «Фризский» путь находится в руках англов, ютов и данов, на Янтарный — в руках эстиев, загадочных видвариев и балтийских венедов. Находки золотых монет (Bursche) 303–375/8 гг. чеканки на землях пшеворской и вельбаркской культур вдоль обоих трасс Янтарного пути, моравской и богемской, указывают на активное использование его в это время. Таким же образом (единичными находками золотых монет IV в.) отмечен и другой путь: Краков–Пшемьсль. Этот путь, известный позже как западный участок Чёрного шляха, связывал Янтарный путь в верховьях Вислы с Подольей, Запорожьем и Бесарабией. Большинство (13) из этих находок — единичные, и лишь одна — клад (на побережье Восточной Пруссии). Отсутствие кладов указывает на то, что деньги эти лишь провозились по этой территории, а не накапливались местным населением. В то же время, нужно признать, что находки золотых монет свидетельствуют о нестабильности, существовавшей вдоль этих путей: золотые монеты так просто не теряют¹⁴ (Шувалов 1994; 1999). Позднеантичный расцвет экономики и торговли в Средиземноморье IV в. и формирование позднеантичной военно-политической элиты (Глушанин 1991) создавал благоприятные условия для функционирования трансрегиональной торговли и обмена стран Северной Европы со Средней и Южной Европой. Основными партнёрами на юге были крупные урбанистические и политические центры империи (Трир, Милан, Рим, Сирмий, Фессалоника, Константинополь) и дворы варварских королей (Атанариха, Германариха). К этому периоду относятся какие-то достаточно интенсивные военные и дипломатические связи свеев Уппсалы и англов Шлезвига с причерноморскими готами (воробей Дага и видсидская Эальхильд), осуществлявшиеся, возможно, вдоль линии

Северное море—волоки Шлезвига—Балтика—Янтарный путь—Чёрный шлях. Впрочем, возможны и другие реконструкции путей через лесную зону Восточной Европы с Балтики в Причерноморье в этот период, в частности на основе предания о народах, подчинённых Германирихом (Анфертьев 1991; Шукин 2005). Археологически скандинавско-причерноморские связи в IV в. представлены, в частности, импортом стеклянных и металлических изделий, сходством обряда (Lund Hansen 1988; Казанский 1997: 51).

Вторжение гуннов в Восточную Европу, Великое переселение народов и последующая экспансия славян разрушили систему сложившихся контактов север—юг, в частности прекратили сообщение по Янтарному пути. Прекращение функционирования Янтарного пути подтверждается монетными находками с территории современной Польши (Bursche). Так, если для первых трёх четвертей IV в. известно 13 единичных находок золотых монет 303—375/8 гг. чеканки вдоль Янтарного пути и западного участка Чёрного шляха, то для двух неспокойных десятилетий последней четверти IV в. (375/8—395 гг. чеканки) — только одна. Это однозначно указывает на прекращение перевозок товаров и денег по этим путям после 375 года. Зато серией находок золотых монет (4 единичных и 2 клада) отмечен другой, ранее почти не задействованный «волинский» путь, известный в Средневековье и связывавший Волинь с Польшей и Эльбой: Магдебург—Любош/Франкфурт-на-Одере—Познань—Калиш—Люблин—Холм—Владимир—Ровно. В целом, эти монетные находки свидетельствуют о радикальной перестройке транспортных коммуникаций в начале Великого переселения народов: старые связи север—юг уступают место новым связям запад—восток. В связи с этим, основные европейские контакты север—юг концентрируются теперь по линии Дания—фризы—Рейн—Массалия или Дания—фризы—Рейн—альпийские перевалы (Шплюген, Решен или Бреннер)—Равенна/Венеция. Это создаёт основу для последующего расцвета фризской торговли и для богатства зарождающихся франкского и датского королевств. В среде позднеантичной военно-политической элиты и в особенности среди столичной молодёжи с конца IV в. всё шире распространяются традиции варварского костюма (кочевников или германцев?) и в том числе мода на меха (закон Гонория и Феодосия 416 г., латинская «меховая» терминология). Варваризация окружения императоров и возникновение новых центров власти при дворах варварских королей, получивших в своё распоряжение достаточные материальные средства, создаёт ёмкий рынок спроса на меха.

Эта новая ситуация в Средиземноморье вызывает трансформацию системы рынков сырья и транспортных артерий на севере и северо-востоке варварской периферии античной цивилизации. Прежние поставщики мехов на средиземноморские рынки переориентируются с поставок медицинских товаров (мех и струя бобра) на поставки эстетически и престижно значимой пушнины (соболь, куница, тот же бобр). На востоке Европы главным поставщиком в этой сфере становятся кочевники степей (Иордан о Херсонесе и о хунугурах), в распоряжении которых имеются лесные угодья Северного Кавказа и восточноевропейской лесостепи, заселённой славянами, антами, мордвой и уграми. Вполне возможно, что тут гунны используют старые наработки и связи Германариха (*Mergus, Mordens* и др. у Кассиодора/Иордана). Не исключено, что определённую роль сыграли и иранские традиции. На севере же, в Балто-Скандии, складывается собственный рынок. Холодные таёжные пространства, бывшие малопривлекательными до этого для цивилизованных народов, теперь притягивают к себе предприимчивых людей из периферии позднеантичного мира: чем холоднее зимы — тем лучше меха. Начинается освоение северных территорий Фенноскандии и Северо-Запада позднейшей Руси, которое растянется почти на тысячелетие. Те народы германского мира, которые имели до этого и сохранили теперь выходы на римские рынки (фризы, даны, юты), начинают активно добывать пушнину, используя имеющиеся трансрегиональные связи и прямо или опосредовано эксплуатируя местное саамское охотничье население (скритифиннов или скререфенов). При этом германские конунги часто используют в качестве посредников родственное саамам прибрежное финно-язычное население (предков финнов, карел, эстов, води и др.), а иногда и менее удачливых собратьев-германцев (например: даны — свеев). На каких условиях (дань, обмен, грабёж?) участвуют саамы в пушном промысле — можно лишь предполагать. Косвенным свидетельством торгово-обменных отношений могут служить более поздние (VIII–XIV вв.) саамские клады серебряных, оловянных и бронзовых вещей и бус у святых мест с территории Скандинавии, напр. клад из Гротреска в Норрботнии (Goldroom 2002: 46–47). Постепенно разворачивается экспансия скандинавов и финнов в таёжную зону и вытеснение оттуда вслед за выбиваемым зверем саамов всё дальше на север и восток. При этом складывается новая структура коммуникаций (водно-лесные пути Норрланда, внутренней Финляндии, Карелии и Приладожья) и будущих средневековых земель, вытянутых вдоль путей от побережья вглубь таёжной зоны (Верmland,

Даларне, Хельсингланд и Херьедален, Медельпад, Онгерманланд, Сатакунта, Тавастланд, Саволакс, Карьяла). Система эта формируется постепенно. Многие, например, свеи или эстии, видимо, поначалу плохо вписываются в новую ситуацию. В то же время, анализ импортов в Северной Европе (Lund Hansen 1988) показывает, что на период последней четверти IV – первой четверти VI в. (период D) датские острова уже не имеют той абсолютной монополии на распределение римских импортов, как это было в IV веке (период C3). Теперь существует масса более или менее равноправных распределительных центров: на северо-западе Шлезвига, на юго-западе острова Фюн, на юго-западе Сконе, на островах Борнхольм, Эланд и Готланд (Lund Hansen 1988: fig. 5). Сходная картина прослеживается и по данным нумизматики (Кпарке 1941: Karten B–C, Tab. 9–11). Отчеканенные до 375/378 (время тетрархий, Константина и сыновей) золотые монеты распространены в основном в районе датских проливов, главным образом на острове Фюн. Монеты начального периода Великого переселения народов (375–408 гг. чеканки) на Севере практически отсутствуют. А начиная с Феодосия II и Валентиниана III золотые монеты массами представлены в Балто-Скандии, но уже не с таким преобладанием в районе датских проливов: теперь основная масса идёт в южные и восточные районы Швеции и на острова Балтики. Возможно дело здесь в том, что новая система отношений обмена/торговли со Средиземноморьем создала более сложную систему конкурирующих одновременных центров. Но впрочем, не исключено, что эти центры монополично распоряжались всеми римскими импортами по очереди, сменяя друг друга, а пределы археологического датирования не позволяют нам проследить эту динамику, разделив скандинавский период D (Early Germanic Iron Age) более чем на две дробные фазы. Письменные же и нумизматические источники в сочетании с археологическими позволяют пролить некоторый свет на эту проблему.

К началу V в. начинается активность свеев на линии Уппсала–Аланды–Финляндия (гривна Агни), что может быть отражает возрастание потребности Средиземноморья в мехах («гуннская» мода). Ясно, что при этом свеи остаются отрезанными от прямых выходов на пути север–юг. Янтарный путь продолжает бездействовать: от периода 395–457 гг. на нём в пределах современной Польши осталась только одна золотая монета (в районе Вроцлава) и ещё две медных на Верхнем Одере. По-прежнему некоторой популярностью (три золотых монеты и три золотых клада V в. — Godłowski 1980: Abb. 3) пользуется «волинский» путь. Факт почти полного отсутствия монет V в. во внутренней

Польши (т. е. не на балтийском побережье) на фоне массы монетных находок предшествующего времени (*Bursche*) был связан Годловским с оттоком германского населения и начинающейся экспансией славян. Дело в том, что основные связи с Югом осуществляются в первой половине V в. по «фризскому» или же по «эльбскому» (от Гамбурга до Богемии и Моравии) путям. Оба эти пути, так или иначе, находятся под контролем данов, ютов или саксов. Возможно, тот факт, что жители Балтики отрезаны от прямых контактов с Югом в этот период, приводит к попытке «прорубить окно на юг». Об этом может свидетельствовать то, что в первой четверти V в. возрастает напряжённость на Балтике вдоль пути Лимафьорд—Западный Ётланд—Уппсала, и свеи пытаются найти самостоятельный, минуя данов, выход к берегам Северного моря (Хуглейк и морской конунг Хаки, Ёрунд и халейги).

Во второй четверти V в. инициатива переходит от свеев к данам, которые на протяжении середины—второй половины V в. пытаются закрепиться на пути Фризия—Дания—Уппсала (битва в Финнсбурге, завоевания Уппсалы Хальфданом и Али Смелым, помощь Фроди Эгилю и дары Эгиля Фроди). Примерно со второй четверти V в. (серии монет Валентиниана III и Феодосия II с одинаковыми штемпелями) начинаются опосредованные (низкое число идентичных штемплей!) поставки на Балтику — на Эланд (и оттуда в Свеаланд) и на Готланд — золотых монет как с запада, так и с востока Средиземноморья. Связи южной Балтики со Средиземноморьем во вторую четверть V в. резко интенсифицируются, о чём говорят единичные находки золотых монет этого периода (около двух десятков) и клады (Ciolek 2001). Для сравнения: от периода 303—395 гг. с этой же территории известно всего лишь одна золотая монета и один клад с золотом (*Bursche*). К этому периоду относятся четыре клада золотых монет: клад из Старбенино (младшая монета: 426 г.) в восточной Померании (Гданьском Поморье), клад из Фромборка (после 430 г.) и два клада Трубков (оба — 425 г.) в Ермланде в Восточной Пруссии (Ciolek 2001). Эти находки свидетельствуют также и о каких-то катаклизмах на востоке Померании и в дельте Вислы в 30-х гг. V в. Важно отметить, что золото в этот (или последующие периоды) проникает и в Прибалтику: на Саарема в Эстонии найдено две золотые монеты второй четверти V в. (Кнарке 1941: Karte C, Tab. 11). Возможно, одним из главных посредников между Средиземноморьем и Балто-Скандией во второй четверти V в. был двор Атилы (Шувалов 2001), регулярно получавшего золотые монеты в виде даров, плат, выкупов или дани и распространившего свою власть на «острова на Океане» (Prisc. fr. 8 p. 312 In. 19 ed. Dindorf.). По крайней

мере, по Приску, Аттила подчинил себе какие-то острова: скорее всего датские, но м. б. и острова Балтики. Несомненно «фактор Аттилы» должен был возродить коммуникации от южного берега Балтики на юг.

После распада царства Аттилы устанавливаются более тесные связи Балто-Скандики и Средиземноморья. Судя по монетным находкам 457–491 гг. (Godłowski 1980 Abb. 3, Ciołek 2001), ситуация в Померании, устье Вислы и в бассейнах Одера и Вислы мало изменилась по сравнению с первой половиной V в., разве что полностью исчезают находки римских монет из Малой Польши и Силезии. Это изменение может указывать на полное бездействие Янтарного пути, а по мысли Годловского, соответствует дальнейшему продвижению славян в эти районы (культура Прага–Корчак). Примерно в это же время жители устья Вислы и Восточной Пруссии (видиварии? эстии?) активизируются и начинают торговую экспансию (фибулы со звездобразной ножкой) на север — в Жемайтию, в Эстонию мимо острова Саарема и мимо Готланда на Эланд (видимо, по естественному морскому пути от Зеебурга/Гробина около Лиепаи — южный мыс Готланда — северная оконечность Эланда). Эта активность связана с последующей (?) активизацией эстиев и в южном направлении. Среди золотых монет этого периода достаточно много монет западной империи, поэтому не исключено, что монеты в этот период поступали на Балтику с запада. Об этом же свидетельствует (Fagerlie 1967) и преобладание западных идентичных штемпелей над восточными. Активнее всего в V в. золото прибывает на Балтику при императоре Ливии Севере. Основным, непосредственным (большое число идентичных штемпелей) и единственным адресатом таких поставок теперь является Эланд, поддерживающий преимущественные связи с Готландом и Борнхольмом. О связях с устьем Вислы по монетам говорить пока рано, т. к. монеты южнобалтийского побережья Фаджерли не изучались и их штемпели со штемпелями шведских солидов не сравнивались. Кто владел Эландом в этот период, неизвестно. С одной стороны, хочется видеть здесь южнобалтийское влияние. С другой стороны, возможно, эти золотые монеты отражают активность данов, державших в этот период Балтику и, возможно, сам Эланд под своим контролем. Монополия Эланда заканчивается на рубеже 60-х–70-х гг. V в. катастрофой, отмеченной горизонтом из одиннадцати кладов золотых монет: четыре на Эланде (последние монеты: 457, 461, 467 и 467 гг. — Fagerlie 1967: п. 50, 80а, 86, 90b), один на острове Фюн (457 г. — Fagerlie 1967: п. 193), один в Смоланде (Хессельстад 457 г. — Fagerlie 1967: п. 18), два на Борнхольме (оба 457 г. — Fagerlie 1967: п. 218, 224а) и три в дельте Вислы (Пуик

467 г., Эльблонг 468 г. и Гроново 461 г. — Ciołek 2001). Ареал этих кладов, как представляется, поддерживает гипотезу датско-южнобалтийского соперничества, вылившегося в вооружённый конфликт. Тем не менее, и после этого Эланд продолжает ещё несколько лет оставаться крупным распределительным центром поступающего на Балтику золота (Fagerlie 1967). При этом он теперь, возможно, ещё больше ориентируется на связи с Западной империей (преобладание идентичных штемпелей западных императоров). Эланд поддерживает связи практически со всеми балтийскими центрами (Свеаланд, Фюн, Борнхольм, Готланд), в то время как связи этих центров между собой очень слабы. Но и этот этап заканчивается вскоре после 476 г. горизонтом из тринадцати кладов: трёх — на Эланде (473, 475 и 475 гг. — Fagerlie 1967: п. 90b, 99, 115), трёх — на Готланде (все: 474 г. — Fagerlie 1967: п. 136, 168, 169), четырёх — на Борнхольме (все: 474 г. — Fagerlie 1967: п. 203, 214a, 215, 224e) и трёх на Нижней Висле (Радостово 475 г., Лисево 476 г. и Гданьск 476 г. — Ciołek 2001). Кто положил конец эландской монополии, сказать трудно. Не исключено, что это были свеи. Свеи, несмотря на гегемонию данов, сохраняют на протяжении этого периода контроль над путём Уппсала—Западный Эталанд—Лимафьёрд (Аун и Западный Гаутланд). Более того, в последней четверти V в. они выходят на пушной рынок Равенны через цепочку посредников, минуя при этом данов (см. о Suehans у Иордана/Кассиодора). Сообщение Уппсала—Равенна в это время могло осуществляться по пути через Лимафьёрд, Фризию и далее вдоль Рейна, но в этом случае крупным посредником такой торговли выступали бы франки. Другой вариант, на что указывает текст Иордана/Кассиодора, — более вероятен. Этот путь вёл из озера Меларн на Готланд и оттуда (от северной оконечности острова) либо на Виндау/Вентспилс, либо (от южного мыса) на Зеебург/Гробин около Лиепая (эстии?) и затем на устье Вислы. От устья Вислы (видиварии) параллельно с возрождающейся янтарной торговлей (переписка эстиев и Теодориха) пустынными пока ещё территориями Великой Польши и Бранденбурга через королевство тюрингов (тюринги Иордана/Кассиодора) по дороге Магдебург—Галле—верховья Заале—Наб—Регенсбург¹⁵—альпийские перевалы Решен или Бреннер—Тренто—Верона. Не случайно как раз около 480 г. тюринги захватывают долину Наба (= Верхний Пфальц) и разрушают Пассау. Пассау лежит несколько в стороне от «тюрингского» пути и вместе с жившими около него ругиями и герулами мог составлять конкурента тюрингам и вновь оживающему Регенсбургу. Всё это естественным образом должно было столкнуть свеев с Данией — см. выше

о кладах на Эланде и других островах. Монополия Эланда сменяется на Балтике почти столь же жёсткой монополией Готланда, поддерживающего связи с Борнхольмом. На Готланд со второй половины 70-х гг. V в. направляется основной поток монет (преимущественно восточной империи) через Италию.

В последнее десятилетие V в. — первых двух десятилетиях VI в. возрастает нестабильность на всей южной и центральной Балтике, отмеченная горизонтом из 17 кладов золотых монет с младшими монетами императора Анастасия (491–518), в т. ч. остготского чекана: пяти — на Готланде (Fagerlie 1967: п. 130b, 135, 147, 166, 176), одного в Швеции (Fagerlie 1967: п. 6 — возможно готландского происхождения), пяти — на Борнхольме (Fagerlie 1967: п. 205, 212, 213, 219, 220), одного на острове Фюн (Fagerlie 1967: п. 194), одного в Мекленбурге (Godiowski 1980 — у истоков Хафеля), трёх — в Померании (Ciołek 2001 — Карсибор, Малехово и Мжезино) и одного — в устье Везера (Godłowski 1980 Abb. 4). К этим же кладам следует добавить и новый клад золотых монет с Борнхольма, датированный по брактеатам временем около 500 г. (Horsnæs 2002). Скорее всего, этот горизонт связан с борьбой Готланда за Балтику против свеев, использующих «тюрингский» путь, начинающийся в Восточной Пруссии. Сначала в конце V в. происходит усиление гаутов Готланда (мощь Хределя), за которым следует вскоре временное ослабление, когда враги нападают на гаутов (при Хадкюле). Временным ослаблением Готланда около 510 г. пользуются свеи, зависимые от данов, чтобы установить контроль над этим опасным конкурентом (поход Онгентеова). После отражения свейского вторжения в середине первой четверти VI в. гауты снова усиливаются (мощь Хигелака) и интенсифицируют выгодные связи не только с данами и свеями, но и с народами Среднего Подунавья вдоль линии Готланд–Дания–Нижняя Эльба–Хафель–Одер–Среднее Подунавье, или же скорее в обход лангобардов, союзников тюрингов и Теодориха Великого и врагов герулов: ...Хафель–«волынский» путь–Галиция?–Среднее Подунавье (гепиды «Беовульфа» и переселение разбитых лангобардами герулов к гаутам 494...512 гг.). Возможно, с этими событиями и связаны клады золотых монет с последними монетами Анастасия и Юстина/Юстиниана с низовьев Одера и верховьев Хафеля (Godłowski 1980). Вскоре после 510 г. Уппсала переориентируется с Дании на усилившийся Готланд (отказ Оттара в дани Фроди), что приводит к войне между свеями и данами и опустошению территорий друг друга. И те, и другие создают собственную систему дальних связей вдоль линии Фризия–Дания–Балтика–Восточный Путь (Фроди в

Восточных Странах и Оттар в Лимафьёрде). В свою очередь и гауты в 515/16 г. пытаются, возможно, в союзе с данами (Григорий Турский) установить контроль над фризами и низовьями Рейна, но терпят сокрушительное поражение (поход Хигелака). В дальнейшем (в 20–30-х гг. VI в.), судя по монетным находкам (Fagerlie 1967), Готланд продолжает доминировать на Балтике. Однако, прямых поставок монет из мест чеканки (из Восточной империи) уже не прослеживается (практически полное отсутствие идентичных штемпелей в балтийских кладах, почти полное отсутствие монет на внутренних территориях Польши). Видимо, монеты теперь поступали на Готланд через множество посредников, м. б. через франков (монета франкского короля Теодоберта) и/или через остготов. Можно предположить, что между 510 и 520 года рвутся прямые связи Готланда с Подунавьем и империей. Причиной этого разрыва могло стать крушение между 494 и 512 гг. герульского королевства в Моравии и усиление там лангобардов. Т. о. во втором десятилетии VI в. через фризов и данов проходит всё больший объём товаров. Поэтому не вызывает удивление то, что в первой четверти VI в. происходит новое возвышение Дании (Хеорот Хродгара) и Готланд завязывает дружеские отношения с данами (Эггтеов, юный Беовульф, Хигелак и Хродгар). Во второй–третьей четверти VI в. восстанавливается и связь Дания–Швеция (браки Онелы и Адильса), несмотря на попытку гаутов помешать этому. При этом конфликт с гаутами выражается в походе свеев в 30-х гг. VI в. на Готланд и в ответном нападении гаутов на свеев (Онела, Хардред и Эадгильс). Скорее всего, именно эта война отразилась в горизонте из 4 кладов золотых монет на острове Готланд с последними монетами императоров Юстина I (518–527)– два клада, Юстиниана I (527–565) и франкского короля Теодоберта (534) (Fagerlie 1967: п. 122, 137b, 156a, 179a).

После этого в системе Дания–Швеция–Готланд на период 30–70-х гг. VI в. устанавливается некоторое подобие неустойчивого равновесия (фигуры Адильса, легендарного Беовульфа и Хрольфа Жердинки), при сохранении традиционной напряжённости вдоль линии Рейн–Дания–Балтика (поход Адильса к саксам и Хельги против Адильса, пожар Хеорота и война данов с халобардами). Археологически в Скандинавии это время определяется как начало позднегерманского железного века (ведельского или меровингского периода 520/530–789/793). Начало вендельского периода, по мысли Аррениус (Arrhenius 1982: 63), является следствием контактов Швеции с Центральной Европой ещё до славянской колонизации и разрыва прямых связей с континентом. Возможно, раздел франками, сакса-

ми (и славянами?) тюрингского королевства в 529–531 гг. и привел к разрыву самостоятельных шведских связей с югом по «тюрингскому» пути. Впрочем, и спрос самой Равенны на меха должен был упасть, т. к. с 535 г. Италия была втянута в двадцатилетнюю войну с империей. С другой стороны, появились новые богатые заказчики, например: лангобарды в Среднем Подунавье, возможно перехватившие у тюрингов связи с севером, но об этом мы пока ничего не знаем. В свою очередь, и гауты развивают, правда м. б. не очень удачно, отношения по линии Готланд–Дания–Эльба–Средний Дунай–Константинополь (информаторы Прокопия, посольство герулов и поездка Датия). Не исключено, что противостояние гепидов и лангобардов середины VI в. также отчасти связано с борьбой за пушные пути. После 568 г., когда Альбуин уводит лангобардов, свевов и другие группы варваров Поэльбья в Италию, а на их место в Среднем Подунавье заступают авары, связи Средиземноморья с Северной Европой через карпато-дунайские земли должны были прерваться, что могло привести к полной перестройке пушных путей. Находками бронзовых монет сер. VI–VII вв. отмечены во внутренней Польше Чёрный шлях и «волинский» путь (Godłowski 1980 Abb. 5), что указывает на некоторое преобладание в это время связей восток–запад на территории к северу от Карпат. В VI в., по мнению исследователей, происходит переориентация связей Балто-Скандии с юга на запад, на Меровингов (Näsman 1998).

В последней четверти VI в. после смерти Адильса и Хрольва Жердинки начинается новая дестабилизация в Балто-Скандии: на Швецию совершают набеги датчане, норвежцы и викинги с востока Балтики. В конце VI в. линия Рейн–Балтика–Восточный Путь уходит из-под власти Инглингов и Скъельдунгов и оказывается на некоторое время под контролем ютов (морской конунг Сёльви). В начале VII в. Инглинги возвращают себе контроль над Уппсалой, возобновляют связь с Данией и ставят под свой контроль Восточный Путь (Ингвар, Энунд и Скира). Усиление свеев и попытка централизации Швеции (Ингьяльд Коварный) приводит в третьей четверти VII в. к перенапряжению и внутреннему коллапсу в Швеции, в результате чего вся система связей Рейн–Нижняя Эльба–Дания–Швеция–Восточные Страны оказывается под контролем знати Сконе (Ивар Широкие Объятия). Возможно, с этим движением на восток связаны находки золотых монет императора Фоки (602–610) в Хельсингланде и в Эстерботнии (Knapke 1941: Karte C, Tab. 11).

Дальнейшее развитие в конце VII — VIII вв. всей системы политических, военных и торговых отношений вдоль пушных путей приведёт

к усилению связей по линии Северное море—северо-восток Балтики и ко всё более интенсивному проникновению скандинавов на восток в Приладожье и далее по речным путям. Одновременно, с юга через земли, контролируемые хазарами, начнётся проникновение на эти же территории первопроходцев из юго-восточной Европы. Таким образом, два, сформировавшиеся в V—VI вв. центра добычи пушнины (Балто-Скандия и степи Восточной Европы) сомкнутся на северо-востоке Европы в своём постепенном продвижении в поисках более богатых угодий. Основные пути и рынки и в балто-скандинавском, и в степном регионе были с самого начала в руках не тех, кто непосредственно добывал зверя. И скандинавы, и гунно-булгары или хазары эксплуатировали для добычи более или менее зависимое от них лесное население: финнов, саамов, славян, угров. В связи с этим стоит поставить вопрос, не объясняется ли странная миграция части славян с юга на север Восточной Европы на земли будущих Новгородчины и Псковщины какими-то не совсем нам ясными связями этих славян с системой пушной торговли на Северо-Востоке Европы в VII—VIII вв.? Действительно, в эту эпоху (IV—VIII вв.) в Европе есть всего три случая миграции населения не с севера на юг, а в обратном направлении, с юга на север. Во-первых, это рассмотренный выше уход части герулов к гаутам в начале VI в. Во-вторых, это откочёвка Серебрянных булгар из Великой Булгарии в Подонье на Среднюю Волгу и Каму во второй половине VII в. И в-третьих, это переселение словен новгородских из северо-западной (судя по их говору) окраины славянской ойкумены к Ильменю. В то время как все народы (и германцы, и кочевники, и славяне) стремятся на солнечный юг, в империю, к Средиземному морю, — эти три ушли на снежный север. Не стоит ли предположить, что за таким странным, нестандартным поведением стоит какая-то одна общая причина? Навряд ли словене новгородские имели какой-то готовый разработанный «проект Ладога—Волхов», скорее это продвижение на север мотивировалось сложной системой мифологических и легендарных представлений, сведений и слухов. Но образ богатого сказочными пушными угодьями севера мог сыграть свою решающую роль. Славяне, естественным образом оказавшиеся между двумя регионами добычи пушнины (Балто-Скандией и Поволжьем), так или иначе, должны были быть рано или поздно вовлечены в систему пушных связей. В таком случае, можно было бы заключить, что возникновение пути «Из варяг в греки или в арабы» и формирование сначала варяжской, а затем и вскоре варяжско-славянско-финн-

ской Руси было запрограммировано географией Северо-Восточной Европы с рубежа IV/V вв. — с того момента, как возникла мода на меха в столицах Средиземноморья.

Предложенная здесь реконструкция событий истории Северной Европы в V–VI является лишь предварительным приближением к действительно научной реконструкции событий, которая будет выполнена с соблюдением всех этапов критики источников и основана на всей имеющейся специальной литературе. Это дело будущего. Данная статья призвана лишь обратить внимание коллег на эту проблему, нежели чем решить её. Хотелось при этом показать широкие возможности междисциплинарного исследования в этой области. Главное, что должна показать предлагаемая статья, — это то, что возможности источников по политической истории Балто-Скандии IV–VII вв. отнюдь не исчерпаны. Требуется более детальное изучение данных каждой группы источников в отдельности (кладов с островов и побережья Балтики, скандинавской и англосаксонской традиции, латинской терминологии, археологического материала и т. д.). При этом исследование каждого источника должно проводиться, с одной стороны, строго методологически независимо, а с другой — с оглядкой на достижения в изучении соседних областей и с прицелом на решение главной задачи: не восходят ли характерные черты (в т. ч. пушная торговля) более хорошо обеспеченной источниками эпохи викингов к предшествующему времени. Главное здесь не увязнуть в «ползучем эмпиризме» (в исследовании штемпелей солидов, типов фибул, значений терминов) и, в то же время, не поддаться романтике «доверительного соединения» данных эпоса, археологии и письменных источников. О соотношении письменных источников и археологических сказано и написано уже достаточно, а вот подходы к использованию данных устной традиции только нащупываются. Серьёзным прорывом в этой области, как всегда, являются исследования в области классических древностей — изучения гомеровских поэм. Сопоставление данных поэм с хеттскими текстами, микенскими табличками, египетскими текстами и археологией показало высокую степень достоверности содержащихся в греческой эпической традиции сведений (Гиндин, Цымбурский 1996). Северная устная традиция — не менее достойна пристального внимания историков и археологов, реконструирующих событийную историю и, как показывает внимательный разбор отдельных сюжетов (например, воробей конунга Дага), не менее благодарна по отношению к её исследователям.

Приложение

ЛАТИНСКАЯ И ГРЕЧЕСКАЯ «ПУШНАЯ» ТЕРМИНОЛОГИЯ

Для анализа терминологии был проведён сплошной подсчёт словоупотребления в произведениях всех античных авторов по базе данных Мусайос (исследован текст сочинений 350 латинских авторов из которых слова *pellis*, 119 раз, и *pellitus*, 149 раз, встречаются в 45 сочинениях), а также анализ словарных статей бывших у меня под рукой словарей греческого и латыни (Dimitrakos; Du Cange; Georges; Habel/Gröbel; Langenscheidt; Mühlmann/Windel; Tasch.-Heinichen). Несомненно, тема требует специального исчерпывающего филологического исследования, на которое никак не претендует нижеследующий текст.

Соболь:

mus silvestris 'лесная мышь' (горностаф: Mühlmann/Windel, s.v.); *πόντιος* *μῦς* 'понтийская мышь' (Langenscheidt, S.520).

Куница:

meles, -is/ *melis*, -is — одновременно и 'куница', и 'барсук'; *mus* 'мышь' — Sen. Min. ep. 90,16; *mus silvestris* ? 'лесная мышь' Amm. Marc. XXXI,2,5.; *ἡ γαλιῆ*, *ἡ γαλιῆν* — одновременно и 'куница', и 'ласка', и 'хорёк'.

Бобр:

fiber; *beber* Prisc. 5,14; schol. Iuven. 12,34 (Georges, s.v.: «spätlat.») < *bever*, *Parias* (Du Cange I,646) < *fiber*/*feber*; *castor* < *κάστωρ*; *ponticus canis* — 'понтийская собака' (Du Cange I,646);

производные: *fibrinus* 'бобровый' — в базе данных «Мусайос» встречается 4 раза, и все — в медицинском контексте у Плиния Младшего; *fibrina vestis* 'бобровая одежда' Isid. 19,22,16 (Georges, s.v.); *fibrinum* — 'Biberhaar' Isid.19,27,2 (Georges, s.v.); *bebrinus* — 'zum Biber gehörig, Biber-', (pelles) schol. Iuven. 2,106 (Georges, s.v.); *castorinus* = *castorius* (Du Cange s.v. II,212); *castorinas/castorias vestes in pretio olim fuisse testantur* Sid.carm.5; *Ambros.dign.sacerd.4* (Du Cange s.v. II,212); *castorinus pellis* — *edict.Diocl. 8,31* (Georges, s.v.); *castorinatus* — 'in Biberfelle gekleidet' (Georges, s.v.); 'castorina pelle indutus, ornatus' *castorinati ad letanias* Sid. ep. 5,7 (Du Cange s.v. II,212); *castoreatus* = *castorinatus* (Du Cange II,212).

Выдро:

lutra; *ἡ ἐνυβρίς*, *ἡ ἐνυβρίς* — букв. 'подводный'; *ἡ βύβρα* — ново-греч. димот. (~ слав. *vydra ~ греч. βύβρα 'гидра'); *lutrinus*, a, um — 'выдровый' средневековое (Tasch.-Heinichen s.v.; Habel/Gröbel s.v.).

Мех:

классическая античность:

pellis, is (= vellus, eris) — ‘шкура, мех, кожа’; τὸ δέρμα — ‘шкура, мех, кожа’; διφθέρα — ‘шкура, кожа’;

производные: pellotus, a, um — ‘одетый в / сделанный из меха/кожи’; scorteus, a, um — ‘сделанный из шкуры, кожи, меха’; scortea, — ‘одежда из шкуры, кожи, меха’; δερμάτικος — ‘сделанный из шкуры, кожи, меха’; διφθέρινος — ‘сделанный из шкуры или кожи’; διφθέριος — ‘одетый в кожу или шкуру’.

позднсантические новообразования от слова *pellis*:

pellicius/pelliceus, a, um — spl. ‘aus Fellen gemacht’ (Tasch.-Heinichen s.v.); ‘aus Fellen gemacht, Fell-’, tunicae Pallad., stragula Ict, vestis Sulp. Sev., sella Hist. Aug., indumenta Isid. (Georges s.v.);

pellicium, i как существ. — spl. ‘Pelz(werk)’ (Tasch.-Heinichen s.v.), . ‘Pelzwerk, Pelzrock, Pelzmantel’ (Habel/Gröbel s.v.) [> *germ.* Pelz, *span.* peliejo, *ital.* pelliccia];

pellura, ae — ‘Pelzwerk’ (Habel/Gröbel s.v.);

pelloris, e — ‘aus Fellen’, galerus Paul. Fest. 2004, 13 (Georges s.v.);

pelleus, a, um — ‘aus Fellen’, Isid. orig. 19, 24, 1 (Georges s.v.);

pellinus, a, um — ‘aus Fellen gemacht’ femoralia ‘Beinkleider’ Iul. Val. 3, 17(17) (Georges s.v.);

pelleatus, a, um — = pellitus, Paul. Nol. carm. 17, 250 (Georges s.v.).

средневековый неологизм:

γού(v)να — ‘мех’, среднегреч. и новогреч. (Dimitrakos s.v.), schol. in Aristoph. nubes - 2 раза

Итого имеем:

pellicius ~ pelliris ~ pelleus ~ pellinus = *классич. лат.* (ex) pellibus factum, scorteus, δερμάτικος, διφθέρινος

pellicium ~ pellura ~ γού(v)να (mediaeval) = *классич. лат.* pelles, scortea, τὸ δέρμα, διφθέρα

pelleatus = *классич.* pellitus, διφθέριος

bebrinus = *классич. лат.* fibrinus;

fibrinum = *классич. лат.* fibrina pellis

castorinatus ~ castoreatus = *классич. лат.* in castorinam vestem

castorius = *классич. лат.* castorinus

lutrinus, a, um — *классич. лат.* lutrae

- ¹ Suehans. Несомненно это свей, так как по-готски реконструируется: свей — *sweha, мн. число — *swehans.
- ² Thuringi. Для латыни и для греческого форма несколько странная. Возможно также готская: *þwīgigs. В таком случае (см. также о свейх), источник Кассиодора был написан на готском.
- ³ О конях тюрингов, присланных в дар Теодориху, сообщает Кассиодор в «Вариях» (Скржинская 1997: 185 прим. 54).
- ⁴ Sappherinas pelles, 'иссинечёрные меха', а не 'голубые'. Здесь совершенно права Е.И.Скржинская (Скржинская 1997: 185 прим. 55 без ссылки на литературу). Греч. σαπφείρινος определяется (Dimitrakos 1964: 1098 s.v.) как βαθύχρῶνος, которое в свою очередь определяется как 'глубоко иссинечёрный'. Основа κρῶνο- применима для обозначения воронёной стали, чернобровости, тёмно-волосости (ibid.: 755). У Иордана с характерной для него ошибкой: sappherinus вместо sappherinus. По-латыни слово sappherinus используется в основном юридическими и религиозными авторами: Дигесты, Вульгата, Иероним.
- ⁵ Перевод Е.Ч.Скржинской (Скржинская 1997), выправленный мной по латинскому оригиналу.
- ⁶ Здесь — явный текстологический шов, за которым скрывается пропуск в тексте Кассиодора, допущенный Иорданом.
- ⁷ Hunugiri. Возможно это не оногуры (тюрки или угры?) в Предкавказье (как у Скржинской), в лесные охотники угры или, точнее, мадьяры (ср.-лат. Hungari) северной окраины степей (Анфертьев 1991: 143 прим. 139).
- ⁸ Опять текстологический шов (Анфертьев 1991: 143 прим. 140).
- ⁹ Пер. А.Н.Анфертьева (Анфертьев 1991: 107–109), уточненный мною по латинскому оригиналу, приведенному А.Н.Анфертьевым (там же).
- ¹⁰ «Адогит», скорее всего, как установлено исследователями (см.: Анфертьев 1991), — испорченное при переписывании слово «фулит».
- ¹¹ Правда, эта работа уже несколько устарела, и в среде нумизматов существует мнение, что результаты Фаджерли следует обосновать более широкой источниковой базой и более современными методами исследования.
- ¹² Тот факт, что кольца были сделаны в период до IV в. (весовая система на базе мины, а не фунта!) и тогда же попали к варварам, ещё вовсе не означает, что тогда же они попали и на Север! Нет необходимости приписывать честь их похищения из какого-то храма в империи гаутским вождём, как это делает Хершенд. Вполне возможно, что на Север они попали уже позже — в V–VI вв. вдоль торгово-обменного пути западных гаутов с континентальными германцами.
- ¹³ К сожалению, тексты этих источников проработаны мною лишь в переводах (Бсовульф... 1975, Сага об Инглингах 1995, Видсид 1982), а «Деяния данов» Саксона Грамматика не использованы вовсе ввиду методологических трудностей соотнесения этого источника с другими.
- ¹⁴ Если, конечно, это не монеты из погребений или жертвоприношений.
- ¹⁵ От Магдебурга до Регенсбурга путь полностью контролировался королем тюрингов, чьи владения как бы вытянулись с севера на юг вдоль линии этой дороги. Участок от верховьев Заале до Регенсбурга реконструируется для римского времени, среди прочего, на основе маршрута движения Фридриха I (1152–1190), — Großer Atlas...1990: S. 36 E 2–3, 62 IV E 3.

Литература

- Анфертьев 1991** — Анфертьев А.Н. Иордан: перевод и комментарий // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I (I–VI вв.) / ред. Л.А. Гиндин, Г.Г.Литаврин. М., 1991. С. 98–169.
- Беовульф** // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М., 1975.
- Брассер 1978** — Брассер Т. Дж. К. Прибрежные алгонкины — народ первых рубежей // Североамериканские индейцы. М., 1978. С. 31–65.
- Гиндин, Цымбурский 1996** — Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л. Гомер и история Восточного Средиземноморья. М., 1996.
- Глушанин 1991** — Глушанин Е.П. Военная знать ранней Византии. Барнаул, 1991.
- Видсид** // Древнеанглийская поэзия / Смирницкая О.А., Тихомиров В.Г. М., 1982.
- Казанский 1997** — Казанский М. О германских древностях поздеримского времени в Крыму и Приазовье // Международная конференция «Византия и Крым», Севастополь 6–11 июня 1997. Севастополь, 1997. С. 48–51.
- Курбатов, Матюхина 2004** — Курбатов А.В., Матюхина Т.С. Рец. : Leather and Fur. 1998 // АВ, 11, 2004. С. 350–358.
- Лебедев 1985** — Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985.
- Мачинский 1998** — Мачинский Д.А. Эпоха викингов в «Скандинавском Средиземноморье» и русско-варяжский период на «восточных путях» (Austrvegir) // Ладога и эпоха викингов. Четвертые чтения памяти А.Мачинской. СПб., 1998. С. 130–139.
- Сага об Инглигах** // Снори Стурлусон. Круг Земной. М., 1995.
- Сакса 1990** — Сакса А.И. Финляндия и Карелия в позднем железном веке // Congressus septimus internationalis fenno-ugristarum. 2 В, summaria dissertatonum. Debrecen, 1990. P. 200.
- Сакса 1996** — Сакса А.И. Карелия и Ладожская область в I — начале II тыс. н. э. // Ладога и Северная Европа. Вторые чтения памяти А.Мачинской. СПб., 1996.
- Скржинская 1997** — Иордан. О происхождении и деяниях гетов. «Getica» / Пер., комм. Е.Ч.Скржинской. СПб., 1997.
- Таавитсайнен 1990** — Таавитсайнен Ю.П. Таёжная Финляндия района Саво в эпоху железного века // Финны в Европе. VI–XV века. Вып. 1. М., 1990. С. 91–106.
- Фентон 1978** — Фентон У.Н. Ирокезы в истории // Североамериканские индейцы. М., 1978. С. 109–156.
- Шувалов 1989** — Шувалов П.В. Славяне и германцы в Среднем Подунавье в 488/489–566/568 гг. // Славяне. Этногенез и этническая история (междисциплинарные исследования). Л., 1989. С. 115–120.
- Шувалов 1994** — Шувалов П.В. Проблемы истории и нумизматики днестро-дунайских земель в VI в. // Revistă de istorie a Moldovei, V, 1 (17). Chişinău, 1994. P. 49–55

- Шувалов 1998** — Шувалов П.В. Структура «Видсида» и эпическое время // Ладога и эпоха викингов. Четвертые чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 1998. С. 25–30
- Шувалов 1999** — Шувалов П.В. Монеты между археологией и нумизматикой // Археологические вести (ИИМК РАН) 6, 1999. С. 374–403.
- Шувалов 2001** — Шувалов П.В. У истоков средневековья: двор Аттилы // Проблемы социально-политической истории и культуры средних веков и раннего нового времени. Вып. 3 / ред. Г.Е.Лебедева. СПб., 2001. С. 130–145.
- Шувалов 2004** — Шувалов П.В. Инглинги и Восточный путь в IV–V вв. (Yngl. 18, 19) // Проблемы этнокультурных контактов. СПб., 2004.
- Шукин 2005** — Шукин М.Б. Готский путь. СПб., 2005.
- Эря-Эско 1990** — Л. Эря-Эско. Похьянмаа (Ботния) // Финны в Европе. VI–XV века. Вып. 1. М., 1990. С. 74–90.
- Atlas zur Geschichte**, Bd. 1, Gotha–Leipzig: Haack, 1976.
- Arrhenius 1982** — Arrhenius B. The Chronology of the Vendel Graves // Studies of the Museum of National Antiquities (SHM), Stockholm, vol. 2. P. 39–69.
- Bitner-Wróblewska 2001** — Bitner-Wróblewska A. From Samland to Rogaland. East-West connections in the Baltic basin during Early Migration Period. Warszawa, 2001.
- Bursche** — Bursche A. Later Roman-Barbarian Contacts in Central Europe: Numismatic Evidence. Spätromische Münzfunde aus Mitteleuropa / SFMA, Bd. 11.
- Bursche 1993** — Bursche A. Roman Coins in Scandinavia — a Continental Perspective // 19. nordiske arkaeolog kongres. Vejle, 1993.
- Ciolek 2001** — Ciolek R. Katalog znalezisk monet rzymskich na Pomorzu. Warszawa, 2001.
- Dimitrakos 1964** — Δημητράκου Δ. Νεόν λεξικόν ὀρθογραφικόν καὶ ἐρμενευτικόν. Αθήναι, 1964.
- Du Cange 1967** — Du Cange. Glossarium mediae et infimae latinitatis. 1883 sq.
- Fagerlie 1967** — Fagerlie J.M. Late Roman and Byzantine solidi found in Sweden and Denmark. N.-Y., 1967.
- Georges 1995** — Georges K.E. Lateinisch-deutsches Handwörterbuch. Darmstadt, 1995.
- Godłowski 1980** — Godłowski K. Das Aufhören der germanischen Kulturen an der mittleren Donau und das Problem des Vordringen der Slawen // Die Völker an der mittleren und unteren Donau im 5. und 6. Jh. Wien, 1980. S. 225–232.
- Goldroom 2002** — The Goldroom Guide. Statens Historiska Museet, Utställningskatalog 340. Stockholm, 2002.
- Großer historischer Weltatlas**. München: Bayerischer Schulbuch-Verlag, 1979, 2. Aufl.
- Großer Atlas zur Weltgeschichte**. München: Orbis, 1990, 2. Ausg.; = Braunschweig: Westermann Schulbuchverlag, 1963, 1. Ausg.
- Habel/Gröbel** — Mittelalterliches Glossar / Hrsg. von E. Habel und F. Gröbel. Paderborn, 1989.

- Haussig 1980** — Haussig H.W. Nachrichten über den skandinavischen Pelzhandel mit byzantinischen Kaufleuten an der Mündung des Don in der ersten Hälfte des 6. Jh. // *Wirtschaft, Technik und Geschichte. Festschrift A. Timm*. Berlin, 1980. S. 53–62.
- Herschend 1980** — Herschend F. Två studier i öländska guldfynd. I. Det myntade guldet // *Tor*, vol. XVIII (1978–79), 1980. S. 33–195.
- Herschend 2001** — Herschend F. Two «West-Geatish» Greeks. The gold from Vittene and Timboholm // *Roman Gold ...* P. 103–118.
- Horsnæs 2002** — Horsnæs H.W. New Gold Hoards from Bornholm with Rare Types of Valentinian III *solidi* // *Revue numismatique*, vol. 158, 2002. P. 131–138.
- Knapke 1941** — Knapke W. Aurei- und Solidi-Vorkommen an der Südküste der Ostsee und ihre Zusammenhänge mit der umliegenden Fundwelt // *Acta archaeologica*, vol. XII, 1941. S. 79–118.
- Kolendo 1999** — Kolendo J. L'importation de fourrures du Barbaricum sur le territoire de l'Empire romain // *Münsterische Beiträge zur antiken Handelsgeschichte*, Bd. XV, 2, 1999. P. 1–23.
- Langenscheidt** — Güthling O. Langenscheidts Taschenwörterbuch. Deutsch-altgriechisch. Berlin, 1991.
- Lund Hansen 1988** — Lund Hansen U. Handelscentre i Danmark i romersk og ældre germanisk jernalder // *Festskrift til Olaf Olsen på 60-års dagen den 7 juni 1988*. København, 1988.
- Maćzyńska 1978** — Maćzyńska M. Paciorki z okresu rzymskiego I wczesnej fazy okresu wędrówek łodzi na obszarze środkowoeuropejskiego Barbaricum // *Archeologia*, XXVIII, 1977(1978). S. 61–94.
- Mühlmann/Windel** — Mühlmann's lateinisch-deutsches und deutsch-lateinisches Handwörterbuch / bearb. von H. Windel. Leipzig, 1885.
- Näsman 1998** — Näsman U. The Justinianic Era of South Scandinavia: an Archaeological View // *The sixth century. Production, distribution and demand*. 1998. P. 255–278.
- Roman Gold and the Development of the Early Germanic Kingdoms. Aspects of technical, socio-political, socio-economical, artistic and intellectual Development, AD 1–550.** Stockholm, 2001.
- Saksa 1992** — Saksa A. I. Karelia and the West-Finnish Cultural Area in the Late Iron Age // *Cultural Heritage of the Finno-Ugrians and Slavs*. Tallinn, 1992. P. 96–105.
- Tasch.-Heinichen** — Lateinisch-Deutsches Taschenwörterbuch zu den klassischen und ausgewählten spät- und mittellateinischen Autoren auf Grund des Schulwörterbuches von F.A. Heinichen. Leipzig, 1980.
- Werner 1949** — Werner J. Zu den auf Öland und Gotland gefundenen Byzantinischen Goldmünzen // *Fornvannen*, 1949, Hft. 5–6. S. 257–286.
- Wielowiejski 1980** — Wielowiejski J. Główny szlak bursztynowy w czasach cesarstwa rzymskiego. Wrocław, 1980.

ОТ РАГНАРА ЛОДБРОКА ДО ВИДГАУТРА
(о датских и шведских контактах сембов и куршей
в эпоху викингов и в раннем средневековье)

Письменные и археологические источники по изучению контактов между населением Восточной Балтики и Скандинавией представляют собой две различные по своему характеру группы. Первые в большинстве своём были записаны в более позднее время по отношению к описываемым событиям и зачастую достаточно тенденциозны. Вторые требуют детального контекстного анализа и могут помочь в проверке объективности информации, содержащейся в письменных источниках. Недавно Артурас Мицкявичюс осуществил анализ этих письменных источников и пришёл к выводу о существовании определённых «сфер влияния» скандинавов в этом районе (рис. 1). К датской сфере влияния исследователь отнёс Самбию, земли западных славян. К шведской зоне отнесены Ливония, Земгалия и Курония (Mickevičius 1997: 191–199). В предлагаемой работе я хотел бы остановиться на том, в какой мере письменные данные коррелируются с археологическими и как межэтнические контакты в этом регионе в эпоху викингов интерпретировались ранее и сейчас скандинавскими исследователями.

Согласно письменным источникам, первые контакты датчан с восточным побережьем Балтики связаны с их легендарными королями Фроде и Рёриком, воевавшими с куршами. Ко времени около 800 г. относится поход легендарного датского викинга Рагнара Лодброка в землю куршей и земгалов (Saxo IX, 308). Временем около 850 г. датируется сообщение Римберта о походе датчан на племена куршей «ранее подвластных шведам». Как свидетельствует «Житие Св. Ансгария», вскоре куршам удалось одержать победу над датчанами и более того — захватить часть их кораблей, из которых они изыяли много золота и серебра (VA XXX, 405). Несколько позже шведы под предводительством конунга Олава попытались вернуть подвластные им ранее куршские территории. Во время осады Алулии курши предложили выкуп — «всё золото и всё оружие» изъятые ими у датчан (VA XXX, 414).

Таким образом, из приведенных выше источников проистекает, что по крайней мере в первой половине IX в. были установлены достаточно тесные контакты населения Дании и Швеции с отдельными участками восточного побережья Балтики. Можно ли видеть отражение этих контактов в археологическом материале?

На территории юго-восточной Прибалтики (в особенности Латвии) найдено большое количество древностей скандинавского происхождения (Мугуревич 1965; Muguŗēviĉs 1992; Apala, Apals 1992; Atgāzis 1992; Jansson 1992; Thunmark-Nylén 1992; Zariņa 1992). Однако, как показал критический анализ, большая часть из них бытовала в среде местного населения в то время, когда в Скандинавии они уже вышли из употребления (Jansson 1992; Atgāzis 1992; Zariņa 1992). Строго говоря, надёжно датированные комплексы эпохи викингов концентрируются только на территориях древних куршей и пруссов, поэтому анализ их контекста заслуживает особого внимания.

Скандинавские древности найденные на территории куршей, как известно, концентрируются в Гробиня и были предметом специальных исследований (Nerman 1958; Petrenko 1991; Jansson 1994). Биргер Нерман осуществил археологические раскопки трёх могильников Гробиня — двух курганных (Priediens II, Poŗāni) и грунтового могильника (Rudzukalns I), возникших в VII в. и функционировавших вплоть до начала эпохи викингов (Nerman 1958: 168; см. Jansson 1994: 9–16 с детальным разбором и критикой аргументов Нермана). В курганных могильниках он выявил, в основном, мужские погребения, содержавшие большое количество скандинавских находок. Некоторые из таких вещей, по его мнению, происходили из Средней Швеции. Погребения из грунтового могильника также содержали скандинавские древности и были интерпретированы им как готландские. Таким образом, погребённых в курганных могильниках он считал представителями военного гарнизона из Средней Швеции, который осуществлял политическую и военную власть над данной территорией. Находки же многочисленных женских захоронений в этих курганных могильниках, с предметами готландского типа, он объяснял совместными браками шведов с готландскими женщинами.

Раскопки Гробиня 1984–1989 гг. внесли существенные коррективы в такую интерпретацию. В результате этих исследований не подтвердился факт доминирования мужских погребений в курганном могильнике Приедиенс II. Здесь некоторые раскопанные Нерманом курганы с мужскими захоронениями были подвергнуты доисследованию, в результате которого были выявлены более поздние женские грунто-

вые погребения по обряду трупосожжения. Эти погребения принадлежали куршскому грунтовому могильнику, древнейшая часть которого располагалась севернее от исследованных курганов (Петренко 1986). В результате раскопок этого же могильника были выявлены также остатки поселения среднего-позднего железного века, расположенного у юго-западной оконечности могильника (Петренко 1987; 1989). В одном из курганов, содержащем остатки кремации с мужским и женским инвентарём, встречены обломки щита Вендельского времени Скандинавии. В вершине насыпи была найдена стелла типичная для меморативных памятников Готланда. Весь погребальный комплекс датирован концом VII в. (Петренко 1987; Petrenko 1991; Petrenko, Urtåns 1995: 11–12, fig. 18). В.П.Петренко пришёл к выводу о «полифункциональном характере культурного освоения в течении многих столетий данной территории» (Петренко 1989). Полиэтнический характер населения Гробиня, по мнению исследователей, позволяет интерпретировать его как торговый центр (Петренко, Вирсе 1993: 102).

Рассматривая происхождение некоторых древностей из Гробиня, Нерман указал только на готландские и среднешведские их параллели. В последнее время, на примере находок так называемых клювообразных фибул (швед. «näbbförmiga spännerna» / нем. «tierkopfförmigen Fibeln») из окрестностей Эльблонга (Новинка) и Гробиня (Nerman 1958: 94, Taf. 1: 23; 5: 35–36; 25: 139; 28: 157), были отмечены также южнскандинавские контакты (Jansson 1994: 14–15). Фибулы такого типа найдены в четырёх погребениях Гробиня (рис. 2–3). Биргер Нерман полагал, что самая ранняя пара таких фибул происходит из погребения I, которое он на основании готландских аналогий датировал серединой VII в. Фибулы из других трёх погребений (III, 35, 45) были отнесены им ко второй половине VIII в. (Nerman 1958: 94) (рис.). Как показали исследования, подавляющее большинство таких украшений происходит из Южной Скандинавии и датируется VI–VII вв. (Ørsnes-Christensen 1955: 154; Strömberg 1973: 233–234; Höiland Nielsen 1987, fig. 10). Из Готланда происходит относительно небольшое количество этих фибул. Нерман датирует их VII в. (Nerman 1969, Taf. 96). Особенности орнаментации, а также технологические детали фибул из Гробиня не находят соответствия в скандинавском материале, что указывает на их местное изготовленное под влиянием готландских фибул ранней эпохи викингов (Thunmark-Nylén 1983: 309, fig. 3). Таким образом, эти украшения носились в Гробиня тогда, когда в Скандинавии они вышли из употребления.

В сравнении с другими территориями Балтики, скандинавские древности, найденные на бывшей территории древней Пруссии, составляют довольно многочисленную группу, состоящую из вещей принадлежащих как женщинам, так и мужчинам. Внимание к ним было привлечено уже в 1920–30-х гг. (La Vaume 1926: 15–20; Engel 1932: 168–177; Engel, La Vaume 1937: 202–208). Уже в то время было обращено внимание на концентрацию этих находок в Вискаютене (Кауп) и Эльблонге и высказано мнение о существовании там скандинавских колоний выходцев из Дании, средней Швеции и Готланда. Однако исследования последних лет внесли существенные коррективы. В частности раскопки в Янове Поморском (Трусо) засвидетельствовали следы существования там торгово-ремесленного центра (Jagodziński М. 1988; 1991; 2000; 2001). Среди многочисленных импортов выявлены также и скандинавские украшения в виде равноплечных (типы 58; 80; 69/70), а также скорлупообразных фибул типа Бердаль, распространённых в основном в Южной Скандинавии и Средней Швеции (Petersen 1928: 19; Callmer 1999: 203, 206, 208, 215). Эти украшения совершенно не характерны для Готланда, что позволяет сделать заключение о том, что проживание здесь готландских колонистов — историографический миф, имеющий мало общего с действительным положением вещей.

По мнению Биргера Нермана, свеи в начале IX в. покинули землю куршей и основали на Самбийском полуострове, около Вискаютена (современное название Моховое) новую колонию. Согласно его данным, здесь существовал большой могильник состоявший как минимум из 500 курганных и грунтовых погребений. Ко времени раскопок исследователя в 1932 г. здесь насчитывалось 215 курганов (Nerman 1942: 92–94). Некоторые из погребений совершенно не имели насыпей, отдельные достигали высоты до 1,5 м при диаметре 12 м. Большинство исследованных погребений содержали трупосожжения овальной или округлой формы. Умерших сжигали на месте, после чего остатки кострища сгребали от краёв к центру. Иногда сверху на кострище ставили большой камень. Зафиксирован обычай умышленной порчи оружия, как например, в кургане № 43, где был найден согнутый меч (рис. 4). Под насыпями отдельных курганов (курган № 44) известны концентрические каменные выкладки (рис. 5–6) характерные для могильников Средней Швеции эпохи викингов (Gräslund 1980: 67). В могильнике исследованы также погребения по обряду трупоположения. Одно из них (курган № 143) содержало погребение в деревянной камере с мечом, пряжкой и ведром. У головы выявлены остат-

ки серебрянного шитья от головного убора. С правой стороны от погребённого, на небольшом вырезанном в земле уступе был найден костяк коня с упряжью (рис. 7) Такое положение коня по отношению к умершему и самой камере совершенно не типично для Бирки. В Бирке известен ряд камер с погребениями коней на земляных уступах, однако они всегда расположены у ног погребённых (Gräslund 1980: 67). Биргер Нерман, полагал, что в Вискаютене в IX—X вв. существовала колония шведов, происходивших из Средней Швеции. По его мнению, по характеру поселение было гарнизоном, осуществлявшим также и торговлю. Исследователь также высказывал предположение о существовании здесь же колонии готландских купцов, могильник которой, возможно, ещё не найден. В течении последующих веков, шведские колонисты были ассимилированы местным населением, на что указывают соседство скандинавских погребений с прусскими раннесредневековыми захоронениями. Причиной основания колонии исследователь называет выгодное местоположение для ведения торговли и контроль над выходом к устью реки Мемель по которой скандинавы проникали на территорию Руси (Nerman 1936: 79; 1942: 109—110).

Необходимо отметить, что для большинства работ этого исследователя характерно рассмотрение деятельности шведов на берегах Балтики как крупномасштабных политических акций шведских королей и шведского государства (Nerman 1936: 81; 1942; 1958: 195). Такой подход был в целом характерен для скандинавской историографии того времени, наивно полагавшей, что археологические источники в силах продемонстрировать историю образования государств. Как показали современные историки, ранее второй половины XII — первой половины XIII в. о существовании государства в Швеции вообще говорить не приходится (Sawyer 1991:62; Lindkvist 1988:8, 59).

Проживание готландских женщин в среде местного населения древней Пруссии, также можно считать сомнительным. К примеру, из Вискаютена происходят две коробчатые фибулы типичные для женского костюма Голланда (Mühlen 1975: Taf. 3, 1—2). Одна из фибул (Thunmark-Nylén 1983: 47, fig. 36) входила в состав погребения, которое содержало пару скорлупообразных фибул типа 37 по Яну Петерсену (рис. 8), характерных для материковой Скандинавии (Petersen 1928; Jansson 1985). Готланд являлся единственным исключением — там эти броши не носились. Здесь, в отличии от скорлупообразных, использовали парные бронзовые фибулы в виде звериных морд (Carlsson 1983.). Коробчатые фибулы иногда входили в состав украшений, однако, их использование не было связано с традиционным

дизайном одежды. Орнаментация коробчатой фибулы из этого погребения выполнена в поздневендельском стиле, датируемом второй половиной VIII в. Однако, данный экземпляр, насколько можно судить по фотографии, явно несёт следы потёртости и характеризуется низким качеством рельефа изображения, что свидетельствует о достаточной изношенности образца из которого изготавливалась глиняная форма (Thunmark-Nylén 1993: 223–234). Таким образом, данная фибула относится ко времени, когда массовое производство такого типа застёжек на Готланде уже закончилось.

Это же вывод справедлив по отношению к другому погребению из Вискаютена (Mühlen 1975, Taf. 23), содержащего также ранний тип коробчатой фибулы (Thunmark-Nylén 1983: 34) и пару скорлупообразных фибул 42 типа (Jansson 1985: 61ff; рис. 9). Орнамент коробчатой фибулы, также со следами потёртости, является комбинацией поздневендельского стиля и стиля «хватающего зверя» сочетание которых характерно в основном для первой половины 9 века (Thunmark-Nylén 1995: 559). Датировки скорлупообразных фибул 42 типа в Норвегии весьма не надёжны. Материалы Швеции свидетельствуют о том, что они появляются в IX веке, однако основная их масса относится к так называемому «младшему периоду Бирки», отдельные экземпляры найдены с монетами второй четверти X в. (Arbman 1943: 304ff; Jansson 1985: 61ff). Присутствие в обоих погребениях скорлупообразных фибул вместо характерных для Готланда фибул в форме звериных голов не позволяет связать эти погребения с женщинами прибывшими из Готланда. Отдельные находки готландских вещей известны на территории Пруссии (Neugebauer 1938: 2–6, Abb. 7; Mühlen 1975, Taf. 3: 8–9; 38: 1) однако они не обязательно свидетельствуют об их принадлежности выходцам из Готланда.

Как уже отмечалось в литературе, большая часть типов скорлупообразных фибул происходящих из Пруссии характерна для материковой Скандинавии. Например, в одном из погребений Вискаютена найдена пара фибул типа 51B1 датированных концом IX — началом X вв (Jansson 1985: 133). Вероятно, к середине-второй половине X вв. следует отнести фибулы типов 51C, 52 и 55 происходящих из ряда погребений этого же памятника (Mühlen 1975, Taf. 24; 30; 33; 35; 39; 9; 42: 1–2; Кулаков, Валуев 1992: 98–105). К этому времени относятся погребение с овальными фибулами «варианта Мальберг» (Jansson 1985: 79) найденных вместе с обломком браслета готландского происхождения (Mühlen 1975, Taf. 35).

Таким образом, находки скорлупообразных фибул (Mühlen 1975: 20 ff.; Jansson 1985; 1992: 61–78) являются важным свидетельством о проживании в IX–X вв. в Вискаютене женщин, происходящих из материковой Скандинавии. На протяжении всего этого времени осуществлялись также оживлённые контакты с островом Готланд, однако они не были основополагающими. Как и в случае с Гробиня, здесь налицо факт использования скандинавскими женщинами Вискаютена готландских украшений более раннего времени. Такие случаи, вероятно, свидетельствуют о том, что такие украшения могли передаваться по наследству (Thunmark-Nyblén 1993; 1995: 568). Возможно, проживая вне Готланда, женщины быстро теряли свою традиционную одежду и начинали использовать те украшения, которые были обычны в окружающей их в первой половине X в. «среднешведской среде».

Следует также отметить ряд женских украшений из этого же могильника, характерных для территории Дании и в большинстве своём датирующихся серединой — второй половиной X в. Это характерные подвески и застёжки, украшенные зернью (Mühlen 1975: 130, Taf. 25; 33; 42: 5, 6; рис. 10), типичные для вещей выполненных в стиле Хиденсее (Duczko 1995). Пожалуй, наиболее ярким примером датской работы, на который исследователи указывали и ранее, является язычковидная застёжка из кургана в Вискаютене, найденная вместе с овальными фибулами (Рис.11). Такая же застёжка была найдена в Salbu в Дании в погребении второй половины X в. (Mühlen 1975: 130, Taf. 4: 13–14; Brøndsted 1936: 139–140, fig.49). Датировка этой вещи 1000–1050 гг., равно как и вывод о малочисленности в Вискаютене находок датского происхождения (Martens 1996: 55), являются ошибочными.

Интерпретация характера поселения в Вискаютене как торговой колонии сначала готландцев, а потом датчан (Mühlen 1975; Гуревич 1978: 170–171), была пересмотрена в последнее время в ряде работ В.И. Кулакова (1980; 1989; 2003), интерпретирующего его как полиэтничный торгово-ремесленный центр, подобный Трусо. Место расположения поселения представляется достаточно спорным. Раскопки на территории могильника выявили остатки поселения, которое, по мнению исследователя, является одновременным курганному могильнику (Кулаков 1980: 15). Локализацию поселения Юргеном Мартенсом в месте называемом «Schwendlund» вряд ли можно считать удачной (Martens 1996: 57, Abb. 1). Древнее скандинавское происхождение этого топонима сомнительно; кроме этого, само место расположено слишком далеко от могильника. Более удобной для поселения такого характера является низменный луг «Schwentmedfeld», расположенный к

востоку от могильника и обозначенный на плане Отто Клеманна (1939 Abb.1). Можно думать, что топография поселения идентична Янову Поморскому — низкому, периодически затопляемому водой месту (Jagodziński, Kasprzycka 1991: 706). Здесь, возможно, будущими раскопками будут найдены остатки поселенческой застройки.

Отдельные вещи, найденные на территории древней Пруссии, датируются ранней эпохой викингов. Они происходят как из погребений, так и из случайных находок. К этой группе принадлежат оружие и украшения.

Особый интерес представляет клад серебряных браслетов, украшенных вертикально высеченными линиями, окружностями, штампованными треугольниками с окружностями и X-образными насечками, происходящий из Kivitten и ошибочно отнесённый исследователями к XII в. (Engel, La Baume 1937: 209–210, 284, Abb. 49; Mühlen 1975, Taf. 50: 1–6; Bogucki 2003: 184, Tabl. IV: 2; рис. 12, 1). Эти браслеты чрезвычайно редки вне Ирландии. Одиночные экземпляры известны в кладах Дании (Skovmand 1942, fig.2), одном кладе Норвегии (Grieg 1929: 258–260, fig. 63). Признано, что такие украшения изготавливались скандинавами в Ирландии во второй половине IX — первой половине X в. (Graham-Campbell 1976: 39–74, Siff, Pl. 4, 5; 1980: 64: 234; 1989: 102–111, fig. 1; рис. 12: 2). Представляется возможным предположить посредничество датчан в появлении рассматриваемого комплекса в среде местного населения. Известно, что в середине и особенно во второй половине X в. датчане активно действовали в военных операциях в восточной Англии и Ирландии.

К женским вещам каролингского производства относится луновидная подвеска из Rudau (Mühlen 1975, Taf. 3: 5; рис.13: 3), украшенная зернью. Её форма, а также орнаментальный мотив отличается от классических подвесок такого типа, производимых в славянской среде в X в. Ближайшей аналогией этой находке является лунница из Плакунского могильника у Старой Ладого (Михайлов 2002: 63–68, рис. 1; рис. 13: 4). Изобразительные мотивы обеих лунниц, а также украшенные зернёными вертикальными рядами петли, типичны для каролингских вещей, найденных в кладе середины — второй половины IX в в Ноп (Grieg 1929: 178–311, fig. 22–26, 28, 29; рис. 13: 5), а также в камерно-ладейном погребении в Хедебю (Wamers 1994: 14ff, Abb. 13; рис. 13: 5–6).

Появление этих украшений на восточном побережье Балтики вряд ли можно объяснить непосредственными контактами местного населения с франками или Ирландией. Скорее всего, они попали сюда

через посредство датчан, в среде которых на протяжении ранней эпохи викингов каролингское влияние было достаточно сильным и отразилось в появлении отдельных типов вооружения и украшений. Случайный характер этих находок не позволяет сделать вывод о существовании каких-либо датских колоний на территории балтов в это время. Вместе с тем, упоминание в «Житии Св. Ансария» трофейных украшений и оружия, изъятого куршами у датчан, представляется весьма правдоподобным в связи с упомянутыми вещами и одиночными находками мечей каролингского производства в Кёнигсберге и в районе Гробиня (Netman 1958: 184, Textfig. 266; Mühlen 1975: 30, Taf. 7: J; 50: 8; Menghin 1980: 227–271, Liste 1 nr 12; Müller-Wille 1982: 101–167, Liste 2, nr 13; Рис. 13: 1–2). В упомянутом ниже погребении из Вискаютена, в котором был найден каролингский меч типа К, найдена также арбалетная фибула, аналогичная латгальским древностям (Latvijas PSR archeoloģija 1974, tab. 63: 21). Это указывает на то, что вещи каролингского происхождения могли попасть на территории Пруссии через посредничество куршей. На находки куршского и ламатского происхождения в прусских могильниках указывал ранее В.И. Кулаков (2003: 44). Вместе с тем, нет никаких оснований утверждать, что поселение в Вискаютене было основано «куршскими викингами» (Martens 1996: 54). Это мнение основано на ошибочном представлении о датировке памятников Гробиня преимущественно вендельским временем. Находки скорлупообразных фибул в окрестностях Гробиня (типы 37 и 51 по Яну Петерсену) (Šturms 1949: 207, fig. 2, 213, fig. 4) со всей очевидностью свидетельствуют о проживании там выходцев из Скандинавии в IX–X вв.

Отдельно следует остановиться на мечах эпохи викингов найденных на территории древней Пруссии. В настоящее время существует путаница в определении типов мечей и их количества. Отчасти это вызвано отсутствием до сих пор качественных публикаций материала из Пруссии и, кроме того, употреблением советских названий памятников вместо старых, что существенно затрудняет пользование последующими публикациями исследований этого региона. Приведу характерный пример. В одной из книг В.И. Кулакова упоминаются два меча типа «К» происходящие из могильника Тюленино (1990: 29). Однако в таблице хронологии изданной в той же книге изображены два меча того же типа как происходящие из Коврово (Кулаков 1990: 28, рис. 15: 2, 3). Эти же мечи значатся в каталоге изданном Витаутасом Казакевичюсом одновременно как типы К и «Т-куршский». В первом случае автор ссылается на упоминание в книге Кулакова, во втором — на книгу фон цур Мюлена, где они ранее изданы (Kazakevičius

1996: 106, нр 2–3; 112–113, нр 12–13). В уже упомянутой таблице Кулакова меч из погребения 5 в Ветрово определен как тип E (Кулаков 1990: 29, рис. 15: 4). В другом издании того же исследователя тот же меч значится как «Mannheim поздний» без каких либо комментариев (Кулаков 1994: 41, рис. 22). Учитывая сложность работы с данными публикациями, в предлагаемой работе, я предпочитаю опираться на материал, изданный в публикации фон цур Мюллена.

По количеству находок мечей эпохи викингов территория древней Пруссии занимает одно из лидирующих мест. Здесь найдено 42 меча одиннадцати основных типов известных в Скандинавии (Mühlen 1975).

Некоторые типы прусских мечей представляют исключительный интерес по своей редкости. Таким является, например меч найденный в одном из погребений Вискаютена (Mühlen 1975, Taf. 9: 1; 36; Kulakow 1992, Abb. 1: 3; рис. 14: 1). Перекрестие и основание меча были украшены вертикальными насечками и изображениями мотивов узлов и плетенок характерных для раннекарolingского искусства (Wamers 1994: 9ff, Abb. 8–9). Наиболее тесной аналогией, как по орнаментации, так и типу, является парадный меч найденный в камерно-ладейном погребении в Хедебю датированном первой третью — серединой IX века (Mühlen 1975: 29; Müller-Wille 1976; Wamers 1994: 1–56, Abb. 6; рис. 14: 2). Экземпляр их Вискаютена, несомненно являлся престижной и дорогой вещью и скорее всего принадлежал знатному человеку.

Из другого погребения того же могильника происходит навершие меча типа D (Mühlen 1975, Taf. 37: 1). По способу орнаментации рукояти, эти мечи образуют несколько вариантов. Один из них характеризуется использованием циркульных окружностей. Мечи с таким типом орнаментации известны в Ирландии в погребениях Kilmainham, Island-Bridge, Donnybrook (Boe J. 1940, fig. 5, 6; Hall 1978: 64–83), Шотландии Eig (Grieg 1940, fig. 37), Норвегии Швеции и Дании (Schnitger 1912: 19–35, fig. 12; Strömberg 1961: 136) и один из могильника Тимерёво в России (Кирпичников 1966: 23).

Процентное соотношение мечей ранней эпохи викингов Пруссии близко датским находкам (типы St 2–Mannheim, K). Процентное соотношение мечей поздней эпохи викингов близко находкам Швеции (типы E, H, S, W, X). Следы южноскандинавских контактов с восточным побережьем Балтики в середине — второй половине X в. можно видеть в распространении мечей типа V происходящих из погребений могильника в Вискаютене (Mühlen 1975: 36, Taf 27, 30, 31, 39). Сочетание этих типов мечей со стременами типа «Ладбю» и шпорами характерно, в

основном, для погребений Дании (Brøndsted 1936: 81–228, fig. 32, 66–67, 92, 95; Pedersen 1997: 123–135; Androshchuk 2004).

**Таблица процентного соотношения разных типов мечей
в странах Скандинавии, Пруссии и Руси**

(источники: Androshchuk 2004, Mühlen 1975, Кирпичников 1966).

Тип	Германия	Дания	Норвегия	Швеция	Пруссия	Русь
A		1%	1%	1%		
B	28%	3%	2%	7%		4%
St1	4%	3%	1%	1%		
C			11%			
D		3%	1%	1%	2%	3%
E		3%	3%	7%	7%	13%
F			2%	1%		
G			1%	1%		
St2	11%	6%	1%	2%	5%	
St3-7			1%			
H/I	14%	12%	23%	52%	31%	22%
K	8%	4%	1%	1%	2%	
St8,9,11-16			1%			
L	1%	1%	1%	2%		
M		6%	20%	2%		
N	5%		1%	1%	2%	
O	1%	3%	3%	1%		
P			1%			
R		1%	1%			
S	1%	13%	2%	2%	2%	13%
T			6%			11%
U	1%		1%			
V	4%	24%	1%	4%	9%	18%
W	1%		1%	1%	2%	1%
X	13%	10%	5%	9%	9%	6%
Y	10%	3%	2%	5%	20%	4%
St17-20			1%			
Z		1%	1%	3%	9%	4%
Æ			2%			

Находки женских украшений и мечей южно-скандинавского происхождения интересны в связи со сведениями Саксона Грамматика о походе сына датского конунга Харальда Синезубого Хакона в землю сембов. Согласно его сообщению, датчане принудили местных женщин к браку и остались жить в их стране (Saxo X, 228). Археологические источники однако, свидетельствуют, что во второй половине — конце X в. выходцами из Дании были не только мужчины, но и женщины. Следовательно, информация, содержащаяся в этом письменном источнике, не совсем соответствует действительным событиям.

Удивительным является тот факт, что, несмотря на большую концентрацию находок скандинавского происхождения на территории Самбии, она совершенно не упоминается в надписях скандинавских рунических камней. Некоторые исследователи объясняют это тем, что этот район был под влиянием датчан, в то время как деятельность шведов была направлена на земли эстов, куршей, ливов и земгалов (Mickevičius 1997: 192). Тем не менее, некоторые письменные источники всё же сообщают интересные данные. В частности, в первой книге Адама Бременского содержится описание Бирки, завершающееся следующими словами: «Так как это место стоянки кораблей наиболее безопасно на всём побережье свеев, обычно корабли, принадлежащие датчанам и норвежцам, а также славянам, сембам (в оригинале — *Semborum*) и другим племенам Балтийского побережья (в оригинале — *Scithia populi*), собираются здесь регулярно по разным необходимым делам» (Adam I, 60, 146–147). В другом месте Адам коротко упоминает провинцию *Semmland* уточнив при этом, что она населена «прусссами» (Adam II, 22, 192). В своей четвёртой книге он составил довольно подробное описание этой области: «Третий остров, который называется *Semmland* граничит с русами и поляками. Он населён сембами или пруссами — очень дружелюбным народом, который [всегда] спешит на встречу с помощью к тем кто попал в кораблекрушение или был подвергнут нападению морских разбойников. Они не ценят ни золото, ни серебро, однако имеют много чужеземных мехов, запах которых принёс в нашу часть мира высокомерия смертоносного отраву. Сами они считают эти вещи навозом, это, как я думаю, на нашу гибель, нас, которые за любую цену жаждут обрести меха как самое наивысшее блаженство. Таким образом, они предлагают нам дорогие меха куницы в обмен на одежду из шерсти, которую мы называем повседневным одеянием. О характере этих людей можно было бы сказать очень много похвального, если бы только они верили в Христа, однако того, кто проповедует его, они преследуют нечеловечес-

ким образом. Знаменитый епископ Адальберт обрёл у них венец смерти. Несмотря на то, что наши соотечественники имеют много общего с ними, запрещают они нам ещё и сегодня посещать их роши и источники, которые, как они считают, будут осквернены благодаря контакту с христианами. Мясо своего скота едят они с рождения и его молоко и кровь пьют они в большом количестве, напиваясь ею допьяну. Люди покрыты татуировками до синева, имеют красные лица и носят длинные волосы. Помимо того, они неприступны за своими болотами и не желают терпеть какого-либо повелителя над собой» (Adam IV, 18, 641–643). Из приведенного сообщения очевидно, что во времена Адама Бременского население Самбийского полуострова было очень хорошо известно. Род его занятий также определён достаточно ясно — посредническая торговля мехами. О довольно активной торговой деятельности племён Юго-Восточной Прибалтики свидетельствуют и археологические находки. Так, например, с территории современной Латвии происходит 150 находок весов. Несколько меньшее их количество известно и п-ове Самбия (La Baume, Wilczek 1940: 39–43, Abb. 5; Mühlen 1975, Karte 5; Berga 1992: 33–40). В данной связи любопытна также находка медного футляра для весов, происходящая из королевского города Швеции — Сигтуне. На её поверхности вырезана надпись: «Дьярв получил от *simskum mani* эти весы в ...-ланде. А Вермуд сделал эти руны. Птица разорвала бледного грабителя. Я видел, как кукушка трупов поднималась» (Мельникова 2001: 330–331; рис. 15). Упомянутый здесь *simskum mani* не обязательно обозначает земгала или человека побывавшего в Земгалии (Мельникова 2001: 331). Вполне возможно, что это имя обозначало семба — жителя Самбийского полуострова, или человека побывавшего там, на что в своё время уже указывалось рядом исследователей (Friesen 1912: 10; Murgurēvičs 1992: 129; Martens 1996: 51).

Контакты между населением Юго-Восточной Прибалтики со скандинавами не были односторонними. Так, например, в XI в. в Швецию попадают отдельные экземпляры мечей, изготовленных в ареале куршских племён (Šturms 1936: 106–116; Kazakevičius 1996; рис. 16: 2). Одно перекрестие от такого меча известно на острове Готланд (Thulmark-Nylén 1998, Taf. 231: 4; Рис. 16: 3), навершие от другого такого меча происходит из Эланда (Salin 1904: 104, fig. 260; Рис. 16: 1).

О контактах жителей полуострова Самбия с датчанами в XII в. свидетельствуют письменные источники. Возможно, наилучшим примером является история карьеры купца Видгаутра, происходившего из Самланда, о котором рассказывается в «Саге о Кнютлингах». Опи-

сание этого человека достойно особого внимания. Он был язычником и состоятельным купцом и регулярно отправлялся в торговые поездки по Восточному пути. Однажды, во время одной из таких поездок, на него напали курши. Спасаясь бегством, он прибыл в Данию к королю Кнуту Лаварду, где после принятия христианства и остался. Как человек опытный, бывавший на востоке, искусный в речах и знающий языки, Видгаутр был удостоен чести возглавить посольство Кнута к русскому князю в Хольмгарде Харальду (Мстиславу Владимировичу) с просьбой руки его дочери Ингеборг (*Knýtlinga saga* 87, 88). В благодарность за хороший приём и содержание, Видгаутр принёс в подарок Кнуту «сорок *serkír* беличьих шкурок, это — пять *timbr* в одной *serk* и 40 шкур в одном *timbr* («40 *serkja grárra skinna, en 5 timbr eru í serk hverjum, enn 40 skinna í timbr*»). Количество шкурок полученных Кнудом можно высчитать:

$$1 \text{ serk} = 5 \text{ timbr}$$

$$1 \text{ timbr} = 40 \text{ шкурок}$$

$$5 \text{ timbr} = 40 \times 5 = 200 \text{ шкурок}$$

$$40 \text{ serkír} = 200 \times 40 = 8000 \text{ шкурок}$$

Здесь, таким образом говорится о мерах счёта пушнины (*Zoëga* 1910: 356, 437), которые использовались в торговых операциях на Балтике, где *serkír* обозначает определённое количество шкурок, *timbr* — комплект из 40 шкурок. Здесь интересно то, что Видгаутр, вероятно, занимался продажей мехов. Эта информация в совокупности с приведенными выше сведениями Адама Бременского о посреднической торговли сембов пушниной, является очень важной, поскольку меняет традиционное представление о том, что экономика населения была тесным образом связана только с янтарной торговлей (Кулаков 2003: 135). Пушнина — вот, что приносило прибыль и материальные накопления в виде монетных кладов. Личность Видгаутра представляется весьма интересной ещё и потому, что этот человек носил скандинавское имя (*Lind* 1905–1915: 1092). Этот факт указывает на то, что в ещё в XII в. в среде сембов могли проживать люди, которые осознавали своё скандинавское происхождение и возможно, были потомками тех скандинавов, которые осели здесь в эпоху викингов.

Таким образом, можно констатировать достаточно оживлённые контакты между жителями Самбийского полуострова, куршами и скандинавами на протяжении всей эпохи викингов. Уже в раннюю эпоху викингов одиночные вещи каролингского происхождения, найденные на территории куршей и на Самбийском полуострове, свидетельству-

ют о их проникновении через посредство «датчан», однако их контекст не позволяет сделать вывод о существовании здесь датских колоний в это время. В торговом центре в Вискяутене в IX–X вв. проживало достаточно большое количество выходцев как из Средней Швеции, так и из Дании, поддерживались связи также и с Готландом, однако, никаких археологических оснований для утверждения о том, что здесь были колонии готландцев нет. Следствием романтического представления о характере государства шведов в VII–X вв. можно считать точку зрения о появлении скандинавского населения на восточных берегах Балтики в результате расширения политической власти шведского государства. Большое количество женских скандинавских погребений, а также находок оружия, не позволяют рассматривать деятельность скандинавов здесь только как дружинников. Скандинавы жили здесь семьями. Подавляющее большинство находок оружия в Скандинавии (собственно, как и Пруссии) происходит из обычных сельских могильников. Контекст этих находок говорит о том, что оружие носили все свободные члены общества.

На сегодняшний день не существует убедительно изложенных моделей региональных обществ Балтики в эпоху викингов. Эта тема представляется весьма перспективной, особенно в связи с изучением «прусской модели». Письменные и археологические данные свидетельствуют о том, что контакты между населением восточной Балтики и Скандинавии были двухсторонне активными на протяжении всего времени, и это создаёт хорошие предпосылки для общебалтийской дискуссии по этой проблеме и перехода от старой «археологии этносов» к современной «археологии контактов».

Литература

- Кирпичников 1966** — Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. М.-Л., 1966.
- Кулаков 1980** — Кулаков В.И. Работы на побережье юго-восточной Прибалтики // Археологические открытия 1979 г. М., 1980. С. 15.
- Кулаков 1989** — Кулаков В.И. Кауп // Становление средневекового города. М., 1989.
- Кулаков 1990** — Кулаков В.И. Древности пруссов VI–XIII вв. САИ. Вып. Г 1–9. М., 1990.
- Кулаков 1994** — Кулаков В.И. Пруссы (V–XIII вв.). М., 1994.
- Кулаков 2003** — Кулаков В.И. История пруссов до 1283 года. Prussia Antiqua. Т. 1. М., 2003.
- Кулаков, Валуев 1992** — Кулаков В.И., Валуев А.А. Новые находки на Каупе. В: Vakarų baltų istorija ir kultūra. Klaipėda. I: 98–105.
- Мельникова 2001** — Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи. М., 2001.
- Михайлов 2002** — Михайлов К.А. Скандинавский могильник в урочище Плакун (заметки о хронологии и топографии). Ладога и её соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002.
- Мутуревич 1965** — Мутуревич Э. Восточная Латвия и соседние земли в X–XIII вв. Рига, 1965.
- Петренко 1986** — Петренко В.П. Отчёт о работах Курземской экспедиции в 1986 г. Архив ИИМК РАН. Ф. 35., оп. 1986, № 64. 1986.
- Петренко 1987** — Петренко В.П. Отчёт о работах Курземской экспедиции в 1987 г. Архив ИИМК РАН. Ф. 35., оп. 1987, № 66. 1987.
- Петренко 1987** — Петренко В.П. Отчёт о полевых исследованиях Курземской экспедиции в 1989 г. Архив ИИМК РАН. Ф. 35., оп. 1989, № 41. 1989.
- Петренко, Вирсе 1993** — Петренко В.П., Вирсе И.А. Исследование могильников Гробиня Придиенс в западной Латвии. КСИА 208. 1993.
- Adam av Bremen 1984** — Historien om Hamburgstiftet och dess biskopar. Översatt av Emanuel Svenberg. Stockholm, 1984.
- Androshchuk 2004** — Androshchuk F. Vikingar och bönder. Några anmärkningar om den sociala tolkningen av svärd och de lengväga kontakterna under vikingatiden. In: Current Issues in Nordic Archaeology. Proceedings of the 21th Conference of Nordic Archaeologists, 6–9. Sept. 2001, Akureyri, Iceland. Reykjavík).
- Apala, Apals 1992** — Apala Z., Apals J. Die Kontakte der Lettgallen des Gauja-Raumes mit Skandinavien. In: Die Kontakte zwischen Ostbaltikum und Skandinavien im frühen Mittelalter. Acta Universitatis Stockholmiensis. Studia Baltica Stockholmiensia 9 1992: 9–17.
- Arbman 1940–1943** — Arbman H. Birka I. Text und Tafeln. Stockholm.

- Atgāzis 1992** — Atgāzis M. First finds of three-armed (trefoil) brooches in Latvia. In: Die Kontakte zwischen Ostbaltikum und Skandinavien im frühen Mittelalter. Acta Universitatis Stockholmiensis. Studia Baltica Stockholmiensia 9 1992: 19–32.
- Baume 1926** — Baume W. Die Wikinger in Ostdeutschland. In: Völk und Rasse 2: 15–20
- Berga 1992** — Berga T. Waagen zum Wägen von Münzsilber in Lettland. In: Die Kontakte zwischen Ostbaltikum und Skandinavien im frühen Mittelalter. Acta Universitatis Stockholmiensis. Studia Baltica Stockholmiensia 9 1992: 33–40.
- Boken om Ansgar 1986** — Rimbert: Ansgars liv. Översatt av E. Odelman, kommentarer av A. Ekenberg, C.F. Hallencreutz, S. Helander, A.Härdelin, E. Odelman. Stockholm. 1986.
- Bogucki 2003** — Bogucki M. Wczesnośredniowieczny skarb ozdób srebrnych ze wsi Brodzikowo, powiat Mrągowo. In: Studia Galinckie. T. I: 181–244.
- Brøndsted 1936** — Brøndsted J. Danish inhumation graves of the Viking age. In: Acta archaeologica. København. P. 81–228.
- Bøe 1940** — Bøe J. Viking Antiquities in Great Britain and Ireland (Ed. by H. Shetelig) P. III. Oslo, 1940.
- Callmer 1999** — Callmer J. Vikingatidens likarmade spännen. In: Fynden i centrum. Uppåkrastudier. Lund. S. 201–220.
- Carlsson 1983** — Carlsson A. Djurhuvudformiga spännen och gotländsk vikingatid. Text och katalog. Stockholm studies in archaeology 5. Stockholm, 1983.
- Christiansen 1980** — Christiansen E. Saxo Grammaticus Danorum Regum Heroum-que Historia. Vol. I; Books X–XIII. Bar International Series 84. 1980.
- Duczko 1995** — Duczko W. Kungar, thegnar, tegnebyar, juveler och silverskatter. Om danskt inflyttande i Sverige under senvikingatid. Tor 27:2: 625–662.
- Engel 1932** — Engel C. Das vierstöckige Gräberfeld von Linkuhnen. Fornvännen 27: 168–177.
- Engel, La Baume 1937** — Engel C., La Baume W. Kulturen und Völker der Frühzeit in Preussenlande. Königsberg, 1937.
- Fornmanna sögur.** Jómsvíkinga saga ok Knýtlinga með tilheyrandi þáttur. Kaupmannhöfn 1818. Bd II.
- Von Friesen 1912** — Von Friesen O. Runinskrifterna på en koppardosa, funnen i Sigtuna Augusti 1911. Fornvännen. S. 6–19.
- Graham-Campbell G. 1976** — Graham-Campbell G. The Viking-age silver hoards of Ireland In: Proceedings of the Seventh Viking Congress. Dublin. P. 39–74.
- Graham-Campbell G. 1980** — Viking Artefacts. A select Catalogue. British Museum. P. 64: 234.
- Grieg 1929** — Grieg S. Vikingetidens skattefund. In: Universitetets oldsaksamlings skrifter. Bd. II: 178–311.
- Grieg 1940** — Grieg S. Viking Antiquities in Great Britain and Ireland. (Ed. by H. Shetelig). Part II. Oslo, 1940.

- Gräslund 1980** — Gräslund A.-S. Birka IV. The burial customs. A study of the graves from Björkö. Uppsala.
- Hall 1978** — Hall R.A. A Viking-age Grave at Donnybrook, Co. Dublin. In: *Medieval archaeology*. Vol. 22: 64–83.
- Höiland Nielsen 1987** — Höiland Nielsen K. Zur Chronologie der jüngeren germanischen Eisenzeit auf Bornholm. Untersuchungen zu Schmuckgarnituren. In: *Acta Archaeologica*. Vol. 57. København.
- Jagodziński 1988** — Jagodziński M. 1988. Wczesnośredniowieczna osada rzemieślniczo-handlowa w Janowie Pomorskim nad jeziorem Drużno — poszukiwane Truso? Przewodnik po wystawie. Elbląg, 1988.
- Jagodziński, Kasprzycka 1991** — Jagodziński M., Kasprzycka M. The early medieval craft and commercial centre at Janyw pomorski near Elbląg on the South Baltic Coast. In: *Antiquity* Vol. 65: 696–715. 1991.
- Jagodziński 2000** — Jagodziński M. Truso. Das frühmittelalterliche Hafen- und Handelszentrum im Ostseegebiet bei Elbing. In: *Westpreußen-Jahrbuch* Bd 50: 41–56.
- Jagodziński 2001** — Jagodziński M. Truso. In: *Archeologia żywa* 3: 7–13.
- Jansson 1985** — Jansson I. Ovala spännbucklor. En studie av vikingatida standardsmycken med utgångspunkt från Björkö-fyndet. Uppsala, 1985.
- Jansson 1992** — Jansson I. Scandinavian oval brooches found in Latvia. In: *Die Kontakte zwischen Ostbaltikum und Skandinavien im frühen Mittelalter*. Acta Universitatis Stockholmiensis. *Studia Baltica Stockholmiensia* 9 1992.
- Jansson 1994** — Jansson I. Skandinavien, Baltikum och Rus under vikingatiden. In: *Det 22 nordiske historikermøte*. Oslo 13–18. August 1994. Rapport I Norden og Baltikum. Oslo, 1994. S. 5–25.
- Kazakevičius 1996** — Kazakevičius V. IX–XIII a. Baltų kalavijai. Vilnius, 1996.
- Kleemann 1938** — Kleemann O. Eine Ausgrabungsgeschichte aus Wiskiauten. In: *Alt-Preußen* 3 Jahrgang, Heft 1: 6–9.
- Kleemann 1938** — Kleemann O. Ueber die wikingische Siedlung von Wiskiauten und über die Tiefs in der kurischen Nehrung. In: *Alt-Preußen* 5 Jahrgang, Heft 2: 4–14
- Kulakow 1992** — Kulakow W. Preussische Gefolgschaft im 9. Jahrhundert. In: *Die Kontakte zwischen Ostbaltikum und Skandinavien im frühen Mittelalter*. Acta Universitatis Stockholmiensis. *Studia Baltica Stockholmiensia* 9 1992: 109–114.
- La Baume 1941** — La Baume W. Zur Technik der Verzierung ostpreußischer Waffen der Wikingerzeit. In: *Alt-Preußen* 6 Jahrgang, Heft 2: 22–29.
- Latvijas PSR archeoloģija 1974** — Latvijas PSR archeoloģija. Rīga, 1974.
- Lind 1905–1915** — Lind E.H. Norsk-isländsk dopnamn och fingerade namn från medeltiden. Uppsala-Leipzig, 1905–1915.
- Lindkvist 1988** — Lindkvist T. Plundring, skatter, och den feudala statens framväxt. Organisatoriska tendenser i Sverige under övergången från vikingatid till tidig medeltid. Uppsala.

- Martens 1996** — Martens J. Das Wikingergräberfeld von Wiskiauten, Samland. In: Zwischen Lübeck und Novgorod. Wirtschaft, Politik und Kultur im Ostseeraum vom frühen Mittelalter bis 20. Jahrhundert. Norbert Angermann zum 60. Geburtstag. Herausgegeben von Ortwin Pelc und Gertrud Pickhan. Lüneburg. S. 37–57.
- Menghin 1980** — Menghin W. Neue Inschriftenschwerter aus Süddeutschland und die Chronologie karolingischer Spaten auf dem Kontinent. In: Vorzeit zwischen Main und Donau. Neue archäologische Forschungen und Funde aus Franken und Altbayern. Erlanger Forschungen Reihe A Bd 26/1980: 227–271.
- Mugurēvičs 1992** — Mugurēvičs Ē. Skandinavische Geschichtsquellen des 9. Bis 12. Jh. und archäologische Befunde auf dem Territorium Lettlands In: Die Kontakte zwischen Ostbaltikum und Skandinavien im frühen Mittelalter. Acta Universitatis Stockholmiensis. Studia Baltica Stockholmiensia 9 1992: 125–133.
- von zur Mühlen 1975** — von zur Mühlen B. Die Kultur der Wikinger in Ostpreussen. Bonner Hefte zur Vorgeschichte 9. Bonn, 1975.
- Müller-Wille 1976** — Müller-Wille M. Das Bootkammergrab von Haithabu. In: Berichte Ausgrabungen Haithabu 8. Neumünster, 1976.
- Müller-Wille 1982** — Müller-Wille M. Zwei karolingische Schwerter aus Mittelnorwegen. Mit Beiträgen von K. Möllenhaus, und B. Arrhenius. In: Studien zur Sachsenforschung 3. Hildesheim, 1982. S. 101–167.
- Nerman 1936** — Nerman B. Svenskarna i Ostbaltiska länder. In: Nordisk kultur I. Befolkning i oldtiden. Stockholm-Oslo-Köpenhamn, 1936. S. 76–79.
- Nerman 1942** — Nerman B. Sveriges första storhetstid. Stockholm, 1942.
- Nerman 1958** — Nerman B. Grobin-Seeburg. Stockholm, 1958.
- Nerman 1969–1975** — Nerman B. Die Vendelzeit Gotlands. Text und Tafeln. Stockholm, 1969–1975.
- Neugebauer 1938** — Neugebauer W. Das wikingsche Gräberfeld in Elbing. In: Alt-Preußen 3 Jahrgang, Heft 1: 2–6.
- Pedersen 1997** — Pedersen A. Weapon and riding gear in burials — evidence of military and social rank in 10th century Denmark? In: Military Aspects of Scandinavian Society in a European Perspective, AD 1–1300. Copenhagen, 1997. P. 123–135.
- Petrenko 1991** — Petrenko V.P. A picture stone from Grobin (Latvia). Forbvännen 86: 1–10.
- Petrenko, Urtāns 1995** — Petrenko V., Urtāns J. The archaeological monuments of Grobiņa. Riga-Stockholm, 1995.
- Petersen 1919** — Petersen J. De norske vikingesverd. En typologisk-kronologisk studie over vikingetidens vaaben. Kristiania.
- Petersen 1928** — Petersen J. Vikingetidens smykker. Stavanger, 1928.
- Riemann 1938** — Riemann E. Ein Wikingerschwert vom Neubau der Brücke in Königsberg. In: Alt-Preußen 3 Jahrgang, Heft 2: 89–91.

- Sawyer** — Sawyer P. När Sverige blev Sverige. Alingsås.
- Salin 1904** — Salin B. Die altgermanische Thierornamentik. Typologische Studien über germanische Metallgegenstände aus dem IV. Bis IX. Jahrhundert nebst einer Studie über irische Ornamentik. Stockholm, 1904.
- Schnitger 1912** — Schnitger B. Några undersökningar å Linga graffält i Södermanland. Fornvännen, 7: 19–35.
- Skovmand 1942** — Skovmand R. De danske skattefund fra vikingetiden og den ældste middelalder indtil omkring 1150. In: Aarbøger for nordisk oldkyndighed og historie. S. 5–265.
- Strömberg 1961** — Strömberg M. Untersuchungen zur Jüngerer Eisenzeit in Schonon. Völkerwanderungszeit. Wikingerzeit. I. Textband. Acta Archaeologica Lundensia series in 4. No 4. Lund.
- Strömberg 1973** — Strömberg M. Nya fynd av vendeltidsfibulor i Skåne. In: Honos Ella Kivikoski. Finska fornminnesföreningens tidskrift 75: 230–238.
- Šturms 1936** — Šturms E. Kuršu zobeni. In: Senatne un māksla. IV: 106–116.
- Šturms 1949** — Schwedische Kolonien in Lettland. Fornvännen 44: 205–217.
- Thunmark-Nylén 1983** — Thunmark-Nylén L. Vikingatida dosspännen — teknisk stratigrafi och verkstadsgruppering. Aun 4. Uppsala, 1983.
- Thunmark-Nylén 1983** — Thunmark-Nylén L. Gotland och Ostbaltikum. Gutar och vikingar. Stockholm, 1983.
- Thunmark-Nylén 1993** — Thunmark-Nylén L. Wear and chronology. In: Pact 38. Sources and resources. Studies in honour of Birgit Arrhenius. Stockholm, 1993. P. 223–234
- Thunmark-Nylén 1995** — Thunmark-Nylén L. Vendeltid eller vikingatid? Om datering av gotländska fornfynd kring år 800. In: Tor 27: 551–623.
- Thunmark-Nylén 1998** — Thunmark-Nylén L. Die Wikingerzeit Gotlands Bd II. Stockholm, 1998.
- VA: Boken om Ansgar.**
- Wamers 1994** — Wamers E. König im Grenzland. Neue Analyse des Bootkammergrabes von Haiðaby. In: Acta Archaeologica 65. Copenhagen, 1994. P. 1–56.
- Zariņa 1992** — Zariņa A. Die Kontakte der Liven mit skandinavischen Ländern nach den Schmucksachen des Gräberfeldes aus dem 10.–13. Jh. Zu Salaspils Laukskola In: Die Kontakte zwischen Ostbaltikum und Skandinavien im frühen Mittelalter. Acta Universitatis Stockholmiensis. Studia Baltica Stockholmiensia 9. Stockholm, 1992: 173–184.
- Zoëga 1910** — Zoëga G.T. A Concise Dictionary of Old Icelandic. Oxford.
- Ørnsnes-Christensen 1955** — Ørnsnes-Christensen M. Kynby. Ein seeländischer Grabplatz aus dem 7–8 Jahrhundert nach Christus. In: Acta Archaeologica. Vol. XXVI. København, 1955.

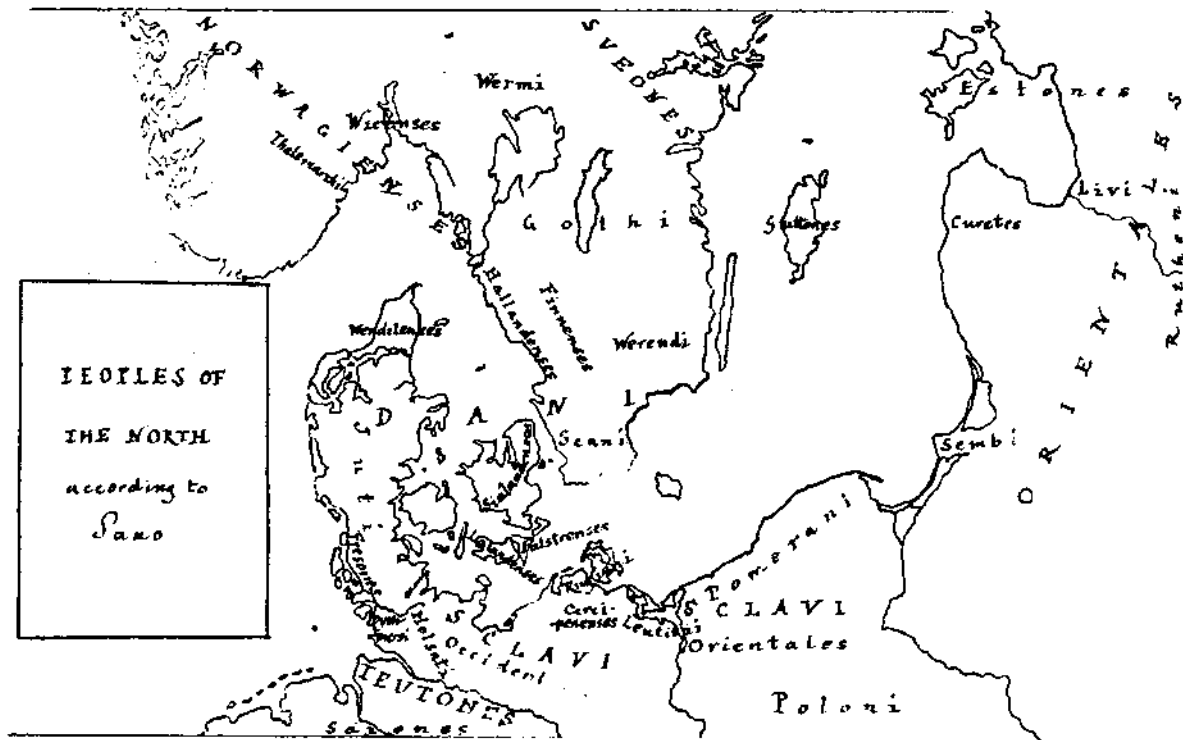

Рис. 1. Карта Балтийского региона с названиями народов, упомянутых в сочинении Саксона Грамматика (по Е. Кристиансену)

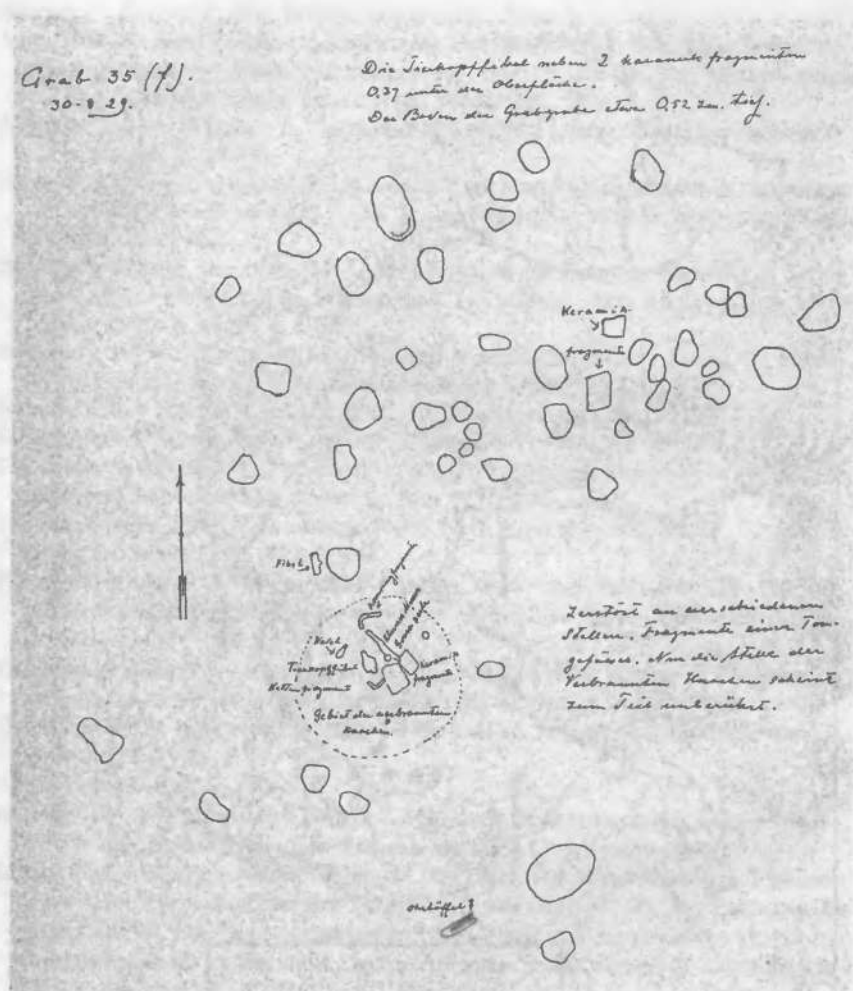

Рис.2. Чертеж погребения 35 могильника Гробиня (архив АТА в Стокгольме)

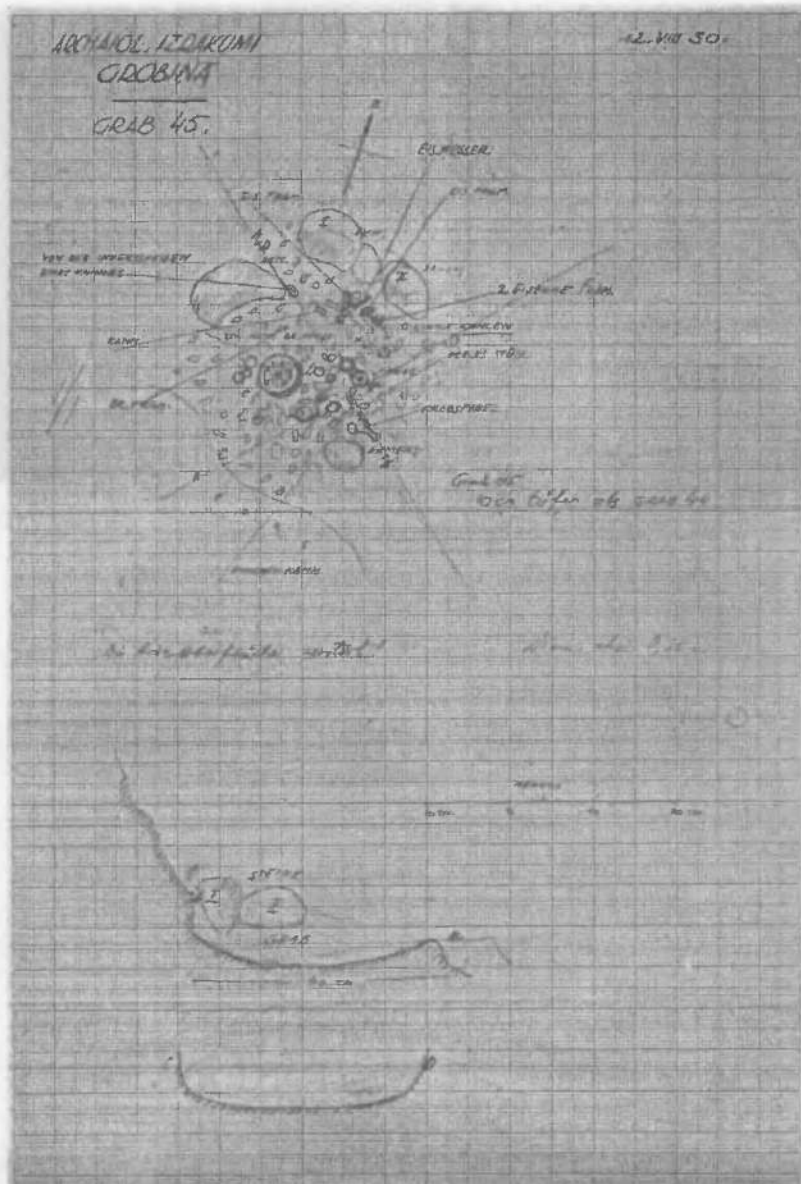

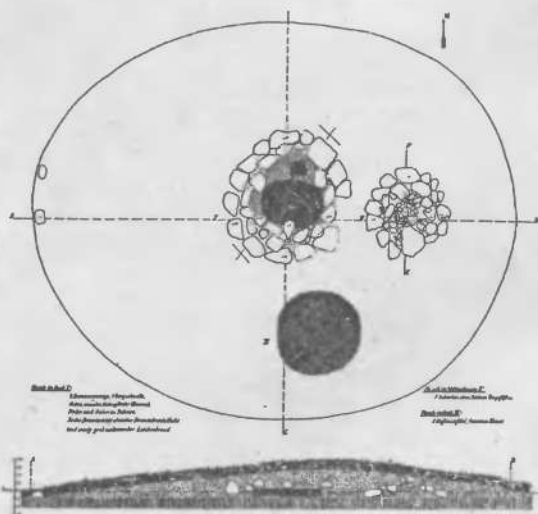
Рис.3. Чертёж погребения 45 могильника Гробиня (архив АТА в Стокгольме)

4

5

6

Рис.4. Согнутый меч из погребения 43 могильника Вискаутен (фото Б.Нермана)

Рис. 5–6. Курган 44 могильника Вискаутен (по Б.Нерману)

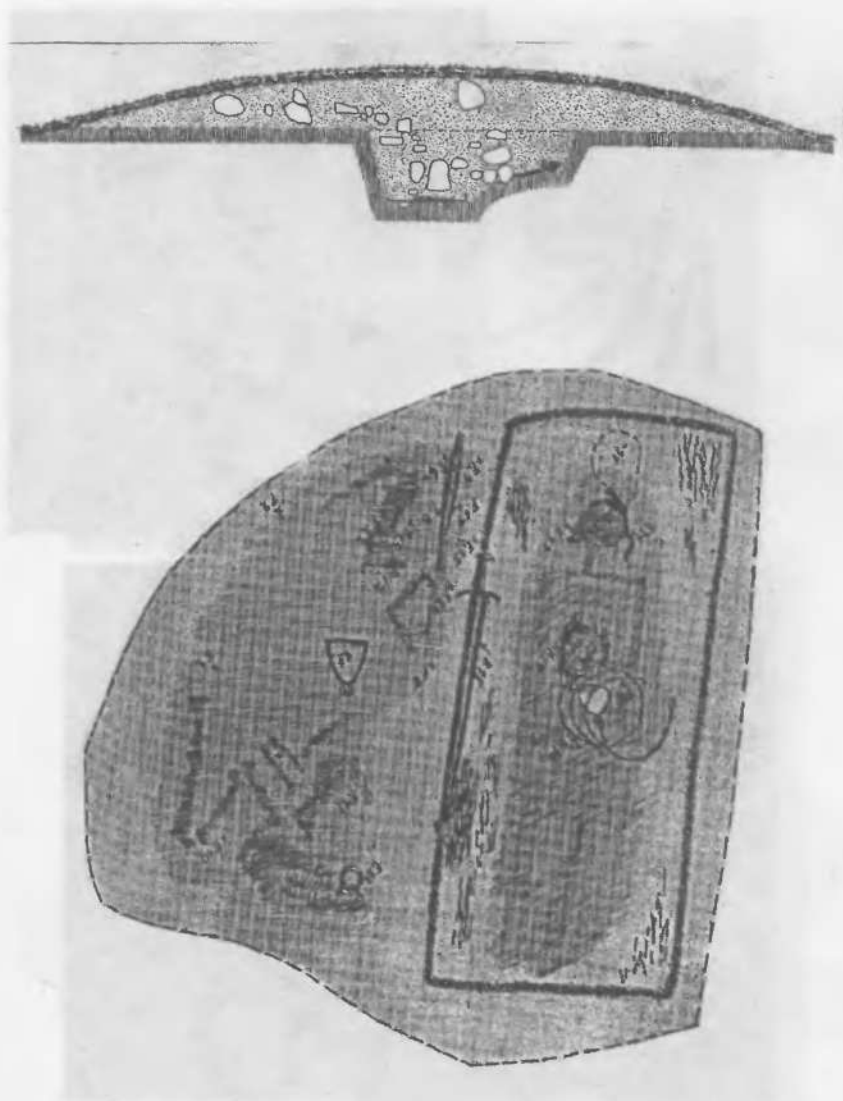

Рис. 7. Курган 139 могильника Вискаютен (по Б.Нерману)

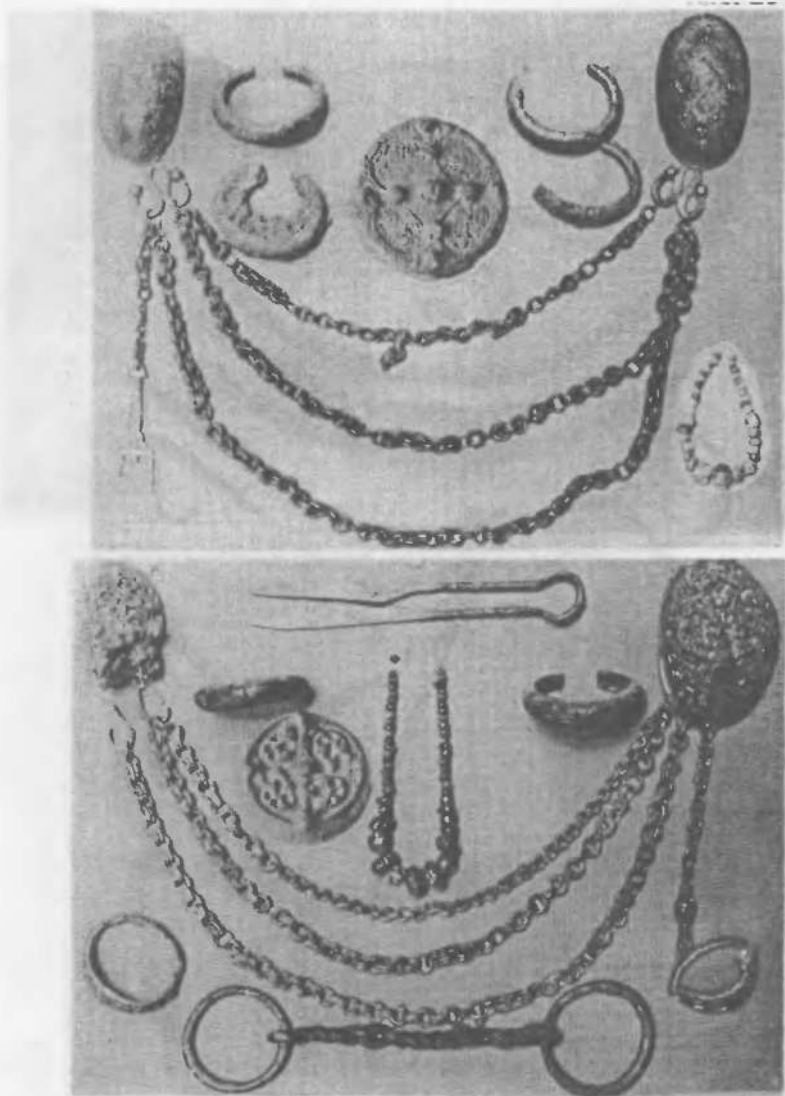

Рис. 8–9. Погребальный инвентарь со скандинавскими женскими украшениями могильника Вискаютен (по фон цур Мюлену)

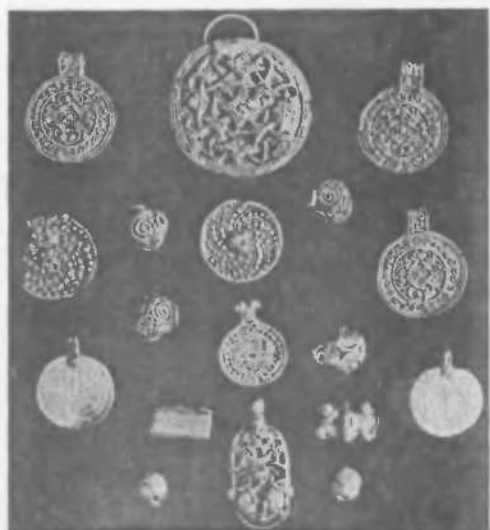

Рис. 10–11. Вещи датского происхождения из могильника в Вискаютене

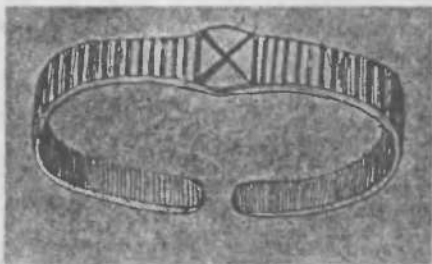
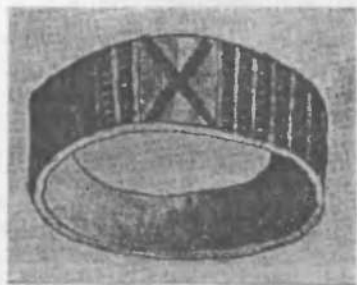

Рис. 12. Браслеты из Кивиттен (по фон цур Мюлену) и их аналогии из Ирландии (по Дж. Грехему-Кемпбелу)

Рис. 13: 1–2 Мечи типа «Mannheim» из Кенигсберга;
 3 — подвески из Rudaу;
 4 — лунница из Старой Ладogi;
 5–6 — подвески из клада в Нон

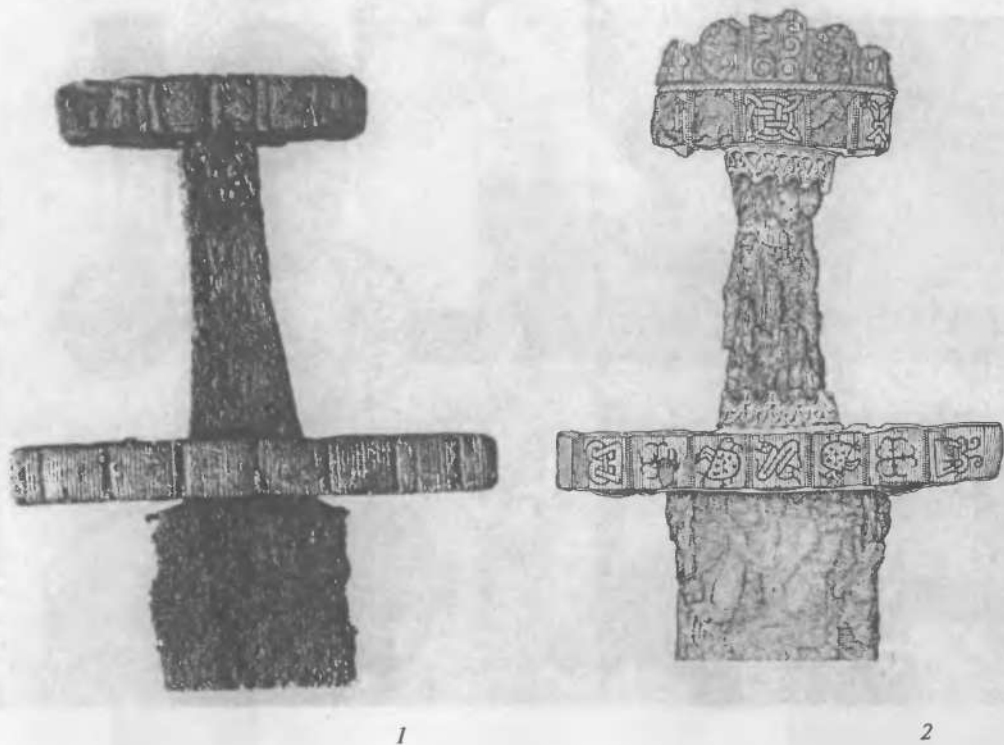

Рис. 14: 1 — Меч типа К из могильника в Вискаутене; 2 — меч типа К из Хедебю.

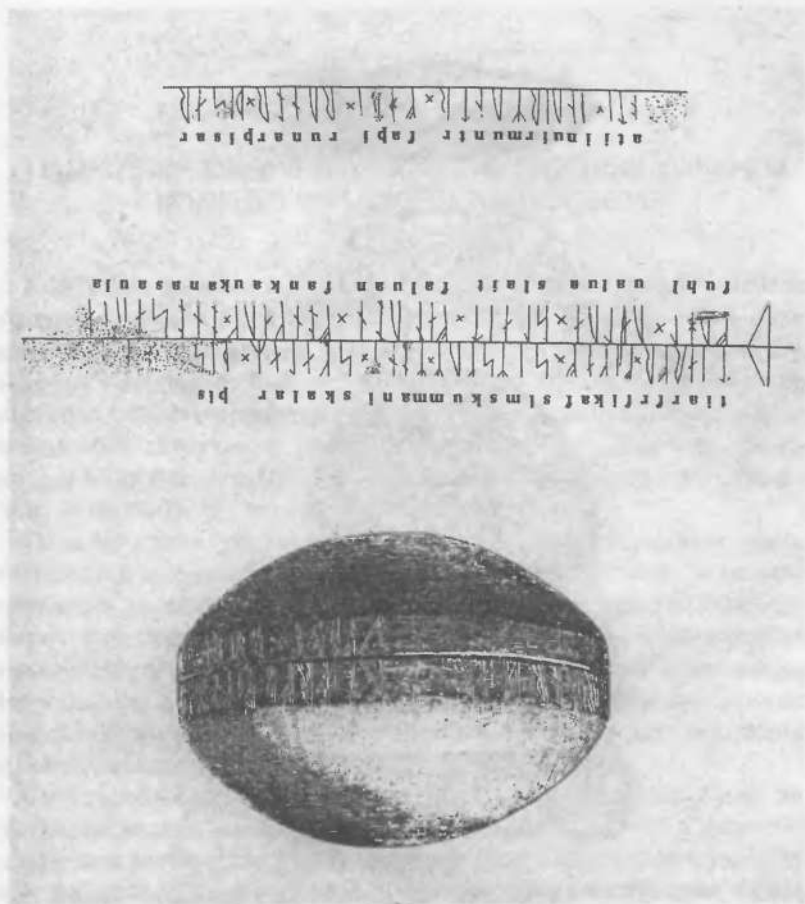

Рис. 15. Чаша для весов из Сигтуны

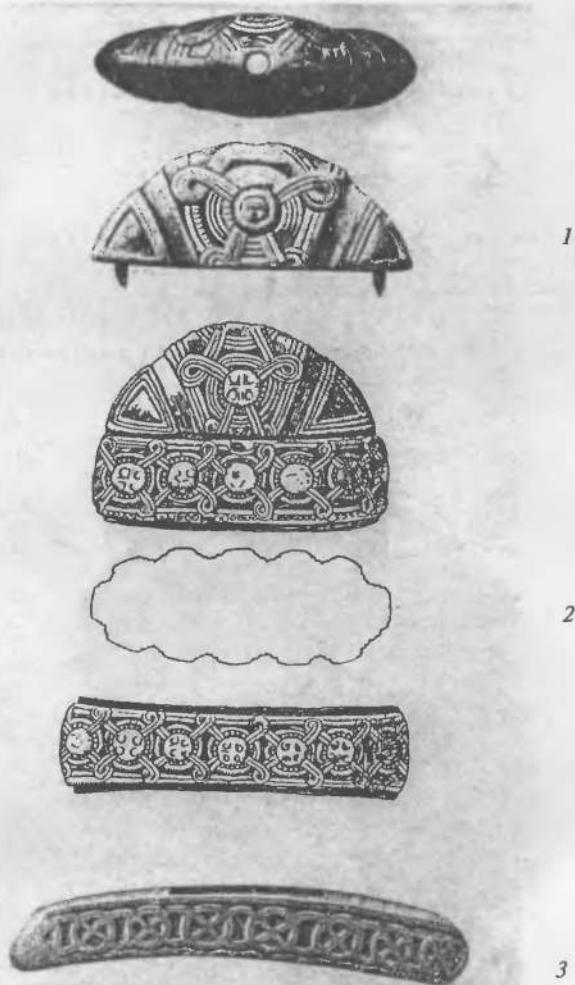

Рис. 16: 1 — навершие меча из Эланда;
 2 — навершие меча, распространенного в ареале куршских племен;
 3 — перекрестие меча из Готланда

ПАМЯТНИКИ КУЛЬТУРЫ ПСКОВСКИХ ДЛИННЫХ КУРГАНОВ ВО ВРЕВО-ЧЕРЕМЕНЕЦКОМ ПООЗЕРЬЕ

В 1977 году вышла в свет небольшая по формату книга Г.С.Лебедева «Археологические памятники Ленинградской области». Для целого поколения исследователей, к которому относятся и авторы, она стала своеобразной дверью в мир прошлого Северо-Запада, путевкой в определенную область профессии археолога. Хотя книга носила научно-популярный характер, в ней на основе новейших для того времени данных были представлены основные проблемы археологии Северной Руси, актуальные и дискуссионные по сей день.

Одна из них — раскрытие феномена, за которым сейчас прочно утвердилось наименование «культура длинных курганов», а во время написания упомянутой книги оно только-только входило в научный оборот. Как полигон для исследования этого явления раннесредневекового Северо-Запада Г.С.Лебедев избрал район Врево-Черемнецкого Поозерья, где в 1970-х гг. экспедиция под его руководством осуществила раскопки целого ряда разнотипных погребальных сооружений, включая насыпи культуры длинных курганов¹.

Систематические сведения об археологических памятниках этой местности начали накапливаться с рубежа XIX—XX вв. в ходе сбора материалов для составления археологической карты Санкт-Петербургской губернии. Однако первое профессиональное описание их было произведено в ходе палеоэтнологического обследования Ленинградской области второй половины 1920-х гг. В 1927 г. П.Н.Шульц и Г.П.Гроздилов выявили и зафиксировали целый ряд памятников по берегам Черемнецкого озера (Рукописный архив ИИМК РАН 1927: Ф. 2, № 106). Отдельные пункты, где отмечались курганы длинной

¹ Говоря о «культуре длинных курганов», авторы имеют в виду «культуру псковских длинных курганов», принимая мнение о ее существенных отличиях от «культуры смоленских длинных курганов». Первая, далее в тексте, будет обозначаться общепризнанной аббревиатурой «КПДК».

формы и сопки, попали в сводку Н.Н.Черныгина (Черныгин 1941: 93–148) и соответствующие своды В.В.Седова (Седов 1970; 1974). Затем наступила длительная пауза в исследованиях. В 1970 г. Г.С.Лебедев провел разведочные работы, обнаружив несколько новых памятников и раскопав два кургана в разных пунктах. С 1971 г. он приступил к планомерным раскопкам могильников на Череменецком озере.

Все эти материалы вошли в свод археологических памятников Ленинградской области В.А.Лапшина (Лапшин 1990: 27–28) и нашли отражение в серии публикаций. Подготовка охранных паспортов² позволила уточнить ряд данных о составе могильников. В 1996–1997 гг. авторы и В.Ю. Соболев провели цикл исследований комплекса памятников в ур. Боровское Купалище, продолжая работы Г.С.Лебедева. В ходе их были получены принципиально новые сведения о курганных могильниках и раскопан значительный участок поселения, с ними связанного. Разведками С.Л. Кузьмина 2001/2002 гг. открыто неизвестное ранее скопление групп и одиночных насыпей КПДК напротив ур. Боровское Купалище на восточном берегу Череменецкого озера (Красный Вал).

Основу гидрологической системы региона составляют два крупных озера — Череменецкое (15 кв. км) и Вревское (12 кв. км). Оба сильно вытянуты в меридиональном направлении, практически параллельно друг другу. Их соединяет река Быстрица, а более восточное — Череменецкое имеет сброс воды в р. Лугу через водную систему р. Ропотка — озера Большие и Малые Толони — река Вревка. В широтном направлении микрорегион разрезан ландшафтной границей, и это отразилось на культурно-исторической ситуации в средневековье, что справедливо отмечал Ю.М.Лесман (Лесман 1985: 33–37). Северная часть характеризуется песчаными почвами и массивами сосновых боров, местами сохранившимися до наших дней. В южной части преобладают суглинки, она практически вся освоена сельскохозяйственными угодьями или занята листовыми перелесками на месте заброшенных полей. Сосредоточим свое внимание на северном побережье Череменецкого озера, ибо только здесь представлены насыпи КПДК. К настоящему моменту здесь зафиксировано 15 пунктов с курганами этого облика.

В принципе их размещение типично для памятников рассматриваемого круга. Они сосредоточены в определенных локусах древнего

² Работы Е.М.Колпакова. Паспорта хранятся в архиве Департамента по охране и использованию памятников истории и культуры Правительства Ленинградской области.

освоения, центрами которых выступают сравнительно крупные группы (от 10—15 насыпей и более). К ним тяготеют небольшие группы и одиночные курганы. Для обозначения таких скоплений в свое время С.Л.Кузьминым был предложен термин «гнездо». Три таких «гнезда» отчетливо выделяются в северной части побережья Черемнецкого озера: район устья р. Быстрицы, ур. Боровское Купалище и к северу от него (Рапти-Наволоок), северо-восточная оконечность Черемнецкого озера (у быв. д. Рапти, ныне пос. Дзержинского).

Г.С.Лебедев изначально по присутствию в группах Рапти-Наволоок II и III длинных курганов полагал, что и весь комплекс памятников в ур. Боровское Купалище относится к КПДК. Раскопки в урочище Боровское Купалище в 1996—1997 гг. показали, что обе эти курганные группы представляли собой неоднородные некрополи — в них сочетались насыпи КДК и курганы с древнерусскими ингумациями. Следует отметить, что группа Рапти-Наволоок-II исследована полностью (практически сплошной площадью), а группа Рапти-Наволоок-III значительной площадью в южной и центральной части. В этом контексте приходится пересмотреть интерпретацию Г.С.Лебедева кургана 3 (по его нумерации) в группе Рапти-Наволоок III.

Г.С.Лебедев, исследуя группу Рапти-Наволоок III, представил курган № 3 как сложное сооружение, состоящее из длинного (подпрямоугольного) кургана и примыкавшей к нему пирамидальной земляной насыпи с каменными конструкциями (Лебедев 1974: 69—73). В последней обнаружены гончарный горшок с клеймом на дне и железный нож с уступом при переходе от черенка к клинку, при этом отсутствовали следы кремации. Но такая трактовка явно основана на недоразумении (в частной беседе Г.С.Лебедев согласился с ошибочностью начальной интерпретации объекта). «Пирамида» — не что иное как обычный древнерусский курган с труположением, где в силу агрессивности почвенной среды истлел костяк. Нож и круговой горшок сопровождали ингумацию. «Пирамида» была сооружена почти вплотную к длинному кургану сложной конструкции и, расплываясь, перекрыла его полу. То же относится и к еще одному кургану из раскопок Г.С.Лебедева, где обнаружен явно древнерусский набор бус и отсутствуют кальцинированные кости.

Все-таки в группе Рапти-Наволоок III известны и поздние комплексы КПДК. Раскопанный здесь в 1997 г. курган 18 представлял собой плоскую округлую насыпь—«платформу» диаметром 9 м и высотой 0,4 м. Всего в нем выявлено 5 захоронений, но лишь в одном из них обнаружены оплавленные остатки женских украшений: фрагменты проволооч-

ных височных колец, обломки узкой плоско-выпуклой бронзовой пластины (браслета ?) и бусы из прозрачного темно-синего стекла и темно-красной стеклянной пасты. Напомню, что бочонковидные бусины из печеночно-красной пасты довольно часто встречаются в древнерусских труположениях и не свойственны для древностей северных длинных курганов. То же можно сказать о проволочных височных кольцах.

Наиболее ранние древнерусские погребальные комплексы в группах Рапти-Наволоок II и III относятся к 3-й четверти XI в., а может, и к его середине (Рапти-Наволоок II, к. 5 — трупосождение с черешковым дро-тиком, Рапти-Наволоок II, к. 15 и 20 с ранними наборами бус и лепной керамикой). В группе Рапти-Наволоок II выделяется подкурганное камерное погребение (к. 8), сопровождавшееся боевым топором, а в группе Рапти-Наволоок III — курган № 2 с захоронением в яме кремированных останков, помещенных в деревянную емкость (по всей вероятности, сундук), за пределами которой лежал набор железных предметов.

Можно смело утверждать, что ранние древнерусские курганы присутствуют и в северном «гнезде» черемнецких памятников КПДК — в уроч. Фазанник. В то же время в древнерусском могильнике на Толонских озерах (Естомичи III) узнаваемы по крайней мере две насыпи, относящиеся к КПДК. Вообще, такая ситуация не редкость для ближайших окрестностей (Слапи VI, Замосье, Бараново, Ретенское озеро, Естомичи I).

Нет сомнений, что местное население не испытало резких перемен в своей жизни, а плавно инкорпорировалось в древнерусское общество, впитывая его культуру, существуя с ним в едином ритме, но выступая как самостоятельная единица, сохраняя при этом некоторые особенности. Это свидетельствует об определенной степени его автономии. В таком контексте любопытно вновь обратиться к насыпи в д. Репьи, исследованной Г.С.Лебедевым в 1972 г. (Лебедев 1978: 93–99), которая до сих пор не получила однозначной трактовки.

В основании сопки была выявлена низкая округлая насыпь с уплощенной вершиной (1,3 м высотой, 13–15 м в поперечнике). С этой первоначальной насыпью связано несколько погребений, которые сам исследователь отнес к сер. VI — VII вв. Такая датировка вызывает серьезные возражения.

Во-первых, приводимые Г.С.Лебедевым аналогии не всегда удачны: например не однотипен с репьевским браслет из Успенского городища дьяковской культуры (Смирнов 1974: Табл. VII: 6). Датировки памятников, с которых они происходят, ныне подверглись существенной коррекции в сторону омоложения или расширения дат.

Во-вторых, среди инвентаря погребения 6 в нижнем ярусе насыпи (браслеты с уплощенными расширяющимися концами, набор бляшек из тисненого бронзового листа, стеклянные бусы) имеется небольшая круглая сердоликовая бусина, побывавшая в огне. По материалам Староладожского Земляного городища, появление сердоликовых бус на Северо-Западе датируется преимущественно последней четвертью VIII — нач. IX в. (Рябинин 1995: 57).

Сравнительно недавно, при раскопках группы у д. Квасильниково в бассейне Средней Мсты был обнаружен практически комплекс-«близнец». В насыпи КПДК присутствовало 4 кремации; в одной из них найдены: бронзовый браслет с расширяющимися уплощенными концами, украшенными сдвоенными линиями косой насечки, бронзовая спиралька, фрагмент квадратной тисненой бляшки-обоймицы и несколько оплавленных бусин, среди которых можно опознать трехчастную синюю пронизку (Конецкий, Иванов, Сивохин, Торопов 1997: 34–35, рис. 1: 1–5). Очевидно, квасильниковское погребение также следует датировать в пределах VIII–IX вв.

Одно из погребений нижнего яруса насыпи у д. Репьи (№ 2) содержало бронзовую пятиугольную обоймицу. Точно такая же обоймица с прикрепленной к ней трапециевидной привеской встречена в следующем, втором, ярусе. На втором и следующем этапах своего функционирования насыпь представляла собой уже «обычную» сопку (Носов 1981: 42–56), а детали погребального обряда, включая помещение на кострище железной сковородки находят прямые параллели в сопке № 1 группы Сковородка-II комплекса памятников в урочище Миложь в Верхнем Поплюсье (Кузьмин 2001: Рис. 4: 2). Вообще, трапециевидные привески, прикрепленные к пятиугольным обоймицам, встречаются в памятниках Верхнего Полужья и Поплюсья, связанных именно с сопочными традициями. Они найдены в сопке № 2 группы Сковородка-II, датирующейся 2-й пол. X — нач. XI в., в бескурганных могильниках с трупосожжениями и на селище Которский погост, в курганном древнерусском погребении могильника Которск IX. Вполне возможно, что прикрепление трапециевидных привесок к пятиугольным обоймицам — локальный способ ношения этого распространенного украшения, появившийся на Луге и Плюссе в IX в., и эта сравнительно устойчивая местная традиция дожила до рубежа XI–XII вв.

Т.о., нижний ярус т.н. «сопки» у дер. Репьи, очевидно, следует датировать временем не ранее IX века (рис. 1). Сама насыпь являет собой яркий, уникальный пример наложения двух различных кругов древностей — КПДК и новгородских сопок, что отразилось и в особенностях погребального обряда.

Соотношение материалов погребальных памятников и топографически связанных с ними поселений представляет собой отдельную сложную проблему. Поселения КПДК во Врево-Черемнецком поозерье изучены пока недостаточно, хотя определенные предварительные выводы сделать можно.

Обращает внимание сходство топографических условий практически всех зафиксированных здесь селищ. Как правило, поселение расположено на первой надпойменной террасе берега озера (Черемнецкого, Меревского, Поддубского), почти у уреза воды, поблизости от русла небольшого ручья. Заметим, что далеко не всегда селища, где присутствует керамика характерная для КПДК, сопровождаются могильниками соответствующего круга (например Малые Толони). Любопытно, что сами поселения, как правило, многослойные — ниже слоев второй половины I тыс. н.э. залегают разновременные и разнокультурные напластования эпохи неолита (представлены культуры от нарвской до гребенчато-ямочной и ромбо-ямочной) и раннего металла и железного века. Выше слоя с лепной керамикой КПДК на большинстве известных селищ фиксируются отложения с позднесредневековой керамикой. Хотя о подобной стратиграфической ситуации предпочтительно говорить лишь как о тенденции. Колебания уровня воды в озерах делают картину более размытой.

По всей вероятности, описанная ситуация отражает определенный хозяйственный интерес к сосновым борам и обширным водоемам, существовавший в перечисленные эпохи, а также известное предпочтение селиться у источника чистой воды.

Наиболее изучено к настоящему времени селище Рапти-Наволок VII, входящее в комплекс памятников в Боровском Купалище. Здесь вскрыто 100 кв. м.

Селища Рапти-Наволок VII и VIII, представляющие собой, судя по всему, единый комплекс, расположены в 0.25 км к югу от курганной группы Рапти-Наволок III, на краю первой береговой террасы Черемнецкого озера, на противоположных берегах пересохшего ныне ручья. При разведочном обследовании здесь были выявлены следы железообработки (шлаки), сосредотачивавшиеся в основном за руслом ручья, на селище Рапти-Наволок VIII.

Поселение двуслойное. Верхняя часть культурного слоя — аморфный мелкий серый песок, многократно переотложенный в результате выветривания; его мощность — до 0.3–0.4 м. С этим слоем связаны находки фрагментов круговой и лепной керамики, а также вещей X–XII вв.: 14-гранной бусины из темно-синего стекла, фрагмента подлю-

шеного биконического глиняного пряслица, обломка свернутого в колечко витого трехпроводочного браслета, гладкого пластинчатого перстня, ключа типа А (по Б.А.Колчину), щекавицы топора. Вся керамика изготовлена из теста с примесью довольно большого количества дресвы, численно преобладают фрагменты круговой посуды, украшенной линейным, линейно-волнистым и гребенчатым орнаментом. Фрагменты лепной керамики из слоя серого песка темно-коричневых и черно-серых тонов, сравнительно слабого обжига, с сильно выступающими на поверхности крупными зёрнами дресвы имеют ближайшие аналогии в древностях КДК. Особенно показательна случайная находка здесь шиферного пряслица с процарапанным знаком Святослава Игоревича или Ярополка Святославича (определение С.В.Белецкого), датируемая, следовательно, 2-й пол. X в. (Кузьмин 2001: Рис. 4: 2).

В юго-западной части раскопа слой пылеватого серого песка подстилался слоем темно-красного крупного песка мощностью до 0,2 м. С этим слоем связаны находки фрагментов неолитической керамики нарвского типа. Каких-либо индивидуальных находок с ним не связано.

Таким образом, поселение Рапти–Наволок VIII, несомненно, синхронно некрополю Рапти–Наволок II–III в целом. В этом контексте любопытна интерпретация материалов раскопок Г.С.Лебедева так называемого высокого кургана в уроч. Боровское Купалище (селище Рапти–Наволок VI по нашей нумерации).

В основании одиночной насыпи в уроч. Боровское Купалище Г.С.Лебедевым был выявлен слой крупного оранжево-красного песка мощностью около 20 см, интерпретированный им как остатки кострища. Однако по своим характеристикам и связанным с ним находкам (обожженные камни, многочисленные кости животных и фрагменты лепной керамики, в том числе развалы крупных сосудов, глиняные биконические пряслица) этот слой скорее можно считать продолжением нижнего горизонта селища Рапти–Наволок VI. Данное предположение тем более вероятно, что сам исследователь указывает на слабые следы культурного слоя, содержавшего лепную керамику, в непосредственной близости от насыпи в уроч. Боровское Купалище (Лебедев 1977: 87). Перед нами случай, когда курган «накрыл» поселение, консервируя археологизированные артефакты. Возможно, к этому времени поселок оказался на месте селищ Рапти–Наволок VII–VIII (Рис. 2).

Итак, на сегодняшний день по материалам памятников района Черемнецкого озера можно констатировать демографическую преемственность между коллективами носителей КПДК и частью древнерусских коллективов XI в., живших и хоронивших в тех же местах. В то же

время, вопрос о культурной и демографической преемственности их с населением раннего железного века остается открытым.

Продолжение работ, ведущихся на более широкой территории в восточной части Лужского района, уже сейчас приносит новые результаты, но это тема уже другой работы.

Литература

Рукописный архив ИИМК РАН 1927 — Рукописный архив ИИМК РАН. Ф. 2. 1927 г. № 106.

Чернягин 1941 — Чернягин Н.Н. Длинные курганы и сопки (археологическая карта) // Этногенез восточных славян. Т.1. (МИА. № 6). М.; Л., 1941. С. 93–148.

Седов 1970 — Седов В. В. Новгородские сопки. (САИ, Е1–8). М., 1970.

Седов 1974 — Седов В. В. Длинные курганы кривичей. (САИ, Е1–8). М., 1974.

Лапшин 1990 — Лапшин В.А. Археологическая карта Ленинградской области. Часть 1: Западные районы. — Л., 1990. С. 27–28.

Лесман 1985 — Лесман Ю.М. Памятники культуры длинных курганов в Лужско-Оредежском междуречье // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л., 1985. С. 33–37.

Лебедев 1974 — Лебедев Г.С. Длинные курганы Верхнего Полужья // КСИА. 1974. Вып. 139. С. 69–73.

Лебедев 1978 — Лебедев Г.С. Сопка у д.Реплы в Верхнем Полужье // КСИА. 1978. Вып. 155. С. 93–99.

Смирнов 1974 — Смирнов К.А. Дьяковская культура (материальная культура городищ междуречья Оки и Волги) // Дьяковская культура. — М., 1974. Табл. VII: 6.

Рябинин 1995 — Рябинин Е.А. Начальный этап поступления полудрагоценных камней на Север Европы (новые материалы древнейшей Ладogi и их скандинавских аналогий) // Ладога и Северная Русь. Чтения, посв. памяти Анны Мачинской. СПб, 1995. С. 57.

Конечский, Иванов, Сивохин, Торопов 1997 — Конечский В.Я., Иванов А.Ю., Сивохин С.Г., Торопов С.Е. Новые данные о погребальных памятниках в долине р. Белой // Новгород и Новгородская земля. История и археология (Мат-лы науч. конф. Новгород, 23–25 янв. 1996 г.). Вып. 10. Новгород, 1997. С. 34–35, рис.1: 1–5.

Носов 1981 — Носов Е.Н. Некоторые общие вопросы изучения погребальных памятников второй половины I тысячелетия н. э.в Приильменье // СА, 1981, 1. С. 42–56.

Кузьмин 2001 — Кузьмин С.Л. Комплекс памятников в урочище Миложь у д.Сковородка в контексте древностей Верхнего Полплюсья рубежа I и II тыс. н. э. // Вестник молодых ученых. Исторические науки. Г'01. Специальный выпуск: Археология. СПб., 2001. Рис. 4: 2.

Лебедев 1977 — Лебедев Г. С. Археологические памятники Ленинградской области. Л, 1977. С. 87.

Рис. 1. Насыпь у д. Репья. Нижний ярус

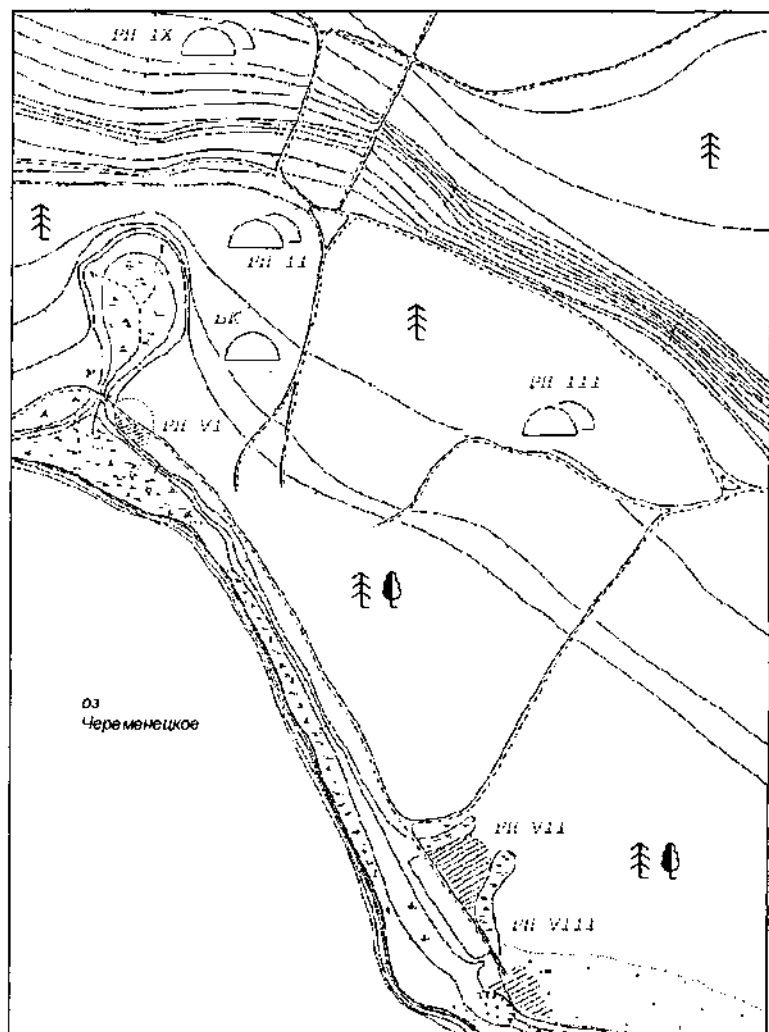

Рис. 2. Схема расположения памятников в комплексе Рапти-Наволок

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЛАДОГИ

(проблемы, задачи, перспективы)

В 2003 году Старой Ладогe исполнилось 1250 лет. Не претендуя на критический анализ самого этого факта (в любой его формулировке), мы хотели бы на волне праздничного настроения подвести определенные итоги археологического изучения Ладоги за последние несколько десятилетий. Подобные тексты, резюмирующие достижения ладожской археологии в течение вот уже двадцати лет, в большом количестве выходят из-под плодотворного пера А.Н.Кирпичникова. Не сильно варьирующие, они, на наш взгляд, создают далеко не всегда цельную панораму ладожской археологии. В любом случае, перед нами лишь результат наблюдений одного исследователя. Мы хотим предложить свой, если угодно, альтернативный, подход с уклоном больше не в promotion и «раскрутку» Ладоги; интересно сконцентрироваться на анализе реальной базы источников, накопившейся к сегодняшнему дню.

Стоит отметить, что чем дальше, тем яснее становится использование Ладоги как своего рода полигона для установления всевозможных «рекордов» (термин А.Н.Кирпичникова), «новых открытий в Старой Ладогe» (явных и мнимых) и т. п. Подоплека этого ясна, и намерения вполне благие: привлечение интереса к отечественной истории, пропаганда охраны и реставрации памятников, развитие туризма. Однако при таком отношении подлинное научное исследование терлет свою самостоятельность и обращается на службу этим целям. Погоня за открытиями не должна заслонять планомерных исследовательских работ. Им надлежит основываться на скоординированных методических подходах с четко сформулированными источниковедческими задачами, а уж затем получать определенные интерпретации.

Как феномен российской археологии Ладога вошла в ее историю несколькими яркими сюжетами. Это и первые научные раскопки пастора Толле в ее окрестностях, и блестящие комплексные исследования Н.Е.Бранденбурга, и принципиально новые раскопки остатков культурного слоя с сохранившейся органикой, давшие представление

об облике жилищ раннего средневековья, сделанные Н.И.Репниковым. Цикл этих работ продолжила экспедиция под руководством В.И. Равдоникаса. Именно результаты этих исследований составили костяк наших знаний о ранней Ладоге, хотя и интерпретировались самыми разнообразными способами: от деревни патриархальной общины до поселения типа «виков». К сожалению, эти обширные научные материалы так и не обрели вид законченной научной монографии, хотя отдельные категории находок анализировались О.И.Давидан, З.А.Льво-вой, Е.А.Оятевой, Г.Ф.Корзухиной и многими другими.

С момента воссоздания в 1972 г. Староладожская археологическая экспедиция ставила целью изучение всего спектра памятников Ладоги и ее округа (Альдейги по Д.А.Мачинскому). Возглавленная А.Н.Кирпичниковым, она состояла из нескольких самостоятельно действовавших отрядов, имевших свои конкретные задачи.

Ладога представляет собой уникальный комплекс археологических и архитектурных памятников, отражающих практически все периоды ее истории. Однако по действующей до сих пор традиции, сформировавшейся стихийно, изучение отдельных категорий памятников, рассматривающихся самостоятельно, ведется практически в отрыве друг от друга. Если взору туриста она предстает как несомненно единое историко-ландшафтное пространство, то для исследователей – она по-прежнему совокупность упомянутых категорий памятников («Ладога архитектурная», «Ладога Земляного городища», «Ладога крепостная», «Сопки Ладоги» и т. д.). Таким образом, на наш взгляд, первоначальная задача, поставленная А.Н.Кирпичниковым, была решена минимально, хотя сама проблематика существенно расширилась. Отдельные категории памятников, отличающиеся своей источниковедческой спецификой, продолжали исследоваться в отрыве друг от друга, лишь искусственно соединяясь в концепции того или иного автора.

К упомянутым категориям относятся:

- Земляное городище,
- посад средневековой Ладоги,
- крепость,
- каменная культовая архитектура
- погребальные памятники,
- поселения Нижнего Поволжья.

Дадим характеристику степени исследованности этих памятников (или категорий памятников) на данный момент, чтобы выделить пробелы, мешающие формированию сводной картины истории поселения и определить ближайшие перспективы для их ликвидации.

Земляное городище

Работы на Земляном городище с перерывами ведутся почти 100 лет, за которые исследована центральная часть площадки (около 2500 кв. м). Благодаря исследованиям Н.И.Репникова – В.И.Равдоникаса – Е.А.Рябинына сложилась определенная традиция. Раскопы, закладывались «в нахлест», а начиная с конца 1930-х гг. в единой системе координатной сетки и нивелировочных отметок. Это позволило постоянно идентифицировать раскрытые в разные года и разными авторами раскопок объекты, и тем самым создать общую схему застройки поселения и непрерывно уточнять наблюдения над стратиграфией.

В начале 1970-х гг. едва ли не самой важной проблемой ладожской археологии было построение дендрохронологической шкалы поселения. Отсюда перед Е.А.Рябининым логично вставала соответствующая сугубо прикладная задача раскопок на определенном месте памятника, т. е. именно в западной части поселения, на участке, где не надо было прорезать валы позднесредневековых укреплений и можно было гарантировано выйти на деревянные конструкции «большой постройки», вскрытые еще в 1950 г. Чрезвычайно важно, что в работах 1970–1980-х гг. использовалась традиционная для Лодоги система пикетов, глубинных отметок и стратиграфических подразделений. Это дало возможность сопоставить полученные Е.А.Рябининым материалы с результатами исследований В.И.Равдоникаса, и рассматривать их в дальнейшем как совокупность стратиграфических подразделений фактически одного раскопа, распространив на них полученные дендродаты.

Методика А.Н.Кирпичникова на фоне действий его предшественников выглядит внешне сходной, но далеко не всегда адекватной, особенно без дополнительных пояснений (а их нет ни в Отчетах, ни в публикациях). Раскоп 1984–1998 гг. на северо-западном бастионе Земляного оказался «вынесенным» за пределы центрального участка поселения, в результате чего его стратиграфия абсолютно не стыкуется с картиной, известной по предыдущим работам, что вдобавок усугубляется наклонным характером залегания слоев. Более того, перенос пикетной сетки на такое расстояние не мог быть произведен без определенной потери качества, что в значительной степени обесценивает и результаты самих раскопок¹. То же самое можно высказать и в отношении участка работ 1999–2003 гг. Совершенно очевидно, что разбивка раскопа на южной куртине Земляного городища должна была вестись после повторного вскрытия участка 1947 и 1957–1959 гг., что позволило бы перенести пикетную сетку В.И.Равдоникаса и состыковать глубинные отметки с гораздо большей точностью. Не менее важно

было частично вскрыть и раскоп Н.И.Репникова, находящийся севернее всего в каких-нибудь 2–3 м.

Наши наблюдения приводят к очевидной, казалось бы прописной, но так и не реализованной на практике мысли — любые новые раскопы на Земляном городище должны закладываться только «в стык» со вскрытыми раньше участками. Более того, сегодня актуальной видится задача повторного вскрытия всей центральной части поселения, исследованной В.И.Равдоникасом. Хорошо известно, что Староладожская экспедиция середины XX в. оставляла не снимая все деревянные конструкции, находившиеся на материке или в предматериковом слое. Опыт вскрытия отдельных конструкций «большого дома», исследованного еще в 1947 г. (IV ярус по Кузьмину–Мачинской) полностью подтвердил этот факт. Таким образом, есть возможность не только доследовать участки слоя, располагавшиеся вдоль бортов раскопа В.И.Равдоникаса, имевшего на уровне горизонта Е ломанные очертания, и сделать стратиграфические разрезы поселения (что совершенно необходимо, принимая во внимание результаты самых последних раскопок памятника), но и получить целую серию спилов нижних горизонтов Ладоги, возможно ее древнейшей застройки. Последний факт нам кажется достаточно пикантным именно в свете празднования ладожского юбилея в 2003 г. на основании единственного спила, датирующегося 753 г.

Если нижним слоям VIII–X вв. уделялось пристальное внимание, то к более поздним отложениям, включая валы Земляного города, отношение было фактически потребительским, их скорее принимали за балласт. Вот почему о Ладоге XII в., той Ладоге в которой ведется активное каменное строительство нам известно несравненно меньше. Где слои и материалы XI в., «времени ярлства Рагнвальда»? Что уж и говорить об эпохе Александра Невского, Довмонта и Наримонта?! Эти задачи еще предстоит решать. Для выяснения истории строительства укреплений Земляного города необходимо вести полноценные исследования валов не траншеями, а относительно широким раскопом и определить характер соотношения их с горизонтом В, при уточнении его узкой датировки.

Следует помнить, что доступная для раскопок площадь Земляного городища не неисчерпаема. Вряд ли она превышает половину от уже вскрытой. Тем важнее организовывать и вести раскопки в рамках единой продуманной программы.

Посад

Между изучением центральной, древнейшей частью Ладоги и ее посадом наблюдается явный дисбаланс. До сих пор, несмотря на само-

отверженные многолетние наблюдения З.Д.Бессарабовой, полноценная археологическая карта посада отсутствует. Лучшим образом дело обстоит с зоной побережья р. Лодожки, где вел стационарный раскоп В.П.Петренко и в разные годы шурфы закладывали С.Н.Орлов, С.А.Каманцева, А.Н.Кирпичников. В ряде случаев (в первую очередь, в раскопе на Варяжской улице) отмечены мощные слои с сохранившейся органикой. Но на других участках таковые отсутствуют. Встает вопрос о том, как такая картина отражается на специфике выпавшего в слой материала. Без полноценных раскопок «сухого» слоя мы оказываемся в плену некоторых иллюзий. В том числе и о размерах поселения, характере застройки, его соотношения с погребальными памятниками.

Каменная крепость

Доклады С.В.Лалазарова и Д.А.Мачинского сделанные год назад, подтверждают мысль, высказанную нами выше. В настоящий момент более чем актуальной видится необходимость проведения нового цикла архитектурно-археологических исследований на территории Ладожского мыса, причем как внутри каменных укреплений, так и на прилегающей к ним площади, снаружи крепости. Важнейшей задачей раскопок является не только трассирование разновременных кладок, но и вскрытие широких площадей, с целью выяснения их соотношения с культурными напластованиями. Не стоит ориентироваться на изучение нетронутых предыдущими раскопками участков, а работать в рамках единой пикетно-нивелировочной сетки. Это даст возможность соотнести результаты разных исследователей в разные годы.

Погребальные памятники

С начала 1970-х гг. основной упор в изучении погребальных древностей ладожской округи был сделан на исследовании сопок. К настоящему моменту насыпи Нижнего Поволховья не только хорошо и полно исследованы археологически, но и прекрасно опубликованы. Тем не менее, на наш взгляд, полевая археология может оказаться фактически единственной дисциплиной, которая может снять едва ли не самый ключевой вопрос связанный с сопками – «загадку» кургана № СХL (снова: от «открытия», которое таковым может остаться навсегда из-за недоисследованности комплекса во всем его объеме – к «исследованию»). За последние десятилетия проблема появления сопок в VII–VIII–IX вв., основанная на различных оценках погребения из победисенской насыпи, не просто грозит относиться к сфере схоластики, а уже переросла в нее... Действительно, круг аргументов в известной степени исчерпан, остался лишь недоследованный останец 14-II (веро-

ятно соответствующий кургану № СХL), раскопки которого видятся нам принципиальной задачей.

Проблема кургана № СХL – своего рода «зеркало» состояния изученности погребальных памятников Северного Поволжья. Общим знаменателем выступает проблема недоисследованности. Это справедливо в отношении Плакунского, Никольского, Успенского, Алексеевского могильников, площадь и общее количество погребений которых до сих пор четко не определены.

Поселения округа Лодог

Если брать именно ближайшую округу Ладожского поселения, то наиболее изученным к настоящему моменту является городище Любша. Раскопки на нем Е.А. Рябина принесли интересные и несколько неожиданные результаты. Однако проблемой остается полная неизученность любшанского «посада», имеющего весьма внушительную площадь. Подобным образом дела обстоят и с такими крупными поселениями как Наволок и Горчаковщина, сопровождаемыми группами сопок. Нет сомнения, что при тщательном поиске выявятся и другие поселения. Определение культурно-хронологического соотношения их с Ладогой будет несомненно важнейшей задачей.

В заключение хочется отметить, что необходимы не общие схемы памятников «ладожской зоны», их и так предостаточно, а реальный крупномасштабный план на добротной топооснове, на который будут планомерно нанесены не только границы культурных напластований, все шурфы, раскопы, участки наблюдений, отдельные архитектурные объекты и погребальные сооружения, но и значимые случайные находки. Разработанная по материалам центральной части поселения детальная хронологическая схема и синхронизация с ней указанных объектов наряду с реконструкцией палеорельефа позволят восстановить историю Лодог детальной, без домыслов и догадок, без умножения историографических мифов.

¹ Трудно сказать почему, но в обозначении пикетов раскопа на северо-западном бастионе и на центральной площадке поселения наблюдается диссонанс – буквенные линии (линия С–Ю) явно смещены или просто неправильно поименованы.

О ДРЕВНЕЙШЕЙ НА РУСИ ХРИСТИАНСКОЙ РЕЛИКВИИ

Древнейший на Руси крест-складень с реликвиями был обнаружен в 1976 г. в Старой Ладоге в раскопе В.П.Петренко на Варяжской улице: полевой № САЭ-1976 / ЛП1-640, кв. И4, гл. — 234 см, 13 шт., под настилом из корабельных досок, VII–VIII горизонты (Петренко, архив: ф. 35, оп. 1–1976, № 46–48)¹ (илл. 1, план). Первая публикация креста носила предварительный характер из-за отсутствия возможности визуального ознакомления с предметом. Было дано его краткое описание, определён круг памятников, к которому принадлежит эта уникальная находка (Пескова 2002: 30, 32–34, рис. 1, 2). Включение старолadoжского реликвария в каталог древнерусских энколпионов в раздел привозных византийских в широком понимании крестов, насчитывающих сегодня свыше 50 экз., позволило показать на достаточно широком фоне его типовые признаки и индивидуальные особенности (Пескова 2003: 1.2/19 — табл. 14, ср. табл. 1–15). Одновременно он был рассмотрен в историко-культурном контексте процесса христианизации Северной Руси как одно из древнейших археологических свидетельств (Мусин 2002: 98–99, рис.1, 1–2).

Сегодня появилась возможность непосредственного изучения этого неяркого, но безусловно драгоценного памятника христианской истории и культуры древней Руси.² Наряду с визуальным обследованием были проведены исследования состава сплава, из которого отливался крест, и определение характера его вложений (заклЮчения А.Н.Егорькова, Е.Ю.Медниковой и И.А.Григорьевой).

Старолadoжский энколпион имеет небольшие размеры (4×3.5×0.9 см), прямые немного расширяющиеся концы, пропорции, близкие к так называемому греческому кресту, и подвижное трёхреберное оглавление (Ил. 2). Створки снаружи гладкие без изображений, с глубокими четкими лотками изнутри и нетрадиционным размещением петель (каждая створка имеет по три петли — две петли на одном конце и одна на другом). На одной из створок обломана одна из двух верхних петель,

на другой утраченная изначальная верхняя петля заменена ещё в древности новой петлей. Она представляет собой пластинку с отверстием для продевания штифта, вырезанную по форме и размерам сохранившихся петель. Её короткое основание пропущено сквозь специально сделанное отверстие в бортике створки и затем расклёпано изнутри. Такой способ ремонта производит впечатление не профессионального, а скорее самодельного (новая петля закреплена недостаточно жёстко)³. В расчищенном виде крест имеет характерный для латуни светло-жёлтый (золотистый) цвет. Медный сплав, из которого отливался крест, отличается невысоким содержанием цинка 4,7–6% (подробнее см. заключение А.С.Егорькова). Бросаются в глаза очень низкие показатели присутствия в составе сплава олова и свинца (десятые и сотые доли процента), что не характерно для синхронных памятников культового литья. Для сравнения можно обратиться к результатам анализа энколпионов из раскопок поселения IX — начала XI в. у с. Одарци (Болгария) (Дончева-Петкова 1992: 2, №№ 4–5, 9–10, 19–20).

Хранимая крестом-складнем реликвия первоначально, по-видимому, заполняла весь объем, образуемый лотками створок. Возможно, это была пластичная масса, которая к настоящему времени высохла и распалась на отдельные кусочки светло-коричневого цвета. На некоторых из них сохранились отпечатки бортиков створок. По заключению И.А.Григорьевой, ст. научного сотрудника Отдела научно-технической экспертизы Эрмитажа, в составе вложений креста-реликвария были обнаружены смола (вероятно ладан), красный краситель (вероятно охра) и современные полимерные материалы.⁴ Е.Ю.Медникова, ст. научный сотрудник Лаборатории археологической технологии ИИМК РАН, исследовавшая реликвии с помощью оптико-электронной системы, обнаружила в них костную ткань, покрытую ладаном (развернутое заключение см. в приложении). Следовательно, крест вмещал частицы костных останков неизвестного нам почитаемого святого, по-видимому, погруженные в специально приготовленную массу, состоявшую из природной смолы (ладана) с красителем (охрой).

В тех редких случаях, когда кресты-складни находят вместе с сохранившимися в них реликвиями, последние описываются наблюдателями чаще всего либо как кусочки дерева, как, например, в кресте X в. из раскопок монастыря в Преславе (Огненова, Георгиева 1955: 405, обр. 45) и в кресте начала XIII в. из церкви Богородицы Пирогошей в Киеве (Бондаренко 2003: 230, IX.2/1 — табл. 158), либо как тёмно-коричневая масса (Бодянский 1966: 245–246), остатки смолы (Ельни-

ков 2003: 195, VII.1.1/5) в древнерусских крестах XII–XIII веков. В отдельных случаях речь идет об остатках шерстяной (?) ткани (в кресте из раскопок селища XIII в. в Подмосковье) и даже о кусочке метеорита в кресте, найденном на городище Трепча близ Санока в Польше (Шполянский: 2003: 260, 262, рис. 4, 19; Ginalski 2001: 362–365, гус. 11–12).

Замечательным примером целого собрания в одном месте святых мощей, «равных которым нет во всей Вселенной», является серебряный Скеврский реликварий (1293 г., Киликийская Армения), средник которого заполнен костями и веществом темно-коричневого цвета, определенном в химической лаборатории Эрмитажа как «природная смола, содержащая камедь», соотносимая «с камедо-смолой гальбан, о которой в Библии говорится как об одном из компонентов благовонного курения» (Мирзоян 1996: 88, прим. 3, рис. 2). По-видимому, природная смола традиционно использовалась церковью как наилучшая среда для устройства святых мощей в реликвариях.

Таким образом, священные вложения старолadoжского энколпиона были устроены подобающим образом, по-видимому, при церкви или монастыре и долгое время, судя по следам древнего ремонта креста, были личной святыней его владельца.

О глубокой древности этой реликвии свидетельствуют стратиграфические условия её местонахождения, подкрепляемые серией дендродат. Опорным объектом в определении даты выпадения креста в слой является настил из корабельных досок, связывавший постройку № 5 VII горизонта с берегом реки Ладожки. Крест был найден в квадрате И 4 под этим настилом. На основании порубочных дат трёх брёвен из этого настила (885 г., 910 г., 925 г.), Н.Б.Черных относит его сооружение ко времени не ранее 925 г. (Черных 1985: 121). Глубина залегания сооружений VII горизонта 150–191 см, VIII горизонта — 190–220 см, IX горизонта — 237–256 см (Петренко 1985: 93). Напомним, что глубина залегания креста 234 см (в подписи под рисунком и на этикетке) или 240–260 см (в описи), что отвечает VIII или соответственно IX горизонтам, характеризующимся наиболее разреженной застройкой (Петренко 1985: 114). В VIII горизонте вскрыта всего одна постройка, попавшая в раскоп лишь частично, в IX горизонте — остатки двух построек, время сооружения которых на основании двух порубочных дат (888 г. и 893 г.) относится к 90-м годам IX века (Черных 1985: 121). Таким образом, широкая датировка креста-реликвария предполагает временной промежуток от 90-х годов IX века до 925 года, узкая сводится, по-видимому, к первой четверти X века, так как порубочная дата

единственного бревна постройки VIII-1 приходится на 900 год (Черных 1985: 121).

Крест, к сожалению, обнаружен вне связи с каким-либо определённым скоплением предметов. В целом же I период жизни на этом участке левого берега р. Ладожки (IX в. — 20–30-е годы X в., по Петренко 1985: 114), к которому относится рассматриваемый энколпион, отмечен и другими замечательными находками, такими как скорлупа грецких орехов, раковины каури, воск, фрагменты восточной люстровой керамики, самшитовый гребень и др. А.Е.Мусин очень точно акцентировал внимание на этих находках в связи с крестом-реликварием, назвав их неосторожно комплексом, каковым они не являются, хотя в целом отражают активные связи поселенцев как со скандинавским севером, так и с византийским югом (Мусин 2002: 98).

Особенно показательна в этом отношении костяная рукоять, украшенная различными гравированными изображениями, в том числе сопоставленными изображениями «молоточка Тора» и двух крестов (простого четырехконечного креста напротив «молоточка Тора» и на некотором отдалении креста с прямоугольными выступами в средокрестии и вписанным в него простым четырёхконечным крестом), а также руноподобными знаками (Petrenko, Kuzmenko 1978: fig. 3; 4, 3; Кирпичников, Сарабьянов 1996: 165–166, илл. на с. 71). Эта находка по уровню залегания в слое древнее креста-реликвария (15 шт.) и на сегодня является древнейшим на Руси (IX в.) предметом с изображениями крестов.⁵ (Ил. 7)

Попутно отметим, что следующие по времени материальные свидетельства христианского присутствия на этом же участке древнего поселения происходят из слоёв второй половины X в. Это крестовидная накладка и фрагменты бронзового крестика (Мусин 2002: рис. 6, 3), синхронные найденным в этом же раскопе гривне с «молоточками Тора» и трапециевидной привеске с руническими знаками (Петренко, архив: ф. 35, оп. 1–1974, д. 155; Петренко, Кузьменко 1977: 164–165, № 144, рис. 87–89; Petrenko, Kuzmenko 1978: 78–83, fig 1; 2; 4, 1, 2, 4). То есть наиболее раннюю (до официального Крещения Руси) христианскую символику в Старой Ладоге мы находим опять же в скандинавской по преимуществу, среде древней Варяжской улицы, не забывая при этом, что эта среда была полиэтничной. Достаточно вспомнить «серию колёсовидных и трапециевидных подвесок из цветных металлов» в слоях I периода жизни на этом участке поселения (Петренко 1985: 114).

В этой связи нельзя не упомянуть находку на Земляном городище креста, происходящего также из слоя второй половины X века в раскопе А.Н.Кирпичникова 1995 г. Это маленький каменный (из песчаника) поставной крест, который, однако, имеет и следы от подвешивания его на шнуре (Кирпичников, Сарабьянов 1996: 170–171, илл. на с. 171). Материал и уровень исполнения креста указывают на возможность его изготовления в Ладого.

Кресты-реликварии без изображений встречаются очень редко. На территории древней Руси обнаружены считанные единицы таких энколпионов среди многих сотен крестов с лицевыми или орнаментальными изображениями. Все они датируются не ранее второй половины XI века. Исключение составляет маленький серебряный литой крест без изображений из гнёздовского «погребения» № 97, являющийся ближайшей на Руси параллелью старолadoжскому энколпиону (Спицын 1905: 53, рис. 6 на с. 55; Булкин 1982: 138–142) (илл. 5, 3). По форме, пропорциям, по технике изготовления (литьё) они очень близки между собой, отличаются лишь по материалу (медный сплав — серебро) и отчасти функционально (крест-складень — нательный крест). Однако гнёздовский крест на фотоснимке, благодаря наличию невысокого рельефного бортика по краям, воспринимается как створка креста-реликвария (вид на внутреннюю сторону створки; ср. с энколпионом из Ст. Руссы — Торопова 2003: IV.6.1/47 — табл.100), утратившая нижнюю петлю, или, что более вероятно, как крест, отлитый по образцу створки креста-реликвария. Воспроизведение в серебре меднолитых крестов византийской традиции, иногда со значительной творческой переработкой, нередко отмечается в скандинавской среде эпохи викингов. Таким образом, угадывается и функциональное, хотя и опосредованное сходство между гнёздовским и старолadoжскими крестами.

К очень близким старолadoжскому крестам-складням относится и миниатюрный серебряный энколпион с изображениями Распятия и Богородицы с младенцем, обнаруженный при раскопках на территории угличского кремля в микрогоризонте 1 горизонта 2 слоя 3, датирующемся серединой X — первой четвертью XI в. (Томсинский 2002: 263–267, рис. 1; 2003: 1.2/20 — табл. 9). Сегодня это второй по древности на Руси после старолadoжского крест-реликварий. Как и гнёздовский крест, он миниатюрен, изготовлен из серебра, но имеет лицевые изображения, украшенные чернью и позолотой, исполненные на основе

византийской иконографии, восходящей к «сирийским» образцам, но в чуждой для византийского мира манере, в которой угадываются северо-европейские стилистические признаки. По технике исполнения и пропорциям креста некоторой параллелью ему является створка бронзового энколпиона первой половины IX века из Фуссингос (Fussingos), Дания (Пескова 2003: 50). Эти особенности позволяют предполагать, что великолепный угличский крест-реликварий, как и простой гнёздовский крест, были созданы в христианизированной скандинавской среде. Вопрос, где именно они были изготовлены, пока остаётся открытым.

Большинство сопоставимых со старолadoжским энколпионов происходит с территории нижнего и среднего Подунавья, где они датируются в основном X — началом XI века. В этом регионе известно свыше 20 крестов-реликвариев без изображений: 20 адресных и 2 из музейных собраний Софии и Хасково, Болгария (илл. 3, карта).⁶ Возможно, дополняют этот список лицевая створка энколпиона из раскопок в Коринфе, датированная «византийским периодом» (Corinf 1952: № 2068, pl. 110), а также створка из собрания НМИУ, Киев, входящая в состав «сирийской коллекции Ханенко».⁷ Для сопоставления по конструктивным особенностям устройства петель привлекаются и три энколпиона с лицевыми изображениями: энколпион из мужского погребения в могильнике середины X — середины XI веков близ Мишкольца, Венгрия (Megaу 1961: fig. 4, 5) и створки из музейных собраний в Софии (Миятев 1922: обр. 71) и в Санкт-Петербурге (Корзухина, архив: ф.77, д. 14, л. 72) Принимая во внимание исключительную редкость такого размещения петель, учитывались и два более поздних экземпляра (XII—XIII в.) из Херсонеса и Звенигорода на Збруче (Stimean...2003: fig. 11.15; Русанова, Тимошук 1993: рис. 33, 4).

Кресты без изображений, обнаруженные в Подунавье, разнообразны по форме и размерам. Значительная их часть соответствует стандартам, характерным для определённых иконографических типов. Для примера приведём однотипные энколпионы без изображений из раскопок поселения и могильника у с. Одарци в Добрудже и из раскопок женского погребения «Е» в кафедральном соборе Секешфехервара на среднем Дунае (Дончева-Петкова 1992: 52, табл. III, 3; Lovag 1999: № 1, abb.1) (илл. 4, 1). Аналогичные энколпионы, но украшенные точечным или циркульным орнаментом, происходят из раскопок в Диногении (Гарвен) (илл. 4, 2), а также из Плиски, Якимово (илл. 4, 2),

Михайловграда (Barnea 1967: 360, fig. 192, 10; Милчев 1963: 31; Станчев 1960: 28, 62, № 62, обр. 3 Б1). Известны они и за пределами Подунавья, например, в Саркеле — Белой Веже (Пескова 2003: I.2/22 — табл.12). Болгарские кресты из Одарци, Плиски и Якимово датируются исследователями этих памятников концом X — началом XI веков (в Одарци на основании найденной совместно с энколпионом анонимной византийской монеты класса В) (Дончева-Петкова 1992: 52).

Среди дунайских крестов без изображений, имеющих нестандартные форму и размеры, наиболее близкими старолadoжскому энколпиону являются четыре креста-реликвария и два нательных креста, обнаруженные на территории средневековых болгарских крепостей Царь Асен близ Силистры (илл. 5, 1–2) и Картал кале у с. Руйно Дуловско (илл. 5, 3) в Добрудже, на городище Стырмен, а также в Старой Загоре (илл. 5, 4) и Великом Преславе (Атанасов, Йотов 1990: 86, 88, табл. V, VI, № 12; Атанасов 1992: 36, 46, 83, 85, табл. II, IV — 7, IV — 40; Джингов 1982: 58, обр. 60, 17; Янков 1985: 92, фиг. 10; Георгиева 1958: обр. 3, 4). Датированы эти поселения IX — началом XI веков (Стырмен — VII–XIII вв.). Гибель укрепленных поселений Царь Асен и Картал кале, как и гибель поселения у с.Одарци, болгарские исследователи связывают с печенежскими нашествиями 1034–1036 гг.

Принципиально важным общим признаком для болгарских и старолadoжского энколпионов, особенно при несовпадении размеров и пропорций, является нетрадиционное размещение петель: по три (2+1) на каждой створке.⁸

Энколпионы с таким необычным размещением петель встречаются ещё реже, чем энколпионы без изображений. К двум из вышеназванных энколпионов (Царь Асен и Картал кале в Добрудже) можно добавить одну створку без изображений из Велико Градиште (Сербия), датированную приблизительно X–XI вв. (Петровић 2001: 126, № 66), а также два энколпиона с лицевыми изображениями: целый экземпляр из Мишкольца и отдельную створку из музейного собрания в Софии (Megay 1961: fig. 4, 5; Миятев 1922: обр. 71) (илл. 6, 1–2). На музейной створке помещено изображение святого в позе оранта, выполненное глубокими врезанными линиями в характерной штриховой манере, благодаря чему такие энколпионы получили название «сирийских». Среди великого множества «сирийских» крестов-реликвариев, встречающихся во всех странах восточнохристианского мира, мне не известно больше ни одного экземпляра с подобным размещением петель. Более

информативным является энколпион из могильника близ Мишкольца, функционирование которого определяется исследователями серединой X — серединой XI вв (Megay 1961: 100–108). Лицевые изображения на створках этого креста (Распятие и Богоматерь в типе оранты) выполнены, в отличие от музейного софийского экземпляра, тонкой штриховкой. Он также является единственным среди себе подобных, имеющим необычное устройство петель. Энколпионов этого типа сегодня насчитывается свыше 50 экз., из них более 30 экз. найдено на территории Болгарии, где они датируются в основном с X по XIV век (Дончева-Петкова 1992а: 55; Staecker 1997: 70–71, 76–77, abb. 3, karte 3; Пескова 2003: 1.2/3, 1.2/6 — табл. 13). Однако в двух случаях (при раскопках в крепости Белград близ Преслава и в средневековых слоях Льежа) археологическая дата подобных крестов V–VI вв. (Джингов 1964: 31–35, рис. 24а; Philippe 1965; Залеская 1988: 95).

Очень близкая энколпиону из Мишкольца по иконографии и стилистике изображения Распятия и аналогичная по конструкции петель створка неизвестного происхождения хранится в ГРМ (СПб.) (илл. 6, 3).⁹ Изображение на ней выполнено в той же технике, но размеры створки меньше, а традиционная для этого типа форма створки осложнена четырьмя дополнительными прямоугольными выступами в средокрестии. О том, что створка из ГРМ является не случайным экспериментальным экземпляром, а представляет собой древнюю створку отдельного варианта рассматриваемого иконографического типа, свидетельствует аналогичный крест-реликварий с оглавием, помещённый на одной из сводных таблиц в монографии Р.Петровича, к сожалению, без внятной атрибуции и без ссылок на его публикацию (Петровић 2001: 500, табл. 82, № 30). Понятно лишь, что автор относит энколпион к Константинополю, то ли по месту изготовления, то ли по месту обнаружения. Однако, размещение петель у этого креста, судя по рисунку, традиционное.

Более поздние примеры (XII–XIII вв.) нетрадиционного устройства петель на энколпионах обнаруживаются в Херсонесе и на городище Звенигород на Збруче (Crimean Chersonesos 2003: 167, fig.11.15; Русанова, Тимошук 1993: рис. 33, 4) (илл. 5, 6; 6, 4). Херсонесская створка без изображений, но с круглым украшением в центре — по типу створки из крепости Каргал кале у с. Руйно. В альбоме, где она воспроизводится, ничего не сообщается о точном месте и обстоятельствах обнаружения створки. Если она действительно происходит из надёжно

датированных слоёв XII–XIII вв., то можно говорить о длительном бытовании этого типа энколпионов, возникновение которого сегодня допустимо относить ко времени не позднее конца X — начала XI в. (по находке в крепости Каргал кале).

Энколпион из Звенигорода на Збруче можно считать отголоском той же дунайской традиции (Пескова 2003: 232–233). На одной из его створок помещено рельефное изображение распятого Христа, очень схематичное и грубое по исполнению, другая створка гладкая без изображений. Нетрадиционное размещение петель вместе со своеобразной формой створок энколпиона (ср. с энколпионами из Одарци, Секешфехервара и им подобными) и рельефным Распятием, очень напоминающим «грубые изображения Распятия» на нательных крестах, характерных для Подунавья в X–XI веках (Lovag 1999: № 31–32, 34–36), всё это вместе определённо указывает, что звенигородский энколпион, если и был изготовлен на месте, как полагает М.А.Ягодинская, то только пришлым мастером, скорее всего из придунайских земель (Ягодинская 2003: IX.4/1 — табл. 159).

Форма оглавия старолудожского энколпиона с тремя равновеликими рёбрами и узкими неглубокими ложбинками между ними также имеет многочисленные аналогии в дунайском регионе, где такая форма является, пожалуй, даже определяющей. В нашем случае важно, что оглавие именно такой формы имеет энколпион из Мишкольца, иконографический тип которого восходит, как было отмечено выше, к V–VI векам, а также большинство крестов-реликвариев древнейшего собственно болгарского типа, возникновение и наивысшая распространённость которого приходится на вторую половину IX — X века (Дончева-Петкова 1992a: 61–62).

Самый ранний тип энколпионов, разработанный, по мнению Л.Дончевой-Петковой, в одном из центров Первого болгарского царства — в Плиске или Великом Преславе, вскоре после принятия христианства, получил широкое распространение, особенно на территории северо-восточной Болгарии (засвидетельствовано свыше 40 экз. этого типа) и активно использовался до первых десятилетий XI в. Энколпионы этого типа отличаются малыми размерами (3,2–3,7) × (2,1–2,7) см и имеют рельефные очень схематичные изображения распятого Христа в колобии на лицевой створке и Богоматери в типе оранты на оборотной. В пропорциональном отношении створки имеют, как правило, форму латинского креста, но в отдельных случаях

приближаются к форме греческого (Дончева-Петкова 1992а: 61). Последнее важно отметить как ещё одну параллель старолadoжскому энколпиону, поскольку кресты-реликварии с пропорциями греческого креста — явление, очень редкое в византийском мире.

Ещё один литой бронзовый нательный крест без изображений, близкий по размерам (4,5×2,9 см) и пропорциям старолadoжскому энколпиону, происходит из того же круга памятников — случайная находка на территории крепости IX — начала XI веков у с. Царь Асен (Атанасов, Йотов 1990: 83, 85, табл. II, IV, № 7) (илл. 5, 2). Он представляет собой скорее всего отливку, сделанную по образцу створки энколпиона без изображений такого же типа, как и старолadoжский. Наглядным признаком подражания кресту-реликварии является его необычно широкая петля для подвешивания, напоминающая по форме оглавия дунайских энколпионов. Возможно к этому же типу относится крест, происходящий из раскопок укрепленного поселения Стырмен VII—XIII вв. (Джингов 1982: 58, обр. 60, 17). Такое предположение не беспочвенно, так как в этом регионе рельефные энколпионы малых размеров, точнее их отдельные створки, многократно копировались для отливки нательных крестов.

В ряду аналогий старолadoжскому кресту по признаку отсутствия изображений нельзя не упомянуть створку энколпиона из так называемой «сирийской коллекции Ханенко», хранящейся в НМИУ (Киев). К сожалению, нижний край створки утрачен, следовательно ни по размеру, ни по устройству петель они не сопоставимы.

Рассмотренные аналогии, проводимые последовательно по отдельным конструктивным и иконографическим признакам, а не комплексно из-за отсутствия прямых и полных аналогий, всё же позволяют уверенно связывать происхождение старолadoжского креста-реликвария с землями нижнего и среднего Подунавья периода Первого болгарского царства.

Самую широкую выборку дают аналогии по признаку отсутствия изображений (см. карту), но большинство из них, упрощенно говоря, представляют собой незавершенные изделия, так как имеют стандартные форму и размеры створок, соответствующие определенному иконографическому типу энколпионов. Это было показано на примере однотипных энколпионов из Одарци и Сентмиклоша (без изображений), с одной стороны, и из Диногечи, Плиски, Якимово и др. болгарских памятников (с орнаментальными изображениями), с другой. Все они датированы второй половиной X — началом XI века.

Среди нестандартных по форме и размерам крестов, аналогичных старолadoжскому, совпадение признаков (отсутствие изображений и нетрадиционное устройство петель) наблюдается только у энколпионов из Добруджи (из крепостей у сёл Руйно и Царь Асен), при этом энколпион из Руйно имеет в центре створки гнездо для вставки, то есть он был украшен.

Аналогии по признаку устройства петель, привлеченные из группы крестов с лицевыми изображениями, также связаны с дунайским регионом. Крест из Мишкольца и музейный экземпляр из Софии связаны с ним напрямую, а более поздний энколпион из Звенигорода на Збруче и музейная створка из ГРМ — опосредованно.

Выявленная таким образом группа энколпионов с нетрадиционным устройством петель включает в себя энколпионы трёх типов:

1. с гравированными изображениями Распятия и Богоматери в типе оранты (Мишколец, ГРМ);

2. с глубоко врезанными изображениями отдельных святых (Нац. музей в Софии);

3. без изображений (Царь Асен, Руйно и, возможно, Херсонес).

К ним примыкает более поздний и индивидуальный по характеру исполнения, но с явными признаками дунайских традиций культового литья энколпион из Звенигорода на Збруче. Локализация их в нижнем и среднем Подунавье (за исключением более поздних херсонесского и звенигородского экземпляров), а также совпадение датированных крестов по времени в рамках второй половины X — начала XI веков позволяет предположить, что они изготавливались в одном крупном центре или мастерами, вышедшими из одного центра. Присутствие в этой группе створки с изображением, выполненным в «сирийской» манере, возможно, объясняется попыткой подражания «сирийским» крестам, а не её сирийским происхождением. Болгарские исследователи называют основными центрами изготовления предметов культовой металлопластики в этот период Великий Преслав и Плиску, а также и бывший некоторое время патриаршим центром Дрестр (летописный Доростол).

Однако у энколпиона из Мишкольца есть одна особенность, возможно, связывающая его с константинопольскими традициями. Это надпись около изображения Богоматери в форме ΘΕΟ/ΤΟ/ΚΟΣ вместо обычного на меднолитых крестах сокращения ΜΡ ΘΥ. На энколпионах этого иконографического типа надпись ΘΕΟΤΟΚΟΣ встречается как исключение из правила. Мне известно ещё три таких необычных

экземпляра — целый энколпион из Старой Загоры, оборотная створка из Национальной художественной галереи в Софии и оборотная створка из дореволюционных раскопок в Херсонесе (Янков 1985: 87–88, фиг. 1, 3; Вьлева 1981: 80–81, обр. 6; Залеская 1988: 93, 95, рис. 3). Четвёртый экземпляр, хранящийся в городском музее Казанлыка (Болгария), отличается сочетанием этих двух типов надписей (Гетов, Цанова 1967: 162, обр. 115). Надпись ΘΕΟΤΟΚΟΣ появилась на них явно как сокращённое подражание надписи Η ΑΓΙΑ ΘΕΟΤΟΚΟΣ, сопровождающей изображение Богоматери Кириотиссы, характерное для драгоценных крестов второй половины IX — начала XI веков типа известного трехчастного креста-реликвария из Плиски (см. внутренний крест), изготавливавшихся из золота или серебра в константинопольских мастерских (Dončeva-Petkova 1979: 74–91). В отдельных случаях такая надпись встречается и на бронзовых иконографически близких энколпионах с изображениями Богоматери Кириотиссы, выполненными в технике инкрустации чернью, серебром и даже золотом, например, на створке из Враца (Болгария) или на кресте из Херсонеса, хранящемся в ГИМе, Москва (Дончева-Петкова 1975: 174 и сл., обр. 1 а, б; Rosenberg 1924: fig. 48–49; Искусство Византии...1977: 93, № 567). Ю.Валева, учитывая столичные аналогии створке энколпиона из Национальной художественной галереи в Софии, датировала её второй половиной IX — первой половиной X века, не исключая его местное (болгарское) происхождение (Вьлева 1981: 81). Такая датировка представляется довольно убедительной, принимая во внимание не только приведённые аналогии, но и глубокую древность этого иконографического типа энколпионов. Отдельные археологические находки таких энколпионов, датированные сопутствующими монетами второй половиной X — началом XI века, не опровергают этой даты, так как значительная часть энколпионов этого типа происходит из раскопок поселений IX–XI вв., что позволяет надеяться на подтверждение в будущем датирующими материалами и более ранней даты — второй половины IX — первой половины X века.

В полной мере это относится и к энколпионам без изображений. Г.Атанасов и В.Йотов рассматривают такие кресты как наследие икоборческого периода (1990: 85). Однако значительная их часть является по сути недооформленными крестами-реликвариями определённых иконографических типов, бытовавших главным образом в том же хронологическом промежутке и на той же территории Первого болгар-

ского царства. Другая, меньшая их часть (с нестандартными размерами и пропорциями, а в некоторых случаях и необычным расположением петель), к которой относится и старолadoжский энколпион, по-видимому, является не менее, а может быть и более древней, поскольку отсутствие стандартизации представляется более характерным для этапа становления серийного изготовления памятников культового литья. И для этих единичных крестов старолadoжский энколпион может быть опорным в вопросах датировки.

Таким образом, происхождение древнейшего на Руси креста-реликвария, несмотря на отсутствие прямых аналогий, достаточно уверенно связывается с Дунайским регионом (в первую очередь с нижним Подунавьем). Появление его в Ладогe, по-видимому, связано с участием ладожан в дунайских экспедициях, не исключая военного похода Олега на Царьград, открывшего благоприятные возможности для регулярных торговых контактов Руси с византийским миром..

¹ Здесь приводятся паспортные данные о находке, взятые из подписи под рисунком креста, сделанной рукой В.П.Петренко. Они частично расходятся с данными описи в показаниях глубины залегания креста (в описи 240–260 см, под рисунком и на этикетке 234 см). Последние приняты мною как наиболее достоверные, поскольку больше соответствуют привязке этой находки к VII–VIII горизонту, отмечаемой одинаково как в отчёте, так и в подписи под рисунком, и в статье В.П.Петренко 1985 г. В монографии А.Е.Мусина приводятся глубины, взятые из описи. Маркировка квадратов велась по пикету СЗ угла.

² В настоящее время находки из раскопок В.П.Петренко на Варажской улице готовятся к передаче в Старолadoжский музей-заповедник. Приношу искреннюю благодарность Н.Ю.Ивановой за помощь при обращении к этим материалам.

³ Примеры древнего профессионального ремонта можно видеть на древнерусских энколпионах первой половины XIII в., у которых лямовые петли имеют основание в виде длинного клиновидного стержня, вставленного и накрепко запаянного в специально выпиленные в бортике створки пазы (Пескова 2003: VII.1.1/117 — табл. 127, VII.1.1/243).

⁴ Присутствие современных полимерных материалов объясняется тем, что на экспертизу исследуемые частицы попали после реставрации, включавшей закрепление очищенной поверхности створок современными полимерными материалами. Реставрация проведена В.И.Кильдюшевским, научным сотрудником ИИМК РАН.

⁵ Существует и иное толкование этих изображений. Ю.К.Кузьменко видит здесь свастику и два «молоточка Тора». (Кузьменко 1997: 25).

⁶ Энколпионы XI в. из Чезавы, Гамзиграда и Охрида (Петрович 2001: №№ 17, 24, 225), а также из Севтополиса (Чангова 1972: 120, рис. 97,7), обычно привлекаемые как аналогии крестам без изображений, здесь не учитываются.

⁷ НМИУ (Киев), № В 4626 / 278

⁸ Энколпион из крепости близ с. Руйно отличается ещё и наличием в средокрестии гнезда для вставки камня или смальты.

⁹ ГРМ (СПб.), № 11782, поступила из ГАИМК (Корзухина, архив: ф. 77, д. 14, л. 72).

¹⁰ Атанасов 1992: Атанасов Г. Християнски паметници от ранносредновековната крепост до село Руйно, Дуловско // Добруджа 8, 1991. Варна, 1992.

Литература

Атанасов, Йотов 1990 — Атанасов Г., Йотов В. Кръстове — енколпиони и медалиони от ранносредновековната крепост до с. Цар Асен, Силистренско // Добруджа, 6, 1989. Варна, 1990.

Бондаренко 2003 — Бондаренко О.В. Кат. № IX.2/1 // Корзухина Г.Ф., Пескова А.А. Древнерусские энколпионы: Нагрудные кресты-реликварии XI—XIII вв. СПб., 2003.

Булкин 1982 — Булкин В.А. «Курган 97» из раскопок С.И.Сергеева в Гнёздове // Северная Русь и её соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982.

Вълева 1981 — Вълева Ю. Средновековни кръстове-енколпиони от Националната художествена галерея // Археология, XXIII, кн. 1–2. София, 1981.

Георгиева 1958 — Георгиева С. Кръстове-енколпиони от средновековен Преслав // Изследования в чест на акад. Д.Дечев. София, 1958.

Гетов, Цанова 1967 — Гетов Л., Цанова Г. Народен музей Казанлък. Старо изкуство. София, 1967.

Джингов 1964 — Джингов Г. Крепостта Бялград при Преслав // ИБАИ. Т. 27. 1964.

Джингов 1982 — Джингов Г. Археологически изследвания в западната част на укрепеното селище при Стърмен (сектори I, III, V и VI) // Ранно-средновековното селище при село Стърмен. Разкопки и проучвания. VII. София, 1982.

Дончева-Петкова 1975 — Дончева-Петкова Л. Бронзов кръст от Враца // Археология, XVIII, кн.2. София, 1975.

Дончева-Петкова 1992 — Дончева-Петкова Л. Проблеми при производството на кръстове-енколпиони (материали, технологии, ателиета) // Археология, XXXIV, кн. 4. София, 1992.

Дончева-Петкова 1992a — Дончева-Петкова Л. За някои типове кръстове-енколпиони от Добруджа // Добруджа, 8, 1991. Варна, 1992.

Ельников 2003 — Ельников М.В. Кат. № VII.1.1/5 // Корзухина Г.Ф., Пескова А.А. Древнерусские энколпионы: Нагрудные кресты-реликварии XI—XIII вв. СПб., 2003.

Залеская 1988 — Залеская В.Н. О связи средневекового Херсонеса с Сирией и Малой Азией в X—XII веках // Восточное Средиземноморье и Кавказ IV—XVI вв. Л., 1988.

Искусство Византии...1977 — Искусство Византии в собраниях СССР. Т. 2. М., 1977.

Кирпичников, Сарабьянов 1996 — Кирпичников А.Н., Сарабьянов В.Д. Ладога — древняя столица Руси. СПб., 1996.

Кузьменко 1997 — Кузьменко Ю.К. К интерпретации надписи на подвеске из Старой Ладogi // Дивинец Староладожский. СПб., 1997.

Медникова, Липатов, Куликов 2004 — Медникова Е.Ю., Липатов А.А., Куликов В.Е. О строительных растворах трёх новгородских памятников конца XII века: новые методы и результаты // Реликвия, 2004, № 2(6).

Милчев 1963 — Милчев А. Раннесредневековни български накити и кръстове-энколпиони от Северозападна България // Археология, V, кн. 3. София, 1963.

Мирзоян 1996 — Мирзоян А.С. Новое к вопросу о Скеврском реликварии 1293 года (Киликийская Армения) // Византия и византийские традиции. СПб., 1996.

Миятев 1922 — Миятев Кр. Палестински кръстове в България // Годишник на Народния музей за 1921 год. София, 1921.

Мусин 2002 — Мусин А.Е. Христианизация Новгородской земли в IX–XIV веках. Погребальный обряд и христианские древности. СПб., 2002.

Огненова, Георгиева 1955 — Огненова Л, Георгиева С. Разкопките на манастира под «Вълкашина» в Преслав през 1948–1949 г. // ИАИ, XX. София, 1955.

Пескова 2002 — Пескова А.А. Энкалпионы Старой Ладogi // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси. Памяти Ольги Ивановны Давидан. СПб., 2002.

Пескова 2003 — Пескова А.А. Каталог энколпионов древней Руси. // Корзухина Г.Ф., Пескова А.А. Древнерусские энколпионы: Нагрудные кресты-реликварии XI–XIII вв. СПб., 2003.

Петренко, архив — Петренко В.П. Отчёт о работах Княшинского отряда Староладожской экспедиции в 1976 году // Архив ИИМК РАН. Ф. 35, оп. I-1976, № 46–48.

Петренко, Кузьменко 1977 — Петренко В.П., Кузьменко Ю.К. Старая Ладога II // Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи. Тексты, перевод, комментарий. (Древнейшие источники по истории народов СССР). М., 1977

Петренко 1985 — Петренко В.П. Раскоп на Варяжской улице (постройки и планировка) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л., 1985.

Петровић 2001 — Петровић Р. Речник византијских крстова. Београд, 2001.

Русанова, Тимощук 1993 — Русанова И.П., Тимощук Б.А. Языческие святилища древних славян. М., 1993.

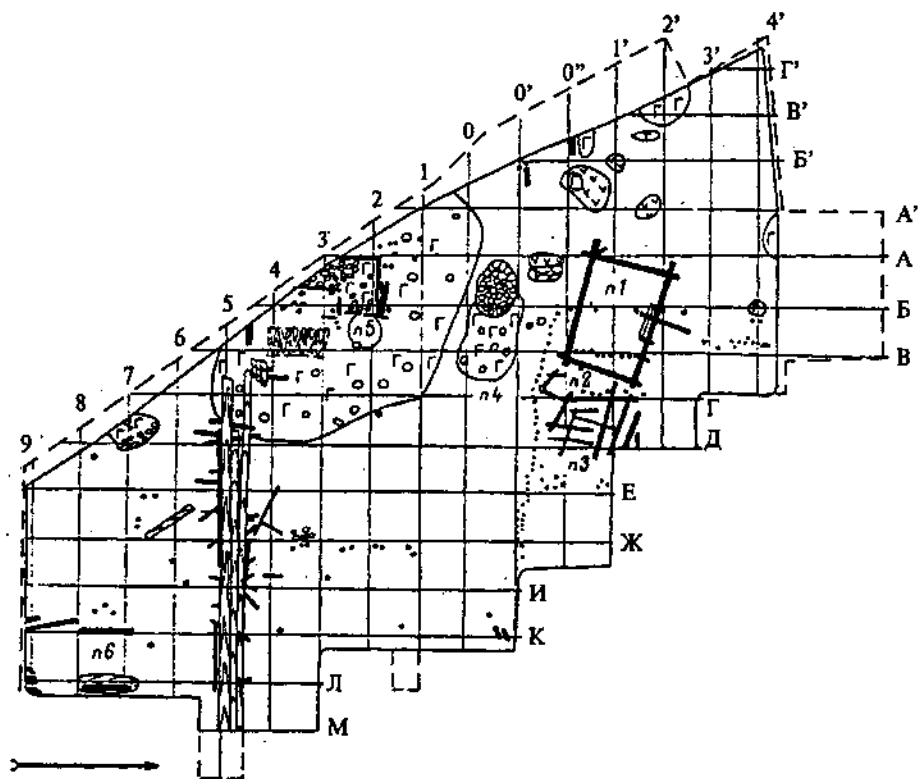
Соколов 1982 — Соколов М.В. Прикладная биофотометрия. М., 1982.

Спицын 1905 — Спицын А.А. Гнёздовские курганы в раскопках С.И.Сергеева // ИАК, в. 15. СПб., 1905.

Справочник... 1968 — Справочник конструктора опико-механических приборов, Л., 1968.

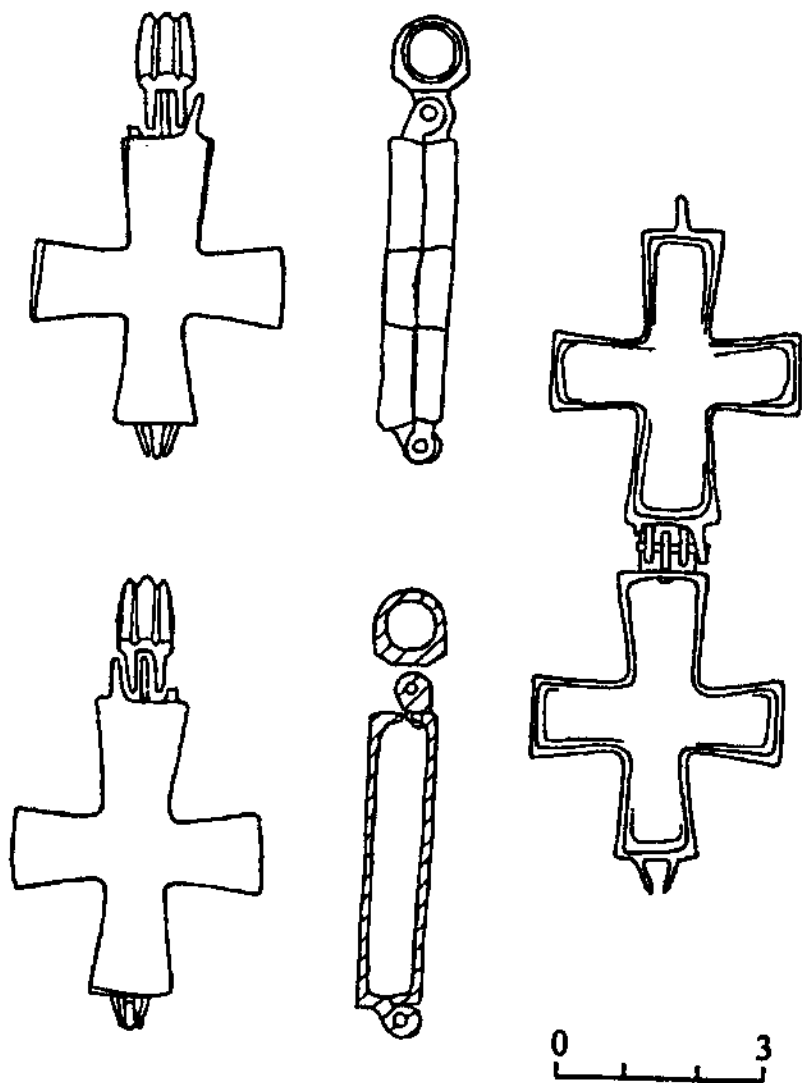
Станчев 1960 — Станчев Ст. Материали от дворцовия център в Плиска // ИАИ, XXIII. София, 1960.

- Томсинский 2002** — Томсинский С.В. Серебряный крестик-энколпион (из раскопок 2001 г. в Угличе) // Ладога и её соседи в эпоху средневековья. Л., 2002.
- Томсинский 2003** — Кат. № 1.2/20 — табл.9 // Корзухина Г.Ф., Пескова А.А. Древнерусские энколпионы: Кресты-реликварии XI — XIII веков. СПб., 2003.
- Торопова 2003** — Торопова Е.В. Кат № IV.6.1/47 // Корзухина Г.Ф., Пескова А.А. Древнерусские энколпионы: Кресты-реликварии XI — XIII веков. СПб., 2003.
- Чангова 1972** — Чангова Й. Средновековното селище над тракийския град Севтополис, XI—XIV век. София, 1972.
- Черных 1985** — Черных Н.Б. Дендрохронология Ладоги (раскоп в районе Варяжской улицы) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л., 1985.
- Шполянский 2003** — Шполянский С.В. Изучение малодворных поселений на примере раскопок селища XIII века у села Ознобишино в Подмосковье // Русь в XIII веке. Древности тёмного времени. М., 2003.
- Ягодинская 2003** — Ягодинская М.А. Кат. IX.4/1 // Корзухина Г.Ф., Пескова А.А. Древнерусские энколпионы: Нагрудные кресты-реликварии XI—XIII вв. СПб., 2003.
- Янков 1985** — Янков Д. Средновековни бронзови кръстове от Стара Загора // ИМЮИБ, VIII. 1985.
- Corinth ... 1952** — Corinth. Results of excavations conducted by the American school of classical studies at Athens. N.J. Vol. 12: The minor objects. Princeton, 1952.
- Crimean ... 2003** — Crimean Chersonesos. Sity, Chora, Museum, and environs. Austin, 2003.
- Dončeva-Petkova 1979** — Dončeva-Petkova L. Croix d'or- reliquaire de Pliska // Culture et art en Bulgarie médiévale (VIII—XIV s.). Sofia, 1979.
- Ginalski 2001** — Ginalski J. Wczesnośredniowieczny zespół sakralny na grodzisku "Horodyszczce" w Trepczy koło Sanoka // Dzieje Podkarpacia, t. V. Krosno, 2001.
- Lovag 1999** — Lovag Z. Mittelalterliche Bronzegegenstände des Ungarischen Nationalmuseums. Catalogi Musei Nationalis Hungarici. Series Archaeologica, III. Budapest, 1999.
- Megay 1961** — Megay G. Honfoglaláskori temető Miskolc észak-keleti határán // Archaeologiai Értesítő, vol. 88, 1. Budapest, 1961.
- Petrenko, Kuzmenko 1978** — Petrenko V.P., Kuzmenko J.K. Nya fynd med runor från Gamla Ladoga // Viking. Oslo, 1978.
- Philippe 1965** — Philippe J. Liège au temps des aigles romaines et sous les Francs. Liège, 1965.
- Rosenberg 1924** — Rosenberg M. Geschichte der Goldschmiedekunst auf technischer Grundlage. Niello bis zum Jahre 1000 nach Chr. Frankfurt am Main, 1924.
- Staecker 1997** — Staecker J. Bremen — Kenterbury — Kiev — Konstantinopel? Auf Spurensuche nach Missionierenden und Missionierten in Altdanemark und Schweden // Rom und Byzanz im Norden. Band I. Stuttgart, 1997.

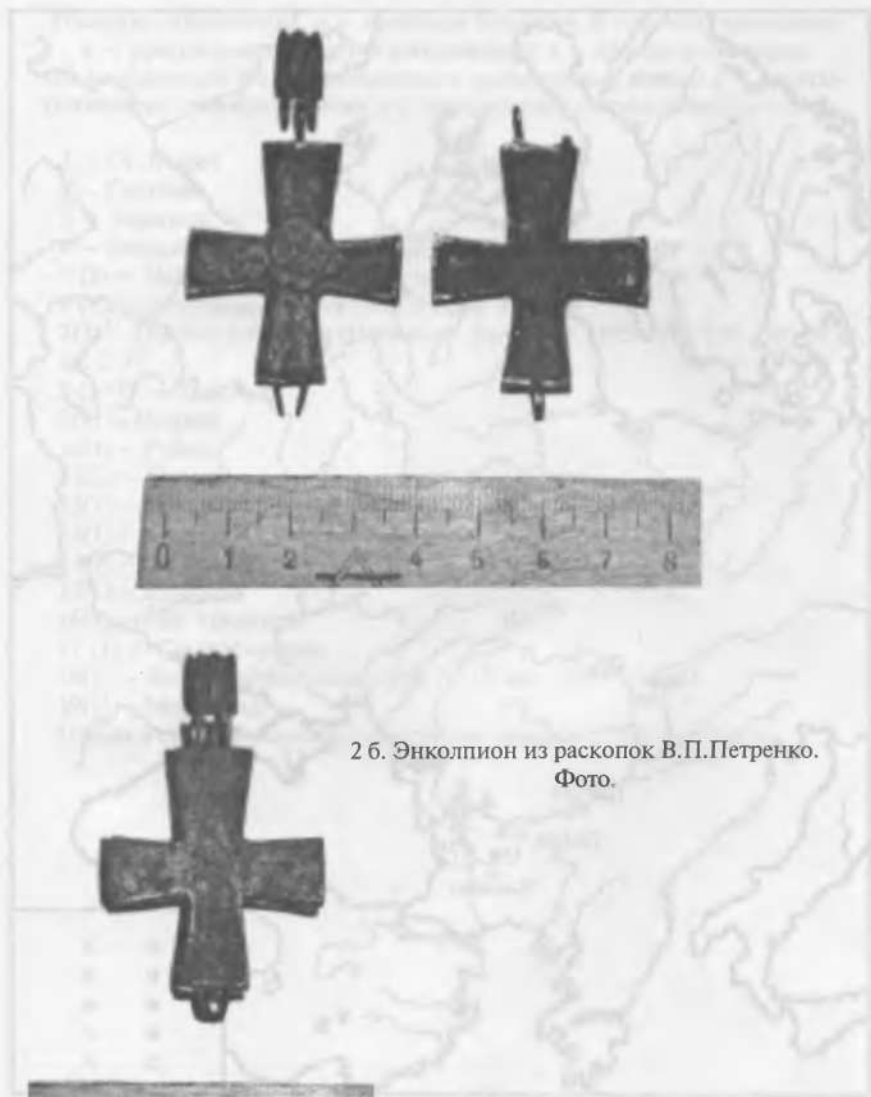

1. Раскоп I на Варяжской ул., 1976 г.

План VII строительного горизонта (Петренко 1985: рис. 4а)

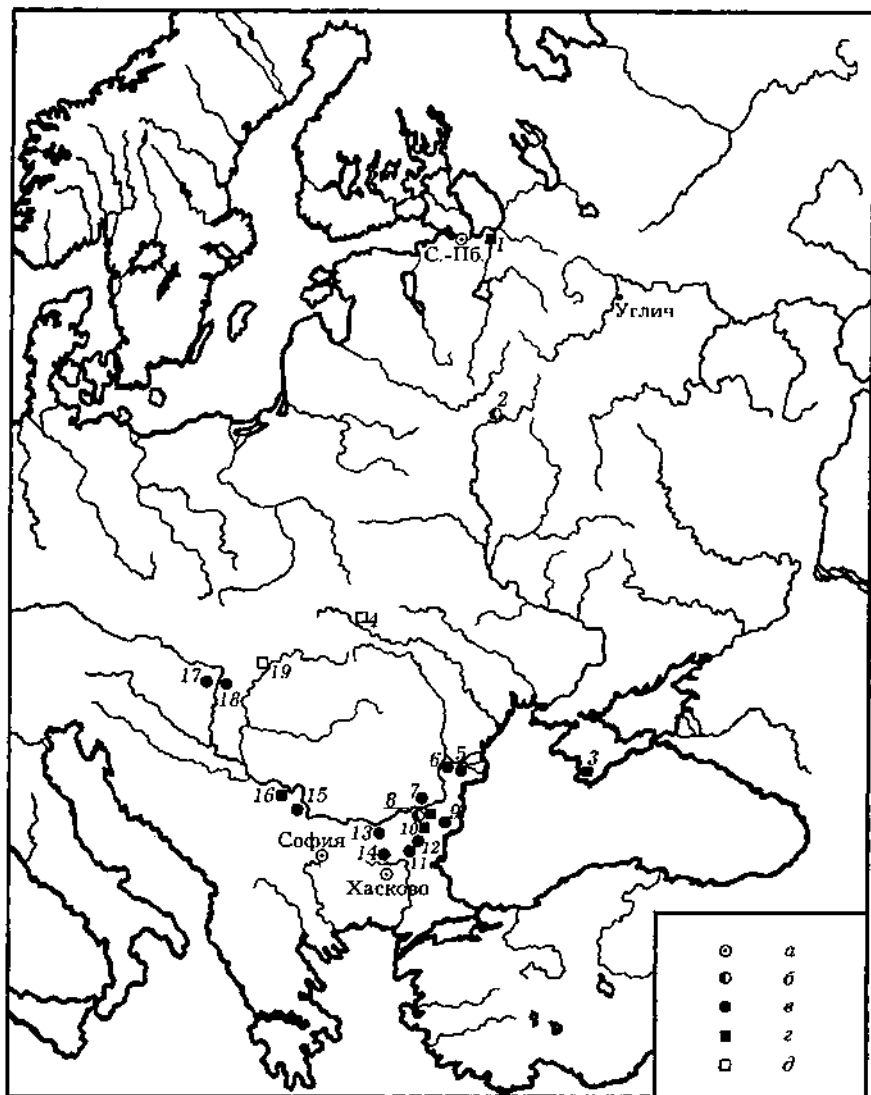

2 а. Энколпион (№ 1) из раскопок В.П.Петренко 1976 г. на Варяжской ул.
Рисунок из архива В.П.Петренко

26. Энколпион из раскопок В.П.Петренко.
Фото.

3. Распространение нательных крестов и крестов-реликвариев без изображений и с нетрадиционным размещением петель.

Условные обозначения: *a* — музейные собрания; *b* — кресты нательные; *в* — кресты-реликварии без изображений; *г* — кресты-реликварии без изображений и с нетрадиционным размещением петель; *д* — кресты-реликварии с изображениями и с нетрадиционным размещением петель.

1 — Ст. Ладога

2 — Гнездово

3 — Херсонес

4 — Заенигород на Збруче

5 (2) — Исакча (Mănucu-Adameșteanu 1984: 379, pl.n IV, 2)

6 (1) — Диногечия (Bârnea 1967: 360, fig. 192, 10)

7(3) — Пекуюл луй Соаре (Damian O., Damian P. 1995-1996: 235, 241, № 14, fig. 2, 1)

8 (1+1) — Царь Асен

9(1) — Одарцы

10(1) — Руйню

11(2) — Преслав

12(1) — Шумен

13(1) — Стыршен

14(1) — Ст.Загора

15(1) — Неготин

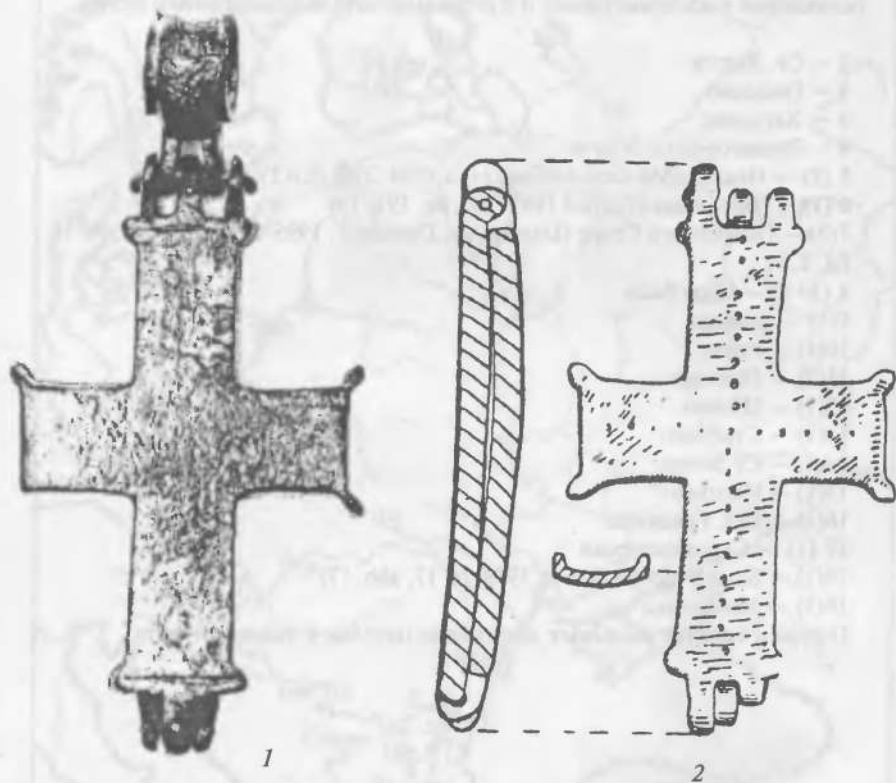
16(1) — Вел. Градиште

17 (1) — Секешфехервар

18(1) — Szob-Vendelin (Lovag 1999: № 17, abb. 17)

19(1) — Мишколец

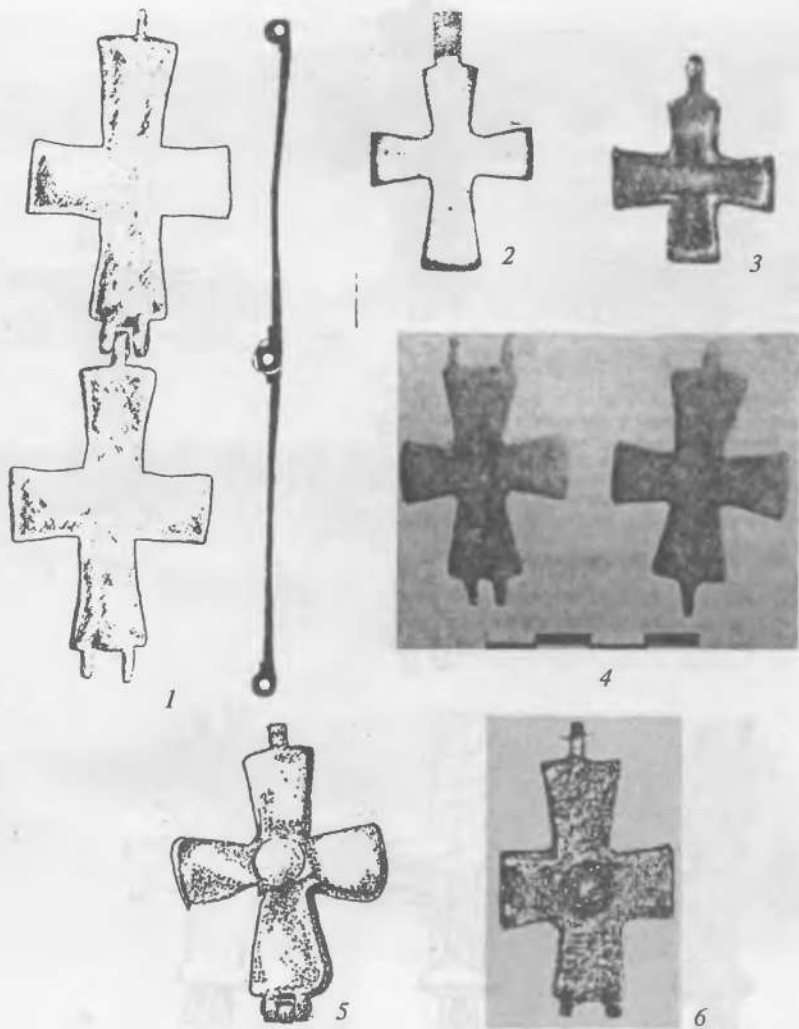
Цифра в скобках указывает количество находок в данном пункте.

4. Кресты-реликварии стандартные.

1 — Секешфехервар

2 — Диногечия (или Якимово)

5. Кресты без изображений, нестандартные.

1, 2 — Царь Асен

3 — Гнездово

4 — С. Загора

5 — Каргал кале у с. Руйно

6 — Херсонес (XII-XIII вв.)

1

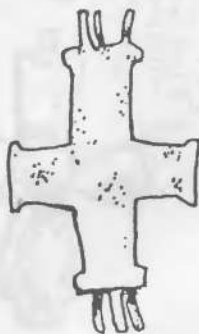
2a

2б

3

4

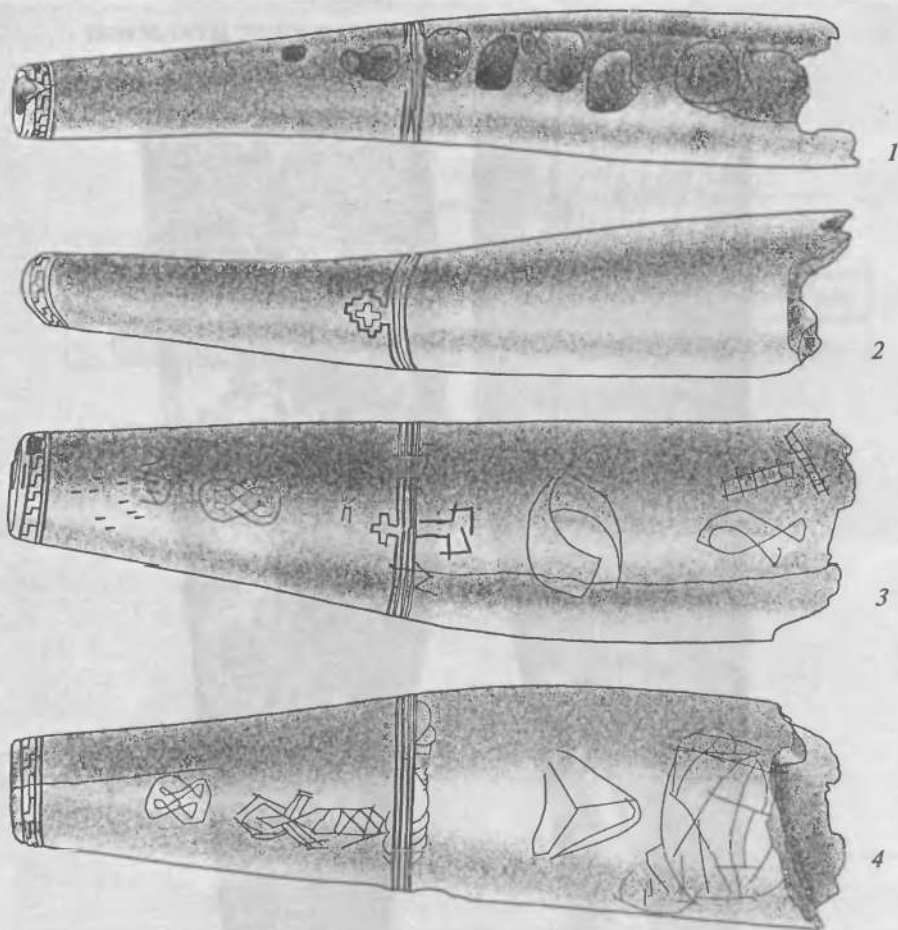
6. Кресты-реликварии с лицевыми изображениями и нетрадиционным размещением петель.

1 — София (Нац. археологический музей)

2a, б — Мишкольц (мог-к сер. X — сер. XI в.)

3 — С.-Петербург (ГРМ)

4 — Звенигород на Збруче (городище-святилище)

7 а (1-4). Костяная рукоять с сопоставленными изображениями «молоточка Тора» и двух крестов из раскопа В.П.Петренко на Варяжской улице.

Прорисовка Л.А.Соколовой.

76 (1-2). Костяная рукоять из раскопа В.П.Петренко на Варяжской улице.
Фото:

- 1 — сторона рукоятки с изображением креста и «молоточка Тора»
2 — оборотная сторона с разными изображениями

РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМИССИОННО-СПЕКТРАЛЬНОГО АНАЛИЗА МЕТАЛЛА

(за значимые приняты содержания от 0,01%, для значений ниже 1% приводится одна значащая цифра, выше - две).

Крест-складень. Старая Ладога

Основа – медь.

№ п/п	Категория	Лабор. шифр	Ag	As	Bi	Co	Fe	Mn	Ni	Pb	Sb	Sn	Zn	Прим.
1	створка	768-15	0,2	0,9	-	0,01	0,3	-	0,03	0,6	0,03	0,4	4,7	
2	пронизь	768-18	0,2	0,4	-	0,01	0,2	-	0,03	0,6	0,03	0,3	6,0	7,0 мг

Образец 1 (768-15) взят от верхней створки без молчей – отпил от сломанного ушка. Анализ образца 2 выполнен из уменьшенной навески из-за стремления свести порчу к минимуму.

Аналитик *А.Н.Егорьев*

19 июля 2004 г.

КРЕСТ И МОЛОТ

Эта заметка — лишь добавление к чрезвычайно содержательной статье А.А.Песковой и касается лишь одного предмета, вскользь упомянутого в ней, — «рукояти» из челюсти животного, покрытой различными вырезанными на ней изображениями (Пескова 2004: 160; рис. 7а; 7б).

Сначала немного историографии. В 1978 г. публикуется на шведском языке статья В.П.Петренко и Ю.К.Кузьменко, где сообщается, что в 1975 г. при раскопках на Варяжской улице был найден предмет (вероятно, рукоять ножа или кинжала), сделанный из челюсти животного. «Поверхность предмета покрыта рисунками и среди них **молот Тора с крестовидной рукояткой**, рядом с которым стоит руна S». На нижней части предмета «имеются две выгравированные руны IS [‘лёд’ — Д.М.] — что может быть магической формулой. Некоторые исследователи считают, что I-руна, называемая IS, употреблялась как формула зла». Неподалёку от этой надписи авторы статьи усмотрели изображение свастики. В отношении датировки в тексте на шведском языке сообщается, что предмет «**был найден на уровне слоя брёвен, лежащих ниже хозяйственной постройки IX века**», а в английском резюме, что он «**был найден в слое, датирующемся самым поздним IX в.**» (Petrenko, Kuzmenko 1978: 81–82, fig. 3; 4,3) (Благодарю В.С.Кулешова за помощь в переводе со шведского).

Позднее, в 1985 г. В.П.Петренко, перечисляя находки, сделанные при раскопках на Варяжской улице, отметил, что заслуживает упоминания «...рукоять из челюсти животного, украшенная сложным набором гравированных изображений. На одной из плоскостей изделия имеется руническая надпись» (Петренко 1985: 114).

Затем, уже после ухода из жизни в 1991 году В.П.Петренко, к рассмотрению того же предмета обратился А.Н.Кирпичников. «Среди находок второй половины IX — X вв., добытых здесь В.П.Петренко, обращает на себя внимание костяная “рукоять”. Она орнаментирована поперечными полосками, **позднее были добавлены** разные начертания геометрического характера. Видны **крест**, **молоток Тора**, **два питьевых рога**, **восьмёрковидное плетение**. Судя по рисункам, владельцем вещи

был человек, знакомый и со скандинавским, и со славянским искусством того периода, когда происходило их сближение и начали преобладать восточные растительные мотивы» (Кирпичников, Сарабьянов 1996: 165, илл. на с. 71). Автор этого текста не обнаруживает знакомства с цитированными выше статьями, не упоминает о рунах, но делает несколько новых и верных наблюдений.

Ещё чуть позднее об этом же предмете вновь кратко высказывается Ю.К.Кузьменко: «Костяная ручка ножа с изображением двух молотов Тора и свастики (символа Тора, см. её исландское название þorshamatt “молот Тора”») (Кузьменко 1997: 25).

Наконец, в настоящем сборнике об этой «костяной рукояти» упоминает А.А.Пескова в статье, посвящённой древнейшему из найденных на Руси крестов-энколпионов, сообщая важнейшие данные о соотношении двух находок: крест найден на глубине 234 см (13-й штык), а рукоять значительно глубже (15-й штык). В этой же статье впервые публикуется точная прорисовка (автор Л.А.Соколова) всех четырёх сторон этого уникального предмета, сделанная по инициативе Н.Ю.Ивановой. При этом на узкой стороне рукояти было обнаружено ещё одно бесспорное изображение христианского креста, не замеченное ранее исследователями (Пескова 2004, рис. 7а, 7б).

Не скрою, что меня чрезвычайно заинтересовала система и взаимное соотношение всех изображений на уникальном предмете, и я приложил некоторые усилия к тому, чтобы и он, и древнейший на Руси крест были достойно опубликованы именно в сборнике, посвящённом памяти Г.С.Лебедева. И Валерий Петренко, и Глеб Лебедев были зачаты их родителями в 1943 г. в блокадном Ленинграде и появились на свет в декабре того же года после прорыва блокады. И лучшая статья о Валерии в сборнике, посвящённом его памяти, написана именно Глебом Лебедевым (Лебедев 1997). Теперь настала очередь Валерия Петренко почтить память своего собрата и соратника через публикацию и осмысление самых проблемных и содержательных предметов, обнаруженных им в раскопе на Варяжской.

Дальнейшие рассуждения основаны на приведённых выше данных и умозаключениях ряда исследователей, на некоторых дополнительных сведениях и наблюдениях, сообщённых мне А.А.Песковой и Н.Ю.Ивановой и на собственном всматривании в фото и прорисовки изучаемого предмета.

В статье 1978 г. сказано, что «рукоять» (название условное) был найдена в 1975 г. (Petrenko, Kuzmenko 1978: 81). Это описка или опечат-

ка. Предмет был найден на глубине 280–300 см (15-й штык). Эта глубина соответствует самому нижнему строительному горизонту XI, сооружения которого залегали на глубине 279–315 см. Такая глубина культурного слоя, равно как и постройки горизонта XI имеются лишь в южной части раскопа, в то время как в 1975 г. раскопки велись в северной части (Петренко 1985: 93–94, рис. 1В; 4Б). Проверка этих соображений по описи подтвердила мою догадку: «рукоять» была найдена в 1976 г., при окончательном исследовании самого нижнего горизонта построек в южной части раскопа.

Всё это великолепно совпадает с датировкой «рукояти» в статье 1978 г. Надо помнить, что когда писалась эта статья, точных дендродат по раскопу на Варяжской ещё не было. Отсюда фраза В.П.Петренко, что рукоять найдена «в слое, датирующемся **самое позднее IX в.**»; т.е. исследователь допускал даже датировку VIII в. Это было скорректировано после получения дендродат, но, по сумме данных, ясно, что находка принадлежит нижнему горизонту XI, дендродаты коего — 842–857 гг.

Вероятно, при подробном изучении полевой документации и описей, и эту дату, равно как и конкретное место находки, можно будет уточнить. Пока же изложу предварительные соображения. В той же статье 1978 г. читаем: «предмет с рунами... был найден на уровне слоя **брёвен**, лежащих ниже хозяйственной постройки IX в.». А в статье Н.Б.Черных о дендрохронологии построек на Варяжской имеем: «самой древней была **постройка**, дошедшая до нас **в виде беспорядочно лежащих брёвен**. 2 бревна срублены в 842 г. Затем неподалёку в 849 г. сооружается постройка (21)». Постройка (21) соответствует постройке X-4. (Черных 1985: 122).

Полагаю, что «**слой брёвен**», датирующийся «самое позднее IX в» и древнейшая постройка 842 г. «**в виде беспорядочно лежащих брёвен**» — это одно и то же. А на плане древнейших горизонтов X и XI мы действительно имеем в юго-восточном углу рядом с постройкой X-4 (21) скопление «**беспорядочно лежащих брёвен**» (Петренко 1985: рис. 4, Б) в кв. К7 (если определять квадраты по северо-западному пикету), т.е. неподалёку от найденного выше в кв. И4 древнейшего креста (рис. 1)¹.

¹ После того, как всё это было написано, возникла возможность ознакомиться с точным шифром «рукояти», и выяснилось, что я абсолютно прав: вещь найдена в кв. К8, т.е. между «слоем брёвен» от постройки 842 г. и постройкой X-4 849 г.

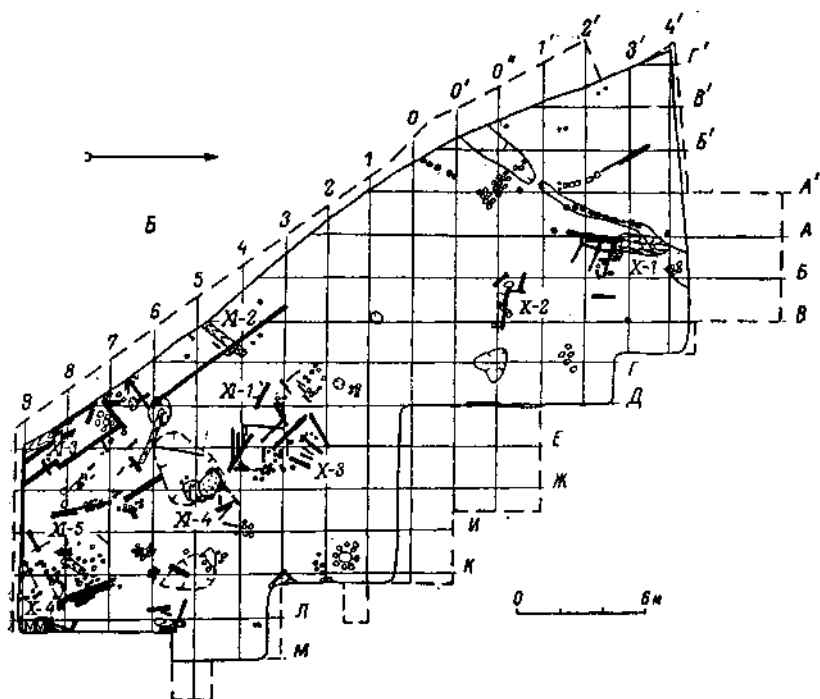
Итак, исследуемая «рукоять» найдена на уровне древнейшего строительного горизонта на Варяжской улице и попадание её в культурный слой датируется 840-ми — 850-ми гг.

В.П.Петренко и Ю.К.Кузьменко несомненно ошибались, когда определили изображение на одной из широких сторон изучаемого предмета как «молот Тора с крестовидной рукояткой» (Petrenko, Kuzmenko 1978; Пескова 2004: рис. 7а, 3). Позднее Ю.К.Кузьменко усмотрел, видимо, в этом же рисунке изображение «двух молотов Тора». Прав А.Н.Кирпичников, увидевший здесь отдельные изображения креста и «молотка Тора» (Кирпичников 1996: 165). Ещё более права А.А.Пескова, заметившая, что здесь мы имеем дело с «сопоставленными изображениями «молоточка Тора» и двух крестов» (Пескова 2004: 160), ещё вернее — с сопоставлением молота Тора и одного из двух крестов. В чём изначально правы В.П.Петренко и Ю.К.Кузьменко, так это в том, что изображения молота и креста настолько тесно взаимосвязаны, что их, на первый взгляд, можно принять за изображение одного предмета — «молота Тора с крестовидной рукояткой», как бы засунутого за «пояс» из горизонтальных линий в средней части «рукояти».

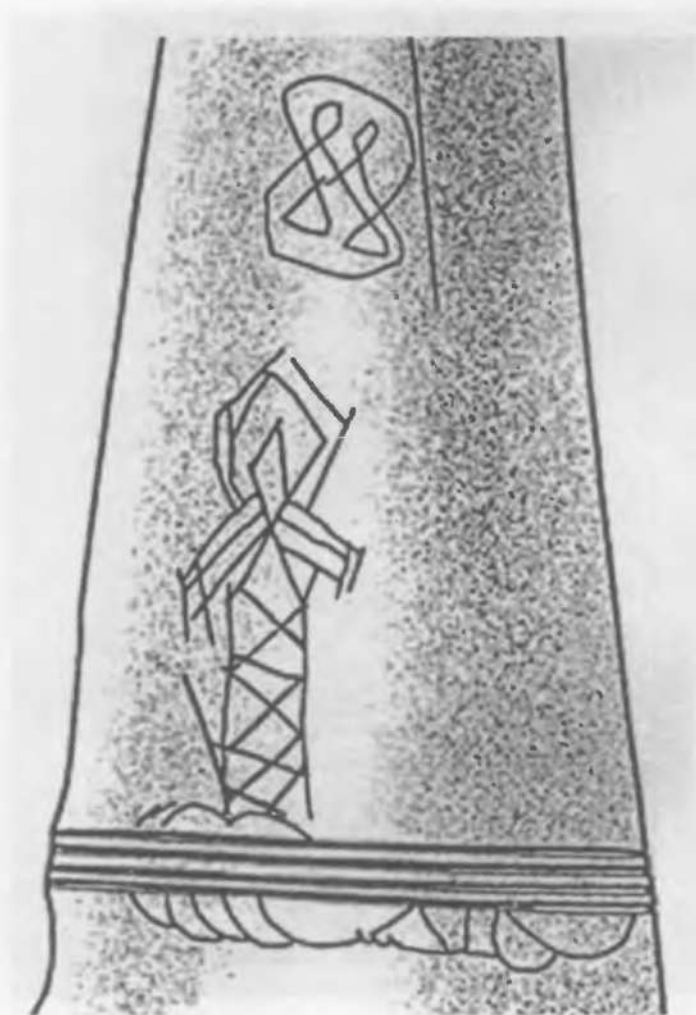
Но тут-то и начинается самое захватывающее. Вертикальные линии основания креста и рукояти молота не только не продолжают друг друга, не только несколько смещены по отношению друг к другу — это видно и на фото, и на прорисовке (Рис. 2, 3; 3; 4, 3), но просто крест и молот принадлежат к двум разновременным этапам в нанесении изображений на изучаемый предмет, причём, этапам идеологически различным и противоборствующим.

Не вызывает сомнения, что к первичной орнаментации сохранившейся части «рукояти» относятся глубоко врезанные параллельные круговые линии, образующие пояс в средней части изделия и украшающие его суженное окончание, снабжённое отверстием, в которое, видимо, и вставлялась узкая часть некоего другого предмета, для которого изделие из кости служило рукоятью или подставкой. Между круговыми параллельными линиями на окончании рукояти помещён орнамент в виде следующих друг за другом отдельных отрезков прямой линии, каждый из которых дважды изломан под прямым углом; в итоге образуется некий «псевдомеандровый» орнамент (Рис. 3; 5; Пескова 2004: рис. 7а).

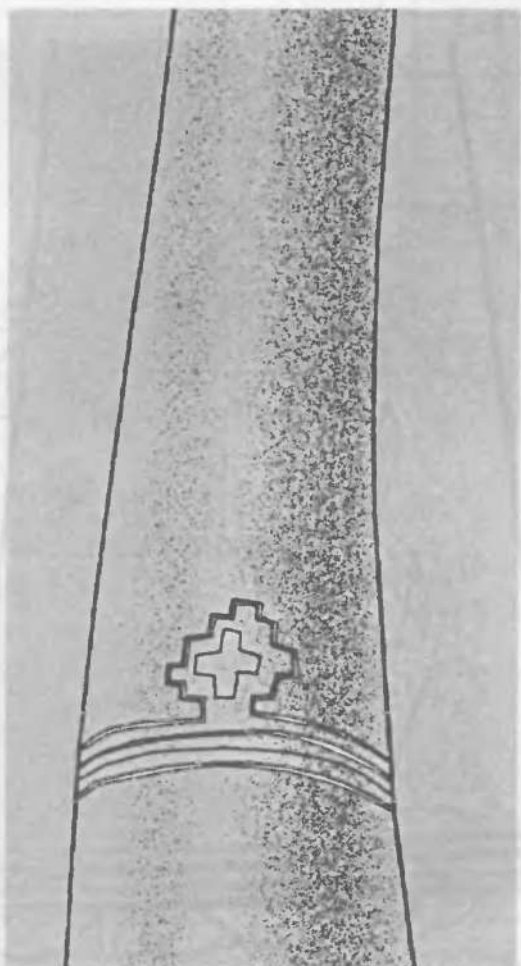
И теперь — главное. Маленький четырёхконечный крест не добавлен позднее к первичной орнаментации, как полагает А.Н.Кирпичников, а является неотъемлемой частью первичной строгой орнаментации, равно

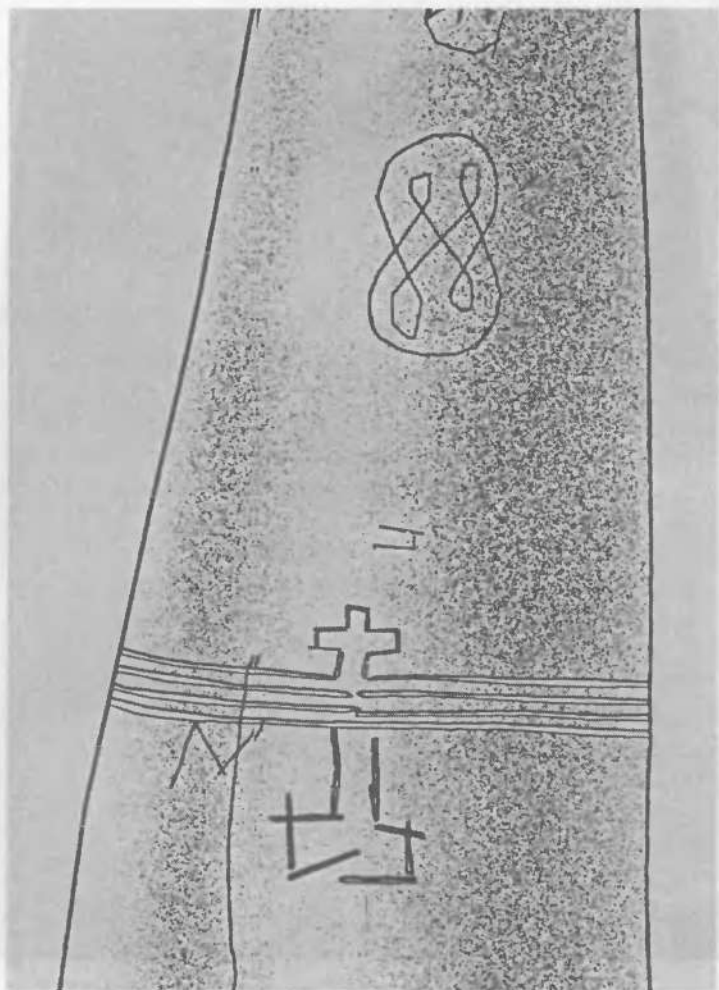
1. Сводный план XI строительных горизонтов в раскопе на Варяжской улице (по Петренко 1985: рис. 4, Б)

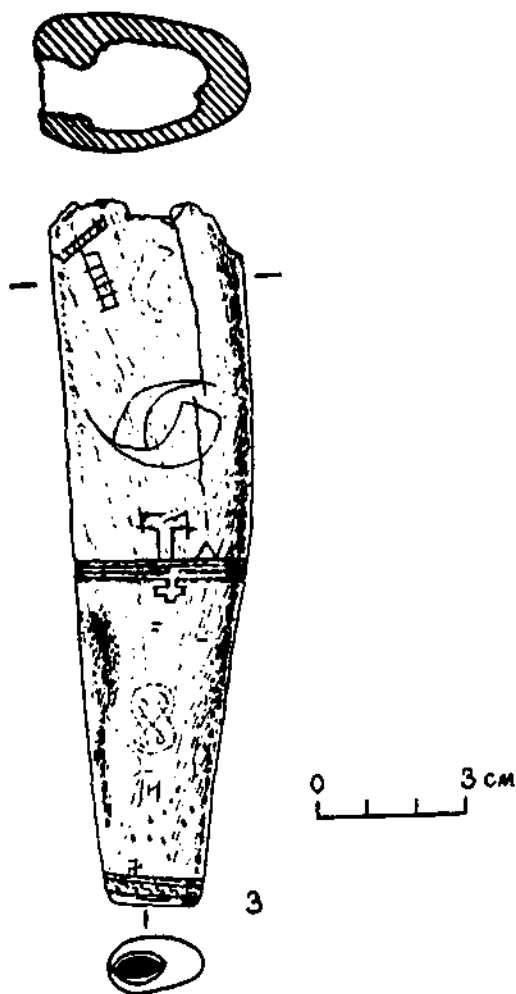
2 (1–3) Изображения христианских символов и персонажа в средней части рукояти на трех пригодных для орнаментации сторонах:
1 – Изображение фигуры с нимбом (?) на первой широкой стороне

2 — Изображение сложного креста на узкой стороне

3 — Изображение простого креста на второй широкой стороне

3. Изображения и подписи преимущественно языческого характера на второй широкой стороне рукояти (по Petrenko, Kuzmenko 1978, fig. 4, 3)

4 (1–3). Фотографии изображений в средней части рукояти (фото Т.А.Ершовой):
1 — Изображение фигуры с нимбом(?) на первой широкой стороне рукояти

2 — Изображение сложного креста на узкой стороне

3 — Изображение простого креста и молота на второй широкой стороне

5. Фотография фрагмента узкого конца рукояти с изображением «псевдомеандра» и «свастики» (?) (фото Т.А.Ершовой)

как и второй крест, более сложной конфигурации, обнаруженный недавно на узкой стороне «рукояти». Это явствует из того, что верхняя (см. рис. 2, 2, 3; 4, 2, 3) из четырёх крутовых линий в середине «рукояти» специально прерывается для того, чтобы в образующийся промежуток как бы «вошли» основания двух крестов, неразрывно увязанных с первичной строго геометризванной системой орнаментации². Кресты как бы вырастают из срединного пояска. Ни одно другое изображение, вплотную соприкасающееся с этим орнаментальным пояском (молот Тора, руна S, округлые линии ниже антропоморфной фигуры), не связано с ним таким образом (Рис. 2, 1, 3; 3; 4, 1, 3).

Особенно важно обнаружение на узкой стороне изделия³ второго «креста с прямоугольными выступами в средокрестии и вписанным в него простым четырёхконечным крестом» (Пескова 2004), не оставляющего никаких сомнений в том, что мы имеем дело с несомненно христианской символикой и одновременно подчёркивающего «геометрический стиль» первичной орнаментации.

Итак, первоначально исследуемое изделие создавалось по заказу христианина и/или руками христианина. Однако, «христианство» этого заказчика и/или мастера (возможно, совмещённых в одном лице) было робким и осторожным. Крестики минимальных размеров, они возвышаются над орнаментальным пояском всего на 4–7 мм, хотя размеры вещи позволяли сделать их куда более крупными и заметными. Создаётся впечатление, что мастер делал эту вещь для себя и тайно, перед лицом Христа, выражал и утверждал своё христианство, однако, опасаясь, что это вызовет недовольство в той среде, где он жил. Он был не слишком искущён в начертании крестов и, изображая второй из них, более сложный, допустил ошибку: в левой верхней части креста он изобразил не один, а два прямоугольных выступа в средокрестии (Рис. 2, 2, 4, 2).

Более того, он поместил более крупный и более выразительный второй крест на узкой, наименее подходящей для орнаментации стороне «рукояти» и этим так хорошо «запрятал» его, что он остался

² В отношении второго, более сложного креста, это видно на фото несколько хуже, поскольку более выпуклая узкая сторона «рукояти» максимально заглажена и снивелирована при использовании этого предмета.

³ Напомню, что вторая узкая сторона изделия из челюсти животного занята гнёздами от выпавших зубов и посему непригодна для нанесения содержательных изображений

незамеченными такими опытными исследователями, как В.П.Петренко, Ю.К.Кузьменко и А.Н.Кирпичников.

Отметим, что для автора первичной орнаментации, судя по расположению крестов, представление о верхе связывалось с узким орнаментированным окончанием «рукояти». Вероятно, в том же стиле было украшено и несохранившееся нижнее широкое окончание этого изделия.

Мне представляется высоко вероятным, что после завершения первой стадии работы, сразу же или спустя некоторое время к уже сотворённому было добавлено ещё одно изображение, ориентированное так же, как кресты, и стоящее на том же орнаментальном пояске. Я имею в виду явно антропоморфную фигуру на второй из широких сторон «рукояти», как бы составленную из многих прямых линий, пересекающихся или сопоставленных под углом друг к другу. Определённо выражены голова, тело в длинной одежде и расставленные в стороны и слегка опущенные вниз руки в широких рукавах. Рукава завершаются двумя косыми линиями, в которых можно видеть либо обшлага, либо изображение согнутых в локте рук, а также предплечий (особенно это выражено в рисунке правой руки — если смотреть со стороны изображённого персонажа). Косая линия справа от фигуры, идущая к нижней её части от правой руки, возможно, говорит о неудачной попытке изобразить некий предмет (типа посоха), который персонаж держит в правой руке.

На прорисовке этой фигуры в статье А.А.Песковой не отмечены отдельные плохо сохранившиеся линии, которые, однако, улавливаются при высокопрофессиональном фотографировании Т.А.Ершовой. Поэтому прошу читателя сопоставить написанное ниже с дополненной прорисовкой и фото в настоящей статье (рис. 2, 1; 4, 1; ср. Пескова 2004, рис. 7а, 4).

Длинная, до самых ног одежда персонажа покрыта изображениями четырёх косых крестов, соприкасающихся друг с другом. Видимо, этот мотив «крешатой одежды» был особенно важен для исполнителя рисунка: когда одна линия, образующая верхний крест, была проведена неудачно, и перекрестье отклонилось от центральной оси фигуры, он добавил ещё одну косую линию, дабы крест получился убедительным. В промежутках между крестами возникают ромбовидные фигуры; таким же удлинённым ромбом очерчена голова (и отчасти шея) персонажа. Вокруг головы начертана более крупная ромбовидная конструкция, в которой можно предполагать изображение нимба, выполненного в том же «эскизно-геометрическом» стиле, что и весь изображаемый

персонаж. И всё это в пределах фигуры, общая высота коей вместе с «нимбом» — около 2,6 см!

Под этой фигурой непосредственно над орнаментальным пояском имеется ряд закруглённых линий; такие же линии, но изогнутые в другую сторону, находятся непосредственно под пояском. Не изображают ли эти закруглённые линии облака, на которых стоит фигура? (Рис. 2, 1; 4, 1). А сама фигура — не неумелое ли изображение некоего святого в «крещатой» одежде или даже самого Христа, возносящегося или нисходящего? И не осмыслялась ли верхняя часть «рукояти», где помещены кресты и фигура, как отображение «мира горнего»? Впрочем, на предложенной трактовке этой «фигуры» я не настаиваю, но хотелось бы, чтобы она, наконец, привлекла внимание исследователей.

Судя по всему, «мастер первого этапа» специально поместил второй, сложный, крест на узкой стороне предмета, дабы оставить вторую, широкую, сторону для изображения персонажа с нимбом. Так что есть все основания относить эту фигуру к первичной, «христианской» системе изображений, хотя вполне возможно, что фигура была исполнена другим художником, а не мастером строго геометрической орнаментации конца и середины рукояти, включавшей рисунки двух крестов.

Вне зависимости от трактовки этой фигуры представляется бесспорной христианская ориентация мастера первичного орнамента, неотъемлемой составляющей которого являются два креста. При этом отметим, что в стилистике этих первичных орнаментальных и религиозных изображений нет ничего выражено «славянского», «скандинавского» или «восточного» (ср. Кирпичников, Сарабьянов 1996: 165).

Повидимому, к первому этапу орнаментирования изделия относятся два плетения в виде сдвоенной восьмёрки, расположенные над простейшим крестом и над антропоморфной фигурой (в обоих случаях с лёгким смещением вправо) и прочерченные одной непрерывной линией. При этом над чётким изображением креста размещена аккуратно прочерченная «двойная восьмёрка», а над менее чётко исполненной «эскизно-геометрической» фигурой — и «двойная восьмёрка» какая-то угловатая и скособоленная (рис. 2, 1, 3; Пескова 2004: рис. 7а, 3, 4; 7б). Эти плетения несколько напоминают элементы орнаментации христианских раннесредневековых манускриптов (например, ирландских) или плетёные композиции на рунических камнях Скандинавии. Вероятный религиозный или магический смысл этих плетений «без конца и начала», этих своеобразных «образов бесконечности» остаётся неясным.

Не исключено, что мастер, украшавший «рукоять», был одним из тех живших среди язычников-свеонов пленных христиан, о которых упоминается в житии св. Ансгария (первого христианизатора Швеции в 830 — 850-х гг.). Такой человек мог оказаться и в Ладоге. А о том, что окружающая его среда была преимущественно скандинавской (или сильно «скандинавизированной»), говорит дальнейшая судьба изучаемого изделия, запечатлённая в орнаментальных изображениях второго этапа.

Из них центральным, по смыслу и по композиции, является изображение молота Тора, выполненное энергичными, глубоко врезанными линиями. Это изображение намеренно противопоставлено малому кресту на широкой стороне (более выразительного креста на узкой стороне «мастер второго этапа», вероятно, не заметил — так же, как и современные исследователи). При прорисовке очертаний молота рука мастера дрогнула (от раздражения, вызванного обнаруженным на «рукояти» крестом?) и одна линия получилась кривой (Рис. 2, 3; 3, 4, 5).

Для «мастера второго этапа» представление о «верхе» вещи явно было связано уже с другим, широким окончанием рукояти. Молот Тора несомненно не «висит», а стоит вертикально — так, как он находился в руке у статуи Тора в Уппсале, описанной Адамом Бременским, принявшим молот за скипетр. Это же представление о «верхе» подтверждается и начертанием рун, в том числе рунической надписи IS (лёд) ближе к узкому концу «рукояти».

Прямо под молотом Тора изображены два предмета, впервые и, вероятно, верно определённые А.Н.Кирпичниковым как «два питьевых рога» (Кирпичников 1996: 165); тема рога выразительно присутствует в мифе о походе Тора на восток (в Прикамье — см. Мачинский 1997) для состязания с конунгом по имени Утгарда-Локи. Вообще поездки и походы Тора, вооружённого молотом, на восток для борьбы с великанами-йотунами, олицетворявшими силы зла и хаоса, делали и Тора, и его молот особенно значимыми для скандинавов, поселявшихся в Восточной Европе (в Великой Свитьод).

Рядом с молотом помещена руна S (по Кузьменко). Вторгся «мастер второго этапа» и на другую, христианскую часть «рукояти», поместив там надпись IS («формула зла», по Кузьменко) (Рис. 3; Пескова 2004, рис. 7а, 3).

При несомненном противопоставлении молота Тора и рун христианскому кресту и утверждению их превосходства над ним, «мастер второго этапа» не решился перечеркнуть или как-то прямо осквернить

изображения креста и «святого» на другой широкой стороне, которых он не мог не заметить. Более того, между изображениями двух этапов наблюдается и некая преемственность: ближе к широкому (для него — верхнему) концу второй мастер попытался изобразить над молотом и рогами такую же «двойную восьмёрку», какая находится над крестом, но у него это не получилось, и он не окончил изображение (Рис. 3; Пескова 2004: 7а, 3), зато изобразил рядом две «лесенки»: некий «мотив восхождения» (?).

Молот Тора, рога, агрессивная руническая надпись (Ю.К.Кузьменко предполагает наличие и второй такой же, но зашифрованной в изображении «лесенок» — Petrenko, Kuzmenko 1978: 81–82) заставляют полагать, что, по крайней мере, на втором этапе орнаментации и использования изучаемая вещь имела отношение к воинским или сакральным действиям, была рукоятью ножа (?), использовавшегося в бою или при жертвоприношении (?).

К сожалению, принятая за свастику (Petrenko, Kuzmenko 1978) неясная комбинация линий и трещин у узкого конца рукояти не может с уверенностью считаться изображением свастики (Рис. 3, внизу; 5). А жаль, иначе статью можно было бы назвать «Крест, молот и свастика», что на символическом уровне выражало бы взаимодействие стоящих за этими знаками (в современном их понимании) сил в сегодняшней и завтрашней общественной жизни России.

А в жизни исследуемого уникального предмета улавливается и третий этап — когда рукоять уже после нанесения изображений второго этапа оказалась отъединённой от крепившегося в ней ножа (?), была сломана и попала в культурный слой — не позднее, однако, 850-х гг.

Сочетание и противостояние двух религиозных систем, выявляемое в изображениях на рукояти, попавшей в слой на Варяжской улице в 840-х — 850-х гг., находит соответствие в сообщениях письменных источников, отражающих религиозную ситуацию 830-х — 850-х гг. в Швеции и в среде этносоциума 'русь/гѣс' Поволховья.

В «Житии св. Ансгария» описывается, как в 826 г. император Людовик Благочестивый крестил члена датского королевского рода Скьельдунгов Хериольда (Харальда Клака), старшего родича (брата?) Рёрика Фрисландского, и как в 829 г. к императору прибыли послы от свеонов, среди прочего сообщившие, что «в их народе много жаждущих принять христианскую веру, также и король их достаточно благосклонен к этому и позволил, чтобы там были священники божии» (перевод В.Т.Мусбаховой). После этого к свеонам и был направлен в 829–830 гг. св. Ансга-

рий, а затем и другие священнослужители, и вновь св. Ансгарий, и вся эта первичная и не имевшая глубоких последствий христианизация Швеции продолжалась в период 830 — 850-х гг. При этом в ряде эпизодов явственно проступает, что канонически истинными христианами в Швеции были лишь пленные из христианских стран и некоторые новообращённые из аристократии свеонов, остальные же, если и готовы были признать Христа, то только как одного из своих богов и по разрешению последних, мнение коих они запрашивали путём гаданий.

Особо тесная связь между свеонской Биркой и русо-словенской Ладогой прослеживается с конца VIII в. — примером может служить испорченная при отливке овальновыпуклая фибула редчайшего типа, найденная при раскопках А.Н. Кирпичникова на «Земляном городище» Ладого и имеющая аналогию только в двух найденных в некрополе Бирки фибулах типа «Bj 655» (Кирпичников 2002; Jansson 1985). Структурообразующей основой орнамента на всех трёх фибулах является крест, дополненный «звериными» и иными изображениями. Я уже обращал внимание на совпадение уникального для столь раннего времени имени второго после короля по значению человека, градоначальника Бирки Херигара-Хергейра (830-е — нач. 850-х гг.), принявшего христианство, и конунга Альдейгья/Ладого Хергейра из «Саги о Хальвдане», правившего, по примерному расчёту, в 840-х — 860-х гг. (Мачинский 2002). По «Житию св. Ансгария», датчане (даны), не сумев взять обороняемую Херигаром крепость, где укрылись жители Бирки, отправились «к далёкому городу в пределах славян» и «неожиданно напав... взяли тот город оружием». Почти несомненно, что этим городом была Ладога/Aldeigja (Кирпичников, Сарабьянов 1996: 83).

Также мне уже приходилось писать, что послы «хакана росов», посетившие в 838–839 гг. византийского императора Феофила и франкского Людовика Благочестивого, видимо, так же, как свеоны в 829 г., проявили при дворе Феофила интерес к принятию христианства, а, возможно, и получили там первичное крещение. Только этим можно объяснить необычайно благосклонное отношение Феофила к этим посланцам-свеонам от народа 'рос' и то, как отчётливо он в своём письме к Людовику противопоставляет их другим языческим и диким народам. А свеоны-росы, посланные в 838/839 гг. к императору Феофилу хаканом росов Поволховья, не могли не знать о посольстве 829 г. от короля свеонов Швеции к императору Людовику и о том, что благосклонность императора была обеспечена готовностью части свеонов креститься и принять к себе священников. К 840-м гг. относится и

сообщение Ибн-Хордадбеха о русах-славянах, которые в Багдаде выдают себя за христиан (дабы платить меньший налог при торговле северными мехами и рабами). На фоне приведённых археологических и исторических фактов знакомство русов с христианством в 840-х гг. представляется реальным.

В свете этих сообщений и следует рассматривать уникальную «рукоять». Несомненно первый импульс христианства проникал на территорию будущей Руси с запада, из Скандинавии, и миссия св. Ансгария сыграла в этом немалую роль. Следующими по времени предметами христианского обихода в пределах Северной Руси являются украшенные крестами фризские кувшины второй половины IX в. из скандинавского могильника на Плакуне напротив каменной крепости Ладоги, вероятно, использовавшиеся для вина в литургии.

А затем происходит переориентация на византийско-болгарское христианство, приятие коего было подготовлено знакомством с христианством западным и северным в среде полиэтничных дружин, двигавшихся с севера на юг, от Ладоги и Новгорода к Киеву и Константинополю. И крест-энколпион первой четверти X в., оброненный на той же Варяжской улице, хорошо перекликается со странностями русо-греческого договора Олега 911 г. В нём, в отличие от предварительного соглашения 907 г., от договоров Игоря 944–45 гг. и Святослава 971 г., не упоминаются ни Перун, ни Волос, а концовка договора 911 г. состоит из формул, исполненных глубочайшего уважения к христианской религии и Богу («...меже вами, хрестъяны, и Русью, бывший мирь сотворихом... **предлежащим честнымъ Крестомъ** и святою единосушною Троицею единого истинного Бога вашего...»). И с опубликованным А.А.Песковой крестом каким-то образом соотносится и легенда о сопоставлении Олега со св. Димитрием Солунским, и рассказ новгородской летописи о возвращении Олега после похода на Царьград в Ладогу.

А противостояние и взаимодействие молота Тора и креста Христа, столь отчётливо выраженное в изображениях на рукояти, позднее перерастает в противоборство культа Перуна и христианства в Киеве и Новгороде. При этом следует учитывать, что, вопреки распространённому мнению, Перун исходно отнюдь не был общеславянским **верховным** богом, а стал таковым первоначально лишь в IX — X вв. в среде полиэтничной 'руси/гѣс' не без прямого влияния культа родственного ему Тора и, вероятно, балтийского Перкунаса. Однако, это **раннегосударственное язычество** Тора-Перуна (не путать с **природно-хозяйственным** язычеством и его элементами в первичных культах Перуна и Тора)

и прочих богов отнюдь не было упразднено принятием христианства византийско-имперского извода, а особыми, внешне незаметными путями вошло как существенная составляющая в систему **государственного православия**, а спустя почти тысячелетие **молот** стал ведущим символом пыточного, атеистично-языческого государства с его вновь сотворёнными богами, включая и **верховного**, утратив при этом свою древнюю благородную функцию орудия борьбы с силами зла и хаоса. Есть все основания опасаться, что ныне в новую систему государственно-народного подавления свободомыслия и инакомыслия включается, к глубокому сожалению, и крест. Но остаётся с нами Образ той Личности, которая распята ударами молотка на кресте, ставшем её символом, и тайно, вне религиозных конфессий и внутри них, участвует в творении на земле средиземноморско-европейско-глобального космоса.

Так что система изображений на рукояти с Варяжской улицы имеет глубокие истоки и превосхищает ещё продолжающиеся процессы.

Послесловие

После того, как для меня раскрылась очевидная двуэтапность нанесения религиозных символов, изображений и написаний на уникальную рукоять, мне стали понятны начальные строки одного из публикуемых в этом сборнике стихотворений Глеба Лебедева из цикла «Зима в Альдейгье», поначалу вызывавшие у меня некоторое недоумение:

Ражий отрок, истовый детина
режет руны, портит рукоять
Этакого вырастила сына
хрупкая неведомая мать!

Речь идёт явно об отроке скандинавского происхождения, рождённом и живущем в Ладого. И каким образом (казалось мне) нанесение рун на рукоять могло «портить» её с точки зрения язычников-скандинавов?

Уверен, что в этой строфе, возможно, полубессознательно отразилось знакомство Глеба с той конкретной рукоятью, о которой шла речь в настоящем очерке. Ну не мог Валерий Петренко не подарить Глебу Лебедеву оттиска своей, совместной с Ю.К.Кузьменко статьи 1978 г. в «Viking»'e! А нанесение рун, да ещё содержащих «формулу зла», на рукоять, до этого освящённую христианскими символами и образами, несомненно, было «порчей» с точки зрения христианизации.

рованной части населения Ладоги/Альдейги. И Глеб в стихотворном тексте «учуял» это.

Насколько же я был прав, когда, ещё не поняв всего вышесказанного, уверенно хотел, чтобы таинственная рукоять была достойно опубликована и осмыслена именно в сборнике памяти Глеба Лебедева!

Вместе с другими вещами из раскопа на Варяжской и эта рукоять, и древнейший крест-энколпион займут достойное место в музейной экспозиции Старой Ладоги. До этого надо провести последние исследования этих предметов, чтобы рукоять, например, не была бы сопровождена в экспозиции надписью с таким началом: «Рукоять из челюсти животного...» — как она была охарактеризована в первой публикации. Что это за таинственное «животное», вид которого не могут определить за 29 лет, прошедших с момента находки⁴? Надеюсь, что рукоять и крест-энколпион в ближайшее время будут включены в музейную экспозицию в сопровождении увеличенных фотографий и прорисовок, а также умных и подробных текстов, разъясняющих суть и значение этих уникальных предметов.

Литература

Кирпичников 2002 — Кирпичников А.Н. Производственный комплекс IX в. из раскопок Старой Ладоги // Ладога и её соседи в эпоху Средневековья. СПб., 2002.

Кирпичников, Сарабьянов 1996 — Кирпичников А.Н., Сарабьянов В.Д. Ладога — древняя столица Руси. СПб., 1996.

⁴ Уже после завершения статьи удалось организовать определение вида животного. По заключению старшего научного сотрудника ЗИН РАН М.В.Саблина, которому я приношу глубокую благодарность, «рукоять» сделана из челюсти коровы некрупной породы, распространённой в Поволжье в I тыс. до н.э. — I тыс. н.э. Когда-то, после смерти В.П.Петренко, А.Д.Мачинская очень хотела предложить свои услуги в деле приведения в системный порядок всех материалов из раскопа на Варяжской улице, однако старшие коллеги предупредили ее, что она нарвется на жёсткий отказ. В результате, бесценные материалы этого раскопа до сих пор системно и полно не обработаны (исключая публикацию фотографий отдельных эффектных вещей, выхваченных из комплексов и культурного контекста и не подвергшихся сколько-нибудь серьёзному изучению). Грустно, скучно и противно. Статьи А.А.Песковой и Д.А.Мачинского лишь начало серьёзной работы над материалами 30-летней давности.

Кузьменко 1997 — Кузьменко Ю.К. К интерпретации надписи на подвеске из Старой Ладого // Дивинец Старолadoжский. СПб., 1997.

Лебедев 1997 — Лебедев Г.С. В.П.Петренко и его место в исследовании Старой Ладого // Дивинец Старолadoжский. СПб., 1997.

Мачинский 1997 — Мачинский Д.А. Ладого/Aldeigja: религиозно-мифологическое сознание и историко-археологическая реальность // Ладого и религиозное сознание. Третьи чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 1997.

Мачинский 2002 — Мачинский Д.А. Почему и в каком смысле Ладого следует считать первой столицей Руси // Ладого и Северная Евразия. Шестые чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 2004.

Пескова 2004 — Пескова А.А. О древнейшей на Руси христианской реликвии // Ладого и Глеб Лебедев. Восьмые чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 2004.

Петренко 1985 — Петренко В.П. Раскоп на Варяжской улице (постройки и планировка) // Средневековая Ладого. Л., 1985.

Черных 1985 — Черных Н.Б. Дендрохронология Ладого (раскоп в районе Варяжской улицы) // Средневековая Ладого. Л., 1985.

Jansson 1985 — Jansson I. Ovals spännbucklor. Uppsala, 1985.

Petrenko, Kuzmenko 1978 — Petrenko V.P., Kuzmenko J.K. Nya fynd med runor från Gamla Ladoga // Viking. Oslo, 1978.

КОЛБЯГИ

В 1988 г. появилась статья Д.А.Мачинского, в которой на базе анализа и сопоставления данных русских, скандинавских и византийских письменных источников, топонимики и археологии обосновывалась соотнесённость приладожской курганной культуры (далее — ПКК) с этносоциальной и территориальной группой населения, именуемой *колбяги/kylfingar/κοὺλλίγγοι* (Мачинский 1988). Это исследование впервые давало археологическую «плоть и кровь» ушедшему в небытие этносоциуму, просуществовавшему более трёхсот лет и сыгравшему определённую роль в становлении Русского государства. За прошедшие годы не появилось ни одного **серьёзного** отклика, ни одного системного подтверждения или отрицания, не говоря уже о дальнейшем развитии концепции. Особняком стоят работы Г.С.Лебедева, который сразу же — ещё до публикации этого открытия — принял его как достоверность (Лебедев 1985: 216) и в отзыве на школьное исследование В.С.Кулешова 1999 г. назвал статью Д.А.Мачинского 1988 г. «базовой»¹.

Характерны два недавних отзыва на рассматриваемую в настоящей статье проблему, появившиеся в одной и той же коллективной монографии:

«Южное Приладожье в летописную эпоху, видимо, занимали в западной [описка Г.С.Лебедева — Д. М.] части (междуречье Сяси — Паши — Ояти) засвидетельствованные отечественными и иноземными письменными источниками «колбяги», таинственный плод финно-скандинавского синтеза [Мачинский 1989]²» (Лебедев 2001: 32). Здесь проблема отражена кратко, но адекватно.

А вот другой текст о ПКК: «Особенности развития, направленность культурных, экономических и политических связей при отсутствии в письменных источниках безусловных указаний на имя упомянутой общности позволяют условно называть её приладожской

¹ Первые девять абзацев статьи написаны Д.А.Мачинским, далее — в соавторстве.

² Год статьи указан неточно; правильно — 1988.

чудью (термин В.А.Назаренко). Использование этого достаточно нейтрального этнонима призвано подчеркнуть обособленность <...>. Существует и иная социально-культурная интерпретация этой общности, предлагаемая Д.А.Мачинским. Им предложен и другой термин для наименования этого населения — «колбяги» [Мачинский, Мачинская 1988]» (Назаренко, Селин 2001: 36).

В этом тексте всё как будто рассчитано на дезориентацию читателя. Показательно, что нет ссылки на какую-либо работу В.А.Назаренко, в которой было бы подробно и обстоятельно обосновано именование носителей ПКК «приладожской чудью». Такой работы в действительности нет — хотя есть статья, у которой лишь название претендует на рассмотрение этого вопроса (Назаренко 1979). Зато в ссылке на статью Д.А.Мачинского «[Мачинский, Мачинская 1988]» указана не та «базовая» работа, где достоверность его концепции подробно доказывается (Мачинский 1988), а другая, где о соотносённости «колбяги ~ ПКК» говорится лишь вкратце: а вдруг читатель прочтёт «базовую» работу и увидит, где и как авторы приведённой цитаты передёргивают? Интерпретация Мачинского — не «социально-культурная», а историческая, археологическая, топонимическая, этносоциальная и территориальная. И не им «предложен... термин» — он взят из многочисленных источников и давно вопиёт о своей этно-социо-территориальной непривязанности. Да и «термин» другой: не просто «колбяги», а «*колбягу/kylfingar/κοῦλλιγγοί*» — а это большая разница.

Далее: концепция Мачинского — не «иная... интерпретация», а единственная системно обоснованная, поскольку отождествление ПКК с «приладожской чудью» (да и с вёсью) — это не «интерпретация», а отсутствие таковой и уход от проблемы — в частности, от признания ведущей роли скандинавского этнического компонента в формировании ПКК. Никакой «приладожской чуди» не знают письменные источники, прямо или косвенно освещающие события VIII—XII вв., не отражена она на территории ПКК ни в топонимике, ни в фольклоре. А *чудь* — далеко не «нейтральный термин»: для него в русских источниках есть чёткая территориальная привязка — и она не в Приладожье.

Об «отсутствии в письменных источниках безусловных указаний на имя упомянутой общности»: во-первых, таких «безусловных» указаний нет и не может быть ни для одной древней археологической общности, во-вторых, нет таких «письменных» указаний, например, и на общепризнанное тождество поселений *Ладога* и *Aldeigja*, в-третьих — надо

учиться анализировать и сопоставлять разнородные источники. Если *Kyflingaland* в скандинавском географическом сочинении отождествляется с *Gardariki* (Русью), то неужели не понятно, что это могло иметь место только если «земля колбягов» находилась у самого начала пути скандинавов в глубь Руси — по Волхову в Новгород или по Сяси в Волжскую Русь — тем более что это подтверждается топонимами *Колбяги, погост в Колбегах* (XV–XVII в.) на втором из этих путей (на р. Воложке, притоке Сяси), а о её расположении на севере Руси косвенно говорит и рассказ «Саги об Эгиле» о *kylfingar*, собирающих дань на севере Фенноскандии! И неужели невдомёк, что на Сяси и севернее в X–XII вв. есть только одна археологическая «общность» — ПКК?

И т. д. и т. п. на том же уровне, в том числе и за пределами приведённой цитаты из статьи Назаренко и Селина. Скучно, господотоварищи. Кажется, древнее искусство читать и осмыслять проблемные тексты утрачивается у археологов и историков, занимающихся историей Северо-Запада Руси.

Отметим, что до появления памятников ПКК в конце IX в. никакой культурной общности I–IX вв. в Юго-Восточном Приладожье археологически пока не выявлено³. Гипотеза В.А. Назаренко о том, что один из типов погребальных сооружений ПКК восходит к «домикам мёртвых» предшествующего финноязычного населения, весьма плодотворна (Назаренко 1988), но какой-либо «культуры домиков мёртвых», предшествующей ПКК, здесь не известно — хотя, несомненно, население здесь было.

К сожалению, в упомянутой статье Д.А. Мачинского первый абзац при публикации искажён до полной утраты смысла (Мачинский 1988: 90), поэтому мы восстанавливаем его в авторском варианте:

«В «Русской Правде», бесценном памятнике древнерусского права, записанном, по мнению большинства исследователей, в связи с событиями в Новгороде 1015–1016 гг., названы представители лишь четырёх этнических (а отчасти и этносоциальных) групп, причём *русин* и

³ За исключением сопок на Сяси, перекликающихся с сопками «руси» Поволжья, и одновременного им городища у с. Городище (750-е — 930-е гг.), убедительно отождествлённого с *Алаборгом/Алуборгам* скандинавских саг и упоминающегося в них в паре с *Альдейгьей/Ладогой*. К слову, *Алаборг* наряду с «погостом в Колбегах» — второй древний скандинавский топоним в бассейне Сяси, существовавший на территории и, частично, в хронологических границах ПКК (о соотношении «погоста в Колбегах» с ПКК см. в соответствующем месте настоящей статьи).

словенин упомянуты в тексте древнейшего ядра “Правды” (статьи 1–10 по Академическому списку) единожды, а *варяг* и *колбяг* — дважды. Ни одна из других этногрупп, упоминаемых летописями, не представлена в древнейшей “Русской Правде”: нет в ней ни *чудина*, ни представителя *мери*, хотя чудь и меря называются в числе основных этносов в различных вариантах летописного “Сказания о призвании варягов”. Но при этом если этнические и этносоциальные наименования “русь”, “словене”, “варяги” широко представлены в древнейших пластах русского летописания, то об этносоциуме (?) “колбяги” мы до недавнего времени не имели ничего, кроме глухого упоминания о нём в “Русской Правде” (до обнаружения слова “колобяги” на одной берестяной грамоте рубежа XII–XIII вв.)».

Тех немногих, кто пожелает вдумчиво ознакомиться с аргументацией Д.А.Мачинского относительно соотносённости ПКК с этносоциумом *колбягу/kylfingar/коўльгүүої* мы отсылаем к следующим работам и страницам в них: Мачинский 1988: 90–103; Мачинский, Мачинская 1988: 52–55; Мачинский, Панкратова 1996: 52–54; Мачинский, Панкратова 2002: 38–40, 44, рис. 1, карта; Мачинский 2002: 14. В этих работах есть неизбежные неточности, но в целом концепция и аргументация отражены в них адекватно. Аргументация, содержащаяся в указанных работах, естественно, не повторяется в настоящей статье (кроме нескольких кратких отсылок-напоминаний).

Ниже речь пойдёт об этимологии слова *колбягь*, известного, как уже было сказано, из текста «Русской Правды». Разнообразие точек зрения на определение места и роли *колбягов* в этносоциальной структуре древнерусского общества и множество версий их происхождения, высказанных в литературе, впечатляет (сошлёмся на специальный обзор: Вилинбахов 1972 — там же и прочая литература). Наиболее значительный вклад в изучение «колбяжской проблемы» внесли авторы работ (Munch 1875: 437–444; Miklosich 1887; Брим 1929; Рыдзевская 1930; Briem 1929; Vasmer 1929; Stender-Petersen 1932; Ekblom 1932). Не подлежит сомнению тесная связь древнерусского *колбягь* с древнеисландским *kylfingr*, производным от основы *kylfa* ‘дубина, палка’.

При сопоставлении ПКК с *kylfingar/колбягами* бросается в глаза одно странное обстоятельство. В соответствии с собственной этимологией древнеисландское *kylfingar* должно переводиться как ‘дубинщики, «дубиноносцы»’, — но в то же время носителей ПКК, живших в маленьких неукреплённых посёлках, вдали от военно-торговых центров

типа Ладोगи, Смоленска/Гнёздова или Киева, из числа «сельских» жителей территории формирующейся Руси выделяет необычайно большое количество мечей эпохи викингов, обнаруженных в их курганных могильниках. Судя по этому, естественнее было бы именовать их «меченосцами».

Для понимания глубинных истоков этого противоречия обратимся к «Германии» Тацита (98 г. н. э.). После подробного рассказа о свинах в Скандинавии Тацит, описывая жителей юго-восточного — «янтартного» — побережья Балтики — эстиев (*aestii*), сообщает: «Они редко пользуются железным оружием (*ferrum* 'железо, железное орудие, остріе стрелы, меч'), часто же дубинами (*fustis* 'дубинка, палка')». Вариант перевода: «Меч у них — редкость, часто пользуются дубинами» (Тас. Germ. 45). Описание Тацита отражает реальность второй половины I в. н. э., когда был проложен «янтарный» торговый путь от Карнунта на римской границе в Среднем Подунавье через земли германцев к эстиям. По данным археологии, эстиям в это, равно как и в более раннее время было отлично известно железное оружие, в большом количестве представленное в погребальных памятниках западнобалтийских культур. Видимо, в тексте Тацита проявляется стереотип отношения германцев (в том числе и скандинавов) к своим восточным соседям, представлявшимся им невоинственными и более примитивными народами, чем те реально были — отсюда и возникновение образа 'народа, вооружённого дубинами'.

Напомним, что имя эстиев в I—IX вв. обозначало у германцев предков пруссов и других западнобалтийских народностей, но к концу I тыс. оно распространилось и на финноязычное население восточной Прибалтики вплоть до Финского залива, за которым и закрепилось вплоть до наших дней (ср. эстонское *eestlased* 'эстонцы').

А.Йоханнессон (автор этимологического словаря исландского языка) не находит для *kyfingr* иного толкования, нежели 'keulenträger' || дубинщик, «дубиноносец», сопровождая его похожей на поговорку фразой: «die bauern und angehörigen der niederen volksschichten trugen keulen, die übrigen schweter (*sverðberendr*) || крестьяне и люди низших сословий носили дубины, остальные — мечи (древнеисландское *sverðberendr* 'меченосец')» (IEW: 369). По-видимому, противопоставление 'дубины' и 'меча' в древнесеверной культуре имело определённое символическое значение, без которого было бы невозможно и появление уничижительного прозвища *austkylfa* (дословно: 'восточная

дубина') 'mann aus dem östlichen Norwegen || человек из Восточной Норвегии' (IEW: 369) или даже 'easterling || восточный житель' (IED: 35b). Несомненно, подобное отношение к восточным соседям сложилось на берегах Балтики и лишь затем — при расселении скандинавов в Норвегии и Исландии — распространилось на собственных сородичей, живущих восточнее.

Как уже многократно отмечалось в литературе, помимо древнерусской и исландской традиций *колбягу/kylfingar* известны также и в византийской, где они представлены формой *κοῦλλιγγος* — произносившейся по-среднегречески как [kúlβiŋgi]. Чтобы синхронизировать обе формы, В.А.Брим и А.Стендер-Петерсен в качестве источника греч. *κοῦλλιγγος* рассматривали германскую праформу древнеисландского *kylfingr* — **kulb-ing-az*, идеально соответствующую *κοῦλλιγγος* (Брим 1929: 280; Stender-Petersen 1932: 181–182). Такой подход абсолютно правомерен, и мы его разделяем.

Чрезвычайно значим вывод о связи названия *кюльфингов* с типом их вооружения: помимо сопоставления с *kylfa* 'дубина, палка', предлагалось ещё сопоставление с *kolfr/kólfr* 'стрела'. В авторитетных словарях данные лексемы толкуются следующим образом:

kylfa 'I. club; II. the club-formed beak on a ship's stem || I. дубина; II. вытянутый в виде дубины нос корабля' (IED: 366a); 'keule || дубина' — соответствует норвежскому диалектному *kylla*, восточношвед. *kyla*, датскому *kølle*, древнедатскому *kólve*, *kylve* (IEW: 368); '1. Keule; 2. oberes Stück des Vorderstevens || 1. дубина; 2. верхняя часть форштевня' (Baetke 1976: 353).

kylfi '= *kylfa* II' (IED: 366a); '= *kylfa*' (IEW: 368); '= *kylfa* 2' (Baetke 1976: 353).

kólfr 'club; the tongue in a bell || дубина; язык в колоколе' (IED: 353b); 'stumpfer Pfeil, Bolzen; Klöppel (einer Glocke) || тупая стрела, болт; язык (колокола)' (Baetke 1976: 333).

kolfr 'pflanzenknollen, bolzen, glockenschwengel, stumpfer pfeil || растительный клубень, болт, язык колокола, тупая стрела', соответствует норвежскому *kolv*, древнедатскому *kolv*, шведскому *kolv*⁴ (IEW: 368).

Приведённые для основы *kolfr/kólfr* толкования не оставляют сомнения в производности всех её значений от семы 'удлинённый тупой

⁴ Современное шведское *kolv* имеет следующие значения: 'приклад ружья; поршень; баллон, колба; початок' (БШРС: 297a).

предмет', поэтому ошибочно приписывать термину *kylfingr* особые семантические компоненты типа 'стрела' или 'язык колокола', как это предлагал А.Стендер-Петерсен: *kylfingar* 'люди, созданные ударами колокола (Stender-Petersen 1932: 190–191; см. об этом также в справке Е.А.Мельниковой 1986: 209–210). В то же время, учитывая взаимную этимологическую связь *kylfa* и *kolfr/kólfr* (обе основы восходят к представленному во всех германских языках архетипу **kulb-/klub-* 'дубина'⁵ — Falk, Torp 1910: 536–537, 560; Hellquist 1922: 337; OED: *club*), сопоставление *kylfingr* < **kulb-ing-az* с рефлексамии основы **kulb-* — несомненно, правильно.

И всё же ключевым для выяснения происхождения русского названия *кольфингов* — *колбяги* — для нас является финское слово *kalpa* 'меч' (SSA, I: 289), сопоставление с которым в литературе ещё не предлагалось.

Фин. *kalpa* на прибалтийско-финском фоне выглядит изолированным: во всех прочих прибалтийско-финских языках для выражения значения 'меч' употребляется только ранний германизм **mēkka* 'меч' — из готского *mēki*. По данным финского этимологического словаря (SSA, I: 289), ближайшими этимологическими соответствиями финского *kalpa* являются с одной стороны прусское *kalabian*, *kalbīan* и литовское *kalavijas* 'меч', с другой — шведское *glav* 'меч', датское *glavind* 'копье; меч' и французское *glaiive* 'меч'. Последнее, вопреки (Gamillscheg 1969: 481a), явно связано с германским источником: ср. древнеисландское *glefja* 'копье, пика', древнешведское *glæfja*, *glavia* 'копье; меч', средне-нижне- и средневерхненемецкие *glevie*, *glavie*, *glave* 'наконечник пики, копье', английское *glaiive* 'меч; копье'. О заимствовании всех этих форм (закономерно продолжающих прагерманское **glabiō-* 'меч; копье') из латинского *gladius* 'меч', близко родственного кельтским обозначениям — древнеирландскому *claideb*, валлийскому *clddyf*, корнуольскому *klethe*, бретонскому *kleze* 'меч' (Walde, Hofmann 1982: 603–604), не может идти и речи: для такого утверждения — к сожалению, повсеместно распространённого в этимологической литературе — нет ни фонетических, ни историко-культурных оснований. Очевидно, нужно констатировать существование ещё одного — помимо готского *mēki*, древнеанглийского *heoru* и немецкого *Schwert* — реликтового герман-

⁵ Вот некоторые примеры: средневерхненемецкое *kolve* и нидерландское *kolf*, древневерхненемецкое *kolbo* и немецкое *keule*, шведское *klubba* и английское *club* — все со значением 'дубина'.

ского обозначения ‘меча’, тесно связанного с кельтским и италийским (кстати, такая связка сама по себе уже очень многозначительна). Что же касается эволюции ‘меч’ > ‘копье’, осуществившейся в германском ареале, то она естественна⁶.

Самостоятельность балтийского — прусского и литовского — наименования ‘меча’, предполагаемая авторами этимологических словарей (Fraenkel 1962: 207; Топоров 1980: 164–166) на кельтско-идалийско-германском фоне весьма сомнительна: исторический контекст развития европейских культур I тысячелетия до н. э. — I тысячелетия н. э. указывает на его заимствованный характер. Ожидаемый германский источник, общий для балтийских форм (пруского *kalabian*, *kalbīan* и литовского *kalavijas*) и финского *kalpa*, имел бы вид **kalbiō-* ‘меч’. Как видно, от обозначения ‘дубины’ — **kulbiō-* — он отличается минимально: меньше, чем от собственного варианта **glabiō-*. Вероятно, термин **kalbiō-* ‘меч’ возник где-то в областях, расположенных на самом побережье Балтики.

Заметим далее, что во многих работах, в которых к рассмотрению привлекается древнерусское название *кюльфингов*, допущена неточность, последствиями которой нельзя пренебречь. Дело в том, что написание **кълбѣгъ*, позволившее бы перейти непосредственно от **kulb-ing-az* к единственно засвидетельствованному написанию *колбѣгъ*, не известно ни в одном из списков «Русской Правды», поэтому в указанных выше работах оно либо реконструируется «под звездочкой», либо принимается как самоочевидное. Появление *o* в форме *колбѣгъ* Стендер–Петерсен, Брим, Фасмер и другие трактуют единственным образом — как результат прояснения редуцированного *ъ*. Не говоря о том, что форму **кълбѣгъ* нельзя давать без «звездочки», отметим существование полногласной (гиперкорректной?) формы *колобѣгъ* в новгородской берестяной грамоте №222 (Зализняк 1995: 366), как будто бы ставящей под сомнение возможность развития формы *колбѣгъ* из **кълбѣгъ*; иная точка зрения представлена в работе (Зализняк 1995: 624, строка *колбѣгъ*). По-видимому, следует всё же опираться на форму *колбѣгъ*, прямое выведение которой из **kulb-ing-az* как минимум спорно.

⁶ Ср., например, независимое развитие удинского (один из языков севернокавказской семьи) слова (иранизма) *k:ördi* ‘меч’ > ‘копье’ (Климов, Халилов 2003: 150) при праиранском **karda-* ‘боевой нож, меч’.

Если изложенные в предыдущем абзаце соображения верны, то наиболее вероятным источником древнерусского *колбягъ* оказывается германское **kalb-ing-az* — так же относящееся к *kalbiō-* ‘меч’, как **kulb-ing-az* (давнее исландских *kylfingar*) — к **kulbiō-* ‘дубина’. Тем самым два предельно близких названия одного и того же этносоциума — *колбягов* древнерусской традиции и *kylfingar* исландской — находятся друг по отношению к другу в резком противоречии: в рамках первой и, вероятно, исходной традиции они являются ‘мечниками, меченосцами’, в рамках второй, культивировавшей уничижительное отношение к населению Восточного пути — ‘дубинщиками’!

Эта парадоксальная на первый взгляд ситуация становится понятной, если вспомнить важный для германской картины мира «стереотип меча и дубины», проявления которого мы отметили выше в тексте Тацита и в исландской поговорке о *sverðberendar*. К сожалению, мы не можем проследить истоки этого, по-видимому, очень древнего стереотипа, и, как следствие, не можем идентифицировать тот язык и ту культурную среду, в которой была порождена и употребительна форма **kalb-ing-az* ‘мечник, меченосец’. Скорее всего, она находится за пределами собственно Скандинавии — может быть, в Финляндии (на что может косвенно указывать наличие несомненного германизма *kalpa* ‘меч’ в финском языке), на территории которой, как известно, кроме прибалтийско-финской всегда звучала и германская речь.

Резюмируем теперь наш основной вывод: происхождение засвидетельствованного «Русской Правдой» названия одной из этносоциальных групп Древнерусского государства — *колбягов*, в основе своей являвшихся носителями приладожской курганной культуры, с большой вероятностью связано с понятием ‘меча’ — **kalbiō-*. Исландское же (и общескандинавское?) название этой группы — *kylfingar* — связано с созвучной и вместе с тем противопоставленной ‘мечу’ ‘дубиной’ — **kulbiō-*, как бы говоря: «Какие же у них мечи! У них — дубины!»

* * *

В заключение остановимся на трёх существенных моментах.

О насыщенности мечами погребений приладожской курганной культуры. Не вникая детально в современное состояние вопроса, обратимся к итоговым сводкам А.Н.Кирпичникова — несколько устаревшим, но отражающим проблему в целом. В своде 1966 г. (Кирпичников 1966: рис. 2, каталог) на незначительную территорию ПСК приходится 18

мечей из найденных на огромной территории Руси 102 мечей середины IX — первой половины XI в. (мы здесь исключаем нижнеднепровские находки за пределами Руси). Показательно соотношение количества находок из могильников ПКК, расположенных близ сельских неукрепленных поселений и из Гнёздовского могильника древнего Смоленска с его ярко выраженным дружинным компонентом. По А.Н.Кирпичникову, в Приладожье известны 18 мечей на 700 раскопанных курганов, в Гнёздово — 19 на 800 (Кирпичников 1966: 22). Даже при таком приблизительном подсчёте Приладожье выигрывает.

Именно в Приладожье найден единственный на Руси меч древнейшего типа В, место находки которого известно достаточно точно — д. Бор на Ояти. Второй меч типа В по А.Н.Кирпичникову (из Новосёлков в Смоленской области) не может быть с уверенностью отнесён к типу В из-за сильной повреждённости навершия (Кирпичников 1966: 26, 74–75)⁷.

К 1989 г. на Руси и в Волжской Булгарии, по А.Н.Кирпичникову, было известно 19 высококачественных мечей с клеймом ULFBERHT (Кирпичников, Назаренко 1989: 338). Из этого количества следует вычесть 2 таких меча из Булгарии и 4 из Нижнего Поднепровья, относящихся к предметам экспорта за пределы Руси, — тогда из 13 мечей экстракласса, обнаруженных в пределах территории Руси к 1989 г., 4 экземпляра (т. е. каждый третий) обнаружены в Юго-Восточном Приладожье, в центральном районе ПКК — бассейне р. Паши (Кирпичников 1966: 38–39, рис.8; Кирпичников, Назаренко 1989: 336–338).

Добавим, что из 9 скрамасаксов, найденных на Руси к 1966 г., 2 происходили из курганов ПКК. И скрамасаксы, и мечи мастерской ULFBERHT встречаются у нас только в погребениях последней трети IX — X в. — не позже.

Следует отметить, что в хорошо документированных погребальных комплексах курганов ПКК мечи не встречаются позднее 980-х гг. (Богуславский 1991а: рис. 2, табл.; 108–109, 113), а самый поздний экземпляр с этой территории условно датируется XI в. (Кирпичников 1966: 90). Видимо, позже начала XI в. мечи, это престижное оружие, в погребения не помещаются и, возможно, выходят из употребления. Почти исчезают из погребений и копья — зато практически в каждом

⁷ Для третьего меча типа В по А.Н. Кирпичникову, хранящегося в Киевском Историческом музее, место находки неизвестно.

мужском захоронении обнаруживаются встречавшиеся и ранее топоры, имевшие и боевое значение (Богуславский 1991а: рис. 2). Черты языческой погребальной обрядности доминируют в Приладожье вплоть до первой половины XII в. (Лесман 1995: 208).

Делая все возможные поправки на степень исследованности различных территорий, на особенности погребального обряда в разных местах, мы, тем не менее, заключаем: территория ПКК по насыщенности мечами и другим оружием далеко превосходит все другие «сельские» районы Руси, лишённые выраженных военно-торговых протогородских и раннегородских центров, и оставляет позади все районы Северной Руси, где такие центры были: районы Ладоги, Новгорода/Рюрикава городища, Пскова/Изборска и, видимо, древнего Смоленска/Гнёздава.

Юго-Восточное Приладожье от Сяси до Свири в конце IX — начале XI в. было занято однородным по культуре сельским населением, в составе которого профессиональные воины составляли значительный и, видимо, доминирующий социальный слой. Подобная картина в известной степени сохранилась и позднее.

Уточнения о колбягах. Как говорилось ранее, вся основная аргументация в пользу соотнесённости «*колбяги* ~ ПКК» содержится в указанных выше статьях Д.А.Мачинского, к которым мы и отсылаем читателя.

Несколько слов о погосте *Колбяги/Колбеги* (ныне д. Колбеки): он расположен на притоке р. Сяси — р. Воложке, — собственно, за пределами основных границ ПКК, на древнем и самом коротком водном пути из Прибалтики в Поволжье, который в конце IX — XII в. контролировался «среднесясьской» группой населения ПКК, оставившей могильники в с. Городище и его окрестностях. Однако около погоста *Колбяги* ранее существовал курганный могильник (Кочкуркина 1989: 9), — был ли он выдвинувшимся на юг форпостом ПКК, ныне сказать невозможно.

В 3 км на юго-юго-восток от современных Колбек в 1971 г. В.А.Кольчатовым был раскопан курган (Кочкуркина 1989: 9–10), который, ввиду нахождения в нём наряду с другими погребениями-ингумациями двух отдельных захоронений черепов, вполне может быть отнесён к ПКК — этому не противоречит и ровик шириной 1 м, окружавший курган. Найденная там западноевропейская монета — видимо, XI в. (Кочкуркина 1989: 9, 296) — может датировать курган XI — первой

половиной XII в. Ещё далее на юго-восток расположен могильник у д. Мозолева с вещами, типичными для славянских погребений Новгородчины XI–XII вв. Так что весьма вероятно, что древнее поселение *Колбяги* находилось на самом пограничье ПСК.

Широкая деятельность *кюльфингов* по скупке пушнины и собиранию дани на севере Фенноскандии, отражённая в «Саге об Эгиле», находит подтверждение в направлении колонизации и расселения носителей ПСК во второй половине X — XI в.: на север по берегу Ладоги к реке Олонке (и далее) и на северо-восток к северным берегам озера Онега (могильники Кокорино и Чёлмужи) — ближе к местам добычи пушнины, сбываемой, вероятно, на запад через Балтику и на юго-восток по Волге.

Получает удовлетворительное объяснение и то, что *колбяги*, фиксируемые «Русской Правдой» около 1016 г. на севере — в Новгороде и его окрестностях, — и *кюльфинги*, фиксируемые «Сагой об Эгиле» в начале X в. ещё севернее, не отмечены летописью в составе русских ополчений, ходивших на Царьград в 907, 941, 944 и 1043 гг. Исключение составляют лишь походы Святослава, в отношении которых нет данных об этническом составе войска, — но некоторый приток византийских монет и вещей паннонско-дунайского круга середины — второй половины X в. в Юго-Восточном Приладожье позволяет допускать участие *колбягов* в этих походах. Видимо, в X в. *колбяги* были тесно «завязаны» на разнородные контакты на берегах Балтики и прямую торговлю с Поволжьем, а с 1020 г. они не могли не войти в состав несколько обособленного от остальной Руси «Ладожского ярлства» гаутского ярла Рёгивальда и его потомков — так же тесно связанного с западом и существовавшего до времени около 1070 г. (Мачинский, Мачинская 1988: 55–56). Именно к этому периоду относится двукратное увеличение притока вещей, связанных с активностью скандинавов (Богуславский 1997: 102) и первые археологические признаки христианизации (Лесман 1995: 208) в Юго-Восточном Приладожье.

Отсутствуют для X — середины XI в. какие-либо данные о *кулбингах* и в византийских источниках. Показательно, что *кулбинги* не названы в числе иноэтничных вспомогательных войск в хрисовуле 1060 г., где названы «варанги, росы...», но отмечаются сразу после «варангов» в хрисовулах 1075, 1079, 1088 гг. (Васильевский 1908; Мачинский 1988: 91). Видимо, между 1060 и 1075 гг. наблюдается интенсивный приток *кулбингов* в Византию, где они становятся заметной силой во вспомо-

гательных войсках. И именно на середину 1060-х гг. падают заметные изменения политической ситуации на севере Руси. После смерти Ярослава (1054 г.) начинается борьба за обладание Новгородом между его внуком Ростиславом и его сыном, великим князем Изяславом, которая завершается победой последнего около 1064-65 гг. (Мачинский 2003: 218–223). После этого, судя по данным сфрагистики, Ладога из рук потомков Рёгнвальда переходит в руки киевского князя, и носители ПКК (~ *колбяги*) более определённо включаются в социально-экономический контекст Киевской Руси — для них открывается заманчивая возможность службы в византийских войсках. Это вызывает отток наиболее активного населения, — и с этого момента и начинается затухание внешних связей ПКК после 1070-х гг. (Богуславский 1991б: 17–18).

Проблема возникновения ПКК. Кратко остановимся на тексте Иордана, который, будучи использован без надлежащего анализа, и ввёл в соблазн лучшего современного полевого исследователя ПКК в вопросе о «приладожской чуди» (Назаренко 1983: 16) — да и не его одного (Богуславский 1991б: 12–13). Подробный анализ этого текста дан в статье Д. А. Мачинского и В. С. Кулешова в настоящем сборнике. Вот вкратце один из содержащихся в ней выводов: наиболее вероятно, что в списке «северных народов» Иордана слово *Thiudos* (Iord. Get. 116) является отражением готского *þiudōs* ‘народы’ и означает некие безымянные «народы» в межозерье Ладоги и Онега. Это или близкое к нему германское слово позднее послужило основой для возникновения у продвинувшихся с юга славян этнонима *чудь*, ставшего у них обозначением различных групп финноязычного населения.

Маловероятно, но всё же возможно, что первично славяне, появившиеся в Поволховье в конце VII — VIII в., обозначали словом *чудь* и финноязычное население Юго-Восточного Приладожья — хотя **никаких следов** этого ни в свидетельствах летописи, ни в топонимике рассматриваемой территории не сохранилось. Данное обстоятельство может объясняться тем, после середины IX в. — в период, события которого в эпической памяти *словен* и *руси* сохранились — эта территория была занята (с 870-х гг.) другим населением с другим именем — т. е. *колбягами*. По данным летописи, этноним *чудь* применялся славянами лишь к населению современной Эстонии и летописного «Заволочья» — бассейна Северной Двины. По другим источникам и по

данным топонимии мы знаем и о более широком употреблении этого этнонима — но только не по отношению к территории, занятой ПКК в конце IX — XII в. А этноним *колбяги* был актуален ещё в конце XII — первой четверти XIII вв. (новгородская берестяная грамота №222), и — судя по названию *Колбяжского погоста* (*Колбаской погост*, ныне — д. Колбеки) — даже позднее и связан с территорией ПКК на Сяси.

Надо честно сказать, что достаточно изученная археологами территория, занятая ПКК, для предшествовавшего времени (I — середина IX в.) пока представляет собой «зону археологической пустоты». Эта «зона» впервые начинает заполняться археологическими памятниками с юга, когда после середины VIII в. на Сяси появляются сопки и крепость *Алаборг/Алуборг*; но севернее, вплоть до Свири, не обнаружено никаких памятников ранее последней трети IX в. Возможно, здесь существовало население, подобное *феннам* Тацита — бродячие собиратели и охотники, — и, кроме того, с этими местами связывались рассказы о жутковатых звероподобных *полулюдях* (Тас. Гегт. 46). Во всяком случае, по «Саге о Хрольве Пешеходе», пространство к северу и востоку от *Алуборга* (Городища на Сяси) именуется *Йотунхеймом* 'землёй великанов'. По той же саге, из Йотунхейма, расположенного рядом с *Алуборгом*, происходит огромный звероподобный богатырь, вооружённый только *дубиной* (*kylfa*) — т. е. первый *kylfingr* (Мачинский, Панкратова 2002); ср. это известие с рассказом ал-Гарнати о подобном же великане, вооружённом огромной дубиной, которого писатель видел в 1135-36 гг. в Булгаре (ал-Гарнати 1971: 61).

Что касается *феннов* Тацита, то подобным именем скандинавские германцы первоначально обозначали саамское население Фенноскандии и, видимо, Восточной Европы. Следы более древней, чем прибалтийско-финская, топонимии, этимологизируемой на саамском языковом материале, наличествуют в северной части Юго-Восточного Приладожья — на Ояти и Свири (Муллонен 2001a: 250; 2001b: 344), не говоря уже о более восточных и более северных территориях. В частности, к названиям саамского происхождения относится и топоним *Чёлмужи* (из саамского **čōlmtē* 'пролив', ср. также русское диалектное *чёлма* 'пролив') на северо-восточном берегу озера Онега, известный археологам по расположенному там могильнику ПКК. В южной части Юго-Восточного Приладожья — на Сяси и Тихвинке — эта древнейшая топонимия могла быть «смыта» в связи с ранней славянизацией этих важных торговых магистралей. (Нелишне ещё раз напомнить читателю важнейшее правило толкования топонимического материа-

ла: **наличие** определённого топонимического пласта на какой-либо территории так или иначе **говорит в пользу присутствия** здесь носителей соответствующих этому пласту языков — а вот **отсутствие** такого пласта **об отсутствии** носителей соответствующей языков **не говорит.**)

Наряду с этим, как бы прорезая эту слабо заселённую зону с археологически трудно уловимыми древностями, через неё уже в IV–VI вв. проходят преимущественно водные пути торговли мехами — по Свири на севере и по Сяси, Тихвинке и Воложке на юге с выходом на Чагоду-Чагодошу-Мологу и далее по Волге и Каме. В конечном счёте, эти пути ведут в богатое высококачественным соболем Прикамье (Мачинский, Кулешов 2004). Нет никаких оснований полагать, что торговля на этих путях затухла в VII–VIII вв. Более того, судя по распространению вплоть до Волхова, Южной Финляндии и Эстонии прикамских «неволинских» поясов второй половины VII — середины VIII в., имевших и сакрально-магическое значение, связи с Прикамьем активизируются. В середине VIII в. возникает торгово-ремесленное поселение *Ладога/Aldeigja*, к первой половине IX в. становящееся главным центром этносоциума *русь/гōs*, также активно участвующего в торговле мехами.

Дальнейшее развитие событий падает на вторую половину IX в. Отметим, что период становления ПКК как особой территориально-культурной общности охватывает 870–920-е гг. и поразительно совпадает по времени с общепризнанным периодом «заселения Исландии» (870–930 гг.), когда часть норвежцев бежала на пустующие земли крайнего запада от жёсткой политики принудительного подчинения и объединения Норвегии Харальдом Хальфагром. Не менее жёсткую объединительную политику проводил в близкое время (около 850–870-х гг.) и конунг свеев Эйрик Эмундарсон, покоривший к тому же «Финнланд и Кирьялаланд, Эстланд и Курланд и много [земель] в Аустрлэнд» и воздвигший там «земляные укрепления» (Heimskringla, Saga об Олаве Святом, 80; по Джаксон 1994: 73).

Видимо, в это время какие-то группы скандинавов (возможно, уже исходно смешанные с финноязычным населением Финнланда и Кирьялаланда) начинают заселять ранее слабо обжитые земли между Сясю и Свирью. Древнейшие погребения ПКК в нижнем течении Ояи и Свири говорят о проникновении поселенцев через Свирскую губу на востоке Ладоги, удалённую от освоенных раньше Волхова и — отчасти — Сяси. Затем новые поселенцы появляются южнее — на Сяси, где встречаются с ранней *русью/гōs*, оставившей археологам сопки и Городище на Сяси (*Алаборг/Алуборг* ранних саг). Расселение новых

«колонистов» преимущественно в местностях, занятых ранее «примитивными» народами (~ *феннами*?), и, по представлениям древних, *великанами*, использующими в качестве оружия *дубину*, породило именование их *кулбингами* и позднее (в ходе фонетической эволюции исландского языка) *кюльфингами*. Первично оно обозначало, видимо, новых поселенцев на Сяси, но затем было перенесено на всех носителей ПКК и принято как этноним, применявшийся к ним в Скандинавии и в Византии. Определение конкретных исходных территорий, откуда проникали в Юго-Восточное Приладожье пришельцы с запада, вероятно, известные на Руси под именем **кальбингов (колбягов)* 'меченосцев', — задача будущих исследований. Можно, тем не менее, предположить, что движение **кальбингов* было вызвано, скорее всего, бегством от жёсткой политики Эйрика — дабы сохранить бесценную свободу (как и в аналогичном случае с колонизацией Исландии).

Скандинавский компонент образующейся территориальной этногруппы отчётливо выступает как в археологических материалах, так и в письменных источниках, однако исследователи ПКК особенно подчёркивают «местный» — «финский» компонент их культуры. Тем не менее, он никак не может быть назван «местным», потому что никаких уловимых археологических древностей на большей части Юго-Восточного Приладожья, как уже говорилось, до последней трети IX в. нет., а там, где они появляются после середины VIII в. — на Сяси — они явно не «финские». Вообще, комплекс «финских» элементов материальной культуры ПКК имеет смешанный облик: часть вещей имеет западное — прибалтийское — происхождение, а другая заимствована от финно-угорского населения более восточных областей на «меховых путях» — вплоть до сакрально приоритетного Прикамья. Так, пресловутые «домики мёртвых» более раннего времени, чем таковые в ПКК, известны в позднедьяковской культуре и в последние десятилетия открыты А.Н. Башенькиным на её крайней северной периферии — в Юго-Западном Белозерье (Башенькин 1995). Не оттуда ли был заимствован этот тип погребального сооружения? И не вошло ли частично финноязычное население более восточных по отношению к основному ареалу ПКК областей в состав её носителей?

Скандинавы, оказавшиеся в окружении различных финноязычных этносов, несомненно, воспринимали их обычаи, языки и верования. Кроме того, такой этносинтез мог приводить к возникновению совершенно новых религиозных представлений, отразившихся в уникальных чертах погребальной обрядности ПКК.

Скандинавские и западноевропейские вещи в погребениях ПКК часто называют «импортами» или «привозными». Но учитывая, что скандинавское или скандинаво-финское население, появление которого и привело к возникновению ПКК, пришло явно с запада и, несомненно, сохраняло свои западные связи и позднее, надо полагать, что многие из этих вещей прибывали сюда вместе с первыми и новыми поселенцами, являясь частью их одежды и обихода. И надо помнить, что заселение глухих таёжных, окружённых огромными болотами пространств на восток от озера Ладога — пользовавшегося «дурной славой» *Йотунхейма* — требовало повышенной жизненной активности от решившихся на это; а такой «пассионарностью» в IX–X вв. отличались именно скандинавы «эпохи викингов».

Не исключено, что в «легенде о призвании варягов/руси» отражено это колонизационное движение к дальнему побережью Ладоги. Как известно, Рюрик оседает сначала «в Ладозе» (и позднее строит Новгород), Трувор садится «в Изборьске», а вот Синеус — «на Беле озере», т. е. как бы в местности, где никакого городка не было раньше и не было построено Синеусом. Поскольку озеро Ладога в скандинавской традиции называлось *Белым* (Мачинский 1986: 15–17), вероятно, что в первичном скандинавском варианте легенды и имелось в виду расселение пришельцев у Ладоги/Белого озера — в низовьях Паши и Ояти (Мачинский 2002: 14).

Авторы настоящей статьи отнюдь не считают, что *кюльфингами/колбягами* на севере Европы могли называться только носители ПКК и что каждый из последних твёрдо считал себя *кюльфингом/колбягом* — такого полного совпадения археологических и этнических реальностей просто не может быть. Ясно, что часть *колбягов* могла оседать в Новгороде (и, судя по данным топонимики, под Псковом и Киевом — Рыдзевская 1934; Мачинский 1988) и даже в Византии. Могли существовать одноимённые этногруппы и в других местах Восточной Прибалтики и Озёрного края. Так, неясно, где локализуется *Kalbakssida* ‘побережье Калбак’, упоминаемая в Боса-саге. Свидетельство арабского писателя Димашки (XIV в.) о *келябиях*, живущих на берегах моря *Варанк* наряду с *варанками* и *сакалиба*, может относиться как к берегам Ладоги, рассматривавшейся скандинавской и арабской традицией как часть моря, так и к собственно Балтике.

Тем не менее, соотнесённость приладожской курганной культуры с этнотерриториальной и этносоциальной группой *колбягу/kylfingar/κοῦλλιγγοι* представляется нам наиболее достоверной и доказуемой.

Если принять это сопоставление, то возникают перспективные возможности для комплексного исследования вопроса о месте этого этносоциума в становлении и ранней истории Русского государства IX–XI вв. Многозначительно отождествление *Kylfingaland*'а с *Gardariki* в скандинавских географических сочинениях. В связи с этим встаёт вопрос о соотношении хоронимов *Kylfingaland* и *Gardar* (раннего и исходного для *Gardariki*). Последний, буквально переводимый как 'усадыбы, хутора', обычно связывают с Поволховьем. Не перекрывались ли взаимно эти хоронимы при проекции их на конкретные территории? В бассейне Сяси, видимо, так оно и было.

Возникает вопрос о присутствии *kylfingar/колбягов* и в *Aldeigja/Ладоге*. К слову, наличествующее в работах В.А.Назаренко и О.И.Богуславского представление, что скандинавский этнический компонент ПКК (неточно именуемый ими «норманнами»), проникал на её территорию **исключительно** через Ладогу, ничем не обосновано; другое дело — вопрос о поездках в Ладогу и проживании там носителей ПКК ~ *колбягов*. К сожалению, многочисленные малые курганы в окрестностях Ладоги исчезли почти бесследно, и мы не знаем, не были ли некоторые из них захоронениями выходцев с территории ПКК. Во всяком случае, отдельные предметы, происходящие, судя по всему, из этих курганов, допускают такую возможность.

Несомненно, население, оставившее ПКК, было очень важным компонентом в составе отдельного «владения» княгини Ингигерд/Ирины, управляемого Рёгнвальдом и его потомками в 1020 — около 1070 гг. Не исключено, что тесные связи между Юго-Восточным Приладожьем и Ладогой существовали и ранее, около 977–986 гг. — в период, когда Ладога была вассальным владением Олава Трюггвасона в составе Руси времён Владимира Святославича (по гипотезе С.В.Белецкого и Д.А.Мачинского: Белецкий 1996; Мачинский 2005).

Но всё это пока лишь намётки для **новых** исследователей.

Литература

- ал-Гарнати 1971 — Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати. М., 1971.
 Башенькин 1995 — Башенькин А. Н. Культурно-исторические процессы в Молого-Шекснинском междуречье в конце I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. // Проблемы истории Северо-Запада Руси. СПб., 1995.

Белецкий 1996 — Белецкий С. В. Подвеска с родовыми знаками из Рожественского могильника // Ладога и Северная Европа. Вторые чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 1996.

Богуславский 1991a — Богуславский О. И. К хронологии Юго-Восточного Приладожья IX–XII вв. // Проблемы хронологии и периодизации в археологии. Л., 1991.

Богуславский 1991b — Богуславский О. И. Южное Приладожье во второй половине I — начале II тыс. н. э.: Автореф. канд. дисс. СПб., 1991.

Богуславский 1997 — Богуславский О. И. Южное Приладожье: историко-культурные регионы и их взаимодействие // Древности Поволховья. СПб., 1997.

Брим 1929 — Брим В. А. Колбяги // Известия АН СССР, сер. VII, 1929: № 4. Л.

БШРС — Миланова Д. Э. Большой шведско-русский словарь: Изд. 6-е, стереотипное. М., 1998.

Васильевский 1908 — Васильевский В. Г. Варяго-русская дружина в Константинополе XI и XII веков // Труды, I. СПб., 1908.

Вилинбахов 1972 — Вилинбахов Г. В. Некоторые соображения о «колбягах» «Русской правды» // История и культура славянских стран. Л., 1972.

Волковицкий 1995 — Волковицкий А. И. Ещё раз о поясном наборе из сопки №140 // Ладога и Северная Русь. Чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 1995.

Джаксон 1994 — Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (первая треть XI в.): тексты, перевод, комментарий. М., 1994.

Зализняк 1995 — Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 1995.

Кирпичников 1966 — Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. I. (Археология СССР. Свод археологических источников, E1–36.) М.; Л., 1966.

Кирпичников, Назаренко 1989 — Кирпичников А. Н., Назаренко В. А. Меч с именовым клеймом из Юго-Восточного Приладожья // Кочкуркина С. И. Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья X–XIII вв. Петрозаводск, 1989.

Климов, Халилов 2003 — Климов Г. А., Халилов М. Ш. Словарь кавказских языков: сопоставление основной лексики. М., 2003.

Кочкуркина 1989 — Кочкуркина С. И. Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья X–XIII вв. Петрозаводск, 1989.

Лебедев 1985 — Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985.

Лебедев 2001 — Лебедев Г. С. Верхняя Русь по данным археологии и древней истории // Очерки исторической географии: Северо-Запад России. Славяне и финны. СПб., 2001.

Лесман 1995 — Лесман Ю. М. Кремации и ингумации в курганах нижней и средней Паши (к хронологии изменений погребального обряда) // Чтения памяти Николая Ефимовича Бранденбурга (1839–1903). СПб., 1995.

Мачинский 1986 — Этносоциальные и этнокультурные процессы в Северной Руси (период зарождения древнерусской народности) // Русский Север: Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики. Л., 1986.

Мачинский 1988 — Мачинский Д. А. Колбяти «Русской Правды» и приладожская курганная культура // Тихвинский сборник. I. Археология Тихвинского края. Тихвин, 1988.

Мачинский 2002 — Мачинский Д. А. Почему и в каком смысле Ладогу следует считать первой столицей Руси // Ладога и Северная Евразия от Байкала до Ла-Манша. Шестые чтения памяти Алены Мачинской. СПб., 2002.

Мачинский 2003 — Мачинский Д. А. Вновь открытые источники по истории Руси IX–XII вв. // Ладога — первая столица Руси. Седьмые чтения памяти Алены Мачинской. СПб., 2003.

Мачинский 2005 — Мачинский Д. А. К предистории ладожского ярлства. В печати. 2005.

Мачинский, Кулешов 2004 — Мачинский Д. А., Кулешов В. С. Северные народы середины IV — первой половины VI в. в «Getica» Иордана // Ладога и Глеб Лебедев. Восьмые чтения памяти Алены Мачинской. СПб., 2004.

Мачинский, Мачинская 1988 — Мачинский Д. А., Мачинская А. Д. Северная Русь, Русский Север и Старая Ладога в VIII–XI вв. // Культура Русского Севера. Л., 1988.

Мачинский, Панкратова 1996 — Мачинский Д. А., Панкратова М. В. Саги о древних временах, ладожская эпическая традиция и локализация Алаборга // Ладога и Северная Европа. Вторые чтения памяти Алены Мачинской. СПб., 1996.

Мачинский, Панкратова 2002 — Мачинский Д. А., Панкратова М. В. Северная Русь и саги о древних временах // Европа — Азия: проблемы этнокультурных контактов. СПб., 2002.

Мельникова 1986 — Мельникова Е. А. Древнескандинавские географические сочинения: тексты, перевод, комментарий. М., 1986.

Муллонен 2001a — Муллонен И. И. Юго-Восточное Приладожье по данным прибалтийско-финского языкознания // Очерки исторической географии: Северо-Запад России. Славяне и финны. СПб., 2001.

Муллонен 2001b — Муллонен И. И. Этнолингвистическая история Обо-нежья // Очерки исторической географии: Северо-Запад России. Славяне и финны. СПб., 2001.

Назаренко 1979 — Назаренко В. А. Об этнической принадлежности Приладожских курганов // Финно-угры и славяне. Л., 1979.

Назаренко 1983 — Назаренко В. А. Погребальная обрядность приладожской чуди: Автореф. канд. дисс. Л., 1983.

Назаренко 1988 — Назаренко В. А. О первой находке «домика мёртвых» в Приладожье // Тихвинский сборник. I. Археология Тихвинского края. Тихвин, 1988.

- Назаренко, Селин 2001** — Назаренко В. А., Селин А. А. Юго-Восточное Приладожье в свете данных археологии и письменных источников // Очерки исторической географии: Северо-Запад России. Славяне и финны. СПб., 2001.
- Рыдзевская 1930** — Рыдзевская Е. А. Несколько замечаний по поводу статьи В. А. Бриема «Колбяги» // Доклады АН СССР, сер. В, 1930: №8. Л.
- Рыдзевская 1934** — Рыдзевская Е. А. К варяжскому вопросу // Известия АН СССР, сер. VII, 1934: №7-8. Л.
- Топоров 1980** — Топоров В. Н. Прусский язык: Словарь. I—К. М., 1980.
- Baetke 1976** — Baetke W. Wörterbuch zur altnordischen Prosaliteratur. Berlin, 1976.
- Briem 1929** — Briem V. Kylfingar // Acta Philologica Scandinavica, IV:1. København, 1929.
- Eklom 1932** — Eklom R. Vereinigungen unter den Nordländern im alten Rußland // Zeitschrift für slavische Philologie, X. Leipzig, 1933.
- Falk, Torp 1910** — Falk H. S., Torp A. Norwegisch-dänisches etymologisches Wörterbuch. I. Heidelberg, 1910.
- Fraenkel 1962** — Fraenkel E. Litauisches etymologisches Wörterbuch. I. Heidelberg; Göttingen, 1962.
- Gamillscheg 1969** — Gamillscheg E. Etymologisches Wörterbuch der französischen Sprache. Heidelberg, 1969.
- Hellquist 1922** — Hellquist E. Svensk etymologisk ordbok. Lund, 1922.
- IED** — Cleasby R., Vigfusson G. An Icelandic-English Dictionary. Oxford, 1957.
- IEW** — Jóhannesson A. Isländisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1951—1956.
- Miklosich 1887** — Miklosich Fr. Ueber die altrussischen Kolbjager // Archiv für slavische Philologie, X. Berlin, 1887.
- Munch 1875** — Munch P. A. Om oprindelsen til benævnelserne “Kylfingar” eller “Kolbæger” i det gamle Gardarike // Samlede afhandlinger, III. Christiania, 1875.
- OED** — The Oxford English Dictionary: <http://www.oed.uk>
- SSA, I** — Suomen sanojen alkuperä: Etymologinen sanakirja. I. Helsinki, 1992.
- Stender-Petersen 1932** — Stender-Petersen A. Zur bedeutungsgeschichte des wortes altnord. *kylfingar*, altruss. *koib'ag* // Acta Philologica Scandinavica, VII:2. København, 1932.
- Vasmer 1929** — Vasmer M. Beiträge zur slavischen Altertumskunde, VII: Die Kylfingar in Rußland // Zeitschrift für slavische Philologie, VIII. Leipzig, 1931.
- Walde, Hofmann 1982** — Walde A., Hofmann J. B. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1982.

ЯРЛ РЕГНВАЛЬД УЛЬВССОН И ХРИСТИАНИЗАЦИЯ ВЕСТЕРЪЁТЛАНДА В НАЧАЛЕ XI В.

Точных сведений об объединении исторических областей Швеции Ёталанда и Свеаланда под властью одного свейского конунга нет. Большинство исследователей считает, что это произошло не раньше рубежа X—XI вв., в годы правления Олава Шётконунга (История Швеции: 78; иную точку зрения см.: Ковалевский 1977: 92, 99). В произведениях скальдов конца X в. упоминаются войны только между норвежцами и ётами. О войнах норвежцев со свеями не говорится ни разу.

Крайне редкому упоминанию свеев в поэзии исландско-норвежских скальдов в IX—X вв.¹ можно противопоставить частые (и в определенном контексте) упоминания ётов. Торбьерн Ворон говорит о «враге ётов» Харальде Прекрасноволосом и победе над ними. Гуторм Синдри рассказывает о Хаконе Добром, что он «обязал ётов данью». У Глума Гейрассона Харальд Серый Плащ владеет «мечом, красным от крови ётов». Эйнар Звон Весов говорит, что Хакон ярл «хотел лишить жизни ётов». Эйрик ярл, по Эйольву Погубителю Скальдов, «вел битву с ётами» (Skj. В I: 21; 55; 66; 122—123; 192).

В начале XI в. ситуация меняется. Двор Олава Шётконунга (ок. 995 — ок. 1022 гг.) охотно посещается исландскими скальдами. В «Перечне скальдов» упоминаются четверо — Гуннлауг Змеиный Язык, Хравн Энундарсон, Оттар Черный и Гицур Черный.

У Оттара есть «Драпа об Олаве Шведском» (ок. 1018 г.). От нее сохранилось шесть полустроф с завершающей сентенцией: «конунг свеев велик».² Но у Оттара же есть висы «Выкуп головы» (ок. 1023 г.), исполненные перед норвежским конунгом Олавом Харальдссоном вскоре после смерти Олава Шётконунга. Оттар упоминает, что «лишился конунга ётов».³ Эти слова исследователи без сомнения относят к Олаву Шётконунгу. Значит, Оттару было известно, что Олав в это время был конунгом свеев и ётов.

Адам Бременский рассказывал о заключении соглашения язычников с Олавом, желавшим обратить народ в христианство и разрушить языческий храм в Уппсале. Конунгу было недвусмысленно замечено,

что «если он сам хочет быть христианином, то пусть правит лучшей областью Швеции, какой пожелает, и пусть, учредив в ней церковь и христианство, не принуждает силой никого из народа отказываться от почитания языческих богов, кроме того, кто добровольно пожелает принять христианство. Король, обрадованный этим соглашением, основал вскоре в Вестергётланде... божью церковь и епископскую кафедру».⁴

В списке «Христианские короли Швеции» (ок. 1240 г.) Олав назван первым христианским королем Швеции (SSL I: 298; Христианские короли Швеции: 305–307). В «Круге Земном» Снорри Стурлусон также представляет Олава конунгом свеев и ётов.

Таким образом, принимаем точку зрения исследователей, полагающих, что в начале XI в. Ётарики (Ёталанд) присоединяется к Свитьод (Свеаланд), образуя Свеарики — государство свеев и ётов, включающее более мелкие племенные объединения, под властью одного конунга.

Кроме того, нельзя не признать изменений в традициях древнеисландской литературы в отношении Швеции со времени правления Олава Шётконунга, т.е. с начала XI в.

Современные Рёгнвальду сведения о нем сохранились в произведениях скальдов. Прежде всего, это висы исландского скальда Сигвата Тордарсона. Так во «Флоке об Эрлинге Скъяльгссоне» (1028–1029 гг.) он сообщал:

næst gaf sína systur
snarr búþegna harri
Ulfs feðr (vas þat) aðra
(aldrípt) Rögnvaldi

(Skj. В I: 230).

«И вторую, славный (Олав Трюггвасон. — В.К.), / Сестру дал Рёгнвальду, / Ульвова надолго / Отца осчастливил».⁵

В «Книгу с Плоского острова» (конец XIV в.) входят две главы, которые можно считать своеобразным комментарием к вису, поскольку речь в них идет о сватовстве и свадьбе Рёгнвальда.

«Глава 332»⁶

<...> Той зимой у конунга Олава (Олава Трюггвасона. — В.К.) было много исландцев, как говорилось раньше, и много других благородных людей. Там была с дружиной и Ингибьёрг, сестра конунга. Она была красивой, приветливой и мягкой с людьми, благородной, твердой по характеру и всеми любима <...>

Летом с востока из Гаутланда прибыл Хальфред Трудный Скальд. Он был у ярла Рёгнвальда, сына Ульва, который начал править в Запад-

ном Гаутланде. Ульв, отец Рёгнвальда, был братом Сигрид Гордой. Конунг Олав Шведский и ярл Рёгнвальд были двоюродными братьями.

Халльфред много говорил конунгу о ярле: что он смелый хевдинг, решительный, щедрый на деньги, благородный и верный в дружбе. Халльфред рассказал о желании ярла завести дружбу с конунгом Олавом и о намерении посвататься к Ингибьёрг, дочери Трюгви.

В ту зиму с востока из Гаутланда прибыли в Нидарос к конунгу посланцы ярла Рёгнвальда. Они изложили его дело — о чем Халльфред уже говорил, — что ярл хотел стать преданным другом конунга Олава и породниться с ним, женившись на Ингибьёрг, его сестре. Посланцы предъявили верительные знаки ярла в доказательство правдивости поручения.

Конунг хорошо выслушал их и ответил, что Ингибьёрг должна решиться сама. Потом он рассказал все своей сестре и спросил, какой она даст ответ. Она ответила так:

— С тех пор, как вы прибыли в эту страну, я находилась у вас при дворе, где была окружена братской заботой и любезными почестями во всем. Потому я надеюсь на вашу предусмотрительность, ожидая, что вы не выдадите меня замуж за язычника.

Конунг пообещал ей это. Он обратился к посланцам, что им нужно отправиться обратно, а ярл Рёгнвальд должен приехать летом к конунгу Олаву на восток страны (Норвегии. — В.К.). И если он хочет стать настоящим другом, то при встрече сам должен сказать о своих намерениях. С этим известием посланцы отбыли на восток. <...>

Глава 370.

Конунг Олав отправился на юг в Стад. В поездке с ним были королева Тюри и Ингибьёрг, дочь Трюгви, сестра конунга. <...> И когда конунг прибыл в Рогаланд, то задержался там, потому что Эрлинг Скьяльгссон устроил ему достойный пир в Соле.

С востока из Гаутланда на встречу с конунгом Олавом прибыл ярл Рёгнвальд, сын Ульва, как это между ними было условлено зимой, чтобы взять в жены Ингибьёрг, сестру конунга.

Конунг хорошо принял ярла. Речь шла о свадьбе. Олав сказал, что он готов сдержать свое слово и отдать ему в жены свою сестру Ингибьёрг, если ярл захочет принять правильную веру и крестить народ, над которым он властвует. Ярл согласился и был крещен вместе с сопровождающими.

Тогда увеличили пир, который Эрлинг делал небодышим. На пиру ярл Рёгнвальд взял в жены Ингибьёрг, дочь Трюгви. Теперь конунг Олав выдал замуж всех своих сестер.

Ярл и Ингибьёрг выехали домой. Конунг отправил с ярлом священников для крещения людей в Гаутланде и учению вере. Конунг и ярл расстались с большой любовью» (Flat. I: 414–415; 469).

Интересно, что в первом издании «Круга Земного» Перингшёльд включил эти главы в основной текст «Саги об Олаве Трюггвасоне» (Heims Kringla: 350–353), видимо посчитав их настолько обосновано и логично вписывающимися в сюжет, что даже не отметил их как заимствованные (что он делал в других случаях). Во всех последующих изданиях «Круга Земного», включая русский перевод, эти главы отсутствуют; Рёгнвальд предстает уже женатым на Ингибьёрг, у них двое сыновей — Ульв и Эйлив.

Дед Рёгнвальда, вероятно, был хорошо известен не только в своей стране: «Одного человека в Швеции звали Тости, он был в той стране самым могущественным и знатным человеком из тех, кто не был конунгом или ярлом. Он был очень воинствен и постоянно ходил в походы. Его прозвали Скёглар-Тости» (Круг Земной: 94).

К сожалению, не указаны направления этих походов — на восток или на запад, но О. фон Фрисен высказывает интересную гипотезу о деятельности этого человека в конце X в. Он идентифицирует имя Тости с «Тусти» (*tusti*), упомянутое в надписи на одном из рунических камней в Упланде:

*«А Ульв взял в Англии три платы. Первой была, которую заплатил Тости. Потом (заплатил) Торкель. Потом заплатил Кнут».*⁷

И фон Фрисен, изучая эту надпись в сопоставлении с другими источниками, пришел к выводу, что в 1000 году Скёглару-Тости могло быть от пятидесяти одного года до шестидесяти лет (если он был жив). И таким образом, он «в самом расцвете сил» вполне мог участвовать в военных походах на Англию между 980 и 990 годами (Friesen: 71–72). Англосаксонская хроника, старейший список которой относится ко времени ок. 1025 г., называет некоего Юстина (*Justin*) и Олава Трюггвасона (*Anlaf*) среди имен викингских хевдингов при заключении мирного договора между ними и конунгом Этельрадом.⁸ Исследователи считают возможным соотнести имя Тости с именем Юстин (Friesen: 71–72; Schück: 217).

Изложенное выше позволяет объяснить сообщения источников о свадьбе Ингебьёрг, сестры Олава Трюггвасона, со шведским ярлом Рёгнвальдом.

В конце X в. шведский хевдинг Тости воевал в Англии, и в начале 990 гг. норвежский конунг Олав Трюггвасон был на Британских островах. Вполне вероятно, что Олав Трюггвасон знал шведского стурмана

Скёглара-Гости, внук которого Рёгнвальд ок. 999—1000 г. посватался к Ингибьёрг Трюггвадоттир.

Свадьба Рёгнвальда и Ингибьёрг, согласно изложению сюжета саги, произошла во время остановки флота Олава Трюггвасона на пути в Страну Вендов. Возвращаясь из этой поездки, Олав встретил объединенный флот Свейна Вилобородого, Олава Шведского и ярла Эйрика, принял бой при Свельде и, вероятно, погиб.

При заключении Рёгнвальдом брака с Ингибьёрг, обращают на себя внимание два момента. Во-первых, для этой свадьбы было выбрано странное время — в этот же год, вероятно, на несколько месяцев позже, Сигрид Гордая, его тетка, Олав Шведский, его двоюродный брат, Свейн Вилобородый, конунг Дании, и ярл Эйрик создают политический союз для уничтожения Олава Трюггвасона. Во-вторых, Рёгнвальд, сватаясь к сестре Олава Трюггвасона, принимает условия для заключения брака — принимает крещение сам (то, что отвергла Сигрид как условие брака с Олавом Трюггвасоном (Круг Земной: 137)), обязывает креститься своих приближенных и должен начать крещение ётов.

Можно предположить, что, вступая в этот брак, Рёгнвальд добивался, прежде всего, политической стабильности в приграничном с Норвегией Вестерьётланде. Как правитель одной из важнейших частей государства Рёгнвальд видел среди основных задач прекращение многолетних конфликтов между ётами и норвежцами. Вестерьётланд, гранича с Норвегией на западе и с Данией на юге (Сконе и Халланд входили в это время в состав Дании) и имея выход в Балтийское море, вел активную торговлю с европейскими странами. Возможно, это обстоятельство также было взято в расчет, когда Рёгнвальд соглашался с принятием христианства. К началу XI в. во всех скандинавских странах, кроме Швеции, правители приняли христианство или, как в Исландии, где не было королевской власти, на альтингге (в 999 или 1000 г.) эта религия была признана государственной.

Даже при сверхкритическом отношении к сообщениям саг как историческому источнику, преобладающему в современной шведской историографии, представляется странным, что шведские исследователи не рассматривали не только сообщение саги о принятии Рёгнвальдом условий его брака с Ингибьёрг или хотя бы о каком-то возможном соглашении, но и ситуацию в Вестерьётланде непосредственно перед прибытием туда Олава Шётконунга и основании епископской кафедры в Скара (в начале XI в.).

Если не принимать именно эту информацию как достоверную, необходимо было бы обратиться к ситуации в этой исторической об-

ласти в конце X — начале XI вв. Согласно общепринятому мнению, основанному на сообщениях Адама Бременского, «Списка христианских королей» и исландских саг, первым христианским королем Швеции был Олав Шётконунг. Он же считается основателем церкви и первой епископской кафедры в Скара, Вестергётланде, куда вынужден был оправиться после соглашения с язычниками в Свитьод. Логично было бы предположить, что место и область были им выбраны не совсем случайно. С точки зрения географического положения, действительно, Вестергётланд удобно расположен. Но при всех выгодах от местоположения этой территории, вряд ли было бы возможным проводить политику христианизации среди непримиримых язычников, как это неудачно происходило в Свитьод.

Именно в Вестергётланде Олав Шётконунг был крещен епископом Зигфридом (ок. 1007 г.) в источнике близ деревни Хусабу (SSL I: 298). Легенда о св. Зигфриде добавляет, что он крестился вместе со своей семьей, слугами, домочадцами и со всей дружиной (SRS II: 356). А Адам Бременский отмечает, что именно Вестергётланд был выбран конунгом как «лучшая область Швеции», где и «учредил церковь и христианство».

Следовательно, в конце X — начале XI вв. в Вестергётланде должны были произойти изменения в политической ситуации, позволившие без конфликтов (во всяком случае, острых и масштабных) обращать население в христианскую веру и создать соответствующие структуры церковной организации. И даже не располагая сообщением «Книги с Плоского острова», логично было бы предположить, что в это время в Вестергётланде велась какая-то деятельность, значительно активнее и шире, чем деятельность отдельных миссионеров.

Рёгнвальд, принимая крещение перед своей свадьбой, вернулся домой в Вестергётланд со своими спутниками (вероятно, дружиной), также крещеными, и священниками, отправленными Олавом Трюгвасоном «для крещения людей в Гаутланде и учению вере». Это не означает, что все жители Вестергётланда за короткое время были крещены. Но наверняка, при соглашении с ётской родовой знатью, поддерживающей деятельность ярла Рёгнвальда, шел процесс постепенного и, возможно, добровольного обращения в христианство населения Вестергётланда; кроме того, не могли не построить церковь для тех, кто уже был крещен.

Ситуации в Скандинавии, связанные с принятием христианской веры населением страны или отдельного региона, показывают два основных пути их разрешения. Либо это жесткая, последовательно про-

водящаяся верховным правителем, христианизация (как в Норвегии), либо компромиссная политика, позволяющая желающим придерживаться язычества наряду с христианством и добровольно принимать правую веру (как в Исландии). В случае с крещением Вестеръётланда представляется более вероятным второй путь. Это может быть обосновано тем, что для жителей Вестеръётланда принятие христианства могло служить своеобразным гарантом мира с Норвегией (аналогично ситуации с принятием христианства в Исландии), последующим учреждением первым крещеным королем Швеции Олавом Шётконунгом именно там церковной организации, и начавшимся многолетним противостоянием жителей Ётланда и Свеаланда в вопросах приверженности христианству или язычеству, где Вестеръётланд выполнял роль опорной территории для христиан.

Было бы неверно приписывать Рёгнвальду ведущую роль в христианизации Швеции. Но в результате, в том числе и его возможной деятельности, Вестеръётланд становится областью Швеции, особенно важной в политическом и культурном отношении.

Таким образом, в начале XI в. в Вестеръётланде получил распространение процесс христианизации, проходивший, в соотношении с другими областями Швеции, основательно и стабильно. В течение XI–XII вв. Вестеръётланд служил основной опорной базой для распространения христианства в Швеции. В это время сложились условия для формирования новых культурных традиций, связанных, прежде всего, с принятием христианства. Появились предпосылки для появления центров книжной культуры, так как распространение христианства сопровождалось знакомством и распространением латинского языка и латинского алфавита для письма на родном языке, как и в других скандинавских странах. Неслучайно именно в Вестеръётланде появляется первый в стране фиксированный текст норм обычного права — Старший Вестъёталаг (1225–1250 гг.).

¹ Вейбулль ошибается, говоря, что до XI в. свеи или Свитьод не встречаются в стихах скальдов (Weibull: 352). См.: «Перечень Инглингов» скальда Тьодольва из Хвинира (вторая половина IX в.); висы Торвальда Хьяльтасона (ок. 985 г.) (Skj. В. I: 10–12; 111).

² *Svíá gramr es framr* (Skj. В I: 267).

³ *mistak döglings Gauta* (Skj. В I: 268).

⁴ Перевод С.Д.Ковалевского (Ковалевский: 96).

⁵ Перевод О.А.Смирницкой (Круг Земной: 176).

⁶ Перевод приводится с сокращениями.

⁷ U 344: *in ulfr hafir onklati þru kialtakat þit uas fursta þis tusti ka — t þa — þurktil þa kalt knutr* (SR 7.2: 80). То есть, некий Ульф трижды был в Англии на службе у Тости, Торкеля и Кнута. С.Д.Ковалевский переводит надпись «Но Ульф собирал в Англии дань трижды. Первой была, которую платил Тости...» (Ковалевский: 87, прим.) Но в этом случае можно понимать так, что Тости, наряду с другими, платил дань Ульву. С учетом отождествления исследователями Тости со Скёгларом-Тости, Торкеля с хёвдингом йомсвикингов Торкелем Курганом, бывшем в Англии в 1009 г., а Кнута с Кнутом Великим, представляется странной ситуация с выплатой ими дани.

⁸ *Dis synd ða fríðmal 7 ða forword, ðe Æthelred cyng 7 ealle his witan wið ðone here gedon habbað, ðe Anlaf 7 Iustin 7 Guðmund Stegitan sunu mid wæron* (Liebermann: 220).

Источники и литература

История Швеции. М., 1974.

Ковалевский 1977 — Ковалевский С.Д. Образование классового общества и государства в Швеции. М., 1977.

Круг Земной 1980 — Снорри Стурлусон. Круг Земной / Издание подготовили А.Я.Гуревич, Ю.К. Кузьменко, О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. М., 1980.

Христианские короли Швеции — Три вестергётские хроники. Перевод С.Д.Ковалевского // Средние Века 45.

Flat. — *Flateyjarbók. En Samling af norske Konge-Sagaer med indskulde mindre Fortællinger om Begivender i og udenfor Norge samt Annaler / Guðbrand Vigfússon, C.R.Unger. Bd. I—III. Christiania, 1860—1868.*

Friesen — Friesen O., von *Historiska runinskrifter // Fornvännen* 4.

Heims kringla — Heims kringla eller Snorre Sturfusons nordländske konunga sagnar... / Ed. J. Peringskiöld. Stockholmiae 1697.

Liebermann 1903 — Die gesetze der angelsachsen / Hrsg. von F.Liebermann. Bd. 1. Halle, 1903.

Schück 1914 — Schück H. *Svenska folkets historia* 1:1. Forntiden och medeltiden. Lund, 1914.

Skj. 1967 — Jónsson Finnur. *Den Norsk-Islandske Skjaldedigtning. A I — B I (800—1200)*. København, 1967.

SLL — Svenska landskapslagar tolkade och förklarade för nutidens svenskar av Å.Holmbäck och E. Wessén, ser. 1—5. Stockholm, 1933—1946.

SR — Sveriges runinskrifter. Utg. av Kung. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien. Bd. 1 — 15. Stockholm, 1900 — 1981.

SRS — *Scriptores Rerum Svecicarum Medii Ævi*. Upsalliae, 1818—1876.

SSL — *Samling af Sweriges gamla lagar (Corpus juris sveo-gothorum antiqui)*. Udg. H.S.Collin och C.J.Schtuter. Bd. 1—13. Stockholm — Lund, 1827—1877.

Weibull — Weibull C. *Om det svenska och danska rikets uppkomst // Historisk Tidskrift för Skåneland*. VII. 1921.

БУСЫ КАК ЭЛЕМЕНТ ЖЕНСКОГО КОСТЮМА
ЭПОХИ ФОРМИРОВАНИЯ
ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА
(предварительное исследование)*

Стеклянные бусы относятся к массовым находкам на памятниках конца IX — начала XI вв., расположенных на территории Древнерусского государства. Они встречаются на поселениях, в кладах и в курганах (в основном в женских или парных захоронениях). В предлагаемой работе мной была сделана попытка систематизировать опубликованные данные о бусах, найденных в курганах X — начала XI вв.

Особенностью погребального обряда этого периода является погребальный биритуализм — наличие в одном могильнике погребений совершенных как по обряду труположения, так и по обряду трупосожжения (Жарнов 1998: 104). По материалам курганов, содержащих остатки трупосожжений, мы можем восстановить только состав ожерелья, часто только приблизительно, т. к. часть бус может быть оплавлена или полностью уничтожена. Иногда, в курганах с кремацией находят вещи, в т. ч. бусы, положенные в погребение после совершения обряда и они не несут следов горения (Кочкуркина, Линевский 1985: 42–43). Но насколько правомерно сопоставлять такой набор бус с костюмом сказать сложно. Более полную информацию о бусах, как о составной части костюма дают материалы погребений, совершенных по обряду труположения. В Шестовицах и Тимеревае они составляют одну четвертую часть от всех погребений, в Гнездово — одну треть (Жарнов 1998: 95; Блѣфельд 1977: 14; Ярославское Поволжье... 1963: 7). Эти погребения делятся на погребения в камерах и погребения в могильных ямах. Курганы с труположением датируются второй половиной X — началом XI вв., как и большинство курганов с трупосожжением. (Авдусин, Пушкина 1989: 203; Жарнов 1998: 99).

* Подготовлено при поддержке гранта РФФИ № 03.06.80061

В целом, количество курганов, содержащих бусы на древнерусских памятниках X — начала XI вв., сравнительно небольшое. В Ярославских могильниках в среднем около 13 % курганов содержат бусы, в Гнездовском — 11,3 %, в Шестовицком некрополе (по данным Д.И.Блифельда) — 24,3 %. Количество бус в Гнездовских курганах небольшое, так же как Шестовицах, в Киевском некрополе и Ярославских курганах. Одна треть курганов содержит 1–2 бусины, одна треть — 4–10 бусин. В оставшихся курганах бус больше десяти экземпляров, и в единичных случаях их количество доходит до сотни. Бусы встречены в основном в женских захоронениях, находки бус в мужских и детских погребениях — единичны (Фехнер 1963: 75; Лихтер, Шапова 1991: 249; Блифельд 1977: 55).

Количество женских погребений, содержащих бусы установить довольно сложно. Не удастся точно определить половозрастную принадлежность для погребений с бедным инвентарем и плохой сохранностью костяка или трупосожжением. Часто сами бусы служат маркером женского погребения. В Заольшанской курганной группе Гнездовского некрополя женские курганы — это почти все курганы с бусами (Каменецкая 1991: 164–176). Из 30 женских захоронений Тимеревского могильника определенных остеологами 14 не содержали бус (Ярославское Поволжье... 1963: 8, 98–125). Учитывая, что процент курганов, содержащих бусы колеблется от 11% до 24% мы можем предположить, что не все женские захоронения содержат бусы.

Чтобы понять, каким образом бусы входили в состав женского костюма мы должны обратиться к материалам из курганов с трупоположениями. К сожалению, в Гнездове и в Шестовицах многие костяки имеют плохую сохранность. Поэтому ориентация погребенного определяется по месту расположения бус и других украшений. Мной были проанализированы материалы Шестовиц, Тимерева и Заольшанской курганной группы Гнездова. Из 19 погребений с удовлетворительной сохранностью костяка в 12 бусы располагались «у шеи», «на груди» или «под челюстью». В трех случаях они были найдены «у черепа» (3 экз.), «у щеки» (2 экз.), «среди костей черепа» (1 экз.). В кургане 422 Тимеревского некрополя бусы были найдены у тазовых костей вместе с подвеской и крестиком. Вероятно, все ожерелье упало на тазовые кости. В трех погребениях Шестовицкого некрополя бусы были найдены у тазовых костей, в двух из них бусы найдены в сумке (Ярославское Поволжье... 1963: 98–125; Каменецкая 1991: 164–176; Блифельд 1977:

115—188; Станкевич 1962: 16—23). Итак, мы можем предположить, что бусы носили на шее в составе ожерелья. Бусы найденные у черепа (1—3 экземпляра) могли использоваться в качестве подвесок или серег (Лихтер, Шапова 1991: 250).

Если мы посмотрим на ситуацию, складывающуюся в соседних регионах, мы увидим, что в Волжской Болгарии, в Прикамье, на Южном Урале и Северном Кавказе население использовало бусы гораздо шире. Из бус составляли ожерелья и браслеты, ими расшивали одежду и головной убор. Среднее количество бус в погребениях на этих территориях превышало количество бус в древнерусских погребениях (Валиулина 1996: 135; Генинг, Халиков 1964: 59; Древности... 1941: 6, 47; Мажитов 1981: 58; Ковалевская 2000: 5).

Источником для изучения состава ожерелья служат курганы содержащие как остатки ингумации так и остатки кремации. Наборам бус в погребениях посвящен ряд работ таких исследователей как Ю.Л.Шапова, Ю.А.Лихтер, В.М.Попова, Р.Андреа, Й.Кальмер и др. (Лихтер, Шапова 1991; Попова 1980; Andrea 1975; Callmer 1977). В частности Р.Андреа выделил три вида комбинаций бус в ожерельях. Образцовая комбинация создается изготовителем или торговцем из синхронных бус, одинаковых по происхождению, бусы, составляющие ее, были куплены одновременно. Сборная комбинация состоит из бус разных по времени и по происхождению, и вероятно, она собиралась в течение определенного отрезка времени. Основная комбинация — это образцовая, дополненная другими типами бус. В древнерусских курганах X — начала XI вв. встречаются все три вида комбинаций. Сборные комбинации состоят как из каменных так и из стеклянных бус, изготовленных по различной технологии. Образцовые комбинации как правило состоят из бус, изготовленных из тянутой трубочки. В Гнездово это в основном желтые, золотостеклянные и серебростеклянные «лимонки» и многочастные пронизки. Самая большая образцовая комбинация из 50 подобных бус была найдена в кургане Ц-301 (Лихтер, Шапова 1991: 250). Подобные образцовые комбинации были найдены в Ярославских курганах и в Шестовицах.

В Гнездово, Шестовицах, Тимереве и Киевском некрополе находят бусы, нанизанные на колечко из серебрянной или золотой проволоки с завязанными концами. В Гнездово найдено несколько однобусиных проволочных колец, на которых помещена бусина, как правило, стеклянная и одно трехбусинное кольцо с двумя напусковыми круглы-

ми сердоликовыми и одной 14-гранной хрустальной бусиной. Т.А.Пушкина определяет их назначение по положению в погребениях (около черепа) как височные. Подобное расположение этих украшений прослежено в Киевском некрополе и в Бирке (Пушкина 1987: 53–54). В Тимеревском могильнике и погребении на Владимирской ул. в Киеве колечко с напускной стеклянной бусиной было найдено в составе ожерелья (Ярославское Поволжье... 1963: 103; Мовчан, Боровський, Гончар 2003: 117).

Традиционно считается, что большое количество бус встречается в богатых погребениях. Мной были рассмотрены наборы бус из 12 камерных погребений Гнездовского некрополя: Ц-84, Ц-86, Ц-171, Ц-212, Ц-290, Ц-301, Ц-306; Дн-40; ПОль-50, ПОль-62, ПОль-76 (Жарнов 1998: 95). Только в двух камерах было найдено несколько десятков бус: в погребениях Ц-212 (30 экз.) и Ц-301 (50 экз. - образцовая комбинация). В остальных камерах бусы найдены в количестве от 1 до 11 экз. Мы можем предположить, что большое количество бус (несколько десятков) не было обязательным элементом богатого женского костюма.

Бусы были найдены в 4-х камерных погребениях в Шестовицах: II/1925, 56/1958, XXV/1927, 6/1946 (Бліфельд 1977: 128–175; Станкевич 1962: 23). В кургане X/1925 (парное погребение) бус не найдено. В парных погребениях II/1925, XXV/1927 и 6/1946 — количество бус, найденных около женских костяков соответственно — 71 экз., 98 экз. и 90 экз. Основываясь на опубликованном описании находок можно предположить, что все три ожерелья состоят из бус, изготовленных из тянутой трубочки. С точки зрения Я.В.Станкевич в кургане 6/1946 вместе со знатным мужчиной погребена рабыня и единственным ее украшением было ожерелье из бус (Станкевич 1962: 28). Поскольку бусы из трубочки являются продукцией массового производства то, вероятно, они не были очень дорогими и можно было купить целое ожерелье таких бус. В кургане 56/1958 найдено одиночное погребение женщины, несомненно, занимавшей высокое положение в обществе, т.к. специально для нее была сооружена погребальная камера. Ожерелье на ней состояло из 30 бус, это сборная комбинация, включающая стеклянные и каменные бусы, и различные подвески. Это позволяет сделать предположение, что знатные женщины не носили большого количества недорогих однотипных бус, а предпочитали им сравнительно небольшие сборные комбинации из стеклянных и каменных бус.

В процессах, происходящих на территории формирующегося Древнерусского государства, участвовало славянское, финское, балтское и скандинавское население. Для скандинавских погребений, найденных в Гнездовском некрополе, с точки зрения Ю.Л.Шаповой и Ю.А.Лихтер характерны сборные комбинации, включающие как стеклянные, так и каменные бусы. Есть ожерелья, состоящие из одних каменных бус. Ю.Л.Шапова и Ю.А.Лихтер обращают внимание на сборную комбинацию из кургана Ц-198, в которой отсутствуют каменные бусы, но она включает в себя все разнообразие стеклянных (Лихтер, Шапова 1991: 250). Из 34 погребений Гнездовского некрополя, которые Ю.Э.Жарнов рассматривает как скандинавские, каменные бусы были найдены в 9-ти, в т. ч. в 2-х камерных из 12-ти (Жарнов 1991: 204—216). Рассматривая проволочные колечки с напусковыми стеклянными бусинами, Т.А.Пушкина находит аналогии подобному типу украшений среди материалов Бирки. В Гнездово бусы на металлическом колечке найдены в скандинавском погребении Ц-175 (кремация) и в двух камерах — Поль-76 и Ц-290. Четвертое колечко с бусиной найдено в могильной яме в кургане Ц-289, с височными кольцами (Жарнов 1991: 204—216). В некоторых курганах встречаются определенные типы бус, аналогии которым находят в основном в Скандинавии. В скандинавском погребении Ц-175 Гнездовского некрополя найдена сборная комбинация, состоящая из двойной пронизки, печеночной зонной бусины, четырех зонных зеленых бусин (одна из которых была надета на проволочное колечко) и одной крупной толстостенной кольцевидной бусины. Эта бусина относится ко второй подгруппе IV группы (по классификации З.А.Львовой), по Й.Калльмеру это тип B540T. На территории Древнерусского государства подобные бусы встречены пока только в Старой Ладого и Гнездове (Львова 1968: 78; Callmer 1977: B540T).

С точки зрения С.И.Кочуркиной особенностью финских ожерелий из курганов Приладожья и нескольких из Ярославских могильников является наличие в их составе металлических бронзовых бус-«флакончиков» — бус из тонкого бронзового листа, которые делались на глиняной основе. Они концентрируются на определенной территории. Район их наибольшего распространения — курганы у р. Ояти. Аналогии в небольшом количестве есть в ярославских могильниках (Кочуркина 1973: 27).

Никаких особенностей славянских ожерелий пока не выявлено.

В заключении мне хотелось бы еще раз остановиться на следующих моментах. Бусы на территории формирующегося Древнерусского государства в X — начале XI вв. носили в основном женщины, хотя бусы не являлись обязательным элементом женского костюма. Ожерелья были небольшими, в среднем от 3-х до 10-ти бусин. Женщины, занимавшие высокое положение в обществе по всей вероятности не носили ожерелий из большого количества недорогих однотипных бус, а носили ожерелья, являющиеся сборными комбинациями из каменных (хрустальных и сердоликовых) и стеклянных (в т. ч. дорогих полихромных) бус. Опираясь на исследования Ю.Л.Щаповой, Ю.А.Лихтер и Ю.Э.Жарнова, мы можем отметить, что такого рода сборные комбинации характерны для скандинавских погребений.

Литература

- Авдусин, Пушкина 1930 — Авдусин Д.А., Пушкина Т.А. Три погребальные камеры из Гнездова // История и культура Древнерусского города. М., 1989.
- Арциховский 1930 — Арциховский А.В. Курганы вятичей. М., 1930.
- Бліфельд 1977 — Бліфельд Д.І. Давньоруськи пам'ятки Шестовиці. Київ, 1977.
- Генинг, Халиков 1964 — Генинг В.Ф. Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге. М., 1964.
- Древности 1941 — Древности мордовского народа. Саранск, 1941.
- Жарнов 1998 — Жарнов Ю.Э. Гнездовские курганы с остатками труположения // Историческая археология. Традиции и перспективы. М., 1998.
- Жарнов 1991 — Жарнов Ю.Э. Женские скандинавские погребения в Гнездове // Смоленск и Гнездово. М., 1991.
- Жарнов 1992 — Жарнов Ю.Э. Погребальный обряд в Древней Руси по материалам Гнездовского некрополя. Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1992.
- Каменецкая 1991 — Каменецкая Е.В. Заольшанская курганный группа Гнездова // Смоленск и Гнездово. М., 1991.
- Кирпичников 2002 — Кирпичников А.Н. Производственный комплекс IX в. из раскопок Старой Ладogi. // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002.
- Ковалевская 2000 — Ковалевская В.Б. Компьютерная обработка массового археологического материала из раннесредневековых памятников Евразии. М., 2000.
- Кочуркина 1973 — Кочуркина С.И. Юго-восточное Приладожье в X—XIII вв. Л., 1973.

- Кочуркина, Линевский** 1985 — Кочуркина С.И., Линевский А.М. Курганы летописной веси. Петрозаводск, 1985.
- Лихтер, Шапова** 1991 — Лихтер Ю.А., Шапова Ю.Л. Гнездовские бусы. По материалам курганов и поселения // Смоленск и Гнездово, М., 1991.
- Львова** 1968 — Львова З.А. Стекланные бусы Старой Ладogi. Часть I. АСГЭ. Вып. 10. Л., 1968.
- Мажитов** 1981 — Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII—XII вв. М., 1981.
- Мастыкова** 1993 — Мастыкова А.В. Стекло Юго-Восточной Европы второй половины I тыс. н. э. Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1993.
- Мовчан, Боровський, Гончар** 2003 — Мовчан І., Боровський Я., Гончар В. Нові знахідки з дружинного некрополя Верхнього Києва // Дружинні сарожитності Центрально-східної Європи VIII—XI ст. Чернігів, 2003.
- Полова** 1980 — Попова В.М. Гнездовские бусы: Дипломная работа, защищенная в 1980 г. Рукопись хранится на кафедре археологии МГУ.
- Пушкина** 1987 — Пушкина Т.А. Височные кольца Гнездовского комплекса // Труды V международного конгресса славянской археологии. Т. III. Вып. 16. Секция V. М., 1987.
- Станкевич** 1962 — Станкевич Я.В. Шестовицкое поселение и могильник по материалам раскопок 1946 г. // КСИА № 87. М., 1962.
- Фехнер** 1963 — Фехнер М.В. Внешнеэкономические связи по материалам ярославских могильников // Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963.
- Хамайко** 2003 — Хамайко Н.В. Язичницькі старожитності Шестовицького дружинного курганного некрополю (X — початку XI ст.) (за матеріалами жіночих прикрас) // Дружинні сарожитності Центрально-східної Європи VIII—XI ст. Чернігів, 2003.
- Ярославское Поволжье** 1963 — Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963.
- Andrea** 1975 — Andrea R. Mosaikaugenperlen. Untersuchungen zur Verarbeitung und Datierung karolingenzetlicher Millefloriglasperlen in Europa // Acta Praehistorica et Archaeologica. № 4. 1973. Berlin, 1975.
- Callmer** 1977 — Callmer J. Trade beads and bead trade in Scandinavia ca. 800–1000 AD. Bonn; Lund, 1977.

ПОДВЕСКИ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ДРЕВНЕРУССКИХ КНЯЖЕСКИХ ЗНАКОВ

Памяти Глеба Сергеевича Лебедева

Серебряные, медные или костяные подвески, на одной или на обеих сторонах которых помешены древнерусские княжеские знаки, (далее — «геральдические подвески») являются важнейшим источником для изучения проблемы возникновения древнейшей русской геральдики и шире — проблемы становления древнерусской государственности. Эти памятники неоднократно привлекали внимание исследователей.

ИСТОРИЯ НАКОПЛЕНИЯ ИСТОЧНИКА

Первые находки геральдических подвесок стали известны в середине XIX в. В 1837 г. подвеска с изображением на одной из сторон трезубца, была найдена при раскопках могильника Айзкраукле Скривери (Kriuse 1842: Taf.16, 1b; Mugarēvičs 1994: 81, № 1) в низовьях Даугавы (Западной Двины). Несколькими годами позднее там же была найдена еще одна подвеска; поверхность ее, судя по опубликованному рисунку (Bāht 1850: Taf.XII, 5; Mugarēvičs 1994: 81, № 2), была настолько сильно корродирована, что изображение практически не читалось.

В конце XIX — первой четверти XX вв. были обнаружены девять геральдических подвесок — находки из могильников в нижнем течении Даугавы и в бассейне Гауи (Аллажи Сакнитнес, Лиелстраупе, Икшкилес Кабелес) (Mugarēvičs 1994: 81, № 3–5), из могильника Хилово в верховьях Волги (Гатцук 1904, табл. V, 6, 7, 9), а также подвески, найденные на городище Саласпилс Мартыньсала (Mugarēvičs 1994: 81, № 6), в окрестностях Киева, в Белгороде и Новгороде (ЛСА: 510, рис.14, табл. LIII, 1, LIV, 4).

Во второй половине 1930-х годов две подвески были найдены на городище Даугмале в нижнем течении Даугавы (Mugarēvičs 1994: 81, № 7–8). Тогда же стали известны подвески, найденные на Рюриковом

городище под Новгородом и в с. Прудянки на верхнем Днепре (Рыбаков 1940: 238–240).

В послевоенные годы число известных геральдических подвесок заметно увеличилось. На памятниках в бассейне нижнего течения Даугавы были найдены 19 подвесок: одна — при раскопках замка в Турайде, четыре — в могильнике Ишкилес, одна — в могильнике Саласписл Мартыньсала, две — на городище Кокнесе, шесть — в могильнике Раушу, две — в могильнике Липшу, две — в могильнике Лаукскола, одна — на городище Даугмале (Mugurēvičs 1994: 81, № 9–27). На территории древней Руси в эти же годы были обнаружены 6 подвесок: три — в Новгороде (Янин 1956: 158, табл. 5а; Молчанов 1976: 76, № 6; Янин 1982: 149), одна — в Пскове (Лабутина 1983: 21, рис.10), одна — в урочище Победище в Старой Ладогe (Петренко 1977: 58, рис.2, 7) и еще одна (по непроверенным сведениям) — в Гнездово (Шемаханская, Равич 2000: 62–64). Кроме того, по одной геральдической подвеске было найдено в Понеманье (на городище Каукай (Финно-угры и балты 1987: 456, табл. СXXXVII, 31)) и в Прикамье (в Рождественском могильнике близ Перми (Крыласова 1995: 192–197)).

В самое последнее время стали известны еще 11 предметов, которые могут быть с различной степенью достоверности причислены к числу геральдических подвесок. Две идентичные подвески были найдены при раскопках Кельгининского могильника в Мордовии. Медные подвески, найденные в Поозерье и на Передольском погосте, а также костяная подвеска из Новгорода поступили в фонды Новгородского музея. Две чрезвычайно близкие медные подвески из Киева находятся в частной коллекции. Медная подвеска была найдена при раскопках вала «окольного города» в Чернигове (Новик 2002: 159–161). Есть также сведения о находках геральдических подвесок в Смоленской и Суздальской земле и о подвеске, происхождение которой не установлено.

Таким образом, к началу XXI в. в научный оборот введено не менее 53 предметов, которые можно с разной степенью уверенности считать геральдическими подвесками. Ниже приводятся перечень известных подвесок. Поскольку видовые определения костей, из которых изготовлены костяные подвески, а также анализ сплавов, из которых изготовлены металлические подвески, не производился, для большинства предметов я привожу обобщенную характеристику материала — *кость, медь* (включая сплавы на ее основе) и *серебро* (включая биллон).

Бассейн нижнего течения Даугавы и Гауи'

1. Айзкраукле-Скривери, медь, раскопки могильника (рис. 1, 2) (Kruse 1842: Taf. 16, 1b; Mugurēvičs 1994: 81, № 1).
2. Айзкраукле-Скривери, медь, случайная находка на территории могильника (рис. 1, 1) (Bähr 1850: Taf. XII, 5; Mugurēvičs 1994: 81, № 2).
3. Лиелстраупе-Пурица, медь, погребение № 22, XII в. (рис. 2, 3) (Tõnisson 1966: joon. 2, 7; Mugurēvičs 1994: 81, № 3, Tab. 1: 1).
4. Аллажи-Сакнитес, медь, погребение № 4, XI–XII вв. (рис. 2, 1; 3) (Мугуревич 1965: рис. 34, 2; Mugurēvičs 1994: Tab. 1: 2; Знак Рюриковичей 1996: 32, фото справа; Tõnisson 1974, Abb. 21: 7; Тыниссон 1995: 9, фото слева).
5. Икшкилес Кабелес, медь, погребение № 23, XII–XIII вв. (рис. 6, 1) (Hausmann 1909: Abb. 17; Мугуревич 1965: рис. 34: 4; Mugurēvičs, 1994: 81, № 5, Tab. 1: 3; Tõnisson 1974: Abb. 28: 11).
6. Саласпилс Мартыньсала, медь, культурный слой городища (рис. 6, 2, 7) (Paulsen 1953: Abb. 245; Мугуревич 1965: рис. 34, 5; Mugurēvičs, 1994: 81, № 6, Tab. 1: 4).
7. Даугмале, медь, культурный слой городища (рис. 1, 3) (Мугуревич 1965: рис. 34, 6; Mugurēvičs 1994: 81, № 7, Tab. 1: 5).
8. Даугмале, серебро, культурный слой городища (рис. 9) (Paulsen 1953: Abb. 238; Мугуревич 1965: рис. 34: 1; Latvijas PSR arheoloģija 1974: Tab. 76, 12; Mugurēvičs 1994: 81, № 8, Tab. 1: 6).
9. Турайда, медь, культурный слой городища (рис. 2, 2) (Мугуревич 1965: рис. 34: 3; Mugurēvičs 1994: 81, № 9).
10. Икшкилес, медь, погребение № 19, XII–XIII вв. (Mugurēvičs 1994: 81, № 10, Tab. 1: 7).
11. Кокнесе, медь, культурный слой городища (Mugurēvičs 1994: 81, № 11, Tab. 1, 8).
12. Кокнесе, медь, культурный слой городища (Mugurēvičs 1994: 81, № 12, Tab. 1, 9).
13. Саласпилс Мартыньсала, медь, погребение № 6А, XIII в. (Mugurēvičs 1994: 81, № 13; Tab. 1: 10)
14. Икшкилес, медь, погребение № 22, XIII–XIV вв. (Mugurēvičs 1994: 81, № 14).
15. Икшкилес, медь, погребение № 350, XIII в. (Mugurēvičs 1994: 81, № 15).
16. Икшкилес, медь, случайная находка на территории могильника (Mugurēvičs 1994: 81, № 16).
17. Раушу, медь, погребение № 40, XII–XIII вв. (рис. 5, 2) (Latvijas PSR arheoloģija 1974: tab. 53, 15; Mugurēvičs 1994: 81, № 17).

18. Раушу, медь, погребение № 40, XII–XIII вв. (Mugurēvičs 1994: 81, № 18)
19. Раушу, медь, погребение № 45, XII–XIII вв. (Mugurēvičs 1994: 81, № 19).
20. Раушу, медь, погребение № 125, XIII в. (рис. 6, 4) (Šnore 1974, Tab. 11: 7; Mugurēvičs 1994: 81, № 20).
21. Раушу, медь, погребение № 125, XIII в. (Mugurēvičs 1994: 81, № 21).
22. Раушу, медь, погребение № 149, XII в. (рис. 4, 2) (Šnore 1974, Tab. 11: 8; Mugurēvičs 1994: 81, № 22).
23. Липшу, медь, погребение № 165, XII в. (рис. 4, 3) (Daiga 1976: Tab. 9, 31; Mugurēvičs 1994: 81, № 23).
24. Липшу, медь, погребение № 165, XII в. (рис. 6, 3) (Daiga 1976: Tab. 9, 30; Mugurēvičs 1994: 81, № 24).
25. Лаукскола, медь, погребение № 570, XII в. (рис. 8) (Zariņa 1976: Tab. 20; Mugurēvičs 1994: 81, № 25).
26. Лаукскола, медь, погребение № 578, XII–XIII вв. (рис. 5, 1, 3) (Zariņa 1988: Tab. 43; Mugurēvičs 1994: 81, № 26).
27. Даугмале, медь, культурный слой городища (рис. 4, 1) (Zemītis 2000: Tab. 2, 1; Mugurēvičs 1994: 81, № 27).

Древняя Русь

28. Новгород, медь, случайная находка (рис. 10, 2) (ЛСА: табл. LIV, 4; Лихачев 1930: 171–173, рис. 159; Орешников 1930: 94–95, табл. на с. 93, рис. 6; Рыбаков 1940: 238–239, рис. 33, 34; Молчанов 1976: 73–74, № 3, табл. II, 3а, 3б).
29. Новгород, серебро, Неревский раскоп, слой первой четверти XI в. (рис. 11, 1) (Янин 1956: 158, табл. 5а; Молчанов 1976: 70–72, № 1, табл. I, 1а, 1б).
30. Новгород, медь, Неревский раскоп, слой последней четверти XI в. (рис. 11, 4) (Молчанов 1976: 76, № 6, табл. II, 6а, 6б; Белецкий 1996б: 1–7).
31. Новгород, кость, Троицкий раскоп, слой третьей четверти X в. (рис. 12, 1) (Янин 1982: 149).
32. Новгород, кость, случайная находка (рис. 12, 3)²
33. Рюриково городище, медь, случайная находка (рис. 11, 5) (Рыбаков 1940: 238–240).
34. Победище, медь, погребение № 3, X–XI вв. (рис. 11, 3) (Петренко 1977; 1994: 82, рис. 43, 7; Белецкий 1996: 30).

- 35–36. Киев, медь, случайные находки (рис. 13, 1, 2).³
37. Окрестности Киева, медь, случайная находка (рис. 11, 6) (ЛСА: табл. LIII, 1; Лихачев 1930: 171–173, рис. 159; Орешников 1930: 94, 95, табл. на с. 93, рис. 5; Рыбаков 1940: 238–239, рис. 31, 32).
38. Белгород, медь, случайная находка (рис. 10, 1) (ЛСА: 510, рис. 14; Рыбаков 1940: 238–239, рис. 35, 36; Молчанов 1976: 74–75).
39. Прудянки, кость, раскопки могильника (рис. 12, 2) (Рыбаков 1940: 239–240, рис. 38).
40. Гнездово, серебро, случайная находка (рис. 14) (Шемаханская, Равич 2000: 62–64).
41. Поозерье, медь, случайная находка (рис. 15, 1).⁴
42. Передольский погост, медь, случайная находка (рис. 15, 2).⁵
43. Чернигов, медь, в основании насыпи вала окольного города, слой второй половиной X — начала XI вв. (Новик 2002: 159–161).
44. Окрестности Смоленска (?), медь (?), случайная находка (?).⁶
45. Окрестности Суздаля (?), серебро (?), случайная находка (?).⁷
46. Происхождение не установлено. Медь (?), случайная находка (?).⁸
47. Псков, медь, раскоп на ул. Ленина, слой XI в. (рис. 16) (Лабутина 1983: 21, рис. 10; Белецкий 1996а).

Верхнее Поволжье и Прикамье

48. Хилово, медь, курган № 3, XII–XIII вв. (рис. 17, 2) (Гатцук 1904, табл. V, 6).
49. Хилово, медь, курган № 19, XII–XIII вв. (рис. 17, 1) (Гатцук 1904, табл. V, 7, 9).
50. Рождественский могильник, серебро, погребение № 37, X–XI вв. (рис. 11, 2) (Крыласова 1995: 192–197; Белецкий, 1996в: 35–40).
51. Кельгининский могильник, медь, найдена в яме XX в., при рытье которой было уничтожено несколько погребений XI–XIII вв. (рис. 18, 1).⁹
52. Кельгининский могильник, медь, плакирована белым сплавом, происходит из засыпки погребения № 316, XII–XIII вв. (рис. 18, 2).¹⁰

Понеманье

53. Каукай, серебро, культурный слой городища (рис. 19, 1) (Финно-угры и балты 1987: 456, табл. CXXXVII, 31).

ИСТОРИЯ ОСМЫСЛЕНИЯ ИСТОЧНИКА

Кажется, М.Таубе первым сопоставил изображения на геральдических подвесках со знаками Рюриковичей (Таубе 1929: 117–132). Однако практически одновременно к аналогичному выводу пришли также А.В.Орешников (Орешников 1930: 94, 95; 1936) и Н.П.Лихачев (Лихачев 1930: 171–173): оба исследователя отмечали сходство знаков, изображенных на подвесках из Новгорода и Белгорода¹¹, со знаком на «Ярославле серебре». В комментариях к таблицам «Сфрагистического альбома» (ЛСА: 499, 500, 510, 511) Лихачев подчеркивал отличие подвески из Новгорода от подвески из окрестностей Киева: «Любопытная особенность (новгородской подвески — С.Б.) кресты или крестообразные украшения на вершине знака (на ножке трезубца — С.Б.)» (ЛСА: 510). В работе 1935 г. М.Таубе повторил (со ссылками на статью Орешникова) вывод о сходстве знаков на подвесках со знаками Рюриковичей (Таубе 1935: 478–488).

В статье 1940 г. Б.А.Рыбаков анализировал подвески из окрестностей Киева, Новгорода, Белгорода, а также с Рюрикова городища; у последней была воспроизведена только одна сторона (Рыбаков 1940: 238–240). Исследователь отметил сходство знаков на подвесках со знаком на монетах Ярослава Мудрого и полагал, что подвески являлись своего рода верительными знаками княжеских чиновников (Рыбаков 1940: 238, 239). Комментируя подвеску из с. Прудянки, Б.А.Рыбаков отметил, что «по форме она очень близка к киевской и белгородской подвескам... Знак вырезан на кости очень небрежно и без всяких орнаментальных деталей» (Рыбаков 1940: 239, 240, рис. 38). В контексте с подвесками исследователь рассматривал также ременные бляшки с изображениями растительного крина (Рыбаков 1940: 240, рис. 39, 40), полагая, что поясные наборы, украшенные подобного рода бляшками, могли принадлежать княжеским дружинникам (Рыбаков 1940: 240).¹²

Первой сводной работой, посвященной геральдическим подвескам, стало исследование П.Паульсена. В монографии 1953 г. Паульсен воспроизвел прорисовки восьми подвесок — из Саласпилса, Даугмале, Рюрикова городища, Новгорода, окрестностей Киева, Белгорода, Прудянок и Хилово, а в тексте упоминал также подвеску из Аллажи. Исследователь рассматривал интересующие нас предметы вместе с древнейшими русскими монетами, и полагал, что трезубец являлся родовым геральдическим символом русских князей. Изображения трезубца Паульсен считал стилизованным изображением сокола, являвшегося символом власти у германцев (Paulsen 1953: 166–174), и полагал, что

знак в форме трезубца являлся на Руси символом власти варяжской династии Рюриковичей

В 1968 г. опыт классификации и атрибуции геральдических подвесок предпринял В.П.Петренко¹³. Проанализировав литературу, посвященную знакам Рюриковичей, исследователь собрал воедино и прокомментировал 20 подвесок — из Айзкраукле, Аллажи, Икшкилес Кабелес, Саласпилса, Даугмале, Турайды, Кокнесе, Новгорода, Рюрика городища, окрестностей Киева, Белгорода и Хилово. Опираясь на находки подвесок в ливских и верхневолжских женских погребениях, Петренко отказался признать рассматриваемые предметы верительными знаками чиновников древнерусского княжеского аппарата. В качестве вероятных прототипов для геральдических подвесок Петренко рассматривал «трапециевидные привески, распространенные в финно-балтийском мире» и чудские образки, а сами подвески считал родственными сакральным знакам Приуралья и Сибири. Этот вывод исследователь повторил и в публикации Победищенской подвески: привлекая для находки аналогии из этнографии Приуралья и Сибири, Петренко не исключал что трезубцы, подобные изображенным на подвесках, «использовались в качестве сакральных и даже специальных женских знаков» (Петренко 1977: 58, 59; 1994: 82.).

В 1976 г. сводку металлических подвесок со знаками Рюриковичей опубликовал А.А.Молчанов. Исследователь подчеркнуто отказался от рассмотрения подвесок, «входящих в инвентарь небогатых женских погребений в бывших землях соседствовавших с Русью племен Прибалтики и Поволжья» (Молчанов 1976: 77), а костяную подвеску из Прудянок посчитал причисленной к числу геральдических подвесок по ошибке (Молчанов 1976: 77). Предметом детального изучения в работе Молчанова стали шесть подвесок — из Новгорода, Рюрика городища, окрестностей Киева и Белгорода (Молчанов 1976: 70–77).¹⁴ Одностороннюю подвеску из раскопок 1954 г. в Новгороде А.А.Молчанов вслед за В.Л.Яниным отнес «по нумизматическим аналогиям и данным дендрохронологии» ко времени княжения Владимира Святославича (Молчанов 1976: 72). Знаки на подвесках из окрестностей Киева, из Новгорода и из Белгорода исследователь атрибуировал, вслед за А.В.Орешниковым, Ярославу Владимировичу (Молчанов 1976: 75). Знаки на подвеске с Рюрика городища Молчанов отказался комментировать из-за плохой сохранности предмета (Молчанов 1976: 76), а знаки на подвеске из раскопок в Новгороде в 1956 г. посчитал декоративными композициями на тему трезубца Рюриковичей, сходными с мотивом растительного крина (Молчанов 1976: 76). Древнерусские

подвески Молчанов, вслед за Рыбаковым, признал верительными знаками официальных представителей великокняжеской власти (Молчанов 1976: 78–90) и сопоставил с печатями послов и купцов, упомянутыми в договоре Руси с Греками 944 г. (Молчанов 1976: 82–84). Подвески «утро-финских племен Прибалтики и Поволжья» исследователь считал местными подражаниями репрезентативным печатям-подвескам «ходивших через их земли русских купцов» (Молчанов 1976: 89). В более поздних работах А.А.Молчанов сопоставил древнерусские геральдические подвески с *jarategniġ* скандинавских саг и предположил, что традиция использования верительных знаков в дипломатической практике пришла на Русь из Скандинавии (Молчанов 1986; 1996).

В 1982 г. к оценке функционального назначения подвесок обратился В.Л.Янин. Комментируя найденные при раскопках в Новгороде деревянные цилиндры, использовавшиеся для опечатывания «собранных вирниками ценностей» (Янин 1982: 150), исследователь отметил: «Думаю, что трапециевидные подвески с изображениями княжеских знаков, объявленные А.А.Молчановым верительными знаками купцов, в действительности были верительными знаками вирников» (Янин 1982: 154). От обоснования гипотезы Янин воздержался.

В 1994 г. свод геральдических подвесок, найденных на территории Латвии, опубликовал Э.Мугуревич (*Mugurēvičs* 1994: 76–83; Знак Рюриковичей 1996¹⁵). Исследователь детально изучил 27 предметов, найденных в разные годы на памятниках низовьев Даугавы. Подчеркнув, что большинство учтенных подвесок найдено в женских и детских захоронениях, Мугуревич считал возможным рассматривать подвески в качестве символа высокого социального статуса погребенных женщин, которые носили такие подвески при жизни и могли передавать их из поколения в поколение (Знак Рюриковичей 1996: 32).

Последней по времени попыткой проанализировать древнерусские геральдические подвески стали работы автора, посвященные древнерусским княжеским знакам (Белецкий 1998а; 1998б; 2000; 2002; 2003). В этих работах я попытался проанализировать геральдические особенности знаков Рюриковичей X–XI вв., известных по изображениям на различных предметах, в том числе — на подвесках. Я подчеркивал, что у большинства подвесок на разных сторонах изображены различные знаки. Для большинства знаков были предложены варианты персонализации, а сами подвески я расценивал, вслед за Б.А.Рыбаковым и А.А.Молчановым, в качестве верительных знаков официальных представителей великокняжеской власти; при этом властные полномочия держатели подвесок, на мой взгляд, могли получать как от одного, так и от

двух князей. Подвеска, найденная при раскопках городища Каукай, осталась не комментирована. Подвеску из Пскова я, вслед за Молчановым (Молчанов 1986: 185), рассматривал в качестве современного фальсификата (Белецкий 1996а: 84–85, примеч. 23; 2000: 83). Относительно же подвесок-украшений, происходящих «из финно-угорских погребений XII в.» я высказывался осторожно: «Изображенные на них (подвесках — С.Б.) сильно стилизованные знаки напоминают парадные варианты знаков Рюриковичей X–XI вв. Эти памятники требуют специального анализа» (Белецкий 2000а: 83; 2003: 406).

Нетрудно заметить, что в большинстве работ, посвященных геральдическим подвескам, осмысление рассматриваемых предметов велось отдельно для подвесок, найденных в ливских землях, и для подвесок, происходящих с территории Древнерусского государства либо с территорий, так или иначе с Русью связанных. После М.Таубе и П.Паульсена, пожалуй, только В.П.Петренко попытался проанализировать совместно как собственно древнерусские подвески X–XI вв., так и подвески, происходящие из низовьев Даугавы и Гауи. Однако исходно скептическое отношение исследователя к оценке геральдических подвесок в качестве официальных верительных знаков, как представляется, резко сократило возможности поиска. Между тем, находки последних лет (в том числе — раскопки в могильнике Победище погребения с подвеской, проведенные самим Петренко) противоречат представлению о назначении геральдических подвесок служить исключительно принадлежностью женского убора.

Очевидно, что пришло время для новой попытки осмысления имеющегося источника. Ниже приводятся комментарии к известным подвескам. В тех случаях, когда персонификации тех или иных знаков были подробно рассмотрены в других работах, в тексте даются отсылки к этим работам. Поскольку видовые определения костей, из которых изготовлены металлические подвески, а также анализ сплавов, из которых изготовлены металлические подвески не производился, для большинства предметов я привожу обобщенную характеристику материала — *кость, медь* (включая сплавы на ее основе) и *серебро* (включая биллон).

ДРЕВНЕРУССКИЕ ПОДВЕСКИ X–XI вв.

К X–XI вв. можно отнести подвески № 8 и 28–43. Возможно, этим же временем датируются подвески № 44–46, однако до публикации предметов судить о них более определенно я не решаюсь. Вопрос о времени изготовления подвески № 47 пока остается открытым.

№ 40. Гнездово, серебро, случайная находка. Сторона «А»: «парадное» изображение двузубца, ножка соединена с основанием зубцов узлом-плетенкой. Сторона «Б»: изображение стяга.

Подвеска хранится в частной коллекции. По непроверенным сведениям, она происходит из подъемного материала в черте Гнездовского археологического комплекса близ Смоленска. М.С.Шемаханская и И.Г.Равич отметили, что подвеска, по сведениям владельца коллекции, найдена «на поле» и прошла антикварную очистку от окислов. Исследователи определили, что предмет изготовлен из низкопробного серебра и сохранил следы закисла меди, образовавшегося во время пребывания в земле. Тем самым установлено, что подвеска является археологическим предметом, а не новоделом (Шемаханская, Равич 2000: 62–64). По сочетанию знаков — двузубец на одной стороне и стяг на другой — ближайшей аналогией этой подвеске являются граффити на монете из клада у д. Погорельщина, сокрытого около 910 г. (Добровольский, Дубов, Кузьменко 1991: 139, № 72; Белецкий 2003: 385). Знак на стороне «А» у подвески мог принадлежать Рюрику († 879), Игорю Рюриковичу († 945), Святославу Игоревичу († 972), Ярополку Святославичу († 980) и (сугобо теоретически) даже Святополку Ярополчичу († 1019) (Белецкий 2003: 404, рис. 26). Чрезвычайное сходство изображения стяга на стороне «Б» с изображением стяга на подвеске с городища Каукай (см. ниже) позволяет с большой степенью вероятности считать, что подвеска из Гнездова была изготовлена в годы великого княжения Святослава Игоревича (945–972) или Ярополка Святославича (972–980). Правда, сходные изображения стяга зафиксированы среди граффити на восточных монетах (рис. 12, 2–3) (Нахалетян, Фомин 1994: 168, 170), причем ближайшей аналогией является стяг, процарапанный на дирхеме 916/17 г. из Клейменовского клада (рис. 12, 2), сокрытого в начале 920-х годов, то есть — в годы великого княжения Игоря Рюриковича.

№ 53. Каукай, городище, серебро, слой VIII–XIV вв. Сторона «А»: изображение двузубца с крестовидной ножкой. Сторона «Б»: изображение стяга, перекрытого схематичным изображением «турьего рога».

Подвеска найдена в верхнем слое городища Каукай в 1967 г., датированном VIII–XIV вв. (Куликаускас 1968: 266; 1970: 100). В «Археологии СССР» две стороны подвески были опубликованы как два разных предмета (Финно-угры и балты 1987: 456, табл. СХХХVII, 31).

Ближайшей аналогией знаку, изображенному на стороне «А», является двузубец с крестовидной ножкой (рис. 12, 4, 4а), вырезанный на деревянной бирке, происходящей из слоя 950–990-х гг. в Троицком раскопе Новгорода (Ковалев 2003: 37, рис. 1).

По сведениям Р.К.Ковалева, знак на новгородской бирке был персонифицирован В.Л.Яниным Ярополку Святославичу (†980) (Ковалев 2003: 38). Таким образом, В.Л.Янин отказался от первоначально высказанной гипотезы о принадлежности Ярополку двузубца, вырезанного на деревянном цилиндре № 7, происходящем из слоя 973–1051 гг. в Троицком раскопе (Янин 1982: 146–148, рис. 6; 2001: 95–96, 115). Вероятно, это справедливо, поскольку знак на цилиндре № 7 типологически вряд ли может быть датирован временем ранее XII в.: ближайшими аналогиями ему следует признать двузубцы в гончарных клеймах XII–XIII вв. из Киева (Каргер 1958: 443, рис. 123).¹⁶

Персонификация Ярополку Святославичу знака, изображенного на новгородской бирке и подвеске с городища Каукай, вступает в противоречие с высказанным ранее предположением, согласно которому Ярополк во второй половине 970-х годов пользовался родовым двузубцем, то есть — двузубцем с треугольной ножкой, лишенной каких бы то ни было дополнений (Белецкий 2003: 385–386). Однако это противоречие мнимое. Если считать, что право пользоваться родовым двузубцем Ярополк получил только после гибели Святослава (†972), то вопрос о лично-родовом знаке Ярополка в период ранее 972 г. остается открытым. Предполагая, что при жизни Святослава его старший сын пользовался двузубцем с крестовидной ножкой, верхней хронологической границей изготовления новгородской бирки оказывается 972 г. Очевидно, не позднее этого же времени была изготовлена и подвеска, найденная на городище Каукай.

В древнейших списках русских летописей (ЛЛ: 69; ИЛ: 57; НПЛ: 121) под 970 г. отмечено, что Ярополк Святославич был посажен отцом на киевском столе. Факт деятельности чиновника, представлявшего интересы Ярополка уже при жизни его отца, подтверждает, что властные полномочия Ярополка Святославича действительно были необычайно высоки. Полагаю, подвеска из городища Каукай свидетельствует о том, что Ярополк в отсутствие отца являлся не только фактическим, но и юридическим верховным правителем «державы Рюриковичей». В таком случае, нижней хронологической границей времени изготовления подвески следует признать 970 г.

№ 31. Новгород, кость, Троицкий раскоп, слой третьей четверти X в. Сторона «А»: изображение двузубца, позднее переделанного в трезубец. Сторона «Б»: изображение трезубца.

Подвеска найдена в слое третьей четверти X в. на Троицком раскопе Новгорода. Комментируя подвеску, В.Л.Янин писал: «На одной ее стороне изображен простой двузубец; впоследствии другая сторона была снабжена рисунком трезубца, а на знаке лицевой стороны дополнительно процарапан средний зубец, что было сделано очень легким штрихом. Поскольку дата слоя совпадает со временем перехода Новгорода от Святослава к Владимиру, а трезубец является, несомненно, тамгой Владимира, двузубец лицевой стороны может быть отнесен только к Святославу» (Янин 1982: 149). Действительно, подвеска найдена в слое 26 яруса Троицкого раскопа, формировавшимся в 954–973 гг. Однако на эти годы приходится не только момент перехода Новгорода от Святослава к Владимиру, но и самое начало великого княжения Ярополка Святославича. И так, как верхняя хронологическая дата подвески совпадает с началом великого княжения Ярополка, отмеченный факт переделки знака приобретает особое значение.

Разумеется, нет никаких оснований утверждать, что знаки на разных сторонах подвески одновременные. Напротив, тот факт, что дополнительный центральный зубец у трезубца «процарапан... очень легким штрихом», указывает на возможность иной реконструкции судеб подвески: первоначально на ее сторонах были размещены разные знаки, и только потом двузубец на одной из сторон был переделан в трезубец, аналогичный трезубцу на другой стороне. Таким образом, держатель подвески первоначально представлял интересы как владельца двузубца так и владельца трезубца, а впоследствии получал полномочия только от владельца трезубца, что и потребовало переделки двузубца на одной из сторон подвески в трезубец, аналогичный трезубцу на другой стороне.

Переделка знака на одной из сторон подвески, безусловно, свидетельствует об изменении характера власти, представлять которую был полномочен держатель подвески. Напомню, что на середину 970-х годов приходится борьба между Святославичами, завершившаяся гибелью в битве под Овручем Олега древлянского и бегством Владимира «за море» (ЛЛ: 74–75). Комментируя эти события, О.М.Рапов писал: «По-видимому, древлянские и новгородские наместники рассматривали свои земельные владения, полученные от отца, а не от старшего брата, как полную безусловную собственность... Узнав о сепаратистских тенденциях Олега и Владимира, Ярополк решил пресечь их в

корне. Ему удалось с помощью военной силы вернуть Руси отпавшие от нее земли» (Рапов 1977: 32–33).

Отмеченные изменения в полномочиях держателя подвески в полной мере соответствуют данной реконструкции событий 977 г. Сочетание на подвеске знаков Святослава и Владимира указывает на то, что держатель подвески вначале выступал полномочным представителем одновременно и великого киевского князя и его новгородского посадника; именно так должен был быть оформлен верительный знак чиновника, представлявшего Владимира Святославича в годы его правления в Новгороде от имени Святослава Игоревича. Переделка подвески произошла в тот момент, когда Ярополк Святославич сменил отца на киевском столе: заменив двузубец на трезубец, владелец подвески превратился в представителя исключительно Владимира Святославича (Белецкий 2003: 391–392).

№ 29. Новгород, серебро, Неревский раскоп, слой первой четверти XI в. Сторона «А»: «парадное» изображение трезубца с кинжаловидными боковыми зубцами, копьевидным центральным зубцом и треугольной ножкой. Сторона «Б»: изображение отсутствует, в нижней части подвески имеется надпись из пяти знаков.

Подвеска найдена в слое 1006–1025 гг. в Неревском раскопе Новгорода (Янин 1956: 158, табл. 5А; Молчанов 1976: 70–72). В знаке, изображенном на стороне «А», легко опознается парадный вариант трезубца Владимира Святославича. Полагая, что деятельность держателя подвески приходится на период великого княжения Владимира, время изготовления подвески можно было бы определять в пределах 980–1015 гг. Однако с учетом новонайденной подвески из Передольского погоста (см. ниже, № 42), наиболее вероятной верхней хронологической границей для подвески следует признать 988 г.

Особое внимание привлекает надпись на стороне «Б». Публикуя подвеску, В.Л.Янин не только не комментировал надпись, но даже не отметил, что сторона «Б» свободна от изображений (Янин 1956: 158). А.А.Молчанов не исключал, что надпись состоит из скандинавских рун, хотя и подчеркивал, что «специалисты-рунологи... не считают эту надпись рунической» (Молчанов 1976: 72). Не исключает того, что на подвеске процарапан ряд комбинированных рун, и Е.А.Мельникова (Мельникова 1977: 156–158). Однако, на мой взгляд, более убедительное чтение предложил Ю.К.Кузьменко. Считая, что надпись являлась не строчной, а колончатой, исследователь увидел в загадочных «рунообразных» знаках буквы кириллического алфавита

(ТЪНСТ) и полагал, что здесь имеет место аббревиатура, основанная на наименовании букв: Т(верда) З(емля) Н(аша) С(ело) Г(лаголи) (Кузьменко 1982: 247–251).

Как будто бы, сходным образом оформленная медная односторонняя подвеска (№ 43) была найдена «в основании насыпи вала над погребенным культурным слоем» окольного города Чернигова. Стратиграфически она датируется второй половиной X — началом XI вв. (Новик 2002: 160–161). Т.Г.Новик характеризует знак, изображенный на подвеске, следующим образом: «На лицевой стороне выгравировано изображение трезубца с плетеным мотивом в центре и как бы «проросшими» боковыми зубцами... Изображение трезубца ближе всего знаку Владимира Святославича на подвеске из Неревского раскопа в Великом Новгороде... Такой же трезубец известен по изображению на деревянном цилиндре, видимо, несколько более позднего времени» (Новик 2002: 160). Действительно, обе приведенные Т.Г.Новик аналогии представляют собой трезубцы, однако в первом случае имеется в виду «парадное» изображение трезубца Владимира Святого, а во втором — линейное изображение трезубца, близкое знакам типа «птичья лапа»¹⁷. Поскольку подробное описание таких деталей знака, как форма ножки и особенности завершения зубцов, в тезисах отсутствуют, детальный анализ находки следует отложить до публикации фотографии и/или прорисовки предмета.

№ 42. Передольский погост, медь, случайная находка, верхняя половина обломана¹⁸. Сторона «А»: «парадное» изображение трезубца с кинжаловидными боковыми зубцами и треугольной ножкой. Сторона «Б»: изображение процветшего креста.

Вершина центрального зубца у трезубца не сохранилась. Однако исключительная близость этого изображения и изображения трезубца на новгородской подвеске (№ 29) позволяет предполагать, что обе подвески сделаны одним мастером. Весьма вероятно, что центральный зубец трезубца на передольской подвеске также был копьевидным. Тогда он является парадным вариантом знака Владимира Святославича.

Судя по изображенному на стороне «Б» процветшему кресту, передольская подвеска была изготовлена после крещения Руси. Отсутствие на ней иных, кроме трезубца Владимира Святого, княжеских знаков позволяет полагать, что деятельность держателя подвески началась ранее, чем Владимир «посадил» своих сыновей по городам. В таком случае, наиболее вероятной датой изготовления подвески является 988 г.

№ 34. Победище, медь, погребение по обряду кремации. Сторона «А»: «парадное» изображение трезубца с кинжаловидными боковыми зубцами, копьевидным центральным зубцом и треугольной ножкой. Сторона «Б»: «парадное» изображение трезубца с крыловидными боковыми зубцами; вершина центрального зубца увенчана кружком, в котором помещено т.н. «сегнерово колесо»; ножка оформлена орнаментальной плетенкой и переплетением же соединена с основанием трезубца.

Подвеска происходит из погребения 3 сопки 1 в урочище Победище близ Старой Ладogi. В составе инвентаря погребения входили «семь металлических весовых гирек, бронзовые подтрапещиевидная подвеска и орнаментированная бляшка, четыре бусины, а также несколько окислившихся железных предметов» (Петренко 1977: 57).

В знаке на стороне «А» без труда опознается парадный вариант трезубца Владимира Святославича. Персонификация трезубца, изображенного на стороне «Б», требует комментария. По схеме ближе всего этому знаку изображения трезубца на монетах, чеканившихся от имени Ярослава Мудрого (Сотникова 1995: 114–117). Главным отличием знака на подвеске из Победища от знаков на «Ярославле серебре» является форма ножки: вместо привычной треугольной формы мы видим здесь сложную плетенку, соединяющую ножку с основанием трезубца. Теоретически можно было бы предположить, что усложнение ножки трезубца произошло в результате наследования знака одним из сыновей Ярослава Мудрого. Однако Илья Ярославич, умерший ребенком (†1020), при жизни деда не занимал самостоятельного княжеского стола, а прочие сыновья Ярослава родились уже после смерти Владимира Святого. Таким образом, знак на стороне «Б» подвески, с наибольшим вероятием, принадлежал сыну Владимира Святого, Ярославу Владимировичу (†1054). Сочетание на подвеске знаков Владимира Святого и Ярослава Мудрого ограничивает время изготовления подвески в пределах 988–1015 гг. Если же считать, что держатель подвески, похороненный близ Старой Ладogi, представлял здесь интересы Ярослава Мудрого в период пребывания последнего не на ростовском, а на новгородском столе, время изготовления подвески сужается до 1010–1015 гг.

Как будто бы, так же, как подвеска из Победища, оформлена еще одна подвеска происхождения которой не установлено (№ 46). Эти сведения пока остаются непроверенными.

№ 50. Рождественский могильник, серебро, погребение по обряду ингумации. Сторона «А»: «парадное» изображение трезубца с кинжаловидными боковыми зубцами, копьевидным центральным зубцом и треугольной ножкой. Сторона «Б»: «парадное» изображение «меча», переходящего в «молот Тора».

Подвеска, обнаруженная в мужском погребении № 37 Рождественского могильника в Прикамье. Н.Б.Крыласова датировала захоронение по составу погребального инвентаря X—XI вв. (Крыласова 1995: 192—193). По мнению исследовательницы, подвеска, происходящая из погребения, несет на одной стороне изображение трезубца Владимира Святого, а на другой — «изображение меча, соединенного с молотом бога Тора» (Крыласова 1995: 195). Комментируя это изображение Крыласова отмечает: «Знаки в виде мечей, имеющие военно-дружинный характер..., и молоты бога Тора, считающиеся скандинавским этническим индикатором..., встречаются довольно часто. Но изображение, в котором сочетаются меч и молот, на подвеске с Рождественского могильника является пока единственным. Возможно, что данный знак имеет для скандинавского мира значение, аналогичное знаку Рюриковичей для Руси» (Крыласова 1995: 196). Присоединившись к мнению Молчанова о назначении подвесок удостоверить официальный характер деятельности их держателей, исследовательница напомнила об упомянутом В.Н.Татищевым торговым договоре 1006 г., заключенном болгарами с Владимиром Святым: согласно этому договору болгары получили от Владимира печати для беспрепятственной торговли (Татищев 1963: 88, 89). Крыласова полагает, что погребение, из которого происходит подвеска, «является захоронением болгарского купца, одного из тех, кто в соответствии с договором 1006 г. имел право на получение подобных печатей для ношения» (Крыласова 1995: 196).

Безусловно, подвеска из Рождественского могильника занимает совершенно особое положение среди других геральдических подвесок X—XI вв.: на одной из сторон этой подвески размещен трезубец Владимира Святого, на другой стороне — изображение знака, не имеющего отношения к лично-родовым знакам Рюриковичей. Н.Б.Крыласова, на мой взгляд, права, рассматривая изображение меча-молота в качестве парадного варианта тамги, принадлежавшей этническому скандинаву. Знак «меч-молот» помещен на одной подвеске вместе со знаком Владимира, и, следовательно, держатель подвески выступал представителем одновременно и Владимира Святого, и владельца этого знака. Таким образом, владелец знака «меч-молот», во-первых, являлся современником Владимира Святославича, во-вторых, принадлежал к

числу выходцев из Скандинавии и, в третьих, обладал на Руси обширными полномочиями и статусом, равным статусу сыновей Владимира Святого. Вероятнее всего, этот человек так же, как и сыновья Владимира, занимал один из княжеских столов в пределах владений великого киевского князя. Ранее я предположил, что возможным владельцем знака, изображенного на стороне «Б», являлся Олав Трюгтвасон, обладавший статусом приемного сына Владимира Святого (Белецкий 1996в: 35–40).

№ 51. Кельгининский могильник, медь, из перекопа XX в. Сторона «А»: «парадное» изображение трезубца с «кинжаловидными» боковыми зубцами, причем левый зубец обращен вершиной «вверх», а правый — «вниз»; короткий центральный зубец имеет копьевидное завершение и опирается на овал, нижняя часть которого представляет собой треугольную ножку трезубца; овальная часть знака соединена с боковыми зубцами и основанием сложным плетением, дополненным свободно «повисающими» лентами. Сторона «Б»: «парадное» изображение трезубца с «кинжаловидными» боковыми зубцами; короткий центральный зубец имеет заостренную вершину, осложненную двумя симметричными пальметами, и опирается на овал, нижняя часть которого представляет собой треугольную ножку трезубца опирающуюся на крест; овальная часть знака соединена с боковыми зубцами и основанием сложным плетением, дополненным свободно «повисающими» лентами.

№ 52. Кельгининский могильник, медь, лакирована белым сплавом, из засыпки погребения № 316. Почти идентична подвеске № 43, отличается мельчайшими деталями декора.

Фотографии подвесок из Кельгининского могильника любезно предоставлены для издания А.А.Беговаткиным.

По форме подвески из Кельгининского могильника в Мордовии отличаются от других геральдических подвесок X–XI вв. наличием круглого выступа в нижней части подвески. Тем не менее, подлинность обеих подвесок сомнения не вызывает — обе они были найдены при раскопках одного и того же могильника и происходят из разрушенных погребений. Подвеска № 51 обнаружена в яме XX в., при рытье которой было уничтожено несколько погребений XI–XIII вв. Подвеска № 52 происходит из засыпки погребения № 316, датированного XII–XIII вв. (Беговаткин 2004).

Принцип «построения» знаков, при котором центральный зубец трезубца опирается на овал, являющийся одновременно и нижней частью зубца, и ножкой трезубца, хорошо известен: именно так «построены» трезубцы на сребренниках Владимира Святого (Белецкий 2003: 377, рис. 11), а также на печати Изяслава Владимировича († 1001) (Янин 1955; 1956; 1970: № 2; Белецкий 2003: 383, рис. 13: 2). Переплетение лент, соединяющих зубцы и основание знака, аналогично трезубцу, процарапанному на костяном предмете из Жовнина (Белецкий 2003: 392, рис. 19, 7), а также трезубцу в клеймах на плинфе Десятинной церкви в Киеве (Белецкий 2003: 410, рис. 29). «Повисающие» ниже основания трезубца концы лент соответствуют аналогичному элементу плетенки у трезубца из Жовнино, а рудименты повисающих концов лент фиксируются у двузубца, изображенного на костяном кружке из Саркела (Белецкий 2003: 393, рис. 20, 2). Сходный элемент, выполненный, однако, весьма неумело, имеется также у трезубца, процарапанного на фреске Софийского собора в Киеве (Белецкий 2003: 395, рис. 21, 1).

В знаке, изображенном на стороне «А», опознается трезубец Владимира Святого. Главное отличие этого изображения от других «парадных» трезубцев Владимира заключается в обратной ориентировке боковых зубцов. Тем не менее, эта особенность знака, хотя и крайне редка, но, все-таки, не уникальна: аналогичным образом развернуты зубцы двузубца, вырезанного на поверхности рогового кистеня из Новгорода (Артемьев 1990).

Трезубец, изображенный на стороне «Б» чрезвычайно близок трезубцу Владимира Святого. Основным отличием является форма ножки: у трезубца на кельгининских подвесках треугольная ножка опирается на крест. Ранее отмечалось, что изменение исходного знака путем усложнения формы ножки (добавление к треугольной ножке креста) может быть интерпретировано как отличие между знаками отца и старшего сына (Белецкий 2003: 393–395). Если эта гипотеза справедлива, то трезубец на стороне «Б» кельгининских подвесок, с наибольшим вероятием, принадлежал старшему сыну Владимира Святого, Вышеславу Владимировичу (†1010). В таком случае, время изготовления подвесок укладывается в интервал 988–1010 г.

Как будто бы, есть некоторые основания сузить дату. А.А.Беговаткин (Беговаткин 2004) полагает, что появление древнерусских геральдических подвесок в погребениях могильника, принадлежавшего средневековой мордве, явилось следствием торгового договора Владимира Святого с булгарами 1006 г. (Татищев 1963: 88, 89). Если это предпо-

ложение справедливо, время изготовления подвесок сужается до 1006–1010 гг. Плакировка подвески № 52 белым металлом, имитирующим серебро, как будто бы подтверждает сказанное: возможно, кельгининские подвески, как и подвеска из Рождественского могильника (см. выше) происходят из купеческих погребений.

№ 35. Киев (?), медь, случайная находка. Сторона «А»: «парадное» изображение трезубца с кинжаловидными боковыми зубцами, копьевидным центральным зубцом и треугольной ножкой. Сторона «Б»: «парадное» изображение якоревидного трезубца с отогнутыми наружу боковыми зубцами, крестовидным завершением центрального зубца и раздвоенной ножкой.

№ 36. Киев (?), медь, случайная находка. Чрезвычайно близка подвеске № 47, отличается мелкими деталями декора, а также оформлением контура нижней части подвески.

Две близкие (но не идентичные) подвески, опубликованные в Интернете (<http://www.uacollections.com.ua>),¹⁹ по непроверенным данным, происходят из Киева. В знаке на стороне «А» без труда опознается трезубец Владимира Святого. Исключительная близость этого изображения и изображений трезубца на новгородской (№ 29) и передольской (№ 42) подвесках позволяет предполагать, что все три подвески могли быть сделаны одним мастером.

Изображение на стороне «Б» можно было бы считать изображением якоря, подобно тому, как изображения на подвесках из Гнездова (№ 40) и городища Каукай (№ 53) расценивалось выше как изображение стяга. Тем не менее, здесь мы, вероятнее всего, имеем дело с парадным изображением знака, стилизованного под якорь. Близкородственные знаки известны на актовых печатах из Новгорода (Янин 1970: 166, № 3) и Белоозера (Янин, Гайдуков 1998: № 2826), а также на печати, поступившей в частную коллекцию в Москве через киевский антикварный рынок (Янин, Гайдуков 2000: 299, № 282в); знак на последней идентичен знаку на печати из Белоозера.²⁰ Подобные знаки зафиксированы в клеймах на кирпичах из Пятницкой церкви в Чернигове (Холостенко 1956: 287).

Знаки на печатах, вероятнее всего, являются производными от знака на киевских (?) подвесках. Действительно, у знака на печати из Новгорода отчетливо читаются рудименты раздвоенной ножки, но на боковых зубцах имеются отроги внутрь. Отроги вправо и влево обозначены на центральном зубце знака, помещенного на Белозерской печати и на печати, прошедшей через киевский антикварный рынок. Подоб-

ные же отроги на центральном зубце имеются у ряда знаков на кирпичках Пятницкой церкви. Вершины центрального зубца у знаков на печатях и на киевских подвесках также различаются между собой.

Оставляя пока открытым вопрос о владельце знака, помещенного на стороне «Б» киевских подвесок, хотел бы подчеркнуть, что знак этот теоретически должен принадлежать либо одному из сыновей Владимира Святого, либо одному из лиц, обладавших, подобно Олаву Трюгвасону, статусом приемного сына Владимира. При этом надо учитывать, что у владельца знака были потомки, деятельность которых материализовалась клеймами на кирпичках Пятницкой церкви в Чернигове, а властные полномочия отразились в печатях из Новгорода и Белоозера.

В любом случае, подвески из Киева были изготовлены при жизни Владимира, то есть — ранее 1015 г. С учетом же отмеченного сходства подвесок с подвесками из Новгорода и Передола, время изготовления киевских подвесок следует максимально сблизить с событиями 980-х годов.

Как будто бы, подвеска, аналогичная подвескам из Киева (?), но изготовленная из свинцово-оловянистого сплава, происходит из окрестностей Смоленска (№ 44); эта сведения пока остаются непроверенными.

№ 8. Даугмале, серебро, культурный слой городища. Сторона «А»: «парадное» изображение трезубца с «кинжаловидными» боковыми зубцами; центральный зубец опирается на овал, нижняя часть которого представляет собой треугольную ножку трезубца опирающуюся на крест; овальная часть знака соединена с боковыми зубцами и основанием сложным плетением. Сторона «Б»: «парадное» изображение трезубца; центральный зубец завершается кружком с точкой в центре и опирается на овал, нижняя часть которого представляет собой треугольную ножку трезубца; овальная часть знака соединена с боковыми зубцами и основанием сложным плетением, дополненным загнутыми вправо и влево «лентами», соединяющимися с углами основания трезубца.

№ 41. Поозерье, медь, случайная находка. Идентична подвеске № 8, вероятнее всего, отлита в той же форме.

№ 33. Рюриково городище, медь, случайная находка. Сторона «А»: «парадное» изображение трезубца; центральный зубец опирается на овал, нижняя часть которого представляет собой

треугольную ножку трезубца опирающуюся на крест; овальная часть знака соединена плетенкой с боковыми зубцами и основанием. Сторона «Б»: «парадное» изображение трезубца; вершина центрального зубца увенчана кружком, в котором помещено т.н. «сегнерово колесо».

Персонификация знаков, изображенных на подвесках, затруднена плохой сохранностью двух предметов из трех. Подвеска с Рюрикова городища сильно стерта. Вероятно, именно по этой причине на прорисовке стороны «А», опубликованной Б.А.Рыбаковым (Рыбаков 1940: 238–240) и повторно воспроизведенной П.Паульсеном (Paulsen 1953: 168, Abb. 239), показан двузубец, у которого вместо ножки изображена невнятная плетенка. В действительности, на стороне «А» этой подвески изображен трезубец, центральный зубец у которого почти совершенно стерт. Однако, сохранившийся фрагмент зубца позволяет утверждать, что вершина его не имела никаких дополнительных элементов. Достаточно определенно читается схема «построения» знака: центральный зубец опирается на овал, являющийся одновременно и нижней частью зубца, и ножкой трезубца. Наконец, хорошо видно, что треугольная ножка трезубца опирается на крест. Знак на стороне «Б» подвески также сильно стерт, поэтому детали плетенки восстановить не удастся. Тем не менее, здесь вполне отчетливо читается изображение трезубца с подтреугольной ножкой и кружком на вершине центрального зубца.

Прорисовка знаков на Даугмальской подвеске, дважды опубликованная Э.Мугуревичем (Мугуревич 1965: 87, рис. 34, 1; Latvijas PSR arheoloģija 1974: tab. 76, 12), была в упрощенном виде повторена в моих работах (Белецкий 2000а; 2002; 2003). Воспроизведенная в более поздней публикации фотография этой подвески (Mugurēvičs 1994: 77, Tabl.1, б) из-за плохой полиграфии издания не позволяла уточнить прорисовку. Лишь после того, как С.Е.Торопов любезно предоставил мне фотографию подвески из Поозерья, стало ясно, что прорисовка даугмальской подвески недостаточно точная. Теперь очевидно, что трезубец на стороне «Б», как и трезубец на стороне «А» изображен в «парадном» варианте: под ним нет никакой восьмеркообразной фигуры с каплевидным выступом (за нее были приняты загнутые вправо и влево ленты плетенки); центральный зубец завершается не шариком, а кружком с точкой в центре, то есть — точно так же, как и у трезубцев на «Ярославле серебре» (Сотникова 1995: 115–117).

Таким образом, знаки на подвесках из Даугмале, Поозерья и с Рюрикова городища одинаковы: на стороне «А» помещен трезубец Вышеслава Владимировича († 1010), а на стороне «Б» — трезубец

Ярослава Владимировича († 1054). Очевидно, что хронологические границы периода использования подвесок определяются в пределах от 988 (начало новгородского княжения Вышеслава и ростовского княжения Ярослава) до 1010 гг. (кончина Вышеслава). Сочетание знаков свидетельствует, что держатели подвесок в своей деятельности выступали представителями одновременно ростовского и новгородского князей.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что держатели подвесок выступали в своей деятельности от имени двух посадников Владимира Святого, занимавших княжеские столы, иерархически подчиненные Киеву. При этом деятельность держателей подвесок происходила при жизни Владимира Святого. Безусловно, такая ситуация требует, по крайней мере, комментария. Для этого целесообразно вернуться к вопросу о смысловом значении княжеских знаков, изображенных на подвесках.

Размещение на подвеске двух различных знаков свидетельствует о деятельности держателя подвески в качестве представителя двух князей одновременно. В том случае, когда один из знаков принадлежит великому киевскому князю, а другой — одному из его сыновей, занимавшему княжеский стол «из руки отца», властные полномочия держатель подвески получал одновременно и от главы государства, и от князя-посадника. Именно так была изначально оформлена костяная подвеска из Новгорода (№ 31). Точно так же были оформлены подвески из Победища (№ 34), из Рождественского (№ 50) и Кельгининского могильников (№ 51–52), возможно — подвески из Киева (№ 35–36).

Судя по тому, что обе стороны подвески были, фактически, равнозначными, речь, вероятно, должна идти о получении князем-посадником статуса соправителя великого князя, причем этот статус был ограниченным, распространяясь на территорию, переданную посаднику в управление. Тогда сочетание на верительном знаке лично-родовых эмблем великого князя и князя-посадника свидетельствовало о принадлежности держателя подвески к единому в масштабах «державы Рюриковичей» государственному аппарату (изображение лично-родового знака великого князя) и его полномочиях представлять князя-посадника (изображение лично-родового знака князя-посадника). По сути дела, речь может идти о деятельности держателя подвески в качестве представителя князя-посадника, полномочия которого определялись верховным правителем государства.

Комментируя новгородскую костяную подвеску (см. выше), я пытался показать, что выявленное «редактирование» верительного знака

материализовало собой нарушение сложившегося порядка распределения полномочий между верховной и местной администрациями. Если это справедливо, то появление в структуре княжеского аппарата чиновников, полномочных представлять двух князей-посадников, минуя великокняжескую администрацию, могло явиться следствием фронды старших сыновей Владимира Святого против отца. Действительно, истолкование княжеских знаков на подвесках № 8, 33 и 45 можно было бы свести к гипотезе о деятельности Вышеслава и Ярослава Владимировичей в качестве князей-соправителей Северной Руси, включавшей территории Новгородского и Ростовского княжеств. Теоретически такую возможность исключать, разумеется, не приходится, однако сведения о том, что новгородский и ростовский князья в какой-то момент объединились и отложились от Киева, в письменных источниках, как будто бы, отсутствуют.

С другой стороны, представительность имеющейся в нашем распоряжении серии подвесок свидетельствует о том, что зафиксированное на них сочетание знаков материализовало собой отнюдь не случайный эпизод в истории властных структур «державы Рюриковичей». Возможно, подвески эти свидетельствуют о том, что Вышеслав и Ярослав Владимировичи в отсутствие Владимира совместно отправляли обязанности главы государства, и были юридически объявлены великими князьями-соправителями. Если исходить из того, что соправителями являлись два старших сына Владимира Святого, велика вероятность отнесения этого события ко времени после смерти второго сына Владимира, Изяслава полоцкого, то есть — после 1001 г. В таком случае, время изготовления подвесок следует определять в пределах 1001–1010 гг.

№ 30. Новгород, медь, Неревский раскоп, слой последней четверти XI в. Сторона «А»: «парадное» изображение трезубца; центральный зубец опирается на овал, нижняя часть которого представляет собой треугольную ножку трезубца; овальная часть знака соединена с боковыми зубцами и основанием сложным плетением, дополненным свободно «повисающими» лентами; завершение центрального зубца ромбическое, вокруг ромба «сияние», в центре ромба просверлено сквозное отверстие; под ножкой изображены три шарика. Сторона «Б»: «парадное» изображение трезубца; центральный зубец опирается на овал, нижняя часть которого представляет собой треугольную ножку трезубца; овальная часть знака соединена с боковыми зубцами и основанием сложным плетением, дополненным свободно

«новисающими» лентами; завершение центрального зубца имеет вид шарика (сильно стертый кружок?), соединение которого с вершиной зубца повреждено сквозным отверстием.

Подвеска, найденная в слое 1076–1096 г. Неревского раскопа, сильно стерта от длительного ношения, ушко почти совсем протерто. Вероятно, именно по этой причине в верхней части подвески просверлено отверстие. Комментируя эту подвеску, А.А.Молчанов отказался от персонификации знаков: «Признать изображения на данной подвеске официальными княжескими эмблемами никак нельзя, несмотря на их иконографическую зависимость от последних. Перед нами, скорее всего, декоративные композиции «на тему» «трезубца Рюриковичей», столь сходного с мотивом растительного крина» (Молчанов 1976: 76). М.В.Седова отмечала, что подвеска «имеет двустороннее изображение княжеского знака, усложненного плетеными завитками», а от персонификации изображений воздержалась (Седова 1981: 36). В.Л.Янин детально подвеску не изучал, но в статье, посвященной деревянным цилиндрам из Новгорода, признал трезубцы на подвеске знаками Ярослава Мудрого (Янин 1982: 150).

Комментируя подвеску, я уже отмечал (Белецкий 1996б: 1–7), что на разных ее сторонах изображены различные знаки: несмотря на сильную декоративность изображения, в трезубце на стороне «А» опознается знак Мстислава Тмутараканского (†1034), а в трезубце на стороне «Б» — знак Ярослава Мудрого (†1054) (Белецкий 2003: 399). Таким образом, держатель подвески выступал в своей деятельности представителем двух сыновей Владимира Святого. Вероятнее всего, подвеска материализовала известное по летописям соправление Ярослава и Мстислава Владимировичей. Тогда она должна датироваться временем от 1026 г. (Городецкий мир, положивший начало дуумвирату Владимировичей) до 1034 (кончина Мстислава Владимировича) (Белецкий 2003: 400).

№ 37. Окрестности Киева, медь, случайная находка. Сторона «А»: «парадное» изображение трезубца; центральный зубец опирается на овал, нижняя часть которого представляет собой треугольную ножку трезубца; овальная часть знака соединена с боковыми зубцами и основанием имитацией плетенки; на боковых зубцах, под углами основания трезубца, а также по обе стороны от центрального зубца изображены кружки с точкой в центре; вершина центрального зубца увенчана изображением птицы, клюющей себе спину; по сторонам от ножки,

а также под ножкой изображены завитки, имитирующие плетенку. Сторона «Б»: «парадное» изображение трезубца; центральный зубец опирается на овал, нижняя часть которого представляет собой треугольную ножку трезубца, опирающуюся на крест; овальная часть знака соединена плетенкой с боковыми зубцами и основанием, дополненным загнутыми вправо и влево «лентами»; вершина центрального зубца увенчана кружком в виде спирали; на боковых зубцах, а также по обе стороны от центрального зубца изображены кружки с точкой в центре; по обе стороны от ножки на месте соединения треугольной части с крестом изображены кружки.

Комментируя знаки на подвеске А.В.Орешников персонифицировал их Ярославу Мудрому (Орешников 1930: 94–95). Н.П.Лихачев уверенно считал трезубцы на подвесках древнерусскими княжескими знаками: «Сродство (трезубцев — С.Б.) с так называемым знаком «рода Рюриковичей» не подлежит ни малейшему сомнению» (ЛСА: 499). Однако полной уверенности в том, что знаки на подвеске принадлежали именно Ярославу Владимировичу, у исследователя не было. В комментарии к знаку на стороне «Б» Лихачев отмечал: «Один из вариантов знака, находящегося на древнейших русских монетах. Схематизируя его до основных форм, мы получим фигуру, напоминающую стилизованный знак на «Ярославле серебре»... В изображении на подвеске знак осложнен орнаментальными закруглениями и завитушками» (ЛСА: 499). Комментируя знак на стороне «А» Лихачев не исключал, что здесь изображен тот же трезубец, что и на стороне «Б», однако подчеркивал различия между знаками: «Изображение того же знака с небольшим изменением в орнаментальных украшениях, но на средней части знака на оконечности (на вершине центрального зубца — С.Б.) вместо шара из спирали изображена птица (подчеркнуто Н.П.Лихачевым — С.Б.), клювом чистящая перья за приподнятым крылом» (ЛСА: 499).

А.А.Молчанов признал трезубцы, изображенные на подвеске из окрестностей Киева, а также на подвесках из Новгорода (№ 28) и Белгорода (№ 38), знаками Ярослава Мудрого: «Более или менее существенные отличия в деталях (знаков на подвеске и на монетах Ярослава — С.Б.) связаны с тем, что штемпели для серебрянных Ярослава большего веса изготавливались профессиональным резчиком печатей, а подвески — несомненно ремесленниками-ювелирами... Кроме различия в стиливых истоках трактовки «трезубца» Ярослава на его монетах и подвесках, следует принять во внимание их явную разновременность, ибо выпуск «Ярославля серебра», по всей видимости, совпал с

началом борьбы новгородского князя за великокняжеский «стол», а рассматриваемые подвески играли роль верительных знаков только сидевших в Киеве великих князей» (Молчанов 1976: 75).

Полагаю, в оценке трезубцев, изображенных на подвеске из окрестностей Киева, прав Н. П. Лихачев, специально подчеркивавший различия между этими знаками и трезубцем на «Ярославле серебре»: при общем сходстве знаков, помещенных на подвеске, со знаком Ярослава Владимировича, от последнего они оба отличаются геральдически значимыми деталями. На стороне «Б» у подвески помещено изображение трезубца, отличающегося от трезубца Ярослава крестовидным завершением треугольной ножки. Ранее я персонифицировал этот знак старшему сыну Ярослава Мудрого (Белецкий 2003: 401).

Знак на стороне «А» представлен трезубцем, вершина центрального зубца у которого завершается стилизованным изображением птицы. Этот знак отличается на один элемент от трезубца Владимира Святого, причем отличие совершенно аналогично отличию от знака Владимира трезубцев его сыновей — Изяслава, Ярослава и Мстислава (Белецкий 2003: 401). Таким образом, знак, помещенный на стороне «А» у подвески из окрестностей Киева, принадлежал вероятнее всего, еще одному сыну Владимира Святого, брату Изяслава, Ярослава и Мстислава Владимировичей.

Несмотря на более или менее определенно установленное соотношение знаков на подвеске с уже персонифицированными княжескими знаками, осмысление трезубцев представляет известную трудность. Решение проблемы непосредственно зависит от геральдических особенностей трезубцев на подвесках из Новгорода (№ 28) и Белгорода (№ 38). Поэтому к проблеме хронологии подвески из окрестностей Киева и к персонификации изображенных на ней знаков вернемся после характеристики новгородской и белгородской подвесок.

№ 28. Новгород, медь, случайная находка. Сторона «А»: «парадное» изображение трезубца, обращенного зубцами вниз; центральный зубец опирается на овал, нижняя часть которого представляет собой треугольную ножку трезубца, опирающуюся на крест; овальная часть знака соединена с боковыми зубцами и основанием сложным плетением, дополненным свободно «повисающими» лентами; центральная часть подвески сильно стерта, поэтому кружок на вершине центрального зубца только угадывается, вокруг кружка следы «сияния». Сторона «Б»: «парадное» изображение трезубца, обращенного зубцами вниз; центральный

зубец опирается на овал, нижняя часть которого представляет собой треугольную ножку трезубца, опирающуюся на крест, поверх креста помещено схематическое изображение птицы; овальная часть соединена с боковыми зубцами и основанием сложным плетением, дополненным свободно «повисающими» лентами; центральный зубец увенчан кружком с точкой.

№ 38. Белгород, медь, случайная находка. Практически идентична подвеске № 28.

Воспроизведенная в моих работах (Белецкий 1998а; 1998б; 2000; 2002; 2003) прорисовка подвески № 28 сделана по фотографии из статьи А.А.Молчанова (Молчанов 1976: 74, табл. II, рис. 3А, 3Б), заимствованной им из «Сфрагистического альбома» Н.П.Лихачева (ЛСА: табл. LIV, 4). Подготавливая настоящую статью, я сравнил фотографию в публикации Молчанова с оригиналом Лихачева. Выяснилось, что при переиздании фотография была ретуширована, что привело к серьезному искажению изображений. У трезубца на стороне «А» за увенчанную шариком вершину центрального зубца ретушер принял фрагмент «сияния», заполнявшего пространство над почти совершенно стертым кружком, увенчивающим вершину центрального зубца. У знака на стороне «Б» сплошной линией обозначено основание трезубца, в то время как на фото в таблице «Сфрагистического альбома» видно, что линия основания трезубца не сплошная — ее пересекают «ленты» плетения. При ретушировании знака на стороне «Б» была также изменена форма ножки трезубца. В результате я неверно схематизировал знак на стороне «Б», а это, в свою очередь, привело к ошибкам в интерпретации подвесок.

Исправляя ошибку, воспроизвожу на рис.6 фотографии обеих подвесок из «Сфрагистического альбома». На этих фотографиях видно, что обе подвески сильно стерты. Тем не менее, очевидно, что знаки на обеих сторонах практически одинаковы: оба трезубца повернуты зубцами вниз; вершины центральных зубцов увенчаны кружками; овальная часть знака соединена с боковыми зубцами и основанием одинаковым плетением, дополненным свободно «повисающими» лентами; треугольные ножки завершаются крестами. Если не считать принципиальным разные контуры «лент» по обе стороны от ножки трезубца, то главное отличие между знаками заключается в наличии у ножки трезубца на стороне «Б» дополнительного элемента — схематичного изображения птицы.

Очевидно, что трезубец, изображенный на стороне «А», аналогичен трезубцу на стороне «Б» у подвески, найденной в окрестностях Киева.

Если этот знак действительно принадлежал старшему сыну Ярослава Мудрого, то речь должна была бы идти об Илье Ярославиче, занимавшем новгородский княжеский стол в 1019–1020 гг.

В период княжения Ильи Ярославича в Новгороде, на политической сцене Руси, кроме Ярослава и Мстислава Владимировичей, оставался всего один их брат — Судислав псковский. Следовательно, знак на стороне «А» подвески из окрестностей Киева должен быть персонифицирован именно ему. В таком случае, держатель подвески выступал представителем новгородского и псковского князей, а юридическую силу подвеска имела на рубеже второго и третьего десятилетий XI в. Идеальная сохранность подвески из окрестностей Киева свидетельствует о том, что эта подвеска была в употреблении достаточно короткое время. Это соответствует кратковременному пребыванию малолетнего Ильи (†1020) на новгородском столе. Однако сильная стертость подвесок из Новгорода и Белгорода свидетельствует о длительном их ношении, что противоречит такой персонификации знака.

По-видимому, трезубец на стороне «Б» у подвески из окрестностей Киева и на стороне «А» у подвесок из Новгорода и Белгорода с большим основанием может быть персонифицирован Владимиру Ярославичу, второму сыну Ярослава Мудрого, посаженному на новгородский стол в 1034 г. в возрасте 14 лет. В тот момент Владимир являлся старшим среди Ярославичей, так что усвоение ему знака «старшего сына» представляется весьма вероятным. Замечу, что персонификация знака на стороне «А» у подвески из окрестностей Киева остается неизменной вне зависимости от того, Илье или Владимиру приписывается знак на стороне «Б» этой подвески, поскольку в период княжения Владимира Ярославича в Новгороде, из братьев Ярослава Мудрого в живых оставался только Судислав псковский.

Наличие у знака на стороне «Б» подвесок из Новгорода и Белгорода изображения птицы, сидящей на ножке перевернутого трезубца, не позволяет расценивать знаки на разных сторонах этих подвесок как полностью идентичные. Однако считать изображение птицы элементом, усложняющим форму ножки, кажется, не приходится: при размещении трезубца зубцами вверх изображение птицы оказывается перевернутым.

В то же время, изображение птицы, нельзя считать и случайным: напрашивается сопоставление его с изображением птицы на вершине центрального зубца у трезубца Судислава Владимировича. Не означает ли это, что Владимир Ярославич, будучи новгородским князем, одновременно контролировал также и псковский княжеский стол, а вклю-

чение в его трезубец геральдически не мотивированного изображения птицы было призвано засвидетельствовать преемственность власти, перешедшей к Владимиру после ареста Судислава?

Напомню, что подвески из Новгорода и Белгорода сильно стертые, то есть — они длительное время находились в употреблении. Это соответствует восемнадцатилетнему периоду новгородского княжения Владимира Ярославича — с 1034 до 1052 гг.

№ 39. Прудянки, кость. Сторона «А»: «парадное» изображение трезубца. Сторона «Б»: не опубликована.

Публикуя подвеску из с.Прудянки на верхнем Днепре Б.А.Рыбаков отмечал, что «по форме она очень близка к киевской и белгородской подвескам... Знак вырезан на кости очень небрежно и без всяких орнаментальных деталей» (Рыбаков 1940: 240, рис.38). Рыбаков не исключал, что подвеска «из далекого сельского кладбища» является «результатом какой-нибудь фальсификации, произведенной в далеком лесном углу Смоленского княжества еще в то время, когда право носить подвеску с княжеским знаком было сопряжено с известными выгодами» (Рыбаков 1940: 240).

А.А.Молчанов, изучавший предмет в фондах ГИМ, подчеркивал, что подвеска «оказалась случайно поцарапанной с обеих сторон» и причислена к рассматриваемой группе памятников ошибочно (Молчанов 1976а: 77).

Мне пока не удалось осмотреть подвеску из Прудянок de visu, однако на прорисовке Б.А.Рыбакова достаточно определенно читается трезубец Владимира Святого, причем не схематичный, как это полагал Рыбаков, а «парадный» хотя и изображенный крайне неумело. К сожалению, вторая сторона подвески остается не опубликованной.

№ 32. Новгород, кость, случайная находка. Сторона «А»: контурное изображение двузубца без ножки, над размещена крестообразная фигура, образованной двумя перпендикулярными рядами точек, верхняя и нижняя части вертикального ряда ограничены трапециевидными фигурами (нижняя разомкнута). Сторона «Б»: поясок геометрического орнамента, над которым размещена крестообразная фигура, образованной двумя перпендикулярными рядами точек, стороны «креста» ограничены разомкнутыми трапециевидными фигурами.

Массивная костяная подвеска, происходящая из случайных находок, хранится в фондах Новгородского музея; публикуемая прорисовка

была выполнена Ю.М.Лесманом. Отмечу, что знак на стороне «А» лишен «парадности» точно так же, как и на костяной подвеске из Троицкого раскопа в Новгороде (№ 31).

Обращает на себя внимание отсутствие у двузубца на подвеске ножки. Подобные знаки по опубликованным памятникам X—XI вв. мне не известны, если не считать двузубца без ножки, изображенного на подвеске из Пскова (см. ниже, № 47). Однако двузубцы и трезубцы без ножек встречаются, хотя и не часто, на предметах XII—XIII вв. (Белецкий 2001а: 90—91, 96).

Мне уже приходилось отмечать, что именно форма ножки изменялась при наследовании отцовского знака старшими сыновьями, в то время как младшие сыновья сохраняли при наследовании форму ножки у отцовского знака без изменений. Таким образом, отсутствие у двузубцев или трезубцев ножки свидетельствует об особом положении, которое занимали владельцы этих знаков.

Вероятно, можно сразу же исключить предположение о присвоении знака, лишенного ножки, незаконнорожденным сыновьям. Владимир Святой, сын Святослава от рабыни, был, как известно, вообще лишен права пользоваться родовым двузубцем, и ему уже при жизни отца был усвоен знак в форме трезубца. Таким образом, принцип передачи родового знака бастарду был иным.

Наследование знака без ножки посмертным сыном (то есть — сыном, родившимся после смерти отца) так же вряд ли возможно. Как ни относиться к гипотезе о вероятном использовании Святополком Ярополчицем (посмертным сыном Ярополка Святославича) родового двузубца (Белецкий 2003: 387), княжеский знак Святополка, зафиксированный на монетах, имеет не только зубцы (правда, несимметричные), но и ножку.

Маловероятным представляется усвоение знаков без ножки лицам, получившим статус «усыновленного». Если справедливо истолкование знака «меч-молот» на подвеске из Рождественского могильника (№ 50) в качестве знака этнического скандинава, получившего статус приемного сына Владимира Святого, то получение такого статуса не влекло за собой права на родовой знак.

Но если знаки, лишенные ножки, вообще не могли принадлежать князьям, то наиболее вероятными владельцами таких знаков оказываются княгини, пользовавшиеся упрощенными версиями княжеских знаков своих мужей.²¹ Судя по исключительной редкости знаков без ножек, случаи их использования были крайне редки. Иными словами, употребление княгинями лично-родовых знаков династии Рюрикови-

чей в каждом конкретном случае было вызвано экстраординарными обстоятельствами.

Возвращаясь к двузубцу, процарапанному на костяной подвеске из Новгорода, рискну предположить, что этот знак мог принадлежать святой равноапостольной Ольге Российской (†969), жене Игоря Рюриковича. Тогда изготовление подвески можно было бы относить к 945 г., когда Ольга овдовела (ЛЛ: 55; ИЛ: 43).

Но заметим, что на стороне «Б» у подвески изображена крестообразная фигура, которую при некотором воображении можно считать четырехконечным крестом, основанием для которого служит пояс геометрического орнамента. Если так, то аналогией для подвески № 32 можно считать подвеску № 42, сторона «Б» у которой также занята изображением креста, а время изготовления подвески № 32 следует отнести ко времени после крещения Ольги. Летописи сообщают об этом событии под 955 (ЛЛ: 60–61; ИЛ: 49–50; НПЛ: 113–115) или 957 г. (НЛЛ: 41–42), причем последняя из дат согласуется с одной из двух возможных дат описания приема Ольги в Константинополе, содержащегося в «Книге о церемониях византийского двора» (Литаврин 1981а: 42–44; 2000: 360–364). Вторая возможная дата — это 946 г., причем Г.Г.Литаврин убежден в том, что описанный прием состоялся именно в 946 г. и Ольга в это время оставалась язычницей (Литаврин 1981а; 1981б; 1986; 1989). Мнение Литаврина оспорил А.В.Назаренко, полагавший, что летописное сообщение о крещении Ольги и описание приема фиксируют одно и то же событие, произошедшее в 957 г. (Назаренко 1989; 1992; 1995).

Вне зависимости от того, две (946 и 957 гг.) или же одну (955 или 957 г.) поездку совершила в Константинополь Ольга (Древняя Русь 1999: 117–122), оснований для пересмотра даты крещения княгини, содержащейся в русской летописи, пока нет.²² Вероятно, 955 (957) г. и следует определять нижнюю дату подвески. Верхняя же дата подвески не выходит за пределы 969 г.

№ 47. Псков, медь, раскоп на ул.Ленина, слой XI в. Сторона «А»: двузубец без ножки; на правом зубце отрог наружу; вокруг знака рубчатая орнаментальная рамка. Сторона «Б»: двузубец с треугольной ножкой; на правом зубце отрог в виде крестика; вокруг знака рубчатая орнаментальная рамка.

По сведениям И.К.Лабутиной, подвеска найдена в раскопе 1976 г. на Старом рынке Пскова, изготовлена из золотистой бронзы в технике литья, гравировки и чеканки (Лабутина 1983: 17, рис. 10 на с. 21). Со

ссылкой на информацию в сборнике «Археологические открытия» за 1976 г. (Лабутина, Кильдюшевский, Шапова 1977: 24) исследовательница подчеркивала, что предмет происходит «из слоя XI в. непосредственно над песчаным материком», и связывала находку с одним из разрушенных в древности погребений Псковского некрополя (Лабутина 1983: 17).

И.К.Лабутина подробно комментировала знаки, изображенные на подвеске²³:

«На одной стороне изображен двузубец прямолинейных очертаний с отрогом вправо на правом зубце. На другой — двузубец прямолинейных очертаний с треугольным выступом внизу и крестом с правой стороны правого зубца...

Двузубец с отрогом не имеет аналогий. Он очень прост и даже не содержит обычного для знаков великокняжеской киевской традиции выступа внизу (имеется ввиду ножка знака — С.Б.). Отрог справа усложняет этот строгий вариант двузубца.

Знак с треугольным выступом (ножкой — С.Б.) не знает точной аналогии, но иконографически близок знакам, приписываемым Святополку Ярополковичу (Окаянному) и известным на его серебрениках (Янин 1956: 166; 1970: 38–40, рис. 3, нижний ряд; Молчанов 1976: 86, 87, табл. III, 10, 13, 15). Основные конструктивные элементы знака на подвеске и тамги Святополка совпадают, но кресты расположены на разных зубцах (на тамге Святополка — слева) и в несколько иной композиции (на знаке Святополка зубец завершается крестом, на знаке подвески он примыкает к зубцу снаружи). Возможно, это второе различие принципиального значения не имеет. Первое — принципиально. Если бы подвеска выполняла роль прикладной печати (Молчанов 1976: 89), несомненно была бы принадлежность данного знака Святополку Окаянному (или его отцу Ярополку?) (Ширинский 1968: 218, рис. 3, б). Но такое функциональное использование вызывает сомнение, так как изображение вырезано неглубоко. Остается предположить, что знак на подвеске мог принадлежать близкому родственнику Святополка. С.С.Ширинский именно такой представляет тамгу Олега Святославича, дяди Святополка (Ширинский 1968: 218, рис. 3, в), но выполненная реконструкция может быть правдоподобной лишь при условии, если все выносные значки в тамге Святополка — действительно разновидности одного отплетныша, а не дополнительные орнаментальные детали (Янин 1970: 39). Кроме того, возникает вопрос, мог ли знак с явно христианской эмблемой принадлежать лицам, христианство которых остается сомнительным (Ярополк и Олег Святославичи). Можно также согласиться с В.Л.Яниным, что едва ли знак,

подобный тамге Святополка Окаянного, был конструктивно близок знакам сыновей Владимира Святославича (Янин 1970: 39, 40).

При очевидной общей основе (двузубец) не устанавливается и соотношение между знаками на обеих сторонах подвески, кроме общего заключения, что генеалогически они были связаны. Вероятно, двузубец с отрогом старше» (Лабутина 1983: 17–18).

Вскоре после публикации И.К.Лабутиной, свое мнение о псковской подвеске высказал А.А.Молчанов, полагавший, что в этом предмете опознается современный фальсификат (Молчанов 1986: 185). Возможно, именно по этой причине в исследовании Н.Н.Малышевой, посвященном псковскому некрополю, геральдическая подвеска вообще не упомянута, хотя исследовательница включила в свою работу большинство предметов, происходящих из слоя разрушения курганов (Малышева 2004: 18–28).

В работе посвященной начальной истории Пскова я поддержал мнение А.А.Молчанова, отметив, однако, что осмысление находки следует отложить «до новых, более или менее надежных находок» (Белецкий 1996а, 85, примеч.23). И хотя новые находки, подтверждающие подлинность псковской подвески, за прошедшие годы так и не появились, сама подвеска, безусловно, заслуживает подробного комментария.

И.К.Лабутина права, полагая, что «выяснить, какому князю (каким князьям) принадлежали изображенные знаки и что должно означать их сочетание на одном предмете, пока затруднительно» (Лабутина 1983: 17). Однако этот вывод следует не только из приведенных выше обширных комментариев исследовательницы. Хотя знаки на обеих сторонах подвески лишены «парадности», что сближает псковскую подвеску с костяными подвесками из Новгорода (см.выше, № 31–32), от всех известных в настоящее время геральдических подвесок псковская находка принципиально отличается не только изображениями знаков, аналогии которым среди доступного геральдического материала не известны, но и самим оформлением подвески. В частности, знаки на сторонах этой подвески окружены орнаментальными рамками, на других подвесках отсутствующими.

Комментируя в работе 1996 г. двузубцы, изображенные на псковской подвеске, я последовательно перебрал возможные варианты истолкования знаков (Белецкий 1996: 84–85). Представляется целесообразным повторить и, отчасти, уточнить высказанные ранее соображения.

У двузубца на стороне «А» отсутствует ножка, а правый зубец осложнен отрогом наружу. Подобный знак не мог принадлежать ни Рюрику, ни Игорю Рюриковичу, ни Святославу Игоревичу, ни Яро-

полку Святославичу, ни Святополку Ярополчичу. Предположив, что родовой двузубец лишился ножки при наследовании отцовского знака младшим сыном, двузубец без ножки можно было бы атрибутировать Улебу Игоревичу или Олегу Святославичу. Однако наличие на правом зубце отрога свидетельствует, что знак на псковской подвеске следовало бы соотносить не с владельцем двузубца без ножки, а, по крайней мере, с его сыном. Сведения о потомках как Улеба, так и Олега в источниках, кажется, отсутствуют. В другой работе я персонифицировал Олегу Святославичу двузубец, треугольная ножка которого была дополнена раздвоением (Белецкий 2003: 389–390).

Если верна высказанная выше (комментарий к подвеске № 32) гипотеза о принадлежности знаков без ножки княгиням, то знак на стороне «А» псковской подвески мог бы принадлежать княгине одного из младших сыновей Рюрика или Игоря,²⁴ например — Улеба Игоревича. Из посольского перечня договора 944 г., кстати, известно, что Улеб был женат, а В.Н.Татищев даже сообщает имя его жены (Белецкий 2001б: 16–23). Однако при такой персонификации нам пришлось бы допустить, что княжич при наследовании знака изменил отцовский двузубец путем прибавления к правому зубцу отрога наружу. Однако, подобная трансформация родового двузубца не известна не только для знаков X–XI вв., но и для двузубцев XII–XIII вв. Кроме того, приняв предложенное допущение, нам пришлось бы также предположить, что принцип добавления на зубце отрога наружу появился уже в конце IX–X вв., затем на протяжении длительного времени не применялся, а вновь вошел в геральдическую практику только в XII в., причем — применительно к трезубцам. Такая реконструкция представляется излишне громоздкой.

У двузубца на стороне «Б» правый зубец осложнен крестовидным отрогом наружу. Этот знак можно с известной степенью гипотетичности соотнести со знаком на т.н. «таманском брактеате» (Орешников 1936: 85, табл. I, 17). Действительно, крестообразный отрог наружу на правом зубце знака на псковской подвеске теоретически сопоставим с крестовидным правым зубцом двузубца на «брактеате». Если согласиться с датировкой «брактеата» X–XI вв. и считать, что крестообразный отрог адекватен крестовидному зубцу, то двузубец на стороне «Б» псковской подвески следовало бы считать знаком неизвестного письменным источникам брата Святополка Ярополчича.²⁵ С учетом того, что Святополк являлся посмертным сыном Ярополка, речь, очевидно, должна была бы идти о старшем брате Святополка. Но в этом случае

мы должны были бы допустить, что неизвестный источникам старший Ярополчич скончался еще при жизни отца, поскольку в противном случае именно он стал бы после убийства Ярополка законным наследником великого киевского стола. Подобная цепочка допущений представляется мне маловероятной. Кроме того, двузубец с крестовидным левым зубцом стал лично-родовым знаком Святополка Ярополчича только во втором десятилетии XI в., а в конце X в. князь пользовался родовым двузубцем (Белецкий 2001в: 103–108; 2003: 387–388). С учетом же того, что знак на «таманском брактеате» находит себе аналогии среди лично-родовых знаков русских князей XII–XIII вв. (Белецкий 2001а: 130, табл.18, З), изложенные соображения теряют фактическое основание.

Имеется еще один, правда — сугубо гипотетический, путь идентификации владельцев княжеских знаков, изображенных на псковской подвеске. В тексте сообщения о смерти братьев Рюрика, содержащемся в хронике М. Стрыйковского, отмечено, что Синеус умер в Белоозере бездетным, в то время как для Трувора, скончавшегося в Пскове, такая оговорка отсутствует (Strykowski 1846: 113–115). Не является ли это сообщение косвенным подтверждением того, что по смерти Трувора в Пскове оставались потомки князя?²⁶ Предполагая, что знак в форме двузубца являлся родовым символом не только самого Рюрика и его потомков, но также предков Рюрика, мы не можем исключать того, что знаки на псковской подвески принадлежали представителям другой ветви рода — потомкам Трувора. Однако сведения о потомках Трувора в источниках, как будто бы, отсутствуют (кроме, может быть, посольского перечня в договоре 944 г. (Белецкий 2001г: 26)), так что поиски в этом направлении пока представляются мне в известной степени умозрительными.

Завершая комментарий к псковской подвеске, я вынужден повторить свой прежний вывод: до новых, более надежных находок (или, по крайней мере, до появления новых гипотез) этот предмет следует отнести к числу сомнительных.

ЛИВСКИЕ ПОДВЕСКИ XII–XIII вв.

Подвески, происходящие с территории низовьев Даугавы и Гауи, Э.Мугуревич разделил на два основных типа (типы II и III), каждый из которых объединяет чрезвычайно сходные предметы (Mugurēvičs 1994: 81; Знак Рюриковичей 1996: 31–32).

Подвески «типа II»

№1–4, 7, 9, 13–15, 17–21, 23, 26, 27, 48. Сторона «А»: «парадное» изображение трезубца с «кинжаловидными» боковыми зубцами; центральный зубец опирается на овал, нижняя часть которого представляет собой не вполне отчетливую треугольную ножку трезубца; овальная часть знака соединена с боковыми зубцами и основанием сложным плетением; верхняя часть овала дополнена завитками; вершина центрального зубца увенчана кружком, окруженным «сиянием», соединение кружка с зубцом не вполне отчетливое. Сторона «Б»: пространство заполнено геометрическим орнаментом типа «елочка».

Подвески типа II (к их числу следует отнести также подвеску № 48) представляют собой отливки, выполненные в разных формах, но почти наверняка изготовленные по общему оригиналу. В пользу такого вывода свидетельствуют, с одной стороны, исключительное сходство декора, а, с другой стороны — различные размеры подвесок: расхождения в длине между разными экземплярами достигают 9 мм (от 47 мм у подвески № 9 до 56 мм у подвесок № 17, 18 и 20)²⁷. Если считать, что подвески изготавливались в формах, полученных путем оттиска по глине готовых изделий, то разные размеры объясняются изменением глиняных форм при обжиге.

Особенностью абриса подвесок являются ярко выраженные выступы в верхней части; эти выступы иногда называют «плечиками», что, на мой взгляд, не совсем точно. Еще одна особенность подвесок — наличие древнерусского княжеского знака только на стороне «А», в то время как сторона «Б» занята геометрическим орнаментом типа «елочка». Исключением является подвеска № 27: судя по опубликованной прорисовке (Zemītis 2000: Tab. 2, 1), обе стороны у этой подвески соответствуют стороне «Б» на прочих подвесках типа II.

В знаке на стороне «А» опознается парадный вариант трезубца Ярослава Мудрого. Главными отличиями знака на подвесках от трезубца Ярослава Владимировича являются не вполне отчетливая ножка, контуры которой на большинстве экземпляров скорее угадываются, нежели читаются, а также плохая проработка центрального зубца в месте его соединения с кружком. Наиболее отчетливо ножка и центральный зубец трезубца читаются на прорисовке подвески № 26 (Zariņa 1988: Tab.43). На прорисовке подвески № 17 зубец имеет фигурную форму, причем кружок на его вершине с основной частью зубца уже не

соединяется. На фото (Тыниссон 1995: 9, фото слева) и на прорисовке (Tönnisson 1974, Abb. 21: 7) подвески № 4, опубликованных Э.Ю.Тыниссоном видно, что соединение овальной части центрального зубца с кружком на его вершине не вполне отчетливые, так что не удивительно, что на прорисовке той же подвески, изданной Э.С.Мугуревичем (Мугуревич 1965: рис. 34: 4), центральный зубец вообще не обозначен. Складывается впечатление, что обе детали знака — и ножка, и верхняя часть центрального зубца в месте соединения его с кружком — были отчетливыми на подвеске, послужившей оригиналом для самых первых копий, однако при последующем тиражировании подвесок эти детали в качестве значимых не осознавались.

Подвески «типа III»

№ 5, 6, 10–12, 16, 22, 24 и 25. Сторона «А»: «парадное» изображение трезубца, обращенного зубцами вверх; центральный «фигурный» зубец опирается на овал, нижняя часть которого представляет собой не вполне отчетливую треугольную ножку трезубца; верхняя часть овала дополнена завитками; пространство вокруг верхней части центрального зубца заполнено «сиянием»; овальная часть знака соединена с боковыми зубцами и основанием сложным плетением, дополненным фрагментарно входящими в площадь подвески свободно «повисающими» лентами. Сторона «Б»: «парадное» изображение трезубца (?), обращенного зубцами вниз; боковые зубцы «крыловидные»; в основании центрального зубца два завитка, симметричные раздвоенной ножке, над завитками размещена круглая выпуклость, к вершине центральный зубец расширяется и переходит в рельефный орнамент, заполняющий все пространство между зубцами.

Подвески типа III, также как и подвески типа II, представляют собой отливки, выполненные в разных формах, которые были почти наверняка изготовлены по общему оригиналу. В пользу такого вывода свидетельствуют исключительное сходство декора, но различные размеры подвесок: расхождения в длине между разными экземплярами достигает 4 мм (от 52 мм у подвески № 5 до 56 мм у подвесок № 22 и 24). Особенностью абриса подвесок являются округлая верхняя часть и ярко выраженные плечики при переходе к боковым граням.

Знаки, сходные с древнерусскими княжескими знаками, изображены на обеих сторонах подвесок типа III. На стороне «А» размещен

трезубец, напоминающий знак Владимира Святого. Отличительной чертой знака является фигурное изображение центрального зубца, не находящее себе аналогий среди известных «парадных» трезубцев Владимира Святославича.

Схематизация знака на стороне «Б» представляет известную трудность из-за расхождения в деталях между изданными прорисовками подвесок. На прорисовке подвески № 24 (Daiga 1976: Tab. 9, 30) и фотографии подвески № 6 (Mugurēvičs 1994: 79, Tab. 1, 4) у знака отчетливо читается центральный зубец, причем в месте соединения этого зубца с основанием имеются два завитка, симметричные раздвоенной ножке. Над завитками имеется круглая выпуклость, очень похожая на выпуклости, помещенные на центральном зубце трезубца на некоторых ранних монетах Владимира Святого (Сотникова 1995: 19–45; Белецкий 2003: 371, рис. 5). Наконец, выше круглой выпуклости зубец расширяется, занимая все пространство между боковыми зубцами. На прорисовке подвески № 20 (Споре 1974, Tab. 11, 7) и на фотографии подвески № 10 (Mugurēvičs 1994: 79, Tab. 1, 7) собственно центральный зубец у знака на стороне «Б» отсутствует, но в пространстве между боковыми зубцами отчетливо читаются рудименты центрального зубца: завитки, симметричные ножке, круглая выпуклость и расширение вершины. На прорисовке (Мугуревич 1965: рис.34, 4) и фотографии (Mugurēvičs 1994: 79, Tab. 1, 3) подвески № 5 центральный зубец у знака также отсутствует: пространство между зубцами занято рельефным орнаментом. Однако в этом орнаменте угадываются и завитки, симметричные ножке, и рудимент круглой выпуклости, и расширение вершины.

Полагаю, что на стороне «Б» подвески-оригинала, послужившей основой для самых первых отливок, был изображен трезубец, а при последующем тиражировании подвесок центральный зубец трезубца был переосмыслен в рельефный орнамент, заполнивший пространство между боковыми зубцами. Именно такой путь трансформации исходного знака соответствовал бы трансформации трезубца Ярослава Мудрого, предложенной для знака на подвесках типа II.

Заметим, что конструктивно трезубец на стороне «Б» не имеет ничего общего с «парадными» трезубцами X–XI вв. Складывается впечатление, что для этого знака характерна не «парадная», а линейная форма, и «парадный» облик был придан ему исключительно для стилистического единства подвески. В таком случае, аналогии ему следует искать среди княжеских знаков XII–XIII вв.

Если считать сугубо декоративными такие элементы знака, как утолщение на центральном зубце, и завитки на месте соединения

центрального зубца с основанием, симметричные ножке, то знак может быть схематизирован в виде трезубца с раздвоенной ножкой, отогнутыми наружу боковыми зубцами и вертикальным центральным зубцом; вершина последнего, впрочем, могла иметь Т-образное или раздвоенное завершение.

В настоящее время известно несколько трезубцев, которые можно было бы считать родственными этому знаку. Трезубец с отогнутыми наружу боковыми зубцами, вертикальным центральным зубцом и раздвоенной ножкой зафиксирован в клеймах на плинфе из Борисоглебского собора в Смоленске (Рыбаков 1940: 247, рис. 67; Раппопорт 1999: табл. II, 3). По мнению П.А.Раппопорта, знак может быть безусловно персонифицирован Ростиславу Мстиславичу смоленскому (†1167), (Раппопорт 1999: 5). Возможно, Ростислав смоленский действительно являлся заказчиком храма (Раппопорт, Воронин 1979: 37–39), хотя прямого указания на этот счет в летописи и нет (НПЛ: 27). Однако в клеймах на плинфе из Борисоглебского собора на Смядыни встречены знаки, по крайней мере, еще трех типов, так что безусловность персонификации Раппопорта мнимая: в число донаторов храма-усыпальницы Смядынского монастыря входили по крайней мере четыре князя, причем — принадлежащие к разным ветвям рода Рюриковичей²⁸.

Сходно оформленный трезубец, отличающийся от трезубца из Борисоглебского собора вертикальными боковыми зубцами и раздвоенной вершиной центрального зубца, зафиксирован на «плоских кирпичиках с Киевского Подола» (Рыбаков 1940: 247, рис. 68).

Определенное сходство со знаком на стороне «Б» ливских подвесок имеет знак на шитке перстней, изготавливавшихся в формочке из Киева (Рыбаков 1940: 238, фото; Белецкий 2001а: табл. 70, 1) завершение центрального зубца у этого знака раздвоенное, а ножка — Т-образная. Раздвоенное завершение центрального зубца имеет трезубец с каплевидной (треугольной, обращенной острием вверх?) ножкой на роговом кистене из Саркела (Белецкий 2003: 415–416, рис. 32–33, знак «Г»), а также, возможно, фрагментированный знак «Б» на половинке рогового кистеня из Минска (Белецкий 2003: 413, рис. 31). Во всех перечисленных случаях датировки знаков, как будто бы, не выходят из XII в. Оставляя открытым вопрос о персонификации знака, помещенного на стороне «Б» ливских подвесок типа III, подчеркну: владелец этого знака, безусловно, принадлежит к числу русских князей, живших в XII в.

На первый взгляд, сочетание на одной подвеске знаков Владимира Святого и его потомка лишено смысла — хронологический разрыв между кончиной Владимира Святославича и рождением князя, при-

надлежащего, ориентировочно, к VIII–X колену рода Рюриковичей, превышает два столетия. Однако нетрудно заметить, что знак на стороне «А» у подвесок типа III не является в полном смысле слова трезубцем Владимира Святославича: это, скорее, парафраз на тему лично-родового знака Владимира Святого. Нельзя ли расценить знак на стороне «А» как обобщенное свидетельство принадлежности владельца знака на стороне «Б» к правящей на Руси династии. В таком случае, определяющим для датировки оказывается знак на стороне «Б», а изготовление оригинала, послуживший основой для тиражированных подвесок, следует относить к XII в.

Верхневолжская подвеска XII в.

№ 49. Хислово, медь, кург. 19, погребение по обряду ингумации, (№ 49). Сторона «А»: «парадное» изображение трезубца с отогнутыми наружу завершениями боковых зубцов; центральный зубец опирается на овал, нижняя часть которого представляет собой треугольную ножку трезубца; овальная часть знака соединена с боковыми зубцами и основанием сложным плетением, дополненным свободно «повисающими» лентами; центральный зубец имеет заостренную вершину, осложненную двумя симметричными пальметами. Сторона «Б»: S-видный знак с центральным перекрестием.

Стороны у подвески оформлены в совершенно различном стиле: в то время как на стороне «А» помещено «парадное» изображение трезубца, на стороне «Б» изображен знак линейных очертаний.

В знаке на стороне «А» угадывается трезубец Владимира Святого. Главными отличиями от классического «парадного» трезубца Владимира Святославича являются симметрично размещенные на центральном зубце завитки, а также отогнутые наружу завершения боковых зубцов. Однако, сходные завитки известны по изображениям трезубца на стороне «Б» у подвесок из Кельгининского могильника, а отогнутые наружу завершения боковых зубцов зафиксированы у трезубца в граффити на фреске Софийского собора в Киеве (Белецкий 2003: 395, рис.21, Л); оба знака персонифицированы князьям, жившим на рубеже X–XI вв.

Знак на стороне «Б» не находит себе аналогий среди древнерусских княжеских знаков X–XI вв. Правда, подобный знак известен по изображению на пломбе из Дрогичина (Болсуновский 1894: табл.2, 53), однако не исключено, что эта пломба несет на себе изображение не полностью оттиснутого двузубца с отогнутым наружу завершением левого зубца, дополненного перекрестием.²⁹

Возможно, подвеске из Хилово следует адресовать те же соображения, что и ливским подвескам типа III: она могла представлять собой реплику неизвестной древнерусской геральдической подвески, знак на стороне «А» у которой в обобщенной форме свидетельствовал принадлежность владельца знака на стороне «Б» к правящей на Руси династии. В пользу этого предположения свидетельствуют, кроме сказанного, форма предмета, имевшего в верхней части ярко выраженные выступы, аналогичные выступам у ливских подвесок типа II, происхождение подвески из женского погребения XII в., а также обнаруженная в погребении кургана 3 того же могильника безусловно ливская подвеска типа II (№ 48).

С другой стороны, хиловская подвеска — единственная подвеска такой формы, у которой наличие плечиков мотивировано декором стороны «А»: именно в пространстве плечиков размещены завершения отогнутых наружу боковых зубцов. Высокий рельеф изображений на обеих сторонах и отсутствие следов потертости указывает на то, что эта подвеска практически не использовалась для ношения. По своему облику и сохранности она в большей степени соответствует подвескам-оригиналам, нежели подвескам-репликам. Наконец, безоговорочно связывать знак на стороне «Б» с лично-родовыми знаками князей-Рюриковичей было бы, по меньшей мере, рискованно.

После всего сказанного считаю необходимым оставить вопрос о принципиальной атрибуции подвески № 49 открытым до новых находок, как аналогичных подвесок, так и предметов, несущих на себе изображения знаков, аналогичных знакам на подвеске.

О НЕКОТОРЫХ ИНФОРМАТИВНЫХ ВОЗМОЖНОСТЯХ ГЕРАЛЬДИЧЕСКИХ ПОДВЕСОК

Все известные в настоящее время геральдические подвески можно разделить на две большие группы — *подвески-оригиналы* и *подвески-реплики*, изготовленные по образцу оригиналов.

Догадка об официальном назначении *подвесок-оригиналов* была высказана еще А.В.Орешниковым. Комментируя подвески № 28 и 37 исследователь подчеркивал: «Какое назначение было обеих привесок, сказать не могу, но, судя по помещению на них княжеского родового знака, привески носили официальный характер» (Орешников 1930: 95). С этим мнением осторожно согласился и Н.П.Лихачев: «Можно думать, что такая подвеска не была простым украшением, а носилась и что-то обозначала» (ЛСА: л. 499). Но первым отчетливо сформули-

ровал оценку геральдических подвесок в качестве верительных знаков княжеских чиновников Б.А. Рыбаков: «Несомненно, что они носились на шнуре. Об этом свидетельствуют наличие ушек и потертость всех привесок. Невольно вспоминаются татарские пайцзе, нагрудные знаки достоинства, которые носились чиновниками и доверенными лицами хана. На пайцзе писалось имя хана; на наших подвесках изображался знак князя. И те, и другие имели приспособление для шнура и носились на груди. Подвески с княжеским знаком найдены в крупнейших городах Киевской Руси, административно связанных с Киевом, с киевским великим князем... Вполне возможно, что киевские князья давали эти знаки, своего рода верительные грамоты, своим посадникам, данщикам, тиунам, вирникам». (Рыбаков 1940: 239). После работ А.А. Молчанова (1976; 1986; 1996) эта гипотеза получило самое широкое распространение.

Тем не менее, некоторые исследователи отказались принять гипотезу об официальном характере древнерусских геральдических подвесок. Основанием для этого стало происхождение **подвесок-реплик**. Действительно, большинство древнерусских геральдических подвесок происходит из культурного слоя городов или из случайных находок, то есть — они найдены вне комплексов, и об их функциях можно только догадываться. Многие же подвески-реплики обнаружены в составе набора украшений в женских погребениях. Проецируя на подвески-оригиналы вывод о функциональном назначении подвесок-реплик, исследователи признавали все геральдические подвески специальными женскими амулетами или, в крайнем случае, украшениями.

Безусловная принадлежность подвесок-реплик к женскому убору, свидетельствуют о том, что в ливских древностях использование тиражированных подражаний древнерусским геральдическим подвескам могло быть (и, вероятнее всего, было) достаточно специфическим. Однако распространять наблюдение на все известные в настоящее время подвески с изображениями древнерусских княжеских знаков я бы не решился.

Дело в том, что подвески-реплики датируются, по преимуществу, XII–XIII (Mugurēvičs 1994: 81, № 1–3, 5–7, 9–13, 15, 17–27) и даже XIII–XIV вв. (Mugurēvičs 1994: 81, № 14, 16), а к XI–XII в. отнесена всего одна подвеска (Mugurēvičs 1994: 81, № 4). Таким образом, все эти предметы относятся к более позднему времени, чем подвески-оригиналы, и, следовательно, являются вторичными по отношению к собственно древнерусским подвескам. Очевидно, что наблюдения за особенностями ливского женского убора не влияют на решение вопроса о функциях подвесок-оригиналов.

В пользу того, что функции подвесок-оригиналов отличались от функций подвесок-реплик, как представляется, свидетельствуют несколько фактов. Прежде всего, большинство находок этих предметов происходит не из погребений, а из административных центров Руси: Новгород и его округа — 7 (№ 28–33, 41), Передольский погост — 1 (№ 42), Гнездово — 1 (№ 40), Киев и его округа — 3 (№ 35–37), Чернигов — 1 (№ 43), Белгород — 1 (№ 38). Ни о каком «ливском присутствии» здесь в X–XI вв. говорить не приходится.

Пять подвесок-оригиналов происходят из раскопок могильников. Две из этих подвесок найдены вне комплексов (№ 51–52), происхождение еще одной не вполне ясно (№ 39). Находки подвески № 50 в мужском погребении по обряду ингумации, а подвески № 34 в погребении по обряду кремации вместе с купеческим инвентарем, как представляется, не подтверждают гипотезу, связывающую подвески с женским убором.

Большинство серебряных подвесок-оригиналов (в том числе — подвесок, при изготовлении которых имитировалось серебро) обнаружено за пределами собственно древнерусской территории (Даугмальское городище, № 8; городище Каукай, № 53; Рождественский могильник, № 50; Кельгининский могильник, № 52). В то же время, медные и костяные подвески происходят в основном с территории Руси. Подчеркну, что серебряная подвеска № 8 найдена на Даугмальском городище, а идентичная (отлитая в той же форме?) медная подвеска № 41 происходит из окрестностей Новгорода. Различная география распространения подвесок, изготовленных из разного материала, определенно указывает на то, что держатели подвесок занимали разное положение в государстве.

Подчеркнем еще одно отличие между собственно древнерусскими геральдическими подвесками и их репликами. Контуры подвесок-реплик всегда отличаются от контуров подвесок-оригиналов: в то время как древнерусские подвески имели простую форму, близкую трапециевидной, для подвесок-реплик характерны фигурные очертания с выделенными выступами или плечиками в верхней части. Судя по всему, подвески-реплики осознавались современниками как нечто отличное от подвесок-оригиналов.

После сказанного, решусь утверждать, что назначение подвесок-оригиналов и подвесок-реплик было различным.

Функциональным назначением древнерусских геральдических подвесок было, вероятнее всего, свидетельствование полномочий их держателей. Иными словами, подвески-оригиналы являлись верительными

знаками, а их держатели выступали официальными представителями князей-Рюриковичей. Если прав Ю.К.Кузьменко в чтении надписи на стороне «Б» подвески № 29, то подобная, «единственная в своем роде» (Кузьменко 1982: 250), надпись, действительно, уместна именно на верительном знаке «государева человека».

Вероятно, прав А.А.Молчанов (Молчанов 1976), сопоставивший геральдические подвески с «печатами», упомянутыми в договоре 944 г.: «Ношаху сли печати злати, а гостье сребрени» (ЛЛ: 47; ИЛ: 36–37). На возможность именно такого истолкования указывает преимущественное распространение серебряных подвесок и их имитаций за пределами государственной территории Руси.

Большинство знаков на геральдических подвесках изображено с максимальной декоративностью. «Парадный» характер изображений не сразу позволяет схематизировать знак. Но, тем не менее, схемы знаков на большинстве геральдических подвесок-оригиналов, в конечном счете, читаются более или менее определенно (рис.17), что позволяет устанавливать и время изготовления подвесок, и вероятный интервал их использования в качестве верительных знаков (табл.1)

Возможно, прав А.А.Молчанов и в том, что традиция использования верительных знаков пришла на Русь вместе с правящей династией (Молчанов 1976). Подвески № 29, 31, 32, 40, 42, 43, 53 определенно датируются X в. Рубежом X–XI вв. можно датировать подвески № 8, 33, 35, 36, 39 и 41, первой третью XI в. — № 30, 34, 37, 50, 51, 52, а серединой XI в. — № 28 и 38. Не исключено, что геральдические подвески являются русским эквивалентом загадочным скандинавским *jartegnir*, упомянутым в сагах (Молчанов 1986; 1996). Во всяком случае, предложенная Молчановым изящная версия, объясняющая особенности оформления вислых печатей «архаического» (по терминологии В.Л.Янина) типа (Молчанов 1976), представляется мне в настоящее время наиболее убедительной (Белецкий 2001д: 36–37).

Несколько сложнее обстоит дело с подвесками-репликами. Очевидно, что большинство из них находилось в употреблении в XII–XIII вв. Однако, очевидно и то, что эти подвески не являлись верительными знаками. Вторичный характер ливских подвесок по отношению к древнерусским геральдическим подвескам и локальность распространения подвесок-реплик свидетельствуют о том, что тиражированные подвески появились в низовьях Даугавы и Гауи только после того, как население этого региона познакомилось с подвесками-оригиналами.

Таблица 1

ИЗОБРАЖЕНИЯ НА ДРЕВНЕРУССКИХ ГЕРАЛЬДИЧЕСКИХ ПОДВЕСКАХ X-XI вв.

№	Сторона «А»	Сторона «Б»	Вероятное время изготовления
40	Двузубец Игоря Рюриковича, († 945), Святослава Игоревича (945-972) или Ярополка Святославича (972-980).	Изображение стяга	X в.
32	Двузубец Ольги, ж. Игоря Рюриковича (945-969)	Крест (?)	954 (957)-969 гг.
53	Двузубец Ярополка Святославича (970-972).	Изображение стяга, на который «наложено» изображение рога (?)	970-972 гг.
31 (до «редактирования»)	Двузубец Святослава Игоревича (945-972)	Трезубец Владимира Святославича (970-1015)	970-972 гг.
31 (после «редактирования»)	Трезубец Владимира Святославича (970-1015)	Трезубец Владимира Святославича (970-1015)	972 г.
29	Трезубец Владимира Святославича (970-1015).	Надпись: «Т(верда) З(емля) Н(аша) S(ло) Г(лаголю)»	980-988 гг.
43	Трезубец Владимира Святославича (970-1015)	Надпись (?)	980-988 гг.
42	Трезубец Владимира Святославича (970-1015)	Процветший крест	988 г.
8	Трезубец Вышеслава Владимировича (988-1010)	Трезубец Ярослава Владимировича (988-1054)	988-1010 гг.
33	Трезубец Вышеслава Владимировича (988-1010)	Трезубец Ярослава Владимировича (988-1054)	988-1010 гг.
41	Трезубец Вышеслава Владимировича (988-1010)	Трезубец Ярослава Владимировича (988-1054)	988-1010 гг.
35-36	Трезубец Владимира Святославича (970-1015)	Якоревидный знак	988-1015 гг.
34	Трезубец Владимира Святославича (970-1015)	Трезубец Ярослава Владимировича (980-1054)	1010-1015 гг.
51-52	Трезубец Владимира Святославича (970-1015)	Трезубец Вышеслава Владимировича (988-1010)	1006-1010
50	Трезубец Владимира Святославича (970-1015)	Знак «меч-молот»	1006-1015 гг.
39	Трезубец Владимира Святославича (970-1015)	?	До 1015 г.
30	Трезубец Мстислава Владимировича (988-1034)	Трезубец Ярослава Владимировича (988-1054)	1026-1034 гг.
37	Трезубец Судислава Владимировича (988-1034)	Трезубец Владимира Ярославича (1034-1052)	1034 г.
28	Трезубец Владимира Ярославича (1034-1052)	Трезубец Владимира Ярославича (1034-1052)	1034-1052 гг.
38	Трезубец Владимира Ярославича (1034-1052)	Трезубец Владимира Ярославича (1034-1052)	1034-1052 гг.

Интересную гипотезу, объясняющую «феномен» ливских подвесок, предложил Э.С.Мугуревич (Mugurēvičs 1994: 76–82; Знак Рюриковичей 1996: 31–32). Исследователь подметил, что территория распространения подвесок-реплик компактна: большинство предметов (19 из 26³⁰) происходит из микрорайона между могильниками Икшкилес и городищем Мартыньсала (Саласпилс), а из оставшихся девяти подвесок-реплик семь найдено в Низовьях Даугавы и Гауи³¹.

Комментируя ливские геральдические подвески, Э.С.Мугуревич напомнил, что крестьян, проживавших в округе Саласпилса, в XIV–XVII вв. называли «королями» (Mugurēvičs 1994: 81; Знак Рюриковичей 1996: 32), а остров Доле на Даугаве (на нем находится могильник Рауши, при раскопках которого найдено шесть геральдических подвесок) расположенный близ Саласпилса, в начале XIII в. именовался «Королевским островом» (Mugurēvičs 1994: 81; Знак Рюриковичей 1996: 32). Именно здесь, на городище Мартыньсала, Мугуревич локализовал резиденцию вождя местных ливов Ако, пытавшегося в 1206 г. объединить русских (Полоцк), ливов и литовцев против немцев (Mugurēvičs 1994: 80–81; Знак Рюриковичей 1996: 32). Суммируя перечисленные данные, Э.С.Мугуревич предположил, что геральдические подвески в XI–XIII вв. являлись отличительными знаками женщин из знатных ливских родов (Mugurēvičs 1994: 81; Знак Рюриковичей 1996: 32).

Наблюдение об особом («королевском») статусе района наибольшей концентрации подвесок-реплик, свидетельствует о том, что распространение здесь таких подвесок не было случайным. Рискну в этой связи высказать следующую гипотезу: древнерусские подвески-оригиналы, послужившие прототипами для ливских подвесок-реплик, являлись верительными знаками, которые русские князья давали ливским вождям с тем, чтобы подтвердить и юридически закрепить полномочия этих вождей представлять в земле ливов русскую администрацию, а, по сути дела, — выступать представителями ливов перед русскими князьями.

Если считать, что первые тиражированные подвески-реплики были изготовлены непосредственно по образцу подвесок-оригиналов, то по репликам мы можем реконструировать не дошедшие до нас оригиналы и, тем самым, попытаться установить, при каких обстоятельствах вожди ливов официально уравнивались с русскими княжескими чиновниками.

Судя по тому, что подвески-реплики представлены в земле ливов двумя различными сериями, ливские вожди получали подобные верительные знаки дважды, причем — со значительным перерывом:

первая серия (тип II, по Э.С.Мугуревичу) опирается на подвеску со знаком, восходящим к трезубцу Ярослава Мудрого, а вторая серия (тип III, по Э.С.Мугуревичу) — на подвеску со знаком князя, жившего не ранее XII в.

Судя по знаку Ярослава Мудрого, помещенному на подвесках-репликах типа II, появление в низовьях Даугавы и Гауи древнерусской геральдической подвески, послужившей для них оригиналом, происходит не позднее середины XI в. Поскольку ливские подвески типа II несут изображение только на одной стороне, оригинал этих подвесок был, вероятнее всего, также односторонним. В таком случае, ближайшей аналогией для него является подвеска № 29. Главным отличием между ними является знак: у подвески № 29 это трезубец Владимира Святого, а у прототипа для ливских подвесок типа II — знак Ярослава Мудрого.

Теоретически, наиболее вероятным временем изготовления односторонней подвески с изображением трезубца Ярослава Мудрого, следовало бы считать период после смерти Мстислава Владимировича (†1134), когда Ярослав стал «самовластель Русьстей земли» (ЛЛ: 150) («единовластель Руской земли» (ИЛ: 138)). Однако на протяжении двух десятилетий, последовавших за 1034 г. (вплоть до кончины Ярослава) письменные источники не сообщают о каких-либо особых интересах великого киевского князя в земле ливов, хотя фиксируют военно-политическую активность Киева в землях литовцев (ЛЛ: 153), ятвягов (ЛЛ: 153), мазовшан (ЛЛ: 153, 155) и даже в Византии (ЛЛ: 154).

Нельзя ли связать появление в низовьях Даугавы подвески, ставшей прототипом для подвесок-реплик типа II, с событиями 1021 г.? В это время Ярослав уже победил в династической войне Святополка Ярополчица и занял киевский стол. Его основным соперником оставался племянник, полоцкий князь Брячислав Изяславич, а брат, Мстислав в военных действиях участия еще не принимал. В 1021 г. Брячислав захватил и разграбил Новгород, однако в битве на р. Судоме потерпел сокрушительное поражение от киевского войска и был вынужден отступить к Полоцку (ЛЛ: 146; ИЛ: 133). Новгородская IV летопись дополняет эти сведения следующим сообщением: «Брячислав побежа к Полоцку. И оттоле призва (Ярослав — С.Б.) к себе и да ему два града, Вьсвячь и Видбеск, и рече ему: буди же съ мною един» (Н4Л: 111). Не передал ли Ярослав Брячиславу контроль за важнейшим участком пути из Варяг в Греки не только в качестве платы за лояльность, но и в обмен на свободу действий в низовьях Даугавы? Действительно, взяв под контроль территории, расположенные западнее Полоцка (ниже по течению Даугавы) великий киевский князь мог только при условии

союза с полоцким князем, выступавшим в начальный период династической войны на стороне Святополка. Сведения же о попытках контроля за ливами со стороны полоцких князей в конце X — начале XI вв. в источниках, как будто бы, отсутствуют.

Напомню, что самая ранняя древнерусская геральдическая подвеска, найденная в этом регионе (№ 8) датируется не позднее 1010 г. и, безусловно, свидетельствует о том, что на рубеже X—XI вв. низовья Даугавы попали в сферу интересов Руси. Правда, серебряная подвеска из Даугмальского городища, судя по всему, являлась купеческим верительным знаком, так что интересы Руси в земле ливов в это время были, скорее всего, чисто экономическими. В любом случае, двусторонняя подвеска № 8, найденная на Даугмальском городище, вряд ли могла быть тем оригиналом, на основании которого сформировалась серия односторонних ливских геральдических подвесок: стилистически трезубец Ярослава на стороне «Б» подвесок № 8 и 41 иной, нежели на подвесках типа II.

Комментируя ливские подвески реплики типа III, я оставил вопрос о персонификации знака на стороне «Б» открытым, но подчеркивал, что владелец этого знака принадлежал к числу русских князей, живших в XII в. «Хроника Ливонии» сообщает, что миссионер-августинец Мейнард испрашивал позволения проповедывать среди ливов у полоцкого князя Владимира (ХЛ: 71). Поскольку Мейнард прибыл в землю ливов в 1184 г. (ХЛ: 454—455), очевидно, что, по крайней мере, в первой половине 1180-х годов ливы являлись данниками Полоцка.

Е.Л.Назарова полагает, что «установление регулярных даннических отношений ливов с Полоцком можно отнести к первому периоду правления Всеслава (1044—1064 г.)» (Назарова 1986: 181). Однако прямых известий о включении в это время «земли ливов, земгалов, куршей и латгалов в сферу... влияния» Полоцка (Назарова 1986: 181) в письменных источниках нет. С учетом же того, что на протяжении последних десятилетий (вплоть до своей кончины в 1101 г.) Всеслав Брячиславич был занят исключительно внутрирусскими делами (Алексеев 1966: 242—250), предполагать его активную деятельность в земле ливов, как будто бы, не приходится. Нет оснований фиксировать даннические отношения ливов с полоцкими князьями и при преемниках Всеслава полоцкого: до начала 1160-х годов основная политическая активность князей, последовательно занимавших полоцкий стол, происходила на Руси.

Как будто бы, ситуация начала меняться с приходом на полоцкое княжение в 1162 г. Всеслава Васильковича. Правда, он также занимал весьма активную позицию в междукняжеской борьбе. Однако именно

в конце его почти двадцатилетнего (с перерывами) правления в Полоцке на страницах летописи вновь упоминаются ливы, причем в контексте, не оставляющем сомнения в их политической зависимости от Полоцка: в Друцком походе 1180 г. ливы приняли участие вместе с полочанами в составе войска Всеслава Васильковича (ИЛ: 620).

После сказанного, решусь связать появление в земле ливов древнерусской геральдической подвески, послужившей прототипом для подвесок-реплик типа III, с периодом полоцкого княжения Всеслава Васильковича. Возможно, именно этому князю принадлежал трезубец, стилизованное изображение которого фиксирует сторона «Б» ливских подвесок типа III. Впрочем, вопрос о владельце знака следует, все-таки, оставить открытым до детального изучения генеалогии лично-родовых знаков полоцких Рюриковичей XII–XIII вв.

Не исключено, что подвески-реплики, прочно вошедшие в состав парадного женского убора ливов, свидетельствуют о принадлежности владелиц подвесок-реплик к роду держателя подвески-оригинала. Но, в любом случае, включение такой подвески в состав нагрудных украшений указывало на особый социальный статус владелицы, то есть — являлось престижным.

Замечу, что использование реплик с геральдических подвесок в качестве престижного женского украшения оказывается характерным только для одного, сравнительно небольшого региона, не входившего к тому же в состав государственной территории Руси и заселенного прибалтийскими финнами. Значит ли это, что атрибуты государственной власти Руси оказались престижны только в ливском обществе, или же в дальнейшем следует ожидать находок подобных предметов (не обязательно именно геральдических подвесок) и в других соседних с державой Рюриковичей землях, на которые распространялись геополитические интересы Руси, судить пока не берусь³².

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Комментируя находки геральдических подвесок, я предлагал возможные варианты истолкования изображенных на них знаков, а также высказал ряд соображений о времени и обстоятельствах появления рассматривавшихся предметов. Древнейшие из дошедших до нас подвесок-оригиналов датируются X в., позднейшие пока можно определенно относить к XI в. Большинство подвесок-реплик датируется XII–XIII вв. С учетом того, что реплики донесли до нас свидетельства существования оригиналов, положенных в основу тиражирования, мож-

но полагать, что традиция использования геральдических подвесок сохранялась на Руси и в XII в.

Однако складывается впечатление, что к XII в. принципы использования верительных знаков по сравнению с эпохой первых Рюриковичей претерпели существенные изменения. Подвеска-оригинал, послужившая прототипом для ливских подвесок типа III, была оформлена иначе, нежели верительные знаки X–XI вв.: вместо знаков великого киевского князя и его соправителя на ней помещен знак местного (в данном случае, вероятнее всего, полоцкого) князя, сопровождавшийся изображением знака Владимира Святого, являвшегося, судя по всему, обобщенным символом правящей на Руси династии. Как будто бы, тот же принцип характерен и для верхневолжской подвески (№ 49).

Среди доступного для изучения материала отсутствуют геральдические подвески со знаками великих киевских князей XII в., таких, как Владимир Мономах (†1125) или Мстислав Великий (†1132). К XII в. пока можно определенно относить только подвеску, ставшую прототипом для ливских подвесок типа III, а также, возможно, верхневолжскую подвеску (или ее прототип, если считать эту подвеску репликой). Возможно, изменение принципа оформления геральдических подвесок явилось следствием изменения системы государственного устройства Руси, последовавшего за Любечским съездом князей 1097 г.

Но не исключено, что после провозглашения формулы «Каждо держит очьчину свою» (ИЛ: 231) использование на территории Руси верительных знаков вообще прекратилось, и традиция использования геральдических подвесок в самом русском государстве сменилась использованием письменных документов, скрепленных печатями (типа верительных грамот). Использование же верительных знаков сохранилось только в отдельных землях (Полоцкая) и в отношениях с соседними народами, находившимися на более ранней стадии развития общественных отношений (ливы). Мне это второе объяснение представляется более вероятным, хотя, разумеется, оно также остается не более чем догадкой.

- ¹ Порядковые номера подвесок, найденных на памятниках в низовьях Даугавы и Гауи (№ 1–27) и их датировки соответствуют перечню Э.Мугуревича (Mugurvičs, 1994: 81).
- ² Сообщил Ю.М.Лесман (Санкт-Петербург).
- ³ Сообщил К.А.Михайлов (Санкт-Петербург).
- ⁴ Сообщил С.Е.Торопов (Новгород).
- ⁵ Сообщил С.Е.Торопов (Новгород).
- ⁶ Сообщил К.А.Михайлов (Санкт-Петербург).
- ⁷ Сообщил К.А.Михайлов (Санкт-Петербург).
- ⁸ Сообщил К.А.Михайлов (Санкт-Петербург).
- ⁹ Сообщил А.А.Беговаткин (Саранск).
- ¹⁰ Сообщил А.А.Беговаткин (Саранск).
- ¹¹ Существующую в литературе путаницу с происхождением подвесок № 28, 34 и 35 специально анализировал А.А.Молчанов (1976: 74, 75).
- ¹² Идея Б.А.Рыбакова об использовании княжеской тамги в оформлении бляшек для поясных наборов княжеских дружинников получила продолжение в работе С.С.Ширинского (Ширинский 1968: 215–223, рис. 1, 2), однако уверенно признать растительные и геометрические орнаменты на бляшках изображениями княжеских знаков я бы пока не решился. Эти памятники нуждаются в специальном исследовании, в том числе — с точки зрения геральдического истолкования декора.
- ¹³ Рукопись курсовой работы В.П.Петренко за IV курс находится в ИИМК РАН (Санкт-Петербург).
- ¹⁴ В примечании А.А.Молчанов упомянул также, что к числу геральдических подвесок можно отнести одну из подвесок, найденных на Даугмальском городище (Молчанов 1976: 77, прим. 19; Мугуревич 1965: рис. 34, 1) и подвеску из Победища (Молчанов 1976: 84, прим. 34).
- ¹⁵ Статья «Знак Рюриковичей или подвески знатных ливских женщин» (Знак Рюриковичей 1996) представляет собой развернутое резюме статьи (Mugurvičs 1994), подготовленное в редакции журнала *Austrweg*, № 2/1996.
- ¹⁶ В систему княжеских знаков XII–XIII вв., кстати говоря, вписываются знаки, изображенные на ряде новгородских цилиндров: № 1 (Неревский раскоп, слой 1055–1076 (Янин 2001: 93, 110)) № 4 (Михайловский раскоп, слой 1059–1083 гг. (Янин 2001: 94, 112)) и № 11 (Троицкий раскоп, слой первой четверти XII в. (Янин 2001: 97, 118)).
- ¹⁷ Судя по приведенной в тезисах Т.Г.Новик ссылке на статью В.Л.Янина (1982), речь идет о знаке на цилиндре № 6 (Янин 2001: 114).
- ¹⁸ Фонды Новгородского Государственного музея-заповедника, инв. № НГМ/КП42847. Публикуется впервые.
- ¹⁹ Сообщил К.А.Михайлов (Санкт-Петербург).
- ²⁰ По мнению В.Л.Янина (Янин 1970: 35–36), печать № 3 принадлежала сыну Ярослава Мудрого Изяславу (†1078). Опираясь на эту персонафикацию, А.А.Чернецов и Н.А.Макаров атрибуировали знак на печати № 2826 Ярославу Мудрому (Макаров, Чернецов 1988: 235). В.Л.Янин и П.Г.Гайдуков, поместившие печать из Белоозера в третьем томе корпуса актов печатей древней Руси среди печатей XII–XIII вв. (Янин, Гайдуков 1998: 149, № 2826), отказались от хронологического комментария и персонафикации знака, но отметили, что «печати такого

разряда (с изображением знака якорной формы — С.Б.) не были раньше известны» (Янин, Гайдуков 1998: 55); тем самым исследователи отказались считать знаки на печатях из Новгорода и Белоозера близкородственными. Никак не комментирован и знак на печати, хранящейся в частной коллекции в Москве.

- ²¹ Разумеется, речь должна идти именно о *княгинях*, а не о *княжнах*, которые могли бы получить лично-родовые знаки от своих отцов: в этом случае все дочери одного отца пользовались бы одним и тем же знаком, причем точно такой же знак был бы в распоряжении их теток, двоюродных бабок и проч.
- ²² В самое последнее время с оригинальной версией крещения Ольги выступил А.А.Александров, датировавший это событие 920 г. (Александров 2001: 161–182). Полагаю, однако, что приведенные исследователем соображения в пользу того, что к 946 г. Ольга уже была христианкой, и, следовательно, летописные сведения о крещении киевской княгини следует относить к более раннему времени, недостаточно для кардинального пересмотра летописной даты.
- ²³ Отсылки к литературе, имеющиеся в цитируемом комментарии И.К.Лабутиной, для удобства включены в текст цитаты.
- ²⁴ Связывать знак с княгинями Святослава не приходится, поскольку сам князь пользовался другим двузубцем; о сыновьях Ярополка (кроме посмертного сына Святополка) и Олега Святославичей, а также Святополка Ярополчича сведений в источниках нет.
- ²⁵ Разумеется, связывать подобный знак с деятельностью Мстислава Тмутараканского (Молчанов 1982: 223–226) не приходится: будучи сыном Владимира Святого, Мстислав в принципе не мог иметь знак в форме двузубца. Ранее я отмечал, что с деятельностью Мстислава Владимировича можно связывать трезубец с ромбическим завершением центрального зубца (Белецкий 2003: 393–394).
- ²⁶ На таком истолковании сведений М.Стрыйковского настаивал Е.В.Пчелов (Пчелов 2001: 102).
- ²⁷ Масштабная линейка, помещенная на фототаблице в статье Э.С.Мутуревича, не соответствует большинству включенных в таблицу фотографий. При определении размеров каждой из подвесок целесообразно пользоваться линейными размерами, включенными в перечень находок (Mugurēvičs, 1994: 81).
- ²⁸ В другой работе я персонифицировал Ростиславу Мстиславичу двузубец с вертикальной ножкой и отогнутыми наружу зубцами, на левом из которых имеется отрог внутрь (Белецкий 2000б: 216–225).
- ²⁹ Знак типа I/1/2, I/2/2, I/2/6, I/3/2, I/3/13 и т.п., см.: (Белецкий 2001а: табл. 1, 4, 5, 9, 31, 33, 36, 40, 41, 42, 44, 55, 59).
- ³⁰ Напомню, что подвеска № 8, найденная на Даугмальском городище, относится к числу подвесок-оригиналов.
- ³¹ За пределами ливской территории найдены одна подвеска-реплика (№ 48), идентичная ливским подвескам типа II.
- ³² Определенные ассоциации со сказанным вызывают находки в городских центрах самой Руси колтов и рясен, изготовленных из низкопробного серебра и сплавов меди. Такие украшения считают обычно элементами женского убора богатых горожанок. Однако, престижный характер подобного убора, имитирующего золотой церемониальный великокняжеский убор, представляется мне очевидным.

Литература

- Александров 2001** — Александров А.А. Во времена княгини Ольга. Легенды и были о княгине Ольге в Псковской земле. Псков, 2001.
- Алексеев 1966** — Алексеев Л.В. Полоцкая земля. Очерки истории Северной Белоруссии в IX—XIII вв. М., 1966.
- Амелькин 1987** — Амелькин А.О. Знак на гребне с городища Инднакар (к вопросу о начальном периоде русско-удмуртских контактов) // Проблемы изучения древней истории Удмуртии. Ижевск, 1987.
- Артемьев 1990** — Артемьев А.Р. Кистени и булавы из раскопок Новгорода Великого // Материалы по археологии Новгорода. 1988. М., 1990.
- Беговаткин 2004** — Беговаткин А.А. Погребения с геральдическими подвесками из раскопок Кельгининского могильника в Мордовии. В печати.
- Белецкий 1996а** — Белецкий С.В. Начало Пскова. СПб., 1996.
- Белецкий 1996б** — Белецкий С.В. К вопросу о принадлежности новгородской подвески № 22–27–1181 // Восточная Европа в древности и средневековье. Политическая структура древнерусского государства. М., 1996.
- Белецкий 1996в** — Белецкий С.В. Подвеска с родовыми знаками из Рождественского могильника // Ладога и Северная Европа. Вторые чтения памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 22–23 декабря 1996 г. Материалы к чтениям. СПб., 1996.
- Белецкий 1996г** — Белецкий С.В. Подвеска со знаком Рюриковичей // *Austrvegr*. 1996. № 2.
- Белецкий 1998а** — Белецкий С.В. Начало русской геральдики (знаки Рюриковичей X—XI вв.) // У источника. Часть I. М., 1998.
- Белецкий 1998б** — Белецкий С.В. Наследование лично-родовых знаков князьями-Рюриковичами в X—XI вв. // Труды VI Международного конгресса славянской археологии, т. IV: Общество, экономика, культура и искусство славян. М., 1998.
- Белецкий 2000а** — Белецкий С.В. Знаки Рюриковичей. Часть 1: X—XI вв. // Исследования и музеефикация древностей Северо-Запада. Вып. 2. СПб., 2000.
- Белецкий 2000б** — Белецкий С.В. Древнерусский княжеский знак как памятный объект // Восточная Европа в древности и средневековье. Историческая память и формы ее воплощения. XII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т.Пашуто. Материалы конференции. М., 2000.
- Белецкий 2001а** — Белецкий С.В. Знаки Рюриковичей. Часть 2: Знаки XII—XIII вв. на памятниках сфрагистики (материалы к своду) // Исследования и музеефикация древностей Северо-Запада. Вып. 3. СПб., 2001.
- Белецкий 2001б** — Белецкий С.В. Кто такой *Володислав* договора 944 г.? // Норна у источника судьбы. Сборник в честь Е.А.Мельниковой. М., 2001.
- Белецкий 2001в** — Белецкий С.В. Династическая война на Руси в первой четверти XI в. в свете данных древнейшей русской геральдики // Миграция и оседлость от Дуная до Ладоги в первом тысячелетии христианской эры. Пятое чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 2000.
- Белецкий 2001г** — Белецкий С.В. Несколько замечаний о генеалогии первых поколений рода Рюриковичей // Восточная Европа в древности и средне-

- вековье. Генеалогия как форма исторической памяти. XIII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т.Пашуто. Москва, 11–13 апреля 2001. Материалы конференции. М., 2001.
- Белецкий 2001д** — Белецкий С.В. Введение в русскую допетровскую сфрагистику. // Исследования и музеефикация древностей Северо-Запада. Вып. 4. СПб., 2001.
- Белецкий 2002** — Белецкий С.В. Лично-родовые знаки князей-Рюриковичей на металлических подвесках XI в. // *Ruthenica*. Т. 1. Київ, 2002.
- Белецкий 2003** — Белецкий С.В. Зарождение русской геральдики // *Stratum plus*. 2000. № 6.
- Болсуновский 1894** — Болсуновский К.В. Дрогичинские пломбы. Ч. 1, Киев, 1894.
- Воронин, Раппопорт 1979** — Воронин Н.Н., Раппопорт П.А. Зодчество Смоленска XII–XIII вв. Л., 1979.
- Гатцук 1904** — Гатцук С.А. Отчет С.А.Гатцука о раскопках, произведенных в 1902 г. в Тверской губернии // ИАК. Вып. 6. СПб., 1902.
- Добровольский, Дубов, Кузьменко 1991** — Добровольский И.Г., Дубов И.В., Кузьменко Ю.К. Граффити на восточных монетах. Древняя Русь и сопредельные страны. Л., 1991.
- Знак Рюриковичей 1996** — Знак Рюриковичей или подвески знатных ливских женщин // *Austrvegr*. 1996., № 2.
- ИЛ 1962** — Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. 2. М., 1962.
- Каргер 1958** — Каргер М.К. Древний Киев. Очерки по истории материальной культуры древнерусского города. Т. 1. М.–Л., 1958.
- Ковалев 2003** — Ковалев Р.К. Бирки-сорочки: упаковка меховых шкур в средневековом Новгороде // Новгородский исторический сборник. 2003. № 9 (19).
- Крыласова 1995** — Крыласова Н.Б. Подвеска со знаком Рюриковичей из Рождественского могильника // РА. 1995. № 2.
- Кузьменко 1982** — Кузьменко Ю.К. Надпись-граффито на подвеске со знаком Рюриковичей // СА. 1982. № 1.
- Куликаускас 1968** — Куликаускас П. Исследование городища в местности Обелите-Каукай // АО–1967. М., 1968.
- Куликаускас 1970** — Куликаускас П. Археологические исследования городищ в Литве в 1967–1968 гг. // *Studia archaeologica in memoriam Harri Moora*. Tallinn, 1970.
- Лабутина, Кильдюшевский, Шапова 1977** — Лабутина И.К., Кильдюшевский В.И., Шапова Ю.Л. Раскопки в Пскове на ул. Ленина // АО–1976. М., 1977.
- Лабутина 1983** — Лабутина И.К. Культурный слой Пскова // Археологическое изучение Пскова. М., 1983.
- ЛЛ 1962** — Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. 1. М., 1962.
- ЛСА** — Лихачев Н.П. Сфрагистический альбом. РА ИИМК РАН, ф. 35, оп. 2, д. 444.
- Лихачев 1930** — Лихачев Н.П. Материалы для истории русской и византийской сфрагистики. Вып. 2. Л., 1930.

- Литаврин 1981а** — Литаврин Г.Г. Путешествие русской княгини Ольги в Константинополь. Проблема источников // Византийский временник. Т. 42. 1981.
- Литаврин 1981б** — Литаврин Г.Г. О датировке посольства княгини Ольги в Константинополь // История СССР. 1981. № 5.
- Литаврин 1986** — Литаврин Г.Г. К вопросу об обстоятельствах, месте и времени крещения княгини Ольги // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1985. М., 1986.
- Литаврин 1989** — Литаврин Г.Г. Реплика на статью А.В.Назаренко // Византийский временник. Т. 50. 1989.
- Литаврин 2000** — Литаврин Г.Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XII вв.). СПб., 2000.
- Макаров, Чернецов 1988** — Макаров Н.А., Чернецов А.В. Сфрагистические материалы из Белоозера // Древности славян и Руси. М., 1988.
- Малышева 2004** — Малышева Н.Н. Древнерусский некрополь Пскова X — начала XI века (историко-топографическое исследование). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2004.
- Молчанов 1976** — Молчанов А.А. Подвески со знаками Рюриковичей и происхождение древнерусской буллы // ВИД. Т. VII. Л., 1976.
- Молчанов 1982** — Молчанов А.А. Еще раз о таманском бронзовом «брактеате» / / СА. № 3. 1982.
- Молчанов 1984** — Молчанов А.А. Об атрибуции лично-родовых знаков князей Рюриковичей X—XIII вв. // ВИД. Т. XVI. Л., 1984.
- Молчанов 1986** — Молчанов А.А. Верительные знаки киевских князей и древнескандинавские jartegnir // ТД X СК. М., 1986.
- Молчанов 1996** — Молчанов А.А. Верительные знаки в древнескандинавских сагах // Ладога и Северная Европа. Вторые чтения памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 22—23 декабря 1996 г. Материалы к чтениям. СПб., 1996.
- Мугуревич 1965** — Мугуревич Э.С. Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв. Экономические связи с Русью и другими территориями. Пути сообщения. Рига. 1965.
- Назаренко 1989** — Назаренко А.В. Когда же княгиня Ольга ездила в Константинополь? // Византийский временник. Т. 50. 1989.
- Назаренко 1992** — Назаренко А.В. Еще раз о дате поездки княгини Ольги в Константинополь // Образование древнерусского государства. Спорные проблемы. М., 1992.
- Назаренко 1995** — Назаренко А.В. Еще раз о дате поездки княгини Ольги в Константинополь. Источниковедческие заметки // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1992—1993. М. 1995.
- Назарова 1986** — Назарова Е.Л. Из истории взаимоотношений ливов с Русью (X—XIII вв.) // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1985. М., 1986.
- Нахапетян, Фомин 1994** — Нахапетян В.Е., Фомин А.В. Граффити на куфических монетах, обращавшихся в Европе в IX—X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1991. М., 1994.
- Н4Л** — Новгородская Четвертая летопись // ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. М., 2000.

- Новик 2002** — Новик Т.Г. Знак Рюриковичей и его символика на подвеске из Чернигова // Лев Николаевич Гумилев. Теория этногенеза и исторические судьбы Евразии. Материалы конференции. Т. I. СПб., год?
- НПЛ** — Новгородская Первая летопись Старшего и Младшего изводов. М.—Л., 1950.
- Орешников 1930** — Орешников А.В. Классификация древнейших русских монет по родовым знакам // Известия АН СССР. Серия VII. № 2. Л., 1930.
- Орешников 1936** — Орешников А.В. Денежные знаки домонгольской Руси // Труды ГИМ. Вып. 6. М., 1936.
- Петренко 1977** — Петренко В.П. Раскопки сопки в урочище Победище близ Старой Ладogi // КСИА. 1977. № 150.
- Петренко 1994** — Петренко В.П. Погребальный обряд населения Северной Руси VIII—X вв. Сопки Северного Поволжья. СПб., 1994.
- Пчелов 2001** — Пчелов Е.В. Генеалогия древнерусских князей IX — начала XI в. М., 2001.
- Рапов 1977** — Рапов О.М. Княжеские владения на Руси в X — первой половине XIII в. М., 1977.
- Раппопорт 1999** — Раппопорт П.А. Княжеские знаки на памятниках древнерусского зодчества // Средневековая архитектура и монументальное искусство. Раппопортовские чтения. ТД. СПб., 1999.
- Рыбаков 1940** — Рыбаков Б.А. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв. // СА. Т.VI. 1940.
- Седова 1981** — Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). М., 1981.
- Сотникова 1995** — Сотникова М.П. Древнейшие русские монеты X—XI веков. Каталог и исследование. М., 1995.
- Татищев 1963** — Татищев В.Н. История Российской. Т. II. М., 1963.
- Таубе 1929** — Таубе М. Загадочный родовой знак семьи Владимира Святого // Сборник статей, посвященных П.Н.Милюкову. Прага, 1929.
- Тыинссон 1995** — Тыинссон Э. Восточный путь, Austrvegr, Osterled — прибалтийско-финская перспектива // Austrvegr. 1995. № 1.
- Финно-угры 1987** — Финно-угры и балты в эпоху средневековья. // Археология СССР. Т. 17. М., 1987.
- ХЛ** — Хроника Ливонии. Введение, перевод, комментарий С.А.Ашнинского. М.—Л., 1938.
- Холостенко 1956** — Холостенко Н.В. Архитектурно-археологические исследования Пятницкой церкви в г. Чернигове (1953—1954 гг.) // СА. Т. XXVI.
- Шемаханская, Равич 2000** — Шемаханская М.С., Равич И.Г. К проблеме археологической идентификации древнерусской подвески // Экспертиза и атрибуция произведений изобразительного и декоративно-прикладного искусства. СПб., 2000.
- Ширинский 1968** — Ширинский С.С. Ременные бляшки со знаками Рюриковичей из Бирки и Гнездова // Славяне и Русь. М., 1968.
- Янин 1955** — Янин В.Л. Древнейшая Русская печать X в. // КСИИМК. 1955. № 57.

- Янин 1956** — Янин В.Л. Вислые печати из новгородских раскопок 1951–1954 гг. // МИА. 1956. № 55.
- Янин 1970** — Янин В.Л. Актовые печати древней Руси X–XV вв. Т. I. М., 1970.
- Янин 1982** — Янин В.Л. Археологический комментарий к Русской Правде // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982.
- Янин 2001** — Янин В.Л. У истоков новгородской государственности. Великий Новгород, 2001.
- Янин, Гайдуков 1998** — Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Актовые печати древней Руси X–XV вв. Т. III. М., 1998.
- Янин, Гайдуков 2000** — Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Древнерусские печати, зарегистрированные в 1998–1999 гг. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции. Новгород, 25–27 января 2000 г. Вып.14. Новгород, 2000.
- Bähr 1850** — Bähr J.-K. Die Gräber der Liven. Ein Beitrag zur nordischen Alterthums-Kunde und Geschichte. Dresden, 1850.
- Daiga 1976** — Daiga J. Izrakumi Lipšu ciemā un kapulaukā // Zinātniskās atskaites sesijas materiāli par arheologu, antropologu un etnogrāfu 1975. gada pētījumu rezultātiem. Rīga, 1976.
- Hausmann 1909** — Hausmann R. Übersicht über die archäologische Forschung in den Ostseeprovinzen im letzten Jahrzehnt // Arbeiten des ersten Baltischen Historikertages zu Riga. Riga, 1909.
- Kruse 1842** — Kruse F. Necrolivonica oder Alterthümer Liv-, Est- und Curlands bis zur Einführung der Christlichen Religion in den kaiserlich Russischen Ostsee-Gouvernements. Dorpat, 1842.
- Latvijas PSR arheoloģija 1974** — Latvijas PSR arheoloģija. Rīga, 1974.
- Mugurēvičs 1994** — Mugurēvičs Ē. Piekariņi ar. t. s. Rjurikoviču cilts zīmi Latvijā 11.–13 gs. // Arheoloģija un etnogrāfija, XVII. Rīga, 1994.
- Paulsen 1953** — Paulsen P. Schwertortbänder der Wikingerzeit. Stuttgart, 1953.
- Šnore 1974** — Šnore E. Raušu arheoloģiskās ekspedīcijas darbs 1973. gadā // Zinātniskās atskaites sesijas materiāli par arheologu, antropologu un etnogrāfu 1973. gada pētījumu rezultātiem. Rīga, 1974.
- Strykowski 1846** — Strykowski M. Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkej Rusi. T. I. Warszawa, 1846.
- Taube 1935** — Taube M. Russische und litauische Fürsten an der Düna zur Zeit der deutschen Eroberung Livlands // Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven. N.F. Breslau, 1935.
- Tõnisson 1966** — Tõnisson E. Lisandeid Idumea ajaloole // Pronksiajast varase feudalismini. Tallinn, 1966.
- Tõnisson 1974** — Tõnisson E. Die Gauja-Liven und ihre materielle Kultur (11. Jh. — Anfang 13. Jhs.): Ein Beitrag zur ostbaltischen Frühgeschichte. Tallinn, 1974.
- Zariņa 1976** — Zariņa A. Izrakumi Salaspils Laukskolā 1975. gadā // Zinātniskās atskaites sesijas materiāli par arheologu, antropologu un etnogrāfu 1975. gada pētījumu rezultātiem. Rīga, 1976.
- Zariņa 1988** — Zariņa A. Lībiešu apgērbs 10.–13. gs. Rīga, 1988.
- Zemītis 2000** — Zemītis G. Daugmales attiecības ar Rīgu un zengaiļi 12./13. gad-simtā // Arheoloģija un etnogrāfija, XX. Rīga, 2000.

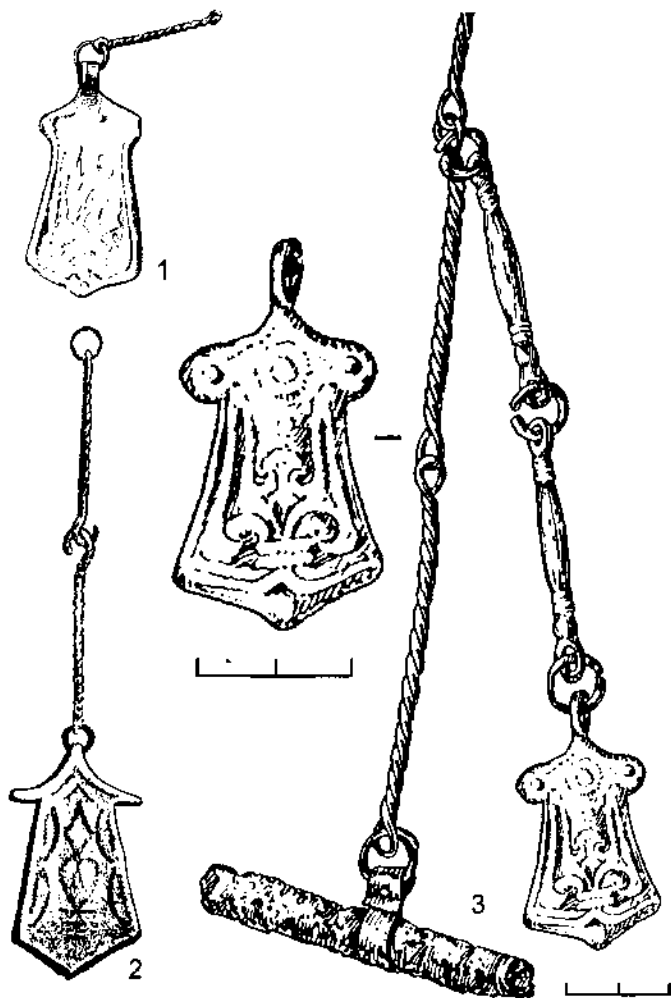

Рис. 1. Геральдические подвески.

1 — № 2 (по: (Bähr 1850: Taf. XII, 5));

2 — № 1 (по: (Kruse 1842: Taf. 16, 1b));

3 — № 7 (по: (Мугуревич 1965: рис. 34: б)).

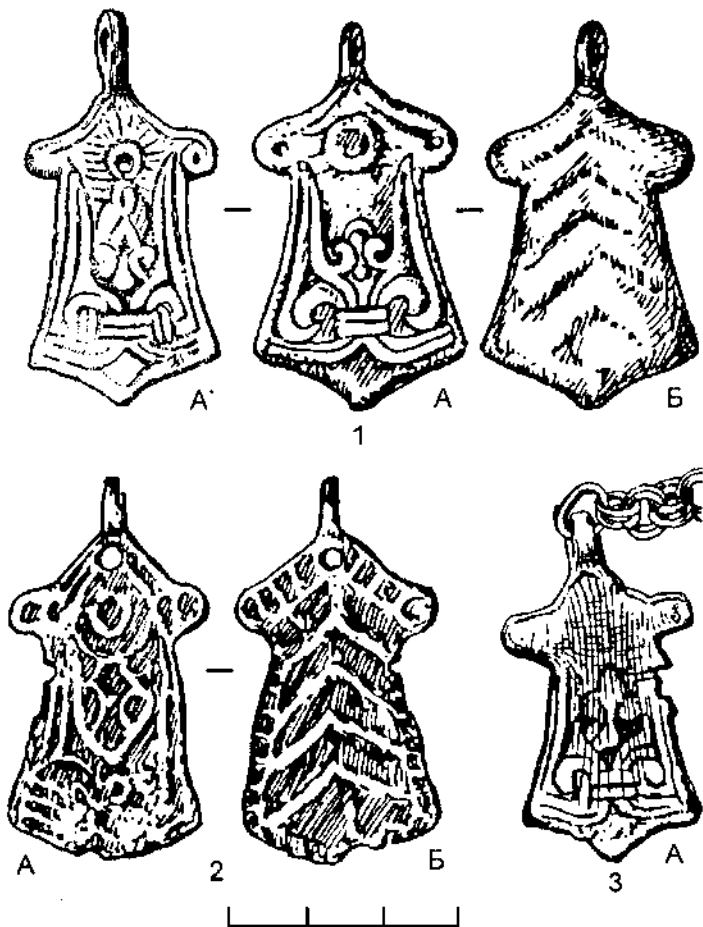

Рис. 2. Геральдические подвески.

1 – № 4 (А-1 – по: (Tönisson 1974, Abb. 21: 7);

А, Б – по: (Мугуревич 1965: рис. 34, 2);

2 – № 9 (по: (Мугуревич 1965: рис. 34, 3));

3 – № 3 (по: (Tönisson 1966: joon.2, 7))

Рис. 3. Геральдическая подвеска № 4 (по (Тыниссон 1995: 9, фото слева)).
Увеличена.

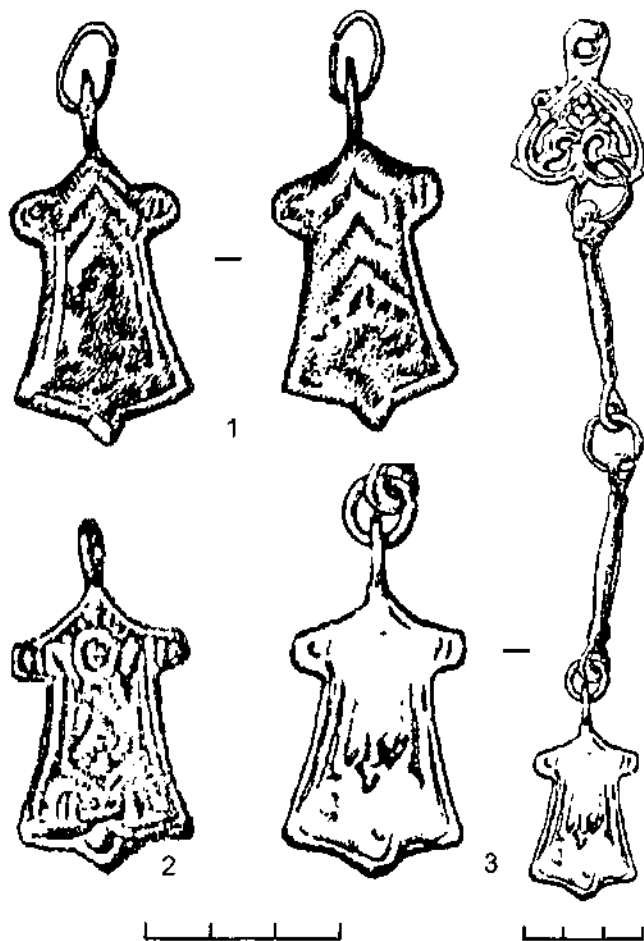

Рис. 4. Геральдические подвески.

1 – № 27 (по: (Zemītis 2000: Tab. 2, 1));

2 – № 22 (по: (Šnore 1974: Tab. 11, 8));

3 – № 23 (по: (Daiga 1976: Tab. 9, 31))

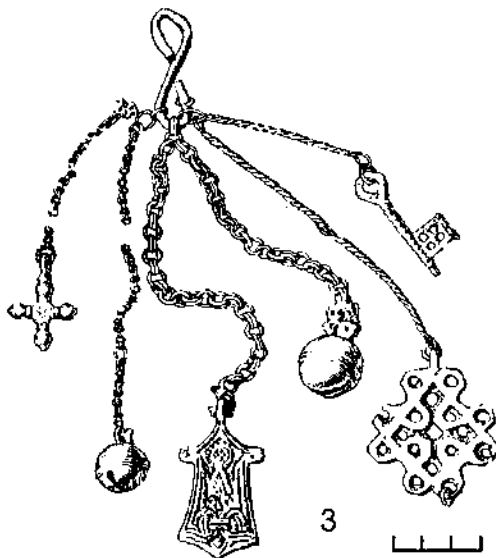
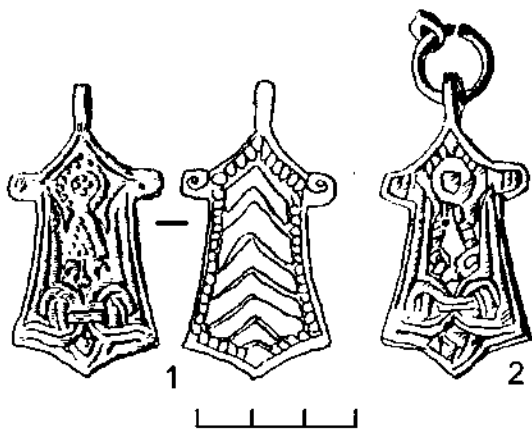

Рис. 5. Геральдические подвески.

1, 3 – № 26 (по: (Zariņa 1988: Tab. 43);

2 – № 17 (по: (Latvijas PSR arheoloģija 1974: tab. 53, 15))

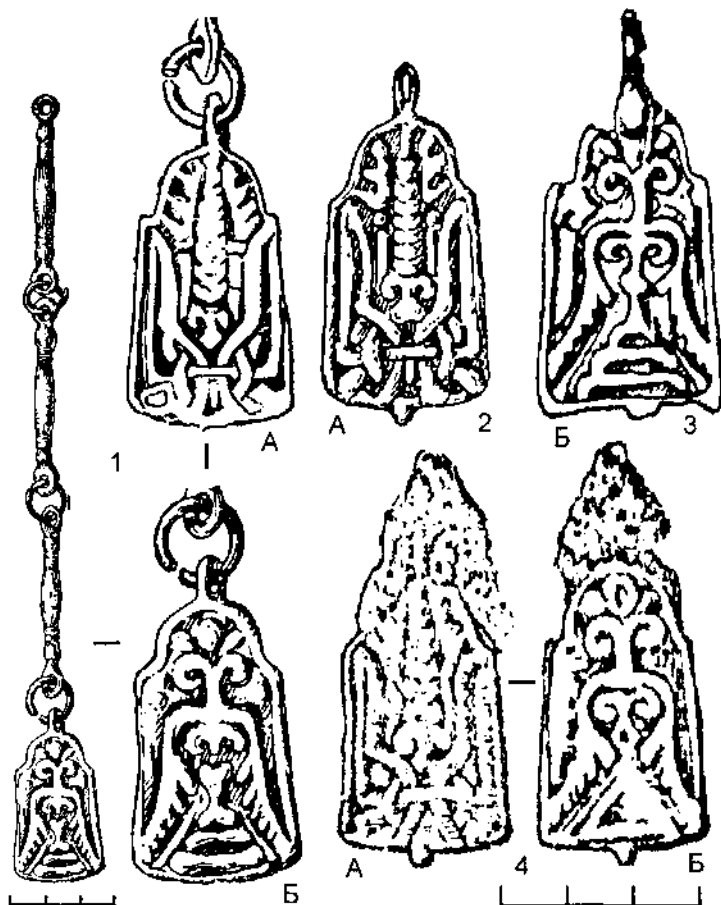

Рис. 6. Геральдические подвески.

- 1 – № 5 (А – по: (Tõnisson 1974: Abb. 28, 11);
 Б – по: (Мугуревич 1965: рис. 34, 4);
 2 – № 6 (по: (Мугуревич 1965: рис. 34, 5));
 3 – № 24 (по: (Daiga 1976: Tab. 9, 30));
 4 – № 20 (по: (Šnore 1974, Tab. 11: 7))

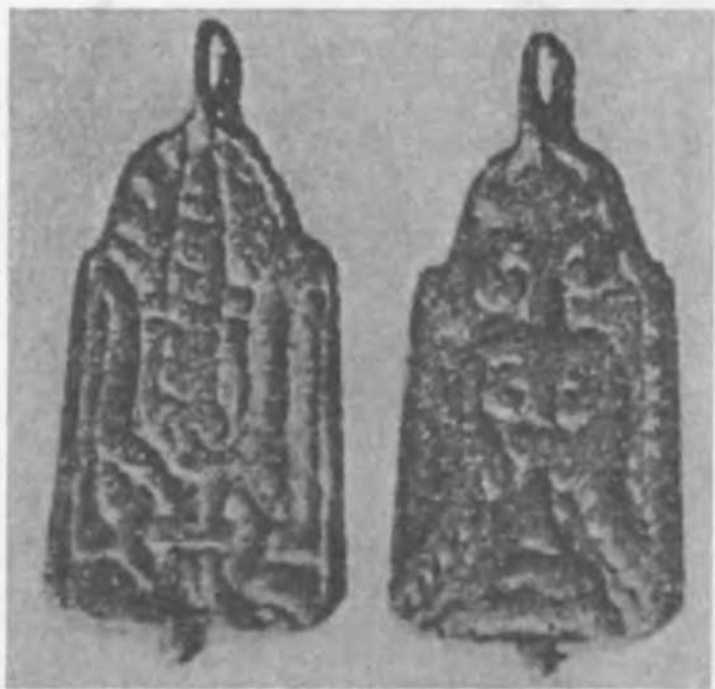

Рис. 7. Геральдическая подвеска № 6 (по: (Mugurēvičs, 1994: Tab. 1, 4)).
Увеличена.

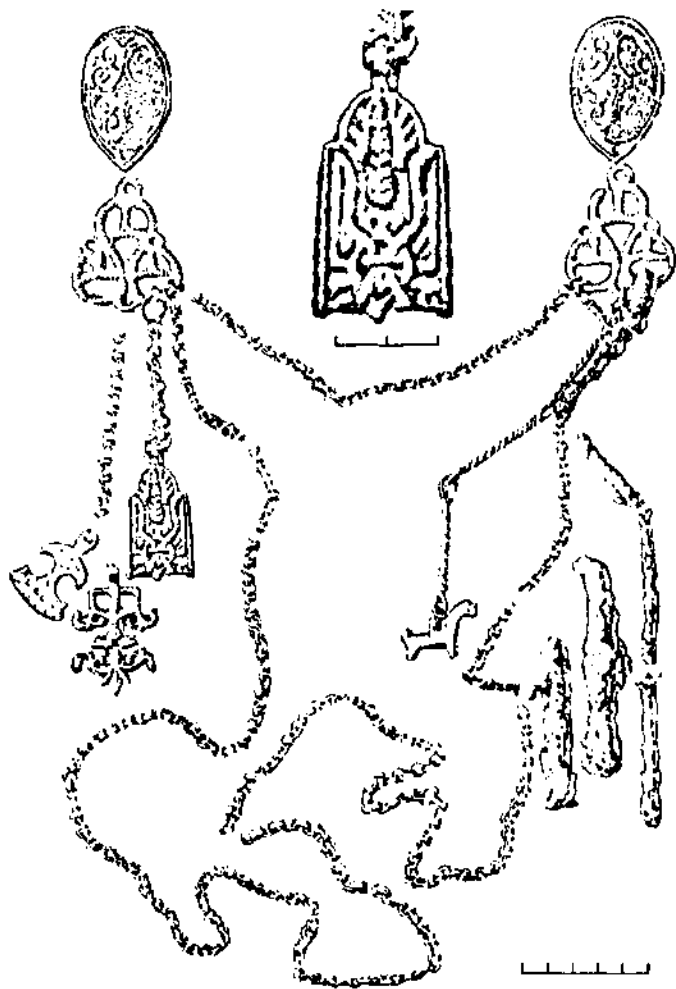

Рис. 8. Геральдическая подвеска № 25 (по: (Zariņa 1976: Tab. 20))

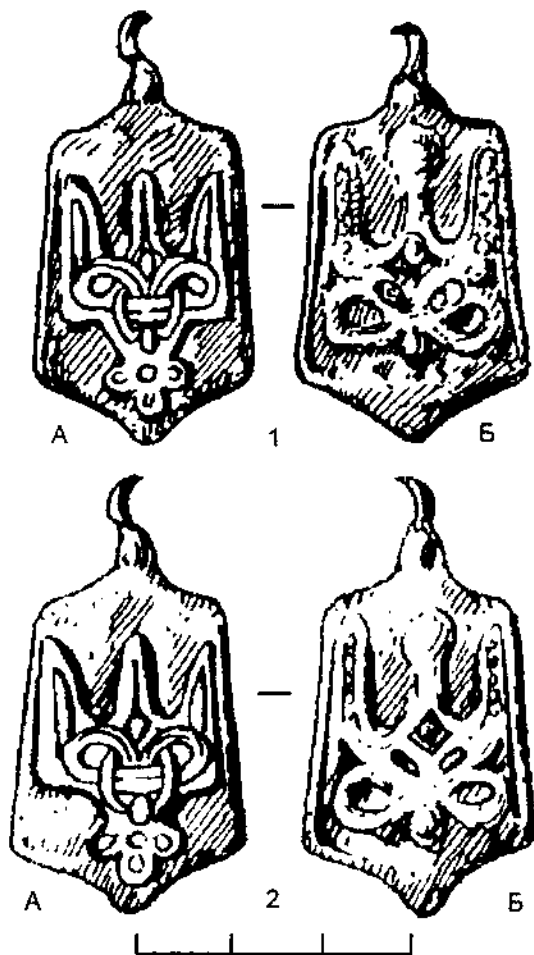

Рис. 9. Геральдическая подвеска № 8.

1 — по: (Мугуревич 1965: рис. 34, 1);

2 — по: (Latvijas PSR arheoloģija 1974: Tab. 76, 12).

Рис. 10. Геральдические подвески.

1 – № 38 (по: (ЛСА: 510, рис. 14));

2 – № 28 (по: (ЛСА: табл. LIV, 4))

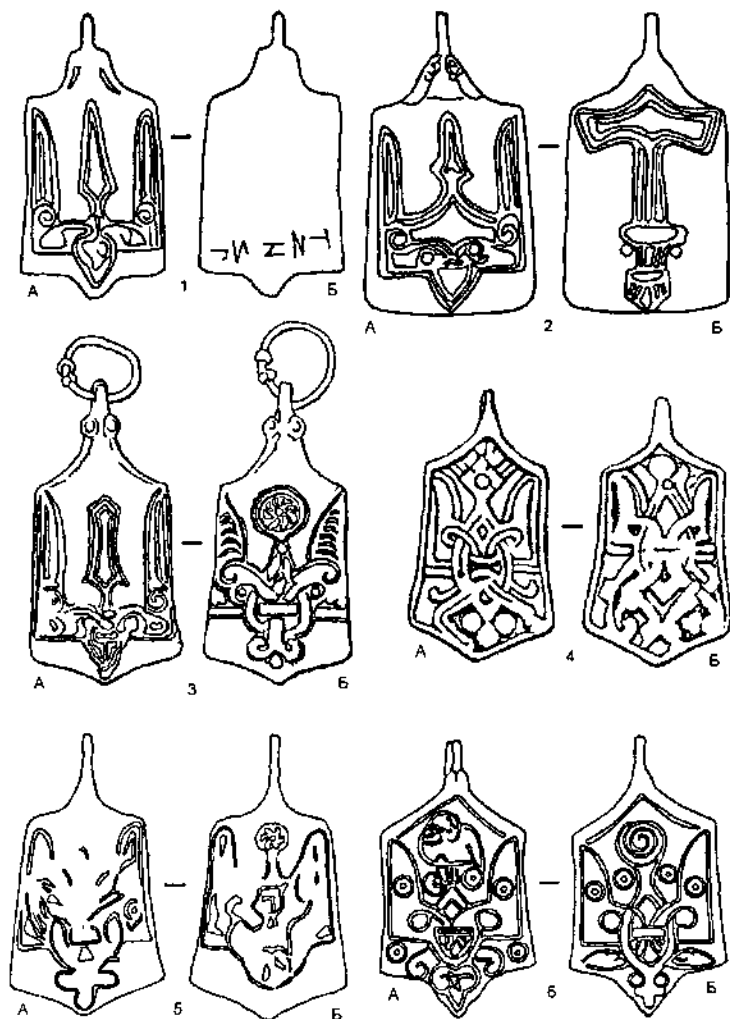

Рис. 11. Геральдические подвески.

1 – № 29 (А – прорисовка по фото (Янин 1956: 158, табл. 5а);

Б – по: (Молчанов 1976: табл. 1, 1б))

2 – № 50;

3 – № 34 (по: (Петренко 1977: 58, рис. 2, 7));

4 – № 30 (по: (Молчанов 1976: табл. 11, 6а, 6б));

5 – № 33; 6 – № 37 (прорисовка по фото (ЛСА: табл. LIII, 1))

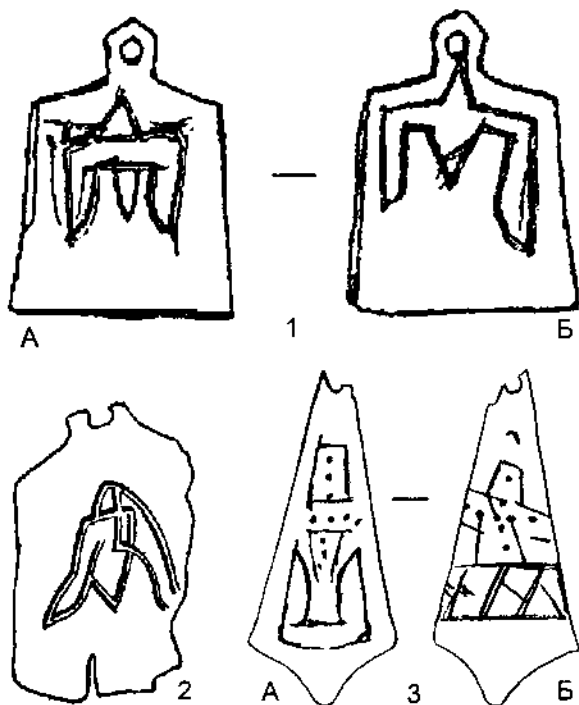

Рис. 12. Геральдические подвески.

1 — № 31 (по: (Янин 1982: 149));

2 — № 39 (по: (Рыбаков 1940: рис. 38));

3 — № 32 (рис. Ю.М.Лесмана)

Рис. 13. Геральдические подвески. 1 – № 35;
2 – № 36 (по: (<http://www.Uacollections.com.ua>))

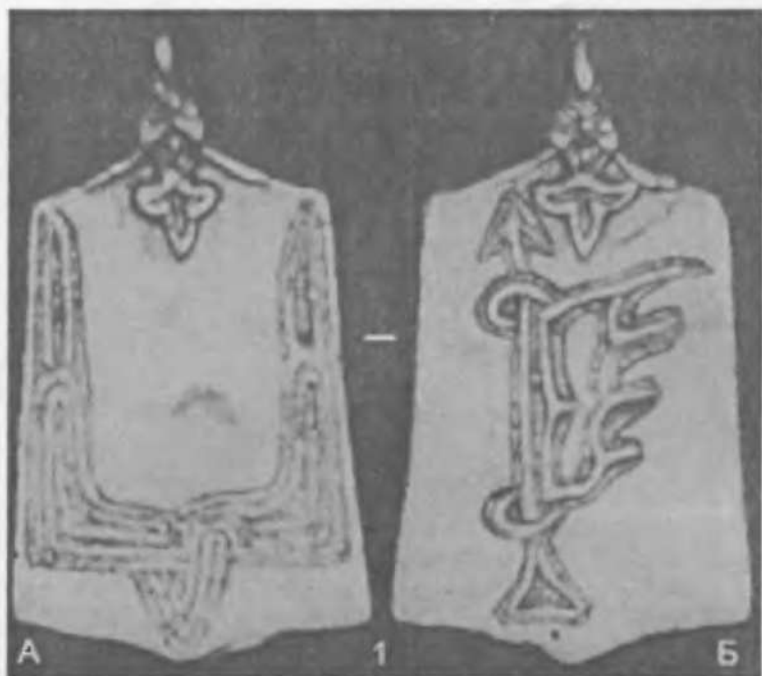

Рис. 14. Геральдическая подвеска № 40.

Рис. 15. Геральдические подвески.

1 – № 41;

2 – № 42 (фото С.Е.Торопова)

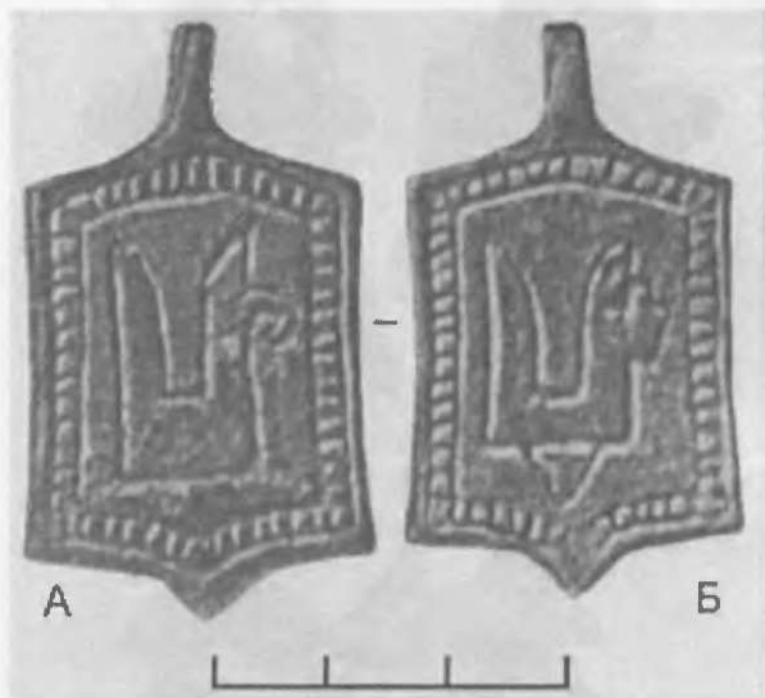

Рис. 16. Геральдическая подвеска № 47 (по: (Лабутина 1983: 21, рис. 10))

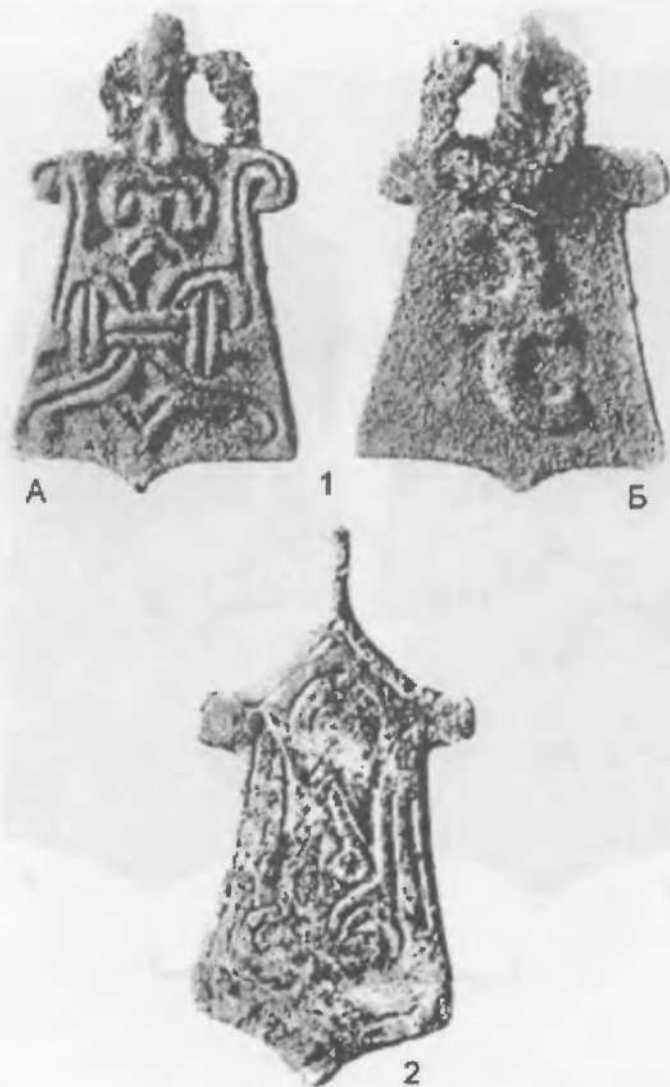

Рис. 17. Геральдические подвески.
 1 – № 49 (по (Гатцук 1904, табл.V: 7,9));
 2 – № 48 (по (Гатцук 1904, табл.V: 7,9))

Рис. 18. Геральдические подвески.
1 – № 51; 2 – № 52 (фото А.А.Беговаткина)

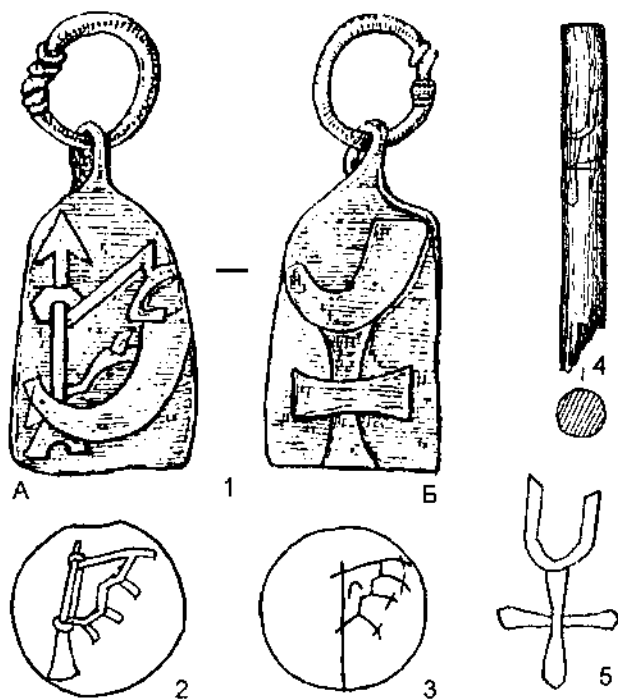

Рис. 19. 1 – Геральдическая подвеска № 53 (по: (Финно-угры и балты 1987: 456, табл. СXXXVII, 31));
 2, 3 – граффити на восточных монетах
 (по: (Нахапетян, Фомин 1994: № 74а, 259а));
 4, 4а – деревянная бирка из Новгорода и знак на этой бирке
 (по: (Ковалев 2003: рис. 1))

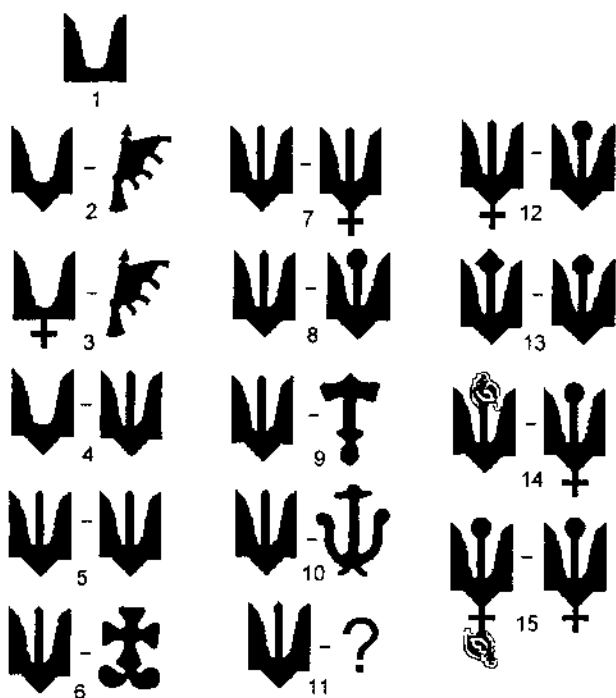

Рис. 20. Схематизация знаков на древнерусских геральдических подвесках X–XI вв.
 1 – № 32; 2 – № 40; 3 – № 53; 4 – № 31 (до «редактирования»);
 5 – № 31 (после «редактирования»); 6 – № 42; 7 – № 51–52; 8 – № 34; 9 – № 50;
 10 – № 35–36; 11 – № 39; 12 – № 8, 33, 41; 13 – № 30; 14 – № 37; 15 – № 28, 38.

ИЗ РИМА В ИЕРУСАЛИМ С ОСТАНОВКОЙ В ЛАДОГЕ

Одна из трех редакций исландского перевода «Саги об Олаве Трюггвасоне» Олда Сноррасона заканчивается следующей главкой (при-
вожу ее с небольшими сокращениями):

«Так говорил один умный человек, которого звали скальд Сотти, что конунг Олав отправился после этой битвы в Вендланд вместе с королевой Астрид и Диксином и пробыл там два года. Оттуда отправились они в Веллонд (*i Vellond*). Там у Астрид были усадьба и земля. [*Олав отказался от различных предложений Астрид — провести там зиму, отправиться в Норвегию и вернуть себе страну, пойти походом на Англию.*] Тогда спросила она, что бы он выбрал, если бы она предложила ему выбор. Он сказал, что хочет поехать в Рим (*ut til Rums*). После этого поехали они на юг до Рейна (*suðr til Rinar*), и не захотела тогда Астрид ехать дальше. И дала она конунгу лошадь, навьюченную чистым серебром. Тогда повернула Астрид назад с пятью людьми, а Олав отправился на юг в Рим (*suðr til Rums*) с девятью людьми и говорил, что он норвежский купец. И когда он приехал в Рим (*til Romaborgar*), поселился он в подвале одного дома, и выходил оттуда, только когда слушал службу или когда было другое важное дело, и пробыл там одну зиму. А следующим летом отправился он на восток в Гарды (*i Garða austr*) и провел одну зиму в Альдейгьюборге (*i Alldæigju borg*). Оттуда отправился он в Палестину (*til Iorsala*) и провел там три зимы. Казалось там всем людям, что он был выдающимся человеком, превосходящим всех других людей. И предложили ему люди в этой стране власть и управление над двумя городами и тремя замками, со всеми податями, которые там полагались. И больше по причине их просьб, нежели из тщеславия, принял он эту власть и надел черные одежды и два года был настоятелем того монастыря, который находился недалеко от Иерусалима (*skamt fra Iorsalaborg*). И когда прошло пять лет с того времени, как он покинул Норвегию, пришли норманны в тот город, и конунг встретил их, и дал им в руки ту книгу, в которой была записана эта сага, и просил их поехать к конунгу Адальраду в Англию. И, как сооб-

цают, эта сага с тех пор была у него. А после его смерти эту сагу взял конунг Эадвард... И знают с тех пор все его друзья правду о его судьбе. На этом заканчивается сага о конунге Олаве, которого по праву можно назвать апостолом норманнов. Сагу эту написал монах Одд, чтобы превознести этого выдающегося конунга...» (Ó.Тг.Oddr: 259–261).

Описанные здесь события — что совершенно очевидно — не относятся к числу исторических фактов. Перед нами «вариант довольно распространенной средневековой легенды о герое, который не умер и не погиб в роковом для него бою, а скрылся или спасся; его с тех пор видели, и он рано или поздно вернется» (Рыдзевская 1945: 57). Однако, хотя описываемые в легендах события «относятся к области фантазии, сам по себе рассказ — реальное событие, он возник в определенный исторический момент и является продуктом определенной социальной и политической, культурно- или духовно-исторической обстановки, другими словами, его следует рассматривать как исторический факт, а возможно даже и как исторически действенный фактор» (Мюллер 1974: 48). Впрочем, реальностью дошедшего до нас текста как явления своего времени не исчерпывается его значение: в любом, даже самом фантастическом материале, может быть выявлена некая «косвенная» информация, зачастую оказывающаяся ненамеренным, неосознанным отражением существующих в обществе фоновых знаний или представлений.

Уточним датировки «Саги об Олаве Трюгвасоне». Сага была написана по-латыни монахом бенедиктинского Тингейрарского монастыря на севере Исландии, Оддом Сноррасоном (умершим в 1200 г.), во второй половине XII в. Исследователями время ее создания датируется неоднозначно: от 1160–1170 до ок. 1190 г. В своем латинском оригинале сага не сохранилась, но до нас дошли три списка ее перевода на древнеисландский язык. Они в свою очередь датируются по-разному: А. Хольтсмарк, к примеру, считает, что перевод не старше 1190 г., Олавур Хальдорссон — что он выполнен ок. 1200 г. (подробнее и литературу см. в: Джаксон 1993: 122–124). Посещение Олавом Трюгвасоном *Альдейгьюборга* (Ладога) после битвы при Свёльде (остров у вендских берегов, недалеко от Рюгена) описано только в редакции U. Две другие редакции саги (A и B) также знают особую версию конца жизни Олава после решающей битвы, но поездка на Русь и в Ладогу им неизвестна. Вероятно, вставка была сделана создателем редакции U, и произойти это могло немногим позднее времени составления саги, а именно в последнем десятилетии XII в.

Слухи о том, что Олав не погиб, а спасся, начали циркулировать сразу после битвы при Свёлде (1000 г.) и нашли отражение в «Поминальной драпе об Олаве Трюггвасоне» Халльфреда Трудного Скальда, датируемой 1001 годом (Skj. AI. 159). В конце XII в., раньше чем возникла редакция У саги монаха Одда, этого сюжета коснулись монах Теодорик (1177–1180 гг.) утверждавший, что «некоторые говорят, будто король спасся тогда на лодке и объехал чужеземные страны (*exterarum regiones*) ради спасения своей души» (Theodricus: k. 14), и автор «Обзора саг о норвежских конунгах» (ок. 1190 г.). В последнем источнике рассказ о битве при Свёлде заканчивается ссылкой на существующее мнение, что Олав не погиб, а ушел в монастырь в Палестине (*á Jórðsalalandi*) (Ágrip: k. 20).

Маршрут Олава, описанный в редакции У исландского перевода саги монаха Одда — пеший переход от Рейна в Рим, а далее в Ладогу и Иерусалим — представляется по меньшей мере странным. Е.А. Рыдзевская, однако, считает упоминание Ладоги чертой исторической действительности. По ее мнению, «тот, кто это сделал, во всяком случае, отдавал себе отчет в значении Ладоги на великом водном пути, который вел на юг. Что это вставлено в рассказ о паломничестве Олафа в Палестину, легко объясняется тем, что скандинавы долго ездили туда через Русь и Византию, днепровско-черноморским путем, добираясь до Днепра по Волхову и Ловати или по Западной Двине. Летняя поездка на Русь с остановкой в Ладоге сильно отзывается историчностью, подлинной обстановкой поездок эпохи викингов» (Рыдзевская 1945: 58).

Попробуем далее посмотреть на материале источников, какими были представления средневековых скандинавов о путях в Рим и Иерусалим. Остановлюсь на нескольких самых известных примерах и попытаюсь их некоторым образом упорядочить хронологически.

Вторая половина XI в.: «Восточный путь» в Иерусалим

Самую раннюю информацию сохранили рунические надписи. Надпись на мемориальном камне из Стэкета (Упланд, Швеция), датируемая второй половиной XI в., явно указывает на путь в Иерусалим через территорию Древней Руси, поскольку таково в данном контексте значение наречия *austr* «на восток» (см. о нем: Джаксон 1988): «Ингирунн, дочь Хёрда, велела высечь руны по себе самой. Она собирается ехать на восток и далее в Иерусалим. Фот высек руны» (Мельникова 1977: № 79). Не столь однозначную информацию содержит надпись на

камне из Бробю (Упланд, Швеция), «герой» которой умер в Греции, не доехав до Иерусалима: «Астрид велела установить эти камни по Эйстейну, своему супругу. Он направлялся в Иерусалим и умер далеко (?) в Греции» (Мельникова 1977: № 99), хотя вполне вероятно, что именно из Упланда в Швеции он тоже двигался «Восточным путем».

Начало XII в.: сухопутные маршруты из Дании в Рим и из Дании в Константинополь; плавание из Константинополя в Иерусалим с остановкой на Крите

Датский конунг Эрик Добрый (1095–1103), согласно «Саге о Кнютлингах», в начале своего правления посетил святые места Рима, Венеции и Бари, совершив пеший переход из Дании и обратно (Knytl. s.: кар. 74), а в конце своего правления собрался в паломничество в Иерусалим, но не сумел завершить его. «У него было большое конное войско и много пеших воинов», т.е. он пустился в сухопутный поход, и добрался он из Дании до *Миклагарда* (Константинополя). Император, среди прочих подарков, преподнес ему четырнадцать боевых кораблей. Эрик отплыл из *Миклагарда* в *Йорсалаланд* (Палестину), но, доплыв до Кипра в Греческом море, заболел и умер (Knytl. s.: кар. 81). Ср. о паломничестве Эрика Доброго в «Дорожнике» аббата Николая (см. ниже).

Маршрут из Дании в Иерусалим, описанный сагой, известен также из небольшого географического сочинения под названием «Пути» (см. ниже), датируемого Е.А.Мельниковой «из общеисторических соображений» второй половиной XIII в. «Общеисторические соображения» сводятся к тому, что автор трактата «не говорит о водном пути на Русь и в Константинополь (через Балтийское море и речные системы Восточно-Европейской равнины)... что, вероятно, указывает на составление заметки в то время, когда Восточный путь практически перестал функционировать из-за завоевания немецкими и датскими крестоносцами Восточной Прибалтики, шведских крестовых походов в Финляндию... и монголо-татарского нашествия» (Мельникова 2001: 424). Что касается «Саги о Кнютлингах», то в ней мы вряд ли можем усматривать описание «общеисторически» оправданного маршрута середины XIII в. (времени записи саги), поскольку рассказ саги основан на цитируемой здесь же «Драпе об Эйрике», сочиненной в 1104 г. Маркусом Скеггьяссоном, недвусмысленно указывающей на то, что оба путешествия датского конунга Эрика были сухопутными. Очевидно, что в середине XIII в. сага рассказывает о реальных событиях и маршрутах начала XII в.

Начало XII в.: «Западный» морской путь из Норвегии в Иерусалим; плавание из Иерусалима в Константинополь с остановкой на Кипре; пеший маршрут из Константинополя в Данию через Болгарию, Венгрию и Германию

Три свода королевских саг, записанных примерно через сто лет после смерти знаменитого норвежского короля Сигурда Магнуссона (1103—1130), получившего прозвище Крестonosец, повествуют о его походе в Святую Землю, не слишком расходясь в описании его маршрута. Как следует из их рассказов, он отплыл из Норвегии в Англию, где провел зиму, далее он поплыл во Францию, затем вдоль западного побережья Испании, минуя города Лисабон и Алькассе, далее через Гибралтарский пролив, вдоль северной Африки к острову Форментера, к острову Ивиса и к острову Манорк; он приплыл на Сицилию, вслед за тем из Греческого моря отправился в Йорсалаланд (Палестину), а оттуда в Йорсалаборг (Иерусалим). На обратном пути он приплыл на Кипр и затем в Константинополь. Там он оставил корабли, а позолоченную голову со своего корабля поставил в Церкви св. Петра. Император подарил ему лошадей и дал провожатых. Он «поехал сначала в Болгараланд (Болгарию. — Т. Д.), затем через Унгараланд (Венгрию. — Т. Д.) и Паннонию, Сваву (Швабию. — Т. Д.) и Бюйараланд (Баварию. — Т. Д.). Там он встретился с Лоцариусом кейсаром из Румаборга (герцог Лотарь Саксонский, 1075—1137, император Священной Римской империи с 1133 г. — Т. Д.), который его очень хорошо принял, дал ему провожатых по всей своей стране и велел обеспечить ему покупку всего необходимого. Когда Сигурд конунг приехал в Слесвик в Дании, Эйлив ярл дал в его честь роскошный пир. Это было в середине лета. В Хейдабю он встретился с Николасом конунгом датчан. Тот его очень хорошо принял, проводил его сам на север Йотланда и дал ему корабль со всей оснасткой. На этом корабле он поплыл в Норвегию. [...] Поход длился три года» (HF: XXVIII, 239—254; перевод — КЗ: 487; ср.: Msk.: 338—353; ср.: Fask.: k. 51).

Итак, вновь перед нами «круговой» маршрут: западный, океанический и морской на пути из Норвегии в Палестину, морской от Иерусалима до Константинополя, сухопутный на обратном пути от Константинополя до Дании и вновь морской от Дании до Норвегии. Более того, хотя он и описан в сводах саг первой трети XIII в., маршрут этот не может рассматриваться нами лишь как отражение представлений людей XIII века, поскольку сведения саг, по крайней мере о первой

части пути, вновь основываются на стихах скальдов начала XII в. — современников описываемых событий: Торарина Короткий Плащ, Эйнара Скуласона и Халльдора Болтуна.

Середина XII в.: Варианты сухопутного маршрута из Скандинавии в Святую Землю

О существовании различных пеших путей через Центральную Европу нам достоверно известно из древнейшего дошедшего до нас исландского итинерария — «Дорожника» аббата Николая, составленного им в 1150-х гг. после паломничества в Рим и Иерусалим (Linnroth 1990; Мельникова 2001: 369—415). Николай называет два маршрута из Норвегии до Майнца — через Данию и через Фризию; указывает два варианта центральногерманского отрезка маршрута и т.д. Фактически «он не только описывает свой собственный маршрут, но рисует разветвленную сеть дорог, которыми следовали паломники» (Мельникова 2001: 374—375).

Конец XII в.: «Восточный путь» из Скандинавии в Константинополь и обратно

«Обзор саг о норвежских конунгах» (ок. 1190 г.) рассказывает о том, как Харальд Сигурдарсон добрался до Константинополя после битвы при Стикладире (1030 г.) и как он по прошествии лет вернулся на родину. Эти тексты указывают на традиционный для XI в. (о чем, как мы видели выше, говорят рунические надписи), путь «из Варяг в Греки»: «Он бежал после его (Олава Харальдссона. — Т. Д.) гибели прочь из страны и в Аустрвег, и так до Миклагарда»; «И вот когда проходит некоторое время, отправляется Харальд, брат Олава Святого, домой из Гарда (Миклагарда. — Т. Д.) через Аустрвег на торговом корабле...» (Ágrip: k. 32, 38). Вместе с тем из «Обзора» можно понять, что и в конце XII в. «Восточный путь» воспринимался как естественный маршрут из Скандинавии в Константинополь и обратно.

Конец XII в. или середина XIII в.: «Восточный путь» из Иерусалима в Скандинавию, через Константинополь

Согласно «Саге о крещении», Торвальд Кодранссон и Стевнир Торпильссон «после исчезновения конунга Олава» (т. е. после 1000 г.) «отправились вдвоем по всему свету и вплоть до Йорсалахейма (Палести-

ны. — Т. Д.), а оттуда до Миклагарда (Константинополя. — Т. Д.), и так до Кёнугарда (Киева. — Т. Д.) еще восточнее по Непру (Днепру. — Т. Д.). Торвальд умер в Руси недалеко от Паллтескьи (Полоцка. — Т. Д.). Там он похоронен в одной горе у церкви Иоанна Крестителя... Стевнир тогда отправился на север в Данию» (Кг. s.: 43—44).

В «Пряди о Торвальде Путешественнике» герой много путешествовал и добрался до Иерусалима, чтобы посетить святые места. Он побывал также во многих местах в Греции и пришел в Константинополь. Затем он был поставлен византийским императором «правителем над всеми конунгами в Русланде и во всем Гардарики». Там он основал монастырь Иоанна Крестителя, в котором и окончил свои дни (Fogv. p.: 79).

«Сага о крещении», записанная во второй половине XIII в., возможно Стурлой Тордарсоном (умершим в 1284 г.), восходит к некоему утерянному сочинению середины XIII в. К нему же восходит и «Прядь о Торвальде Путешественнике» (до 1250 г.), а оно, в свою очередь, считается восходящим к несохранившемуся латиноязычному жизнеописанию Олава Трюггвасона, созданному монахом Гуннлаугом Лейвссоном (до 1200 г.). Сведений о более ранних источниках информации о Торвальде и его странствиях мы не имеем, а потому мы должны заключить, что оба текста фиксируют представление о возможности попасть из Иерусалима на Русь (в Киев, Полоцк) через Константинополь, а далее добраться до Скандинавии (в частности до Дании), существовавшее либо в самом конце XII в., либо в середине XIII в.

Первая треть XIII в.: Из Руси через южнобалтийские земли и Центральную Европу в Рим и Константинополь

Большому числу скальдических стихов второй четверти XI в. и сводов саг XIII в. известно о том, что будущий норвежский правитель Харальд Суровый Правитель провел в юности много лет на востоке — на Руси (1031—1033 гг.) и в Византии (1034—1043 гг.). Как следует из «Гнилой кожи» (1220—1230 гг.), он посватался к Елизавете, дочери Ярослава Мудрого. Ярослав сказал, что не может отдать дочь чужеземцу, у которого «нет государства для управления» и который недостаточно богат для выкупа невесты, но при этом не отверг его предложения и обещал «сохранить ему почет до удобного времени» (Msk.: 58—59). «Гнилая кожа» описывает маршрут, которым Харальд попал из Киева в Константинополь: «И после этого разговора собрался он отправиться прочь из страны, о чем упоминается в его песни, что он

отправился с войском на восток по Вендланду, и так до Саксланда (Саксонии. — *Т. Д.*), и дальше на запад по Фракланду (Франции. — *Т. Д.*), как сказал Иллуги... [*в виле исландского скальда XI в. упомянуты Frakkar «франки»*]. Оттуда он отправился в Лангабардаланд (Ломбардию. — *Т. Д.*) и затем в Ромаборг (Рим. — *Т. Д.*), а после этого в Пул (Апулию. — *Т. Д.*) и там взошел на корабль, и поплыл оттуда в Миклагард (Константинополь. — *Т. Д.*) к императору, как говорит Бёльверк... [*в виле исландского скальда XI в. говорится о том, как Харальд подошел на боевых кораблях к Миклагарду*]» (Msk.: 59). Как мы видим, сага описывает не самый короткий путь из Руси в Константинополь (включающий в себя пеший переход из Франции, или даже Саксонии, в Рим и Апулию), более того, не тот путь, которым Харальд по прошествии лет, по словам той же саги, оттуда возвращается (через Черное море) (Msk.: 84–85; ср.: Fask.: k. 51; IF: XXVIII, 88; Hulda: k. 15). Собственно говоря, согласно «Гнилой коже», в путешествии Харальда, замыкается тот же путевой круг, включающий восточноевропейский речной и центральноевропейский сухопутный маршруты, что и в саге монаха Одда, повествующего о странствиях Олава Трюггвасона.

Описание «кругового» маршрута Харальда из Руси в Константинополь через Балтийское море, Центральную Европу, Италию, Средиземное и Эгейское моря автор «Гнилой кожи» строит на основании «Песни о Харальде Суровом» Иллуги Скальда из Долины Брони. Нам трудно сейчас судить о том, содержалась ли в песне скальда XI в. какая-либо иная информация о путешествии Харальда, нежели упоминание *Frakkar* «франков» в строфе, цитируемой в «Гнилой коже», поскольку до нас дошло всего четыре строфы данной песни и три другие строфы соответствующей информации не несут. Более того, мы не знаем, идет ли у скальда речь об этом конкретном путешествии. Единственное, что очевидно, это то, что других строф скальда Иллуги или иных авторов, подтверждающих весь маршрут Харальда, «Гнилая кожа» не упоминает. Соответственно, у нас есть основания полагать, что если автор данного свода саг сознательно отправил Харальда из Руси в Константинополь круглым путем (а не так, как это сделал автор «Обзора», о чем речь шла выше), то мы имеем дело с отражением представлений первой трети XIII в.

Первая половина XIII в.: Варианты сухопутного маршрута из Скандинавии в Рим

Согласно «Красивой коже» (ок. 1220 г.), в Рим в паломничество отправился (в 1027 г.) датский и английский король Кнут Великий. Из Англии он переплыл на корабле во Францию, а дальше он и его люди, с сумой и посохом, пошли в Рим (Fask.: kap. 40). «Сага о Кнютлингах» (сер. XIII в.) уточняет, что пеший переход в Рим он совершил из Флемингьяланда (Фландрии) (Knútl. s.: kap. 17). Таким образом, в этих источниках отразился знакомые скандинавам первой половины XIII в. пешие переходы из Франции и из Фландрии в Рим.

Вторая половина XIII в.: Сухопутные маршруты в Рим и Константинополь–Иерусалим

Выше упоминалось географическое сочинение «Пути» (втор. пол. XIII в.). В нем лаконично описываются два сухопутных маршрута из Дании — один в Рим, а другой, через Венгрию, либо на Русь, либо в Константинополь–Иерусалим: «Из Ютландии сушей ездят через Саксланд (Саксонию. — Т. Д.) и Фракланд (Францию. — Т. Д.), через Лангбардаланд (Ломбардию. — Т. Д.) в Ромаборг (Рим. — Т. Д.). Из Саксланда сушей ездят в Унгараланд (Венгрию. — Т. Д.), а оттуда можно ехать на восток в Гарды (на Русь. — Т. Д.) или в Грикланд (Грецию. — Т. Д.) до Миклагардсборга (Константинополя. — Т. Д.) и дальше до Йорсалира (Иерусалима. — Т. Д.)» (Aí: 44–45).

Конец XIII в.: Варианты сухопутного маршрута из Скандинавии в Рим

Записанная в последней четверти XIII в. (между 1275 и 1290 гг.) «Сага о Ньяле» описывает два паломничества в Рим, совершенных в начале XI в. Сначала Флоси отправился «через море на юг и там начал свое паломничество. Он шел пешком и не останавливался, пока не пришел в Рим. Там он был в большом почете, так что сам папа отпустил ему грехи, а он дал за это много денег. Он отправился назад восточным путем (*hann fór þá aftur hina eystri leið*), останавливался во многих городах, бывал у знатных людей и повсюду был в большой чести. Он пробыл зиму в Норвегии, и ярл Эйрик подарил ему корабль, чтобы плыть в Исландию...» (Сага о Ньяле: CLVIII). А на следующее лето Кари поплыл из Исландии «через море на юг. Он начал свое паломничество в Нормандии, дошел до Рима, получил отпущение грехов и западным путем отправился обратно (*fór aftur hina vestri leið*).

Он сел в Нормандии на свой корабль и поплыл через море на север, в Дувр. Оттуда он поплыл на запад, обогнул Уэльс, прошел на север мимо шотландских фьордов и не останавливался, пока не приплыл в Трасвик на Катанесе...» (Сага о Ньяле: CLIX).

Оба раза исландцы совершают сухопутный переход через всю Центральную Европу в Рим, а на обратном пути избирают, соответственно, «восточный» и «западный» пути, как их называет сага. Ничто не дает нам оснований утверждать, будто сага фиксирует (сохраненные устной традицией) реалии XI в., — скорее, мы имеем дело с географическими представлениями времени написания саги, т.е. конца XIII в. Ничто не указывает также на то, что «восточный путь» — это знаменитый *Austrvegr* «Аустрвег», путь по восточноевропейским речным путям (ср., например: «*pá sœkir Haraldr... heim ór Garði um Austrveg á kaupskipi*» «тогда отправляется Харальд... домой из Гарда через Аустрвег на торговом корабле»). Что касается «западного» пути, то, как сообщает сага, на корабль прошедший западным путем Кари восходит лишь в Нормандии, т.е., скорее всего, это — не морской путь вдоль западных берегов Испании и Франции, а тоже сухопутный маршрут. Весьма велика вероятность того, что речь идет о разных вариантах центральноевропейских путей.

Итак, оценивая свидетельства источников относительно скандинавской картины мира, мы можем констатировать, что для XII века в ней на равных правах присутствуют три основных маршрута из Скандинавии в Рим, Константинополь и Иерусалим — «Западный» морской путь, различные варианты сухопутного центральноевропейского маршрута и «Восточный» путь по рекам Восточной Европы, — в то время как для XI века зафиксирован только последний из них (речной), а для XIII века, напротив, только континентальный (сухопутный). Нередко, в рассказах о более раннем времени, но при отсутствии более ранних свидетельств, авторы XII и XIII веков сами конструируют маршрут, скорее всего, руководствуясь господствующими в обществе представлениями.

Яркую параллель скандинавскому материалу мы находим во включенном в «Повесть временных лет» «Хождении апостола Андрея»: «Когда Андрей учил в Синопе и прибыл в Корсунь, узнал он, что недалеко от Корсуны устье Днепра, и захотел отправиться в Рим, и проплыл в устье днепровское, и оттуда отправился вверх по Днепру. И случилось так, что он пришел и стал под горами на берегу. И утром встал и сказал бывшим с ним ученикам: «Видите ли горы эти? На этих

горах воссияет благодать Божия, будет город великий, и воздвигнет Бог много церквей». И взойдя на горы эти благословил их, и поставил крест, и помолился Богу, и сошел с горы этой, где впоследствии будет Киев, и пошел вверх по Днепру. И пришел к славянам где нынче стоит Новгород, и увидел живущих там людей — каков их обычай и как моются и хлещутся, и удивился им. И отправился в страну варягов, и пришел в Рим, и поведал о том, как учил и что видел... Те же, слышав об этом, удивлялись, Андрей же, побыв в Риме, пришел в Синоп» (ПВЛ: 145). Его «кольцевой» маршрут от Синопа до Синопа Л. Мюллер весьма удачно объясняет «географическими представлениями о двух путях в Рим». Он подчеркивает, что в Киевской Руси знали, «что имелось два пути, по которым из Киева можно было водным путем добраться до Рима: вниз по Днепру через Черное море и Константинополь и вверх по Днепру до Волхова с преодолением небольшого участка пути волоком и далее по Балтийскому морю. При описании этих двух путей в Рим летописец и вставляет в свое повествование Сказание об Андрее, как бы в подтверждение того, что некогда кто-то воспользовался этим длинным северным путем». Еще один важный момент, отмечаемый исследователем, тот, что «представления о расстояниях были довольно смутные». Киевлянину, решившему «отправить» Андрея в Рим и «знавшему о двух путях в Рим, но имевшему туманное представление об истинных расстояниях, могло показаться возможным, что апостол избрет северный путь, который так подробно был описан летописцем (имевшим, очевидно, также смутное представление о расстояниях)» (Мюллер 1974: 59–60).

Возвращаясь к «Саге об Олаве Трюгвасоне» монаха Одда и пытаясь объяснить присутствие Ладоги в передвижениях конунга после битвы при Свёлде, мы можем утверждать, что имеем дело с отразившейся здесь скандинавской картиной мира XII века, в которой, при недостаточном знакомстве с реальными расстояниями, были зафиксированы представления о наличии многочисленных и разнообразных путей в Рим, Константинополь и Святую Землю. Один из этих путей, вне всякого сомнения, был связан с Ладогой.

Сокращения и литература

ÁÍ — Alfræði Íslenzk. Íslandsk encyclopedisk litteratur. B. I. København, 1908.

Ágrip — Ágrip af Nóregskonunga sögum / Bjarni Einarsson // Íslenzk fornit. B. XXIX. Reykjavík, 1984. Bl. 3–54.

Fask. — Fagrskinna: Nóregs konunga tal, Bjarni Einarsson // Íslenzk fornit. B. XXIX. Reykjavík, 1984. Bl. 55–373.

Hulda — Hulda // Formanna sögur eptir gömlum handritum. Kaupmannahöfn, 1831. B. VI.

Knýt. s. — Knýtlinga saga, in Sögur Danakonunga, Carl af Petersen og Emil Olson // SUGNL. B. XLVI. 1919–1925.

Kr. s. — Kristni saga / B. Kahle // Altnordische Saga-Bibliothek. B. 11. Halle a. Saale, 1905.

Lönnroth 1990 — Lönnroth L. A road paved with legends. The pilgrim itinerary of Nikolás Bergsson // Lönnroth L. Two Norse-Icelandic Studies. Göteborg, 1990. P. 17–34.

Msk. — Morkinskinna / Finnur Jónsson // SUGNL. B. LIII. 1932.

Orkn. s. — Orkneyinga saga / Sigurður Nordal // SUGNL. B. XL. 1913–1916.

Ó.Tr.Oddr — Saga Óláfs Tryggvasonar av Oddr Snorrason munkr / Finnur Jónsson. København, 1932.

Skj. AI — Finnur Jónsson. Den Norsk-Íslandske Skjaldedigtning. A: Text efter håndskrifterne. København, 1967. B. I: 800–1200.

SUGNL — [Skrifter udgivet af] Samfund til udgivelse af gammel nordisk litteratur. København.

Theodricus — Theodrici monachi Historia de antiquitate regum Norwagiensium // Monumenta historica Norvegiæ: Latinske kildekrifter til Norges historie i middelalderen / Gustav Storm. Kristiania, 1880. S. 1–68.

Þorv. þ. — // Þátr Þorvalds ens víðförla / B. Kahle // Altnordische Saga-Bibliothek. B. 11. Halle a. Saale, 1905.

Джаксон 1988 — Джаксон Т.Н. Древнескандинавская топонимия с корнем aust- // Скандинавский сборник. Таллинн, 1988. Вып. XXXI. С. 140–145.

Джаксон 1993 — Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времен до 1000 г.). Тексты, перевод, комментарий. М., 1993.

КЗ — Снорри Стурлусон. *Круг Земной* / Издание подготовили А.Я. Гуревич, Ю.К. Кузьменко, О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. Москва, 1980.

Мельникова 1977 — Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи. Тексты, перевод, комментарий). М., 1977.

Мельникова 2001 — Мельникова Е.А. Древнескандинавские итинерарии в Рим, Константинополь и Святую Землю // Древнейшие государства Восточной Европы. 1999 г. М., 2001. С. 363–436.

Мюллер 1974 — Мюллер Л. Древнерусское сказание о хождении апостола Андрея в Киев и Новгород // *Летописи и хроники*. Сборник статей. 1973 г.: Посвящен памяти Арсения Николаевича Насонова. М., 1974. С. 48–63.

ПВЛ — *Повесть временных лет* / Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Лихачева. Под ред. В.П. Адриановой-Петр. Издание 2-е испр. и доп. / М.Б. Свердлов. СПб., 1996.

Рыдзевская 1945 — Рыдзевская Е.А. Легенда о князе Владимире в саге об Олаве Трюггвасоне // *Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР*. Т. II. М.; Л., 1935. С. 5–20.

Сага о Ньяле — Сага о Ньяле // *Исландские саги. Ирландский эпос*. М., 1973. С. 163–445.

КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЕ ПРИОБРЕТЕНИЯ АРХИЕПИСКОПА АНТОНИЯ И НОВГОРОДСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО НАЧАЛА XIII ВЕКА

Около 1200 г новгородец Добрыня Ядрейкович, принявший в монашестве имя Антоний и ставший позднее новгородским архиепископом, совершил паломничество в Константинополь. Одним из результатов его поездки стало приобретение и привоз в Новгород ряда христианских реликвий.

Наиболее известное тому свидетельство содержится в Новгородской первой летописи: «Тъгда же бяше пришьль, преже изгнания Митрофана архиепископа, Добрына Ядрейковиць изъ Цесаряграда и привезе съ собою гробъ господень...».¹ Начиная с архимандрита Макария (Миролюбова) и П.И. Савваитова большинство исследователей сходятся во мнении, что под «Гробом Господнем» в данном случае понимается мера Гроба Господня в виде ленты, которая хранилась в ризнице Софийского собора.²

Свидетельства о приобретении Антонием других реликвий менее известны и не столь однозначны. Они содержатся в некоторых списках «Книги Паломник» (списки *Б* и *М*)³, написанной Антонием вскоре после его поездки и представляющей собой своеобразный путеводитель с подробным перечислением святынь византийской столицы. Данные свидетельства являются вставками в основной текст и имеют следующее содержание.

1. В списке *М*. При описании места погребения Св. Феодора Стратилата после предложения «Светку же святого Феодора, яже была отъ тела, въ ней же мучень бысть, покладываютъ на гробъ на праздникъ его» вставка: «и у мене ризы тоя есть. *И*».⁴

2. В списке *М*. При описании места погребения Св. Власия Севастийского после слов «А въ Калуянове монастыре святого Власия» вставка: «глава, и у мене мощи святого Власия».⁵

3. В списках *М* и *Б*. При описании церкви Иоанна Богослова после слов «*И* близъ же (у *Б*) святая (святая *Б*) Софии есть церкви на Под-

румиемь свягата Иоанна Богослова; ту же есть камень, ижь подложень былъ подь главу» вставка: «въ рове Иоаннова (Иоаннове М), того камене и у мене есть». ⁶

Итак, приведенные фрагменты содержат информацию о приобретении Антонием частицы ризы Св. Феодора Стратилата, часть мошей Св. Власия Севастийского, одного из 40 севастиийских мучеников и часть камня от изголовья гроба Св. Иоанна Богослова.

Список М датируется XVII в, а список Б XVIII в. ⁷ Время появления данных купюр неизвестно, это заставляет с сомнением отнести к их достоверности. В то же время характер этих вставок позволяет сделать противоположный вывод.

Сразу же обращает на себя внимание то обстоятельство, что вставки сделаны от первого лица, то есть от того же лица, от которого ведется все повествование. Вставка от первого лица представляется совершенно не характерной для переписчиков XVI – XVIII вв. Переписчик, желающий внести уточнение в древний текст, скорее бы указал современное место нахождения реликвий (конкретный храм или монастырь). Фраза «и у мене есть», если она внесена в текст от лица автора вставки, не только не несет уточняющего характера, но и выглядит некорректной. Использованная конструкция, как мне кажется, однозначно указывает на стремление автора вставки выдать ее за слова автора основного текста, то есть за слова Антония. Решиться на такое автор вставки мог, лишь имея неопровержимые доказательства приобретения Антонием названных реликвий. Такие сведения он мог получить при ознакомлении с церковными или монастырскими описями, однако более вероятно, что эти сведения он почерпнул из неизвестных нам (несохранившихся или неизданных) списков Антониева произведения. Только в таком случае данная вставка могла быть признана корректной. В пользу данной версии свидетельствует так же наличие одной и той же вставки (о приобретении камня от гробницы Иоанна Богослова) в списке М и в списке Б.

Отсутствие этой информации в иных списках объяснить достаточно легко. Редакторская функция переписчиков до XVI в, как правило, сводилась к сокращению древних текстов, к исключению из них несущественных, с их точки зрения, личных или оценочных моментов. В XVI – XVII вв появляется тенденция к созданию частных изводов, где отдельные места также могли быть сокращены. Этим же принципами руководствовались и переписчики Антониевой книги. Ряд списков «Книги Паломник» были значительно сокращены редакторами.

Например, в одном из древнейших списков – в списке И.Е.Забелина (список 3) – были исключены не только известия историко-хронологического характера, но даже и имя автора.⁸

Приведенные соображения свидетельствуют в пользу достоверности информации, содержащейся в данных вставках. Следует заметить, что в ее достоверности не сомневался и Х.М.Лопарев, редактор наиболее используемого издания «Книги Паломник».⁹ Косвенным подтверждением истинности этой информации может оказаться удивительная соотнесенность набора реликвий, приобретенных Антонием, со строительными мероприятиями в Новгороде в начале XIII в.

Общеизвестно, что священные реликвии являлись огромной ценностью в средневековой Европе. Их появление зачастую приводило к строительству новых храмов или к перестройкам уже существующих. Количество священных реликвий на Руси, не принимавшей непосредственного участия в крестоносном движении, было несравненно меньшим, чем на Западе. Их значимость и ценность при этом оказывались гораздо большими. Логично поэтому предположить, что появление в Новгороде, на краю православного мира, ценных христианских святынь могло повлечь за собой строительные мероприятия: создание или обновление храмов, посвященных святым, чьи реликвии были приобретены.

В русле этих суждений лежит предположение Г.М.Штендера о перестройке престола в центральной апсиде новгородского Софийского собора в связи с привозом Антонием в Новгород «Гроба Господня». В начале XIII в в новгородской Софии были проведены локальные строительные работы, в частности, был перестроен престол. Была заменена верхняя плита престола, каменные столбы облицованы плинфой и расписаны.¹⁰ Как показали исследования, при создании нового престола была использована мера, привезенная Антонием.¹¹

Развивая эту идею, можно допустить, что привезенные Антонием реликвии были помещены в храмы (или приделы при храмах), посвященные Св. Феодору Стратилату, Св. Власию Севастийскому (или 40 севастиийским мученикам) и Св. Иоанну Богослову. Посвящение храма во имя 40 мучеников крайне редкое в древнерусской практике. Достаточно редко в домонгольское время встречаются посвящения Св. Феодору и Св. Иоанну Богослову. Если предположение о приобретении Антонием названных реликвий верно, то возведение храмов с данными посвящениями или строительные работы в них должны были произойти вскоре после приезда Антония.

К настоящему времени известно около десяти случаев строительных работ в Новгороде, относящихся к двум первым десятилетиям XIII в. Письменные источники сообщают о строительстве семи каменных храмов: Ильи на Славне (1198 – 1202 гг), надвратной церкви Аркажского монастыря (1206 г), церкви Пантелеймона (1207 г), Параскевы Пятницы на Торгу (1207 г), 40 мучеников (1199 – 1211 гг), Антония (1211 г), Варвары (1218 г).¹² Еще два храма, неупомянутые летописью, – церковь Рождества Богородицы на Пырьини¹³ и церковь Феодора Стратилата на Софийской стороне¹⁴ – могут быть отнесены к этому периоду предположительно. Локальные строительные работы, возможно относящиеся к этому времени, зафиксированы в Софии,¹⁵ в церкви Феодора на Ручью¹⁶ и в Николо-Дворищенском соборе.¹⁷ Как мы видим, в этом списке присутствуют церковь 40 мучеников и сразу два храма Св. Феодора Стратилата; придел Св. Иоанна Богослова есть в Софийском соборе.

Церковь 40 мучеников была заложена неревскими боярами Малышевичами в 1199 г. Представитель этой династии Яков Прошкинич погиб в 1193 г в неудачном для новгородцев походе на югу. Возглавлял этот поход воевода Ядрей, отец Антония. Д.И.Прозоровским было высказано предположение о том, что воевода Ядрей и Яков Прошкинич одно и то же лицо¹⁸. На мой взгляд, это предположение недостаточно обосновано. В то же время очевидна отмеченная Д.И.Прозоровским связь между строительной историей церкви 40 мучеников и событиями жизни Антония: окончание строительства этого храма приходится на 1211 г, когда Антоний стал архиепископом, расписан храм был в 1227 г, после того, как Антоний вторично занял новгородскую кафедру.¹⁹ Необычность посвящения этого храма позволяет допустить, что он был возведен в память о походе 1193 г. Сюжет сказания о севастиийских мучениках и история гибели войска воеводы Ядрея имеют общую основу (гибель христиан-воинов от рук язычников). Другой храм в память этих событий – церковь Варвары – Антоний строит в 1218 г.²⁰ Сопоставление даты закладки церкви 40 мучеников (1199 г) с датой Антониева паломничества (1200 г) наводит на мысль, что целью поездки Антония в Константинополь являлось приобретение священных реликвий для этого храма.

Письменные источники умалчивают о строительных работах в Феодоровских храмах Новгорода. Данные археологических исследований позволяют отнести к началу XIII в возведение церкви Феодора на

Софийской стороне (на Ширкове улице) и работы в интерьере церкви Феодора на Ручью, в ходе которых был создан новый престол.²¹ Часть ризы Св. Феодора, привезенная Антонием, в принципе, могла быть помещена и в тот и в другой храм. Пока же я склоняюсь в пользу храма на Ширкове улице. Месторасположение храма (Неревский конец) позволяет предположить участие в его возведении близкого Антонию неревского боярства. Посвящение Св. Феодору Стратилату и отсутствие упоминаний о строительстве этого храма в летописях дают основание видеть одним из его заказчиков также и князя Мстислава Мстиславича, который, согласно предположению В.Л.Янина, был тезоименит этому святому.²² Одновременное участие в возведении этого храма князя и боярства в данном случае кажется весьма вероятным. Неревский конец всегда поддерживал Мстислава, а Антоний, как известно, был ставленником этого князя. Наконец, наличие в этом храме полов из поливных плиток также возможно связать со строительными инициативами Антония и Мстислава.²³ Конечно же, каждый из этих фактов в отдельности мало что значит, но при приведении их к единому знаменателю они приобретают «критическую массу», при которой их количественный показатель приобретает качественное значение.

Храмов, посвященных Св. Иоанну Богослову в домонгольское время в Новгороде не было, за исключением придела Софийского собора, расположенного в восточной части северной галереи, который существовал здесь изначально. Привезенные Антонием реликвии, связанные с этим святым, могли быть помещены сюда, однако безусловных археологических подтверждений строительных работ в этой части храма, которые можно соотнести с этим событием, нет. Единственный исследовательский шурф в Иоанно-Богословском приделе находился напротив проема, соединяющим этот компартимент с северным нефом собора.²⁴ В границах этого шурфа следов перестроек начала XIII в зафиксировано не было. Малые архитектурные формы придела, располагались восточнее шурфа и остались неисследованными.

Итак, связать набор святынь, привезенных Антонием, со строительными и ремонтными работами в Новгороде в начале XIII в. возможно в трех случаях из четырех («Гроб Господень» и перестройка центрального престола Софии, частица мощей Св. Власия Севастийского и возведение церкви 40 мучеников, частица ризы Св. Феодора Стратилата и строительство Феодоровских храмов). Вопрос о связи последнего приобретения Антония — части камня от гроба Св. Иоанна Богослова со строительными мероприятиями остается открытым.

Приведенные данные заставляют с особым вниманием отнестись к сообщению письменных источников о появлении в Русских землях других христианских реликвий. Очень вероятно, что с их перенесением на Русь будут связаны и строительные мероприятия.²⁵

¹ Новгородская первая летопись // ПСРЛ. Т. III. М. 2000. С. 52.

² Архим. Макарий (Миролюбов). Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. Ч. 2. СПб. 2003. (репринтное воспроизведение издания. М. 1860). С. 173, прим. 85. Саввантов П. Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце XII столетия. СПб., 1872. С. 134. Лопарев Х.М. Книга Паломник: Сказание мест святых во Цареграде Антония, архиепископа новгородского в 1200 году // Православный палестинский сборник. Вып. 51. СПб., 1899. С. II. Штендер Г.М. К вопросу об архитектуре малых форм Софии Новгородской // Древнерусское искусство. Художественная культура Новгорода. М., 1968. С. 88.

³ В настоящее время известно девять списков «Книги Паломник». Список Б находится на хранении в РНБ, список М – в ГИМе.

⁴ Лопарев Х.М. Указ. соч. С. 22.

⁵ Там же. С. 25.

⁶ Там же. С. 33.

⁷ Древнейшие списки «Книги Паломник» относятся к XVI в.

⁸ Белоброва О.А. О «Книге Паломник» Антония Новгородского // Труды советских ученых к XV международному конгрессу византистов. М. 1977. С. 226–227.

⁹ Лопарев Х.М. Указ. соч. С. II.

¹⁰ Штендер Г.М. Указ. соч. С. 83–88.

¹¹ Там же. С. 88.

¹² Новгородская первая летопись. С. 44; 45; 50; 52; 57.

¹³ Раппопорт П.А. Русская архитектура X–XIII вв. Каталог памятников // САИ. Вып. Е 1–47. С. 75.

¹⁴ Булкин Вал.А., Турова Е.А. Церковь Федора Стратилата на Софийской стороне в Новгороде. Архитектурно-археологические исследования 1988–1991 гг. // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Т.1. СПб – Псков. 1997. С. 118–120.

¹⁵ Штендер Г.М. Указ. соч. С. 83–88.

¹⁶ Булкин Вал.А. Два эпизода из истории новгородского зодчества XII в. // Памятники средневековой культуры. Открытия и версии. СПб. 1994. С. 57–60.

¹⁷ Седов В.В., Скрипцова Е.В. Закладка окон Николо-Дворишенского собора в Новгороде в начале XIII в. // Архив архитектуры. Вып. XI. Новгородские древности. М., 2000. С. 5–10.

¹⁸ Прозоровский Д.И. О родословии Св. Антония, архиепископа новгородского // ИРАО. Т. 9. 1880. С. 85–86.

¹⁹ Там же. С. 91–92.

²⁰ Воевода Ядрей погиб в канун Св. Варвары. Новгородская первая летопись. С. 41.

²¹ Булкин Вал.А. Указ. соч. С. 59.

²² Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси. Т. 1. М. 1970. С. 113–114.

²³ Доклад автора на конференции памяти М.К.Каргера. СПб. Гос. Эрмитаж. 28.11. 2003 г. Сборник материалов этой конференции готовится к печати.

²⁴ Штендер Г.М. К вопросу о галереях Софии Новгородской (по материалам археологического исследования северо-западной части здания) // Реставрация и исследования памятников культуры. М. 1982. Вып. 2. С. 7. Рис. 2. Петрова Л.И., Трояновский С.В. Сводный план раскопов, шурфов и участков наблюдений за земляными работами на территории Новгородского кремля // НИС. Вып. 5 (15). СПб. 1995. С. 26. Рис. 2.

²⁵ В ряде случаев это предположение подтверждается сообщением письменных источников (Например, доставка на Русь иконы Богородицы «Пирогошей», давшей название храму Успения на Подоле в Киеве или приобретение князем Всеволодом Большое Гнездо доски от гроба Св. Дмитрия Солунского, ставшей главной святыней Дмитриевского собора во Владимире).

ПЕРВЫЕ СВЕДЕНИЯ О ФРЕСКАХ ЦЕРКВИ ВОСКРЕСЕНИЯ XII в. СТАРОЙ ЛАДОГИ

Фрески церкви Воскресения Христова (на берегу Волхова) впервые обнаружил и собрал в небольшом количестве Н.Е.Бранденбург при раскопках руинированного здания в 1886–87 гг. Тогда же они были помещены в общую группу фрагментов фресок от церквей св. Георгия и св. Петра (на берегу Ладожки) и Воскресения в Старой Ладогe, хранящуюся ныне в коллекции ОАВЕС ГЭ. Таким образом, этот материал оказался обезличенным среди обломков не менее трех росписей одного исторического периода, что затрудняет атрибуцию фрагментов по конкретным памятникам. Фрагменты с личным письмом из этой коллекции публиковались как части росписей церковей XII в. из Старой Ладоги (Лазарев 1978: 175–180; Васильев 2003: 173–181. Кат. №№ 489–491).

В ходе первых и единственных раскопок Воскресенской церкви была сделана фотофиксация раскрытых руин. На отдельных кадрах читаются росписи цокольных частей восточных столбов с мраморировками. Помимо фото в архиве ИИМК'а хранятся рисунки с изображением мраморов и фрагмента фрески алтарной апсиды с нижними частями четырех фигур Святительского чина, исполненных художниками В.М.Максимовым и Т.Шибяевым (Бранденбург 1886: рис. 2, 3, 4, 6, 7, 8, 9). Некоторые из копий легко можно отождествить с мраморами, открытыми при раскопках на стенах и снятыми на фото (Бранденбург 1886: Фото №№ 7, 8). При этом, хорошо заметны ошибки художников, в деталях искаживших особенности композиционного построения прямых и волнистых разводов панелей полилитии.

Специального исследования фресок Воскресенской церкви не проводилось, что обусловлено характером скромного по количеству и качеству достоверного материала.

Внешний ежегодный осмотр территории на месте Воскресенской церкви (здесь с 1913 г. стоит кирпичная часовня) сопровождался неизменными находками мельчайших фрагментов строительного раствора, известняковых плит, частей плинфы и кусочков штукатурного раствора с живописью. Именно этот материал вместе с данными раско-

пок Н.Е.Бранденбурга послужил исходным для исследования стенописи Воскресенского храма в Ладогe.

Всего в коллекции Староладожского музея хранится три десятка обломков с живописью, а также образцы фасадной обмазки и множество обломков штукатурки без росписи.

Один из фрагментов фрески с почти полностью утраченной живописью желтого и красного цвета оказался на известковом камне, поставленном в кладке вертикально, на что указывают как размеры плиты, так и характер расслоения известняка, соответствующий атрибуции данного камня. Нам известны примеры выхода на поверхность кладки булыг остриями вперед, а также хаотическая кладка «в коробку», когда ровными остаются только крайние ряды кладки с заполнением пространства между ними обломками плиты, плинфы и большим количеством раствора (Васильев 1988: 189). Встречены образцы фресок с отпечатками на их тыльной стороне круглых деревянных связей (Васильев 1988: 189). Теперь к ним прибавляется редкий случай вертикальной вставки камня на стене интерьера, впоследствии закрытой росписью.

К образцам фасадной обмазки относится большой фрагмент раствора с отполированной до блеска поверхностью с двумя прямыми параллельными линиями графы. Толщина блока колеблется от 4 до 10 см. и по характеру тыльной стороны он примыкал к неровной поверхности вероятнее всего углубленного ряда из известняковых плит в кладке стен храма. Цвет раствора светлый кремовый. В качестве твердых добавок использована крупная и мелкая кирпичная крошка. По всей толщине заметны раковины или отпечатки соломистого наполнителя. Известняковой крошки в составе раствора на всех его гранях не обнаружено. Суммируя данные наблюдений, можно говорить о применении для фасадной обмазки раствора, который одновременно обладает признаками кладочного раствора (крупная кирпичная крошка) и свойствами грунта фресок (мелкая кирпичная крошка и солоmistый наполнитель).

Кладочный раствор изобилует крупной кирпичной крошкой (3–10 мм) и добавками известняковой крошки (до 5 мм), что наблюдалось в составе грунта церкви св. Климента и в кладочном замесе для стен Нередицы (Васильев 1988: 188; Шуляк 1950: 133). Раствор грунта для живописи чуть светлее кладочного и фасадного, но также включает среднюю и мелкую кирпичную крошку (от 1–7 мм), известняковую крошку (3–7 мм) и стабильную добавку органических волокон, трубча-

тых в срезе длиной до 10 мм. Толщина грунта в собранных фрагментах традиционно колеблется от 5 до 20 мм. Грунт двухслойный с толщиной левкаса (интонако) в среднем около 3 мм.

По имеющимся фрагментам с живописью можно говорить о некоторых особенностях колорита памятника. Охра красная варьируется от светлого разбеленного тона до темно-красного, что соотносится с практикой росписи других церквей Ладого XII в. На одном из фрагментов замечен затек красной краски в трещинку грунта на глубину до 5 мм. Краска в затеке идентична краске на поверхности фрагмента, что свидетельствует о первоначальной сохранности этого цвета. Широко разработан зеленый цвет: от светлого разбеленного до темного оливкового. В случаях применения в качестве позема зеленая краска проложена по светло-серому тону. Под микроскопом заметны вкрапления в зеленую краску кристаллов ляпис-лазури. На фрагменте слм-94602/70641 светло-зеленый фон моделирован прямыми параллельными темно-зелеными и оливковыми линиями с высветлением складок ткани пробелами и линейными вохрениями. Здесь слои желтой охры прописаны дважды: как подкладочной основы для зеленого и в качестве вохрений в пробелах; интенсивный зеленый в тенях тон достигнут за счет двойной прописки. Этот пример живописной светотеневой проработки вероятнее всего одежды позволяет наметить нюансы приема работы художников церкви Воскресения, органично сочетающих в одном ансамбле графическую и многослойную манеры. Синий цвет — ляпислазурь, интенсивный, проложен по светло-серой рефти. Желтый обнаружен в двух вариациях тональности: светлый золотистый и теплый, близкий к коричневому. В местах сгущения золотистого тона видны кристаллы второго слоя краски желто-коричневого цвета. Светло-серый цвет встречен в разбеленном виде на одном из фрагментов, и его применяли в живописных разводах полилитии, судя по копии В.М. Максимова (Бранденбург 1886: рис. 6). Светло-серый цвет в качестве рефти применялся под синий и под зеленый. Белая краска использовалась для смеси и самостоятельно в виде полос высветлений.

Таким образом, мы получили весь основной набор красок, типичный для монументальной живописи этого времени и включающий набор из шести основных пигментов: известь белая, желтая и красная охра, ляпис-лазурь, глауконит и шунгит (Васильев 1996: 34). Технология приготовления раствора грунта соответствует технике чистой фрески, в которой была исполнена вся однослойная живопись памятника.

Многослойное письмо соответствует технике фреско-секко, которая была основной для стенописей средневековой Руси.

Теперь обратимся к возможной интерпретации полученных данных.

На блоке раствора фасадной обмазки, как упоминалось, хорошо читаются две прямые параллельные графьи, исполненные по сырому слою раствора. Ширина ограниченной полосы равняется 5 см, что можно соотносить с размерами плинфы. В неровностях отполированной поверхности при визуальном осмотре видны остатки красной краски, что позволяет говорить о назначении графьи для имитации открытой полосатой кладки на определенных участках фасада. Заметим также, что хорошо читаемый отпечаток плиты на тыльной стороне блока точно соотносится с ритмом разграфленной полосы. Подобного рода примеры известны по памятникам Новгорода, в частности, на фасаде Софийского собора (Штендер 1974: 206). Случаям с раскраской сопутствуют многие примеры имитации каменной квадратной кладки приемом разграфления фасадной обмазки (Раппопорт 1994: 77). В роли имитации кладки как следование античной, а впоследствии, и римской традиции известна живопись на штукатурной обмазке фасадов многих церквей Византии (Орлова 2002: 51–53).

Полилития по фото и копиям построена, преимущественно из комбинации четырех блоков однотипных «каменей», а их рисунок отличается живостью, которая характерна для новгородских стенописей первой половины XII в. и сильно схематизирована на фресках церкви св. Георгия в Ладогe и в последующих фресках столетия (Васильев и Попов 2002: 226–227). Имитации мраморов волнистыми лентами известны в двух основных вариантах: однотипными по ширине лентами с чередующимся цветом полос и сочетанием широких и тонких лент одного или разного цвета. С ведущей направляющей и основной рисующей по ансамблю красной линией решен волнистый мрамор в алтаре церкви св. Георгия Старой Ладогe. Ему предшествуют четырехчастные варианты широкополосных лент в окне каморы на хорах Мирожа или в мозаичном варианте в ансамблях Византии (Неа Мони на Хиосе) и Киева (Михайловский собор) XI–XII вв. (Лазарев 1986: илл. 148, 285). Ближайший аналог к Воскресенскому мрамору рассматриваемого типа находится рядом — на восточной грани северо-западного столба Успенского собора Ладогe второй четверти XII в. Он также составлен из одноцветных лент разной ширины. Этому мотиву среди уцелевших панелей полилитии Успенского собора вторят и другие типы разводов,

зафиксированные на стенах Воскресенской церкви: сочетание одноцветных прямых и волнистых в четырехчастных композициях, а также однопанельные блоки на узких гранях лопаток.

В рисунке Т. Шибаева (Бранденбург 1886: рис. 9) на северной части алтаря зафиксированы нижние части четырех фигур на зеленом поземе в желтых ризах. Под фигурами сразу располагался выступ синтрона, без промежуточного фриза с мраморировкой или завесами (Чукова 2002: 66. Рис. 2). Условность рисунка не позволяет решить вопрос о варианте представления Святительского чина, но в целом композиционное построение росписи алтаря оказывается близким Успенскому собору Ладого (Васильев 1994: 196).

На подходах к особенностям стилистики росписи Воскресенской церкви остается открытым вопрос о специфике личного письма, образцов которого в нашей коллекции нет. Среди обломков, собранных Н.Е.Бранденбургом, в ОАВЕС ГЭ есть два интересных образца с ликами. Один из них опубликовал Лазарев, связав степень стилизации в рисунке скулки с приемами, типичными для росписей последней трети XII в. (Лазарев 1978: 178. Илл. на с. 177). Внимательное рассмотрение этого фрагмента показало, что здесь мастер использует красную линию как основной конструктивный элемент построения лика по охристу слою карнации с пробелами и притенениями графического характера. При этом, абстрагирование рисунка скулки (желвака) здесь явно превосходит меру условности, замеченную в ликах старцев фресок церкви св. Георгия Ладого, учитывая как живопись *in situ*, так и многочисленные фрагменты из раскопок (Васильев 1998: 280).

Второй фрагмент впервые опубликован недавно в каталоге выставки Эрмитажа (Васильев 2003: 126. Кат. № 491). Здесь художник применил живописный прием моделирования объема с рисунком тонкими темно-красными линиями по темно-зеленому слою карнации. Вохрение и пробела вероятнее всего отделились. К этим признакам надо прибавить классическое строение деталей лика, включая миндалевидный разрез глаз. Перечисленные признаки приема в ближайшем соседстве известны по фрескам Климентовского собора 1153 г. в Ладого, воздвигнутого при участии архиепископа Нифонта (Васильев 2000: 73–74). Там же обнаружен рисунок киматиона, в своей схематической интерпретации сходный с киматионом из коллекции фрагментов стенописи церкви св. Климента 1153 г. в Старой Ладого и, в свою очередь, ещё не превращенный в каллиграфический образ наподобие киматиона церкви св. Георгия (Васильев 2000: 67. Рис. 8).

Повторим, что фрагменты коллекции Н.Е.Бранденбурга перемешаны и, как будто, не должны включать обломки росписи других храмов Ладogi. Вслед за этим, нам остается предположить, что оба рассмотренных фрагмента с личным письмом вероятнее всего принадлежат живописи одного или обоих храмов, раскопанных Бранденбургом в 1886–87 гг., то есть, Воскресения и св. Петра. Среди них живописный прием письма ткани прослежен на фресках церкви Воскресения, но этого явно недостаточно для привязки к конкретному памятнику перечисленных фрагментов с личным письмом. Более того, не исключено, что в коллекцию Бранденбурга могли попасть фрагменты, поднятые Д.А.Сабаневым, на что косвенно указывает опубликованная акварельная копия первого исследователя руин собора с изображением верхней части лика, по размерам и деталям рисунка похожим на рассмотренный живописный фрагмент (Сабанев 1886: 1–6. Илл.).

При сравнении единственного достоверного признака стилистики Воскресенской церкви, сфокусированного на имитации мраморных разводов, следует признать во многом сходный их характер в сравнении с мраморировками Успенского собора (рис. 1, 1–4). Сравнительно быстрая в XII в. схематизация этой части росписей в памятниках на Руси располагает к внимательному изучению нюансов в трактовке многообразных вариантов полилитии (Орлова 1982: 184). Подобного рода изыскания пока носят эпизодичный характер, поэтому знакомство с каждым новым памятником может иметь определенное значение в вопросах авторства и датировки росписи

О стилистике росписи Воскресенской церкви сегодня можно говорить только на основании фото мраморировок с привлечением копий, которые дают представление о принципе колористического их решения. Сумма выявленных данных склоняет к датированию фресок Воскресенского храма в пределах второй трети XII века.

По результатам раскопок XIX в. в алтаре и в южной апсиде открыты каменные скамьи по периметру стен, а также ниши аркосолии (Суслов 1896: 319, 320). Сравнение архитектурного плана церквей Успения и Воскресения в Ладoge показывает много точек соприкосновения между ними (рис. 2, 1–2). Обе церкви сближают размеры, равные 17×13 м, строительная техника и размеры плитки. Особенности архитектурно-объемного решения Воскресенской церкви точно переданы в статье М.И.Мильчика, но по непонятным причинам искажены в каталоге П.А.Раппопорта, где опущены все интерьерные малые формы как Успенской, так и Воскресенской церквей (Мильчик 1979: 103. Рис. 3,

№№ 2, 6; Раппопорт 1982: Табл. 15. №№ 120, 121). Не показаны ниши и аркосолии по периметру стен и на плане храма, приведенном в статье Т.А.Чуковой, к сожалению, не включившей в исследование алтарей ладожских храмов XII в. Успенский храм Ладого, что представляет большой интерес в связи с предположением автора о создании престола церкви на берегу Волхова мастерами, работавшими в XII в. в Софии Новгородской (Чукова 2002: 65. 67. Рис 1. Л).

В нашем сегодняшнем случае возникла ситуация, когда подробности живописи интерьерера склоняют к выводу о создании росписи Воскресенской церкви в ближайшем хронологическом соседстве с фресками Успенского собора Ладого. Не исключено участие в росписи этих храмов одних и тех же художников. Таким предварительным выводам сопутствует догадка о работе одной строительной артели по возведению Воскресенской и Успенской церквей Ладого.

Существенным подспорьем в решении поднятых проблем, касающихся истории создания и стилистики росписей ладожских храмов, может служить дополнительный материал, который практически в полном объеме стенописей залегает в руинированных ансамблях. Сбор фрагментов фресок, равно как и полное обследование архитектуры, весьма актуальны.

Источники и литература

Бранденбург 1886 — Об археологических раскопках генерал-майора Бранденбурга близ Старой Ладого, на левом берегу р. Волхова. Архив ИИМКА. Ф. 1. № 17. 1886 г.

Васильев 1988 — Васильев Б. Г. Фрески церкви Климента 1153 г. в Старой Ладого // СА. 1988.

Васильев 1994 — Васильев Б. Г. Фрески ц. Успения Богородицы в Старой Ладого // РА. 1994. № 2.

Васильев 1996 — Васильев Б. Г. Фрески Древней Руси. Опыт исследования разрушенных стенописей // Храм и культура. Древнерусский семинар. Сб. мат. СПб., 1996. Вып. 12.

Васильев 1998 — Васильев Б. Г. Прием письма личного на фресках церкви св. Георгия XII в. Старой Ладого // ННЗ. Вып.12. Новгород, 1998.

Васильев 2000 — Васильев Б. Г. Фрески церкви св. Климента 1153 г. Ч. II. Стилистика росписи // Старолад. Сб. Вып. 3. СПб.- Старая Ладого, 2000.

Васильев 2003 — Васильев Б. Г. Фрески Старой Ладого // Старая Ладого. Древняя столица Руси. Кат. выст. СПб., 2003.

Васильев и Попов 2002 — Васильев Б. Г., Попов О. Г. Полилития церкви св. Георгия XII в. в Старой Ладогe // ННЗ. Вып.16. Новгород, 2002.

Лазарев 1978 — Лазарев В. Н. Новые фрагменты росписей из Старой Ладоги // Византийское и древнерусское искусство М., 1978.

Лазарев 1986 — Лазарев В. Н. История Византийской живописи М., 1986.

Мильчик 1979 — Мильчик М. И. Церковь Георгия в Старой Ладогe // СА. 1979. № 2.

Орлова 1982 — Орлова М. А. О приемах украшения цокольных частей интерьеров древнерусских храмов и их происхождении // Средневековая Русь. М., 1982.

Орлова 2002 — Орлова М. А. Наружные росписи средневековых храмов. Византия, Балканы, Древняя Русь. М., 2002.

Раппопорт 1982 — Раппопорт П. А. Русская архитектура X-XIII вв. САИ. Вып. Е1-47. Л., 1982.

Раппопорт 1994 — Раппопорт П. А. Строительное производство Древней Руси X-XIII вв. СПб., 1994.

Сабанеев 1886 — Сабанеев Д. А. Заметки о древней Климентовской церкви близ Старой Ладоги // ЗРАО. 1886. № 1. С. 1-6.

Суслов 1896 — Суслов В. В. Техническое описание архитектурных памятников Старой Ладоги // Бранденбург Н. Е. Старая Ладога. СПб., 1896.

Чукова 2002 — Чукова Т. А. Архитектура алтарей ладожских храмов XII века (по материалам раскопок Н. Е. Бранденбурга) // Старая Ладога и проблемы археологии северной Руси. СПб., 2002.

Штендер 1974 — Штендер Г. М. К вопросу о декоративных особенностях строительной техники Новгородской Софии // Культура средневековой Руси. Л., 1974.

Шуляк 1950 — Шуляк Л. М. Раскопки руин церкви Спаса-Нередицы близ Новгорода // Практика реставрационных работ. Вып. 1. М., 1950.

1

2

3

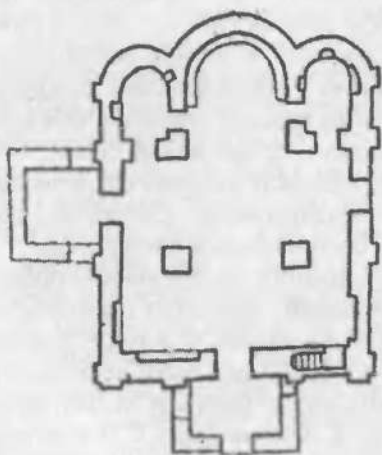

4

1, 2, 3 — полилития Воскресенского храма в Ладоге;
4 — полилития Успенского собора Ладоги

1

2

2. 1 — план Воскресенского храма (по Н.Е.Бранденбургу);
2 — план Успенского собора (по Воиновой И.Л. и Стеценко Н.К.)

К ВОПРОСУ О СУЩЕСТВОВАНИИ В XIII ВЕКЕ В ЛАДОГЕ ЛАТИНСКИХ ЦЕРКВЕЙ

В 1762 г. И.К.Г.Дрейер опубликовал некоторые собранные им документы городского архива Любека. Среди них значилась и договорная грамота Любека с Новгородом, написанная на латинском языке и длительное время считавшаяся вступившим в силу двусторонним соглашением¹. Одновременно была обнаружена и чуть позднее опубликована другая грамота, имеющая схожее содержание, но написанная на нижненемецком. Последний документ обладал классическим формулярным вступлением, в котором указывались обе договаривающиеся стороны: князь Ярослав Ярославич с «посадником Павшей, с тысяцким господином Ратибором, и со старостами, и со всем Новгородом», с одной стороны, и Любек с Готландом, с другой. Работы историков XIX века утвердили мнение о том, что латинская грамота является проектом договора между немецкими купцами и Новгородом, предложенным немецкой стороной в период переговоров 1268–1269 гг. Грамота же, написанная на нижненемецком являлась проектом того же договора, предложенным русской стороной. Оба документа, судя по всему, никогда не обладали юридической силой. Сохранившиеся в подлиннике грамоты не содержат никаких свидетельств того, что когда-то были официально завизированы². Скорее всего, речь идет именно о проектах так и не состоявшегося соглашения³.

Уже вскоре после публикации эти документы привлекли пристальное внимание исследователей, подробно прокомментировавших их тексты (А.С.Лерберг, Н.М.Карамзин, Ф.Круг, Е.Боннель, М.Н.Бережков)⁴. В XIX — начале XX в. оба они были несколько раз переизданы на языке оригинала (Г.Ф.Сарториусом и И.М.Лаппенбергом, Ф.Г. фон Бунге, И.А.Андреевским, К.Хохльбаумом, С.В.Бахрушиным). Однако, на русский язык в полном объеме была переведена только грамота, написанная на нижненемецком (*новгородский проект*)⁵. Позднее она была включена в академический свод грамот Великого Новгорода и Пскова, для публикации в котором ее перевод, остающийся наиболее адекватным и качественным, был выполнен Е.А.Рыдзевской.

У латинской грамоты (*немецкий проект*) путь к русскому читателю оказался более извилистым⁶. Ее частичный перевод на русский публиковали Н.М.Карамзин, И.А.Андреевский и некоторые другие исследователи⁷. Однако, полного перевода так и не было издано. В результате, во всех масштабных работах по ганзейско-новгородским договорным отношениям немецкий проект неизменно оказывался используемым исключительно в качестве комментария к новгородскому. Следствием такого подхода стало осторожное, граничащее с пренебрежительным, отношение исследователей к информации, содержащейся в этом документе. В частности, это особенно заметно в тех случаях, когда речь заходит об известиях латинской грамоты о существовании в Ладого латинских церквей.

В немецком проекте пункт № XIV, по нумерации Ф.Г. фон Бунге, принятой в немецкой историографии⁸, звучит так:

«Sanctus Petrus et sanctus Nycholaus in Aldachen secundum jura antiqua rehabere debent sua prata»

(Святой Петр и святой Николай в Ладого в соответствии с древним правом должны продолжать владеть своими лугами)⁹.

Первый комментатор этого документа Г.Ф.Сарториус считал, что здесь говорится о двух латинских церквях Св. Петра и Св. Николая, располагавшихся в Ладого¹⁰. Последующие немецкие исследователи либо повторяли этот вывод, либо оставляли его без комментариев¹¹. Однако, в русской историографии главенствующим стало другое мнение, высказанное Н.М.Карамзиным. Историк считал, что под «Святым Петром» подразумевается церковь Св. Петра, располагавшаяся на Немецком дворе в Новгороде, а в Ладого находилась только церковь Св. Николая¹². М.Н.Бережков полагал, что церкви упомянуты вместе из-за того, что «обе строили Немцы, а не Готы»¹³. В.А.Брим развивал эти наблюдения: «Вероятно, там [в Ладого] существовала довольно долго многочисленная варяжская колония, которая имела еще в XIII в. сообщая с немецким населением церковь св. Николая»¹⁴.

В работах последних лет вновь стало высказываться суждение о возможности существования в Ладого сразу двух немецких церквей, более того, может быть, и каменных¹⁵. Следствием столь решительных гипотез стали распространившиеся в научной среде сомнения в достоверности самого сообщения латинской грамоты. Попробуем рассмотреть основные аргументы сторон.

Во-первых, следует решительно отбросить скепсис относительно качества используемого письменного источника. Речь идет о сохра-

нившейся в подлиннике грамоте, написанной около 1268 г. и представляющей собой требования немецкой стороны на переговорах в Новгороде, проходивших в то время¹⁶. По достоверности этот источник относится к самому высокому уровню — документальному свидетельству.

Во-вторых, не должно смущать то, что название Ладоги записано здесь не совсем корректно. Традиционным для немецких источников того времени является начертание *Aldagen*, которое используется везде и в немецком проекте договора и в новгородском. В рассматриваемом же месте — внезапная ошибка: *Aldachen*, что, однако, всеми исследователями признавалось вполне допустимым. Ведь звуковая близость сохраняется, как и в случае с иными вариантами записи названия Ладоги в скандинавских и немецких текстах: *Aldeigja*, *Alldæigiu*, *Aldeigiv*, *Aldega*¹⁷.

Допустив одну опisku, как считают некоторые, писец мог позволить себе и другую, более значительную. В предыдущем пункте (№ XIII) немецкого проекта речь шла об обязательствах новгородцев не загромождать дорогу, ведущую от Немецкого двора, где располагалась церковь Св. Петра, до Никольского собора на Ярославовом дворище, соседствующим с новгородским Торгом. То что речь здесь идет о двух храмах, посвященных тем же святым, что и в пункте XIV (Св. Петру и Св. Николаю), дало почву для предположения о некоей путанице, допущенной писцом, который имел в виду не ладожские храмы, а те самые, вышеупомянутые новгородские¹⁸. Однако, в XIV пункте немецкого проекта говорится о двух *латинских* церквях, права которых блюдут немецкие купцы. Николо-Дворищенский собор под эту категорию никак не подходит. Следовательно, здесь говорится о *другой* церкви Св. Николая, не о той, что в предыдущем пункте договора. Предполагать дальнейшую вереницу ошибок писца или составителей проекта затруднительно.

Четвертым аргументом, вызывающим сомнения исследователей, является отсутствие упоминания этих ладожских храмов в новгородском проекте того же договора, да и в каких-либо других источниках. Однако, это не совсем так. В новгородском проекте этот пункт выглядит следующим образом:

«*Dar dhe wische sin dher Dutsgen ofte dere Goten, dhe solen se hebben, war so se se bekennet*»

(Где есть луга у немцев или у готов, ими владеть им там, где они их объявят)¹⁹.

Известные своей прижимистостью, новгородцы в данном случае расширяют права немцев, предоставляют им возможность самостоя-

тельно определять количество необходимых покосов (*лугов*). Это чуть ли не единственная уступка с русской стороны, которая своей незначительностью не может изменить всей тональности новгородского проекта, ограничивающего и сокращающего прерогативы иноземных торговцев. Дружелюбный жест вполне допустим со стороны переговорщиков, занимающих наиболее сильную позицию.

Совершенно очевидно, что представленная статья новгородского проекта никак не может однозначно указывать на ошибку в проекте немецкой стороны. Немцы вводили конкретные требования, указывали точные наименования субъектов права, подробно расписывали те или иные процедуры. Это характерно для всего документа. Русские же, преимущественно, просто сокращали и переформулировали их претензии²⁰. Вместо наименований латинских храмов в новгородском проекте везде используются нейтральные «Немецкий двор», «Готский двор» и подобные. Из церквей вообще названа только одна — Иоанна на Опоках. Вероятно, новгородцы пытались отстраниться от церковных проблем и подписать торговое соглашение со «всеми латинским языком» (*aller Latinscher tungen*)²¹, выделив не конфессиональные различия, а лингвистические.

Известие новгородского проекта вовсе не исключает существования немецких покосов под Ладогой. В нем упоминается просто множество, принадлежащих немцам и готам, лугов, которые не обязательно располагались в ближайшей новгородской округе.

Таким образом, следует признать, что не существует ни одного полноценного аргумента, ставящего под сомнение свидетельство любекской грамоты о существовании в Ладогe католических (одной или двух) церквей. Скорее, наоборот. Сама структура немецких поездок и проживания в Новгородской земле, по нашему мнению, подводят к тому, что в Ладогe имелаcь некая торговая или вспомогательная (служебная) фактория немецких (готских) купцов — *Немецкий (Готский) двор в Ладогe*. Купеческие корабли встречали в устье Невы и препровождали к волховским порогам, где товары перегружали на суда с менее низкой осадкой и вели далее к Новгороду. Ладогa при этом выступала важнейшим административным и судебным центром, обеспечивающим безопасность и качество транспортировки заморских товаров по Волхову, как в ту, так и в другую сторону. На конфликты, возникшие при проезде купцов от устья Невы до Ладоги, распространялись полномочия местного, а не новгородского суда. Морские корабли (*когги*), не способные преодолеть волховские пороги, оставались в Ладогe, где их самих и их снасти хранили очень длительное время (иногда года-

ми)²². Можно предположить, что здесь же существовали и временные склады, а также специальные избы для постоя (*клету*). Новгородские торговые пошлины (*мыт*) взимались с купцов не в Ладоге, а в Гостинополе, уже выше первых волховских порогов²³. Таким образом, в Ладоге товары можно было хранить беспошлинно, то есть дешевле, а, кроме того, торговать ими с областями Карелии, Воды и Ижоры. Коммерческая логика указывает на необходимость существования на нижнем Волхове отдельного подворья иноземцев. Все это дополняет свидетельство о немецких церквях, за которым можно увидеть и свидетельство о немецких дворах.

Следует заметить, что в известии немецкого проекта не сказано, что имеются в виду церкви (*ecclesia*). Хотя в предыдущем пункте (№ XIII) именно так обозначена «церковь Святого Николая» (*ecclesia sancti Nycholai*), а в отношении кладбища Св. Петра указано, что говорится именно о приходском кладбище — «кладбище Святого Петра» (*cimiterium sancti Petri*), как и в случае с кладбищем Св. Олава (*cimiterium sancti Olavi*). О церкви на Готском дворе (*ecclesia*) и церкви Параскевы Пятницы на Торгу (*ecclesie sancti Vridach*) также говорится однозначно, как о храме.

Аналогичную ситуацию можно наблюдать при чтении Новгородской скры, тех ее редакций, которые были составлены во второй половине XIII — XIV в. В этом источнике только в одном месте мы встречаем выражение «церковь Св. Петра» (*sante Peteres kerken*), когда речь идет конкретно о здании, которое не следует посещать русским купцам²⁴. В других местах (а их более 65) всегда говорится просто — «Святой Петр» (*sante Peteres*: право Св. Петра, староста Св. Петра, штраф Св. Петру, владение Св. Петра и т.п.)²⁵. За этим словосочетанием скрывается идиоматическое выражение, означающее «двор Св. Петра» (*St. Peterhof*) или Немецкий двор в Новгороде²⁶. Дополнительных пояснений оно не требовало ни в Новгородской скре, ни в немецком проекте 1268 года. И иноземец, и новгородец понимали, о чем идет речь, когда видели отсылку на *sanctus Petrus*.

Если бы в немецком проекте говорилось также о некоем другом (втором) дворе Св. Петра, то без указания на свое местоположение (например, в Ладоге) это могло вызвать путаницу. Однако, ниже по тексту (пункт № XXI) ссылка на Св. Петра (*sancti Petri*) опять идет без географических ориентиров.

Подобные наблюдения склоняют нас к признанию верности тех положений, которые были высказаны еще Н.М.Карамзиным: в пункте

№ XIV немецкого проекта сообщается о двух дворах, одном (Св. Петра) в Новгороде и одном (Св. Николая) в Ладогe²⁷.

Утверждение о существовании немецкого (правильнее, скорее всего, готского) двора и латинской церкви Св. Николая в Ладогe позволяет более структурно представить систему немецких факторий и их функционирования на Руси, да и вообще в Европе. В отличие от скры, где Готский двор никак не упомянут, в немецком и новгородском проектах 1268–69 гг. говорится о всех иноземных дворах в Новгородской земле, как готских так и немецких. Это вполне объяснимо, так как предполагалось подписание общего договора Новгорода со всеми иностранными купцами. В духе этого в новгородском проекте и была отредактирована интересующая нас статья XIV, в которой конкретное указание немцев на луга, принадлежащие дворам Св. Петра и Св. Николая, заменено на луга, принадлежащие немцам и готам. Так как известно, что двор Св. Петра был немецким, то двор Св. Николая в Ладогe, скорее всего, следует приписать готам, купцам с Готланда, действительно лидировавшим в торговле с Новгородом вплоть до второй половины XIII в. Вытеснение готов с русского рынка немецкими городами во главе с Любеком могло привести к постепенной утрате необходимости содержать готскую факторию в Ладогe, которая затем была упразднена, отчего и не упоминается в источниках XIV века.

Кроме всего прочего, существование латинской церкви и готского двора на нижнем Волхове позволяет дополнить новыми акцентами политико-административные явления в истории Новгородской земли третьей четверти XIII в. Так, именно в эти годы в Ладогe возникает институт владычных наместников, фиксируемый по данным сфрагистики с периода святительства архиепископа Климента (1276–1299 гг.). А.Е.Мусин в недавней своей работе учреждение этой должности связал с изменениями территориально-административного членения Новгородской земли, усилением церковного надзора над системой сбора податей, а также с попытками римской Церкви утвердить свои приоритеты в этом регионе²⁸.

В 1255 г. области «Ватландии, Ингрии и Карелии» (*Wathlandie, Ingrie et Carelie*), то есть води, ижоры и корелы, находившиеся ранее в зоне ответственности архиепископа Лундского (как и Готланд), специальной папской буллой были окончательно переданы под юрисдикцию архиепископа Рижского²⁹. Была создана Карельская, с предполагаемым центром в Колпорье, католическая епархия, первым главой которой стал Фридрих фон Газельдорф, сменивший в 1269 г. погибшего в Раковорской битве дорпатского епископа Александра³⁰. Вполне

можно допустить, что под церковным покровительством (если не под непосредственным контролем) этого иерарха подпадали и латинские священнослужители, прибывавшие в Новгород и Ладогу вместе с немецкими купцами. Активизация миссионерской деятельности и церковно-административного строительства римской курией не могло понравиться новгородскому архиепископу и, естественно, вызвало с его стороны упреждающую реакцию. На учреждение отдельных епархий как в Ладоге, так и в Пскове он пойти не мог. Эти города так никогда и не получили автономных церковных кафедр. С другой стороны, присутствие полномочного епархиального представителя стало для Ладоги более чем актуальным и в церковно-политическом и в экономическом отношении. Вероятно, речь должна идти об интенсификации в эти годы торговых операций, осуществляемых непосредственно в Ладоге, для чего необходимо было присутствие представителя Церкви, визировавшего, по предположению А.Е.Мусина, деловые соглашения купцов.

Известно, что княживший тогда в Новгороде князь Ярослав Ярославич, в соответствии с теми докончаниями, которые он заключил с горожанами, не имел права вмешиваться в торговлю немецких купцов, закрывать их дворы и сам совершать куплю-продажу³¹. Особая ответственность за деятельность немцев в Новгороде, при таких обстоятельствах, ложилась на архиепископа, который не мог оперативно реагировать на события в Ладоге, для чего и возник институт наместничества. Примечательная межконфессиональная ситуация в Ладоге дополняла необходимость архиерейского присутствия в городе.

То что готский двор и латинская церковь Св. Николая в Ладоге по другим источникам не известны может свидетельствовать о непродолжительном времени существовании этих учреждений, возникших в ранний период истории балтийской торговли. Рост количества сохранившихся до наших дней немецко-новгородских торговых соглашений относится к XIV в. В них нигде ни двор, ни церковь с Ладоге не упомянуты. Возможно, к XIV в. они были уже упразднены, что следует связать как со снижением активности торговцев с Готланда, вытеснением готских священнослужителей немецкими, так и с деятельностью ладожских владычных наместников и вообще антикатолическими мероприятиями Русской Церкви.

- ¹ Dreyer, 1762. S. 177–182.
- ² См. подробнее: Строев, 1839. С. 160; Негтманн, 1843. С. 28–31; Славянский, 1847. С. 36–41; Круг, 1848. С. 621–628; Никитский, 1893. С. 137; ПИВН, 1909. С. 64, 68; Goetz, 1916. С. 41–46. Многие современные исследователи считают, что это только проекты (Хорошкевич, 1965. С. 225; Клейненберг, 1976. С. 123; Хорошкевич, 1997. С. 131). Однако, это мнение не является утвердившимся. См., например: Сквайрс, Фердинанд, 2002. С. 49, 274–275.
- ³ Это не мешало позднее немцам и новгородцам ссылаться на эти акты, как на действительно скрепленные согласием сторон договоренности.
- ⁴ Наиболее подробный комментарий к этим документам в 1916 г. в Германии опубликовал Л.К.Гётц, который учел все достижения своих предшественников (Goetz, 1916. S. 90–166).
- ⁵ Оригинал грамоты на пергаменте хранится в городском архиве Любека (*Ruthenica* № 5). Единственный известный список с него был выполнен в пер. пол XIV в. (предположительно — 1338 г.) и подарен в 1762 г. Дрейером Российской АН, в архиве которой был найден и обследован М.В.Крутиковой и Е.А.Рыдзевской (Рыдзевская, 1935. С. 119–125; фотография документа — С. 120, рис. 1). Основные издания документа на языке оригинала: Sartorius, 1830. S. 95–101, № XXXII; Tobien, 1844. SS. 85–94; LUB, I. SS. 517–528, № 414; HUB, I. SS. 233–235, № 665; Goetz, 1916. S. 90–166. То же с параллельным русским переводом: Андреевский, 1855. С. 19–34; ГВНП. С. 58–61, № 31. Только перевод на русский по И.Е.Андреевскому с исправлениями А.Эпельмана: ПИВН, 1909. С. 68–71. Перевод на современный немецкий (верхненемецкий) язык см.: Андреевский, 1855. С. 19–34.
- ⁶ Оригинал грамоты на пергаменте хранится в городском архиве Любека (*Ruthenica* № 2). Основные издания: Dreyer, 1762. S. 177–182; Sartorius, 1830. S. 29–42, № XI^a; Tobien, 1844. SS. 85–94; LUB, I. SS. 517–527, № 413; HUB, I. SS. 229–233, № 663; ПИВН, 1909. С. 64–68. Наиболее близкой к современным нормам издания средневековых документов является публикация, подготовленная К.Хохльбаумом (HUB, I. SS. 229–233, № 663).
- ⁷ См.: Карамзин, 1991. С. 603–606, прим. 244; Андреевский, 1855. С. 19–34; Рыбина, 1986. С. 38–39; Рыбина, 2001. С. 117–118.
- ⁸ LUB, I. SS. 517–527; Goetz, 1916. S. 90–166.
- ⁹ Dreyer, 1762. S. 180; Sartorius, 1830. S. 39, № XI^b; LUB, I. S. 523, № 413; HUB, I. S. 231, № 663; ПИВН, 1909. С. 64–68. Перевод автора — Д.Х.
- ¹⁰ Sartorius, 1830. S. 39, n. 1.
- ¹¹ Tobien, 1844. S. 82, n. 6; Круг, 1848. S. 630; HUB, I. S. 231. М.И.Славянский и И.Е.Андреевский также считали, что речь идет о двух церквях в Ладогe (Славянский, 1847. С. 43; Андреевский, 1855. С. 30). Только Гётц с сомнением отнесся к существованию в Ладогe латинских церквей, но считал, что именно об этом говорится в тексте (Goetz, 1916. S. 134).
- ¹² Карамзин, 1991. С. 470.
- ¹³ Бережков, 1879. С. 58, прим. 14.
- ¹⁴ Брим, 1931. С. 224. В квадратных скобках пояснение Д.Х.

- ¹⁵ См.: Васильев, 1985. С. 71–72; Кирпичников, 1988. С. 65, прим. 95; Селин, 1999. С. 107, прим. 2.
- ¹⁶ Подробнее см.: Хорошкевич, 1965. С. 224–232; Янин, 1991. С. 84.
- ¹⁷ Sargolius, 1830. S. 35, п. 3; Tobien, 1844. S. 82; HUB, I. S. 231; Брим, 1931. С. 222; Джаксон, 1993. С. 244–245.
- ¹⁸ См.: Рыбина, 2001. С. 174, 206.
- ¹⁹ ГВНП. С. 60. Перевод Е.А.Рыдзевской.
- ²⁰ См.: Рыбина, 2001. С. 117.
- ²¹ ГВНП. С. 58, № 31.
- ²² См.: Goetz, 1922. S. 196; Halaga, 1975. S. 478.
- ²³ См. статью 5 новгородского проекта и немецкого проектов (LUB, I. S. 518; ГВНП. С. 59). См. также: Брим, 1931. С. 225; Рыбина, 2001. С. 301.
- ²⁴ 9 статья I и II новгородской скры (Schluter, 1911. S. 64–65). В 92 статье IV и V скры отмечен «праздник собора Св.Петра» (*festo cathedre sã Petri*), который к нашему случаю отношения не имеет (Schluter, 1911. S. 125, 151; Рыбина, 2001. С. 355). Кроме того, в переводе И.Э.Клейнберга, изданном недавно Е.А.Рыбиной, в 82 статье IV скры указывается на существование должности «староста церкви Св. Петра» (Рыбина, 2001. С. 352). Е.А.Рыбина считает, что при большом съезде купцов «староста двора не мог справиться со всеми делами конторы и поэтому появилась необходимость в должности старосты церкви св. Петра» (Рыбина, 2001. С. 212). Однако, перевод И.Э.Клейнберга не вполне точен. В 82 статье IV скры (и 124 статье V скры) противопоставлены «староста двора» (*des hoves olderman, des hoves oldermanne*; нем. *Oldermann des Hofes*) и «старейшины (старожилы) Св. Петра» (*sante Peters olderlude; sunte Peters olderluden*; нем. *Olderleuten St. Peters*) (Schluter, 1911. S. 29, 39, 148, 168). И какой бы не была интерпретация этих персонажей, но указания на церковь и самого слова «церковь» в этих фразах нет, как и во всем тексте этой статьи скры.
- ²⁵ См.: Андреевский, 1855; Schlüter, 1911. S. 50–67; Рыбина, 2001. С. 338–367.
- ²⁶ Обычным наименованием Немецкого двора в Новгороде для зарубежной историографии является именно *Peterhof*. См.: Goetz, 1922. S. 40–41, 47–50; Halaga, 1975. Даже на русский они переводят его буквально: «двор в честь Св. Петра» (Schluter, 1911. S. VII).
- ²⁷ Л.К.Гётц также считал, что в тексте говорится о дворах Св. Петра и Св. Николая. Однако, оба этих немецких двора он располагал в Ладогe (Goetz, 1916. S. 134). Ср.: Кирпичников, 1988. С. 65, прим. 95.
- ²⁸ Мусин, 2002. С. 83. Иначе см.: Белецкий, Петренко, 1994. С. 257.
- ²⁹ LUB, I. S. 363, № 281; LUB, III. S. 55, № 283; Матузова, Назарова, 2002. С. 276–279. Следует подчеркнуть, что все перечисленные области — Водь, Ижора и Карелия — находились в зоне политического влияния Новгорода и административной ответственности Ладоги. Ср.: Кирпичников, 1988. С. 75.
- ³⁰ Андреевский, 1855. С. 95, прим. 76; Матузова, Назарова, 2002. С. 282, прим. 3.
- ³¹ См.: ГВНП. С. 13, № 3; Рыбина, 2001. С. 295.

Литература

- Андреевский 1855** — Андреевский И.Е. О договоре Новгорода с немецкими городами и Готландом, заключенном в 1270 году. СПб., 1855.
- Белецкий, Петренко 1994** — Белецкий С.В., Петренко В.П. Печати и пломбы из Старой Ладого (свод) // Новые источники по археологии Северо-Запада. СПб., 1994. С. 184–283.
- Бережков 1879** — Бережков М.Н. О торговле Руси с Ганзой до конца XV века. СПб., 1879.
- Брим 1931** — Брим В.А. Путь из варяг в греки // Известия АН СССР. VII серия. Отд. общ. наук. 1931. № 2. С. 201–247.
- Васильев 1985** — Васильев Б.Г. К истории древних церквей северной части посада Ладого // Чтения памяти Н.Е. Бранденбурга (1839–1903). 17-е заседание древнерусского семинара «Храм и культура». СПб фонд культуры. Программа «Храм». Сборник материалов. Вып. 8. 1985. С. 71–73.
- ГВНП 1949** — Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С.Н. Валка. М.-Л., 1949.
- Джаксон 1993** — Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времен до 1000 г.). М., 1993.
- Карамзин 1991** — Карамзин Н.М. История государства Российского в 12-ти томах. Т. II–III. М., 1991.
- Кирпичников 1988** — Кирпичников А.Н. Ладога и Ладожская земля VIII — XIII вв. // Историко-археологическое изучение Древней Руси: Итоги и основные проблемы (Славяно-русские древности; Вып. 1). Л., 1988. С. 38–79.
- Клейненберг 1976** — Клейненберг И.Э. Договор Новгорода с Готским берегом и немецкими городами 1262–1263 гг. (по данным отчета послов немецкого купечества 1292 г.) // ВИД. Т. VII. 1976. С. 118–126.
- Матузова, Назарова 2002** — Матузова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. — 1270 г. Тексты, перевод, комментарий. М., 2002.
- Мусин 2002** — Мусин А.Е. Структуры власти Ладого XI–XV вв. // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002. С. 69–87.
- Никитский 1893** — Никитский А.И. История экономического быта Великого Новгорода. М., 1893.
- ПИВН 1909** — Памятники истории Великого Новгорода / Под ред. С.В.Бахрушина. М., 1909.
- Рыбина 1986** — Рыбина Е.А. Иноземные дворы в Новгороде XII–XVII вв. М., 1986.
- Рыбина 2001** — Рыбина Е.А. Торговля средневекового Новгорода. Великий Новгород, 2001.
- Рыдзевская 1935** — Рыдзевская Е.А. Новый список проекта договора Новгорода с Любеком и Готландом 1269 г. // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1935. № 5–6. С. 118–127.

- Селин** 1999 — Селин А.А. Заметка о Семеновском монастыре // Староладожский сборник. Вып. 2. СПб-Ст. Ладога, 1999. С. 105–108. С. 107, прим. 2.
- Сквайрс, Фердинанд** 2002 — *Сквайрс Е.Р., Фердинанд С.Н.* Ганза и Новгород. Языковые аспекты исторических контактов. М., 2002.
- Славянский** 1847 — Славянский М.И. Историческое обозрение торговых сношений Новгорода с Готландом и Любеком. СПб., 1847.
- Строев** 1839 — Строев С.М. О торговле немецких купцов с Россией до конца XIV века // ЖМНП. Т. 22. 1839. № 6. С. 145–172.
- Хорошкевич** 1965 — Хорошкевич А.Л. Из истории русско-немецких отношений XIII в. // Исторические записки. Т. 78. 1965. С. 219–232.
- Хорошкевич** 1997 — Хорошкевич А.Л. О происхождении текста древнейших новгородско-готландско-немецких договоров конца XII и середины XIII в. // НИС. Вып. 6 (16). 1997. С. 128–134.
- Янин** 1991 — Янин В.Л. Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. 1991.
- M.Dreyer J.K.G.** 1762 — Specimen juris publici Lubecensis. Bueзов et Wismar.
- Goetz L.K.** 1916 — Deutsch-Russische Handelsverträge des Mittelalters. Hamburg.
- Goetz L.K.** 1922 — Deutsch-Russische Handelsgeschichte des Mittelalters. Lübeck.
- Halaga** 1975 — Halaga O.R. Typy kupeckých domov a novgorodský Peterhof // Slovanský přehled. 1975. № 6. SS. 467–481.
- Herrmann** 1843 — Herrmann E. Beiträge zur Geschichte des russischen Reiches. Leipzig, 1843.
- HUB, I** — Hansisches Urkundenbuch / Bearbeitet von K. Höhlbaum. Bd. I. Halle, 1876.
- Krug Ph.** 1848 — Krug Ph. Ueber den Vertrag des Fürsten Jaroslav Jaroslavitsch und der Nowgoroder mit den Deutschen, Gotländischen und Wälschen Kauffahrern von Jahr 1269 // Forschungen in der älteren Geschichte Russlands. T. II. SPb. S. 619–638.
- LUB, I; III** — Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten / Herausgegeben von Dr. Fr. G. von Bunge. Bd. I. Reval, 1853; Bd. III. Reval, 1857.
- Sartorius** 1830 — Sartorius G.F. Urkundliche Geschichte des Ursprunges der deutschen Hanse. Bd. II. Hamburg, 1830.
- Schlüter** 1911 — Schlüter W. Die Nowgoroder Schra in sieben Fassungen vom XIII. bis XVII. Jahrhunderts. Dorpat, 1911.

ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ АННЫ МАЧИНСКОЙ В СТАРОЙ ЛАДОГЕ. СВЕРШЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Нижеследующее — это письменная фиксация сказанного мною устно на открытии девятых «Чтений» 25 декабря 2004 г.

Девятые зимние «Чтения» — это уже некий (промежуточный?) рубеж. Что же уже достигнуто?

Ритмично повторяющиеся в самое тёмное время года конференции в Старой Ладогe стали насущными и светлыми событиями в жизни целого сообщества археологов, историков, историков искусства и представителей других отраслей науки, изучающих прошлое Северо-Запада России (и не только).

«Чтения» проходят в атмосфере научной честности, проблемности и фактологичности, равенства участников независимо от званий и возраста, в откровенных и принципиальных дискуссиях.

Особенно важна установка на предоставление возможности высказаться, подвергнуться критике и опубликоваться для молодых специалистов. Я уверен, что «Чтения» сыграли определённую роль (в независимости от того, осознают они это или нет) в формировании ряда молодых учёных: Д.Браткина, А.Волоковицкого, С.Воронятова, И.Губанова, В.Казанского, В.Кулешова, И.Тарасова, Я.Френкеля, А.Фурасьева, П.Шувалова, Д.Щеглова, М.Юшковой и других. Чтения помогают выявить тех молодых исследователей, которые в непростых условиях сумеют заниматься наукой честно, фактологично и проблемно, зарабатывая на жизнь и исследования достойными способами, без унижения и пресмыкательства перед различными «властями» и «сильными мира сего».

Дух и традиции «Чтений» поддерживаются руководством и сотрудниками Староладожского музея-заповедника, всеми их участниками и (не скрою) мною, Д.А.Мачинским.

Поскольку в дальнейшем я не всегда смогу быть в такой форме, чтобы дирижировать сложным ансамблем сил и личностей, от которых зависит успех «Чтений», я ставлю всех в известность, что оставляю своим доверенным представителем археолога Марию Андреевну Юшкову (ИИМК РАН), которой будут помогать во всём необходимом для проведения «Чтений» выразившие своё согласие на это близкие Анне Мачинской люди: Б.С.Короткевич (Гос. Эрмитаж), Т.Б.Сениченкова (Гос. Эрмитаж), К.В.Чугунов (Гос. Эрмитаж).

Я вполне полагаюсь и на нынешнее руководство Староладожского музея, но — времена меняются и люди тоже...

Названная группа учёных будет сотрудничать с руководством музея в организации очередных «Чтений» и выпуске сборников и способствовать сохранению очерченных выше принципов, равно как и излагаемых ниже.

1. При издании сборников не поддаваться распространяющемуся поветрию, когда в обмен на материальную поддержку или «высочайшее одобрение» научные издания начинаются с портретов представителей светского или церковного начальства и с их благословляющих статей, написанных от их имени услужливыми учёными. Подобная практика развращает и учёных, и «начальников» и прокладывает дорогу к развитию культа начальственных персон разного уровня. Если некто, обладающий различными возможностями, оказал поддержку «Чтениям» или сборнику, то его следует искренне поблагодарить во вступительной статье к сборнику — это достойно и достаточно.

2. Участники «Чтений» не должны оставаться безразличными ко всяческому попыткам исказить облик и духовную атмосферу Старой Ладogi. В частности:

а) Следует препятствовать любым попыткам досыпать «Полую сопку» и оснастить её какими-либо постройками. Помните, что подобные попытки уже были отвергнуты как недопустимые на заседании «Общества охраны памятников», в котором участвовали, в частности, директор Староладожского музея-заповедника Л.А.Губчевская, сотрудник «Общества», ответственный за археологические объекты, Т.Б.Сениченкова, заведующий Отделом археологии Гос. Эрмитажа А.Ю.Алексеев и археологи С.Л.Кузьмин и Д.А.Мачинский. Любые работы в урочище «Сопки» и на «Полой сопке» могут проводиться только с согласия представительного совещания учёных Санкт-Петербурга и руководства и учёных Староладожского музея.

б) Недопустимы какие-либо достройки и реконструкции в «Каменной крепости» без предварительных новых работ по вскрытию и исследованию оснований архитектурных сооружений и широкомасштабному археологическому исследованию прилегающего к ним изнутри и извне культурного слоя.

в) Надо способствовать началу новых раскопок на Варяжской улице около «Научного центра им. Г.С.Лебедева» и тому, чтобы они велись на современном методическом уровне.

Если вышеозначенные принципы и позиции не будут сохранены, «Чтения памяти Анны Мачинской» должны прекратить своё бытие в Ладoge. То, что тогда, возможно, возникнет на их месте, будет другим и называться должно по-другому. А «Чтения памяти Анны Мачинской» могут в ином формате продолжиться в другом месте — например, в Отделе археологии Гос. Эрмитажа.

Глеб Лебедев

Зима в Альдейгье

Возле него находились другие памятники культуры древних цивилизаций. Вокруг него были разбиты сады и огороды. Вокруг него были разбиты сады и огороды. Вокруг него были разбиты сады и огороды.

Эмир в Александрии

Вокруг него были разбиты сады и огороды. Вокруг него были разбиты сады и огороды. Вокруг него были разбиты сады и огороды. Вокруг него были разбиты сады и огороды. Вокруг него были разбиты сады и огороды.

I Снегопад потаенных мелодий оставил
звенящую грусть позади.
Я послушно и радостно лыжи направил
по синевшему в насте пути.

Засияли лучи, зазвенели капли
зашумели в оврагах ручьи.
Почему же неласково окаменели
онемевшие губы твои?

Состязание старое, стон и награда,
Не спеши, непроглядная ночь,
Помолчи надо мной, синеглазая Лада,
Ой, ты Лада, Велесова дочь.

II Ладят лыжи ладожские бонды,
снежный наст крепчает по утрам.
Ну, а мы с тобою от забот свободны,
Больше ничего не нужно нам.

Вытащены на берег драконы,
спят в сараях до весенних дней
змеи, звери, демоны и кони
боевых варяжских кораблей.

Спой, пожалуй! нежно и негромко,
Тихая бесснежная метель,
словно бы баюкаешь ребенка,
истово качая колыбель.

Спой, помилуй! белоснежный саван
расстели над бурями души.
Замерзает ладожская гавань
в ледяной неистойой тиши.

Величавы волховские дали
Я, как Волхов — светел и суров.
Только никогда на свете не видали
надо льдами алых парусов.

III Ты меня не слушай, Ингигерда,
ты не слушай песен, не хвали,
По весенним склонам забелеют вербами
руки ненаглядные твои.

Ты не слушай этих песен, Инге,
далее зов невероятно лжив,
Кто доскажет этот сказ о викинге,
если он еще покамест жив?

Ты не верь рассказам этим, Герда,
Герда Гардов: нет у них конца,
острова ли дальние объеду,
нахлебаюсь моря, иль свинца,

Все равно вдовою будешь конунга,
А другого — верною женой,
вынянчишь и вырастишь ребенка,
выстоишь весеннею травой.

Над моим громозвонящим именем
звонким эхом колокольный стон
Мы щиты плечо к плечу придвинем,
Позабыта брошенная бронь,

Вот и все! Рассказывайте саги,
Повторяйте наши чудеса!..
Ладога пуста. Ушли варяги,
Замерли в пространстве голоса.

Постоим над берегом, как некогда
растворяясь взглядами вдали —
Ты меня не слушай, Ингигерда,
ты не слушай, песен не хвали.

IV По-над Волховом ветер свивает в тугие смерчи
 засохшие листья
 И погибшие травы ледяными дождями сечет на корню.
 Ты шелками рассказов и парчою песен свою горницу
 выстели
 золотистыми тканями, покрывавшими некогда нашу броню.

Пусть сияет свеча нерасчетливо-радостным пламенем,
 озаряя сосульки волос, по соленой капели морщин;
 Не сердись, и не нервничай: мы не долго так будем
 молиться,
 не хватает дыхания в воздухе снежных вершин.

А за дверью — зима. Завалила дороги сугробами.
 Пальцы рук напряженные. И приветлива складочка губ.
 Это мы появились, сам-друг. Мы пришли потаенными
 тропами
 Это я объявился, во-множестве; нераскаянный, сам себе
 друг

Помолись, и прости; и приветливо ставь угощение,
 я не двинусь с порога; но ты все равно поспеши.
 Соляные столбы не очень годятся для украшения
 интерьера; но в общем, пользительны для спасенья души.

У Парамонов ручей
позаброшен, ничей
меж просторными настами склонов
Кипятку горячей
Парамонов ручей,
только нету на нем — парамонов.

Прокровавились темные воды его
И бегут, как ни в чем не бывало,
Словно вовсе и не было здесь — ничего,
Только Княщина запустовала.

Стал он зваться Кровавым —
а как и зачем,
даже в Ладогe — каждый ли знает?
Он бежит по долине,
забытый совсем,
И зимою он не замерзает...

VI Стихи неслабые
Как будто, ладятся,
и скальд бахвалится
под гул речей
над серебристым
пространством Ладоги
в сиянье призрачном
ее церквей.

Толпа нестройная
варяжских бражников
не распаясь,
бредет туда,
где Элисива
когда-то важничала
и Гердой Гардов
была тогда.

А над развалинами
башни стрелочной
лежат заснеженные
валуны.
Что приумолкли вы,
вояки спешенные?
вот ваши каменные скакуны.

А вы стоите,
слезу не прячете
в просторе бережном,
берегов,
И никогда уже
не поскачете
по синей радуге
белых льдов.

VII На площадке Плакуна
не слышно траурных струн,
зарастает крапивою
и лопухами Плакун.

Заметают снега его,
весенние воды точат
из-под осыпи каменной
варяжские кости торчат.

Не придет, не оплачет
милого друга жена,
не прольет и не спрячет
в сочных травах немного вина,

не заступит ногами
за ограду холодных камней,
да и как под снегами
отыскать ей тропинку заветную к ней?

Босиком ли, по насту,
по колено в сугробах глухих
или в бурю-ненастье
поминаем мы мертвых своих

и негромкие струны
осенних тягучих дождей
на площадке Плакуна
вдовьего плача слышней.

VIII Благословляю я этот дождь,
мольбою отрока, Велесом посланный!
Хоть табунами ходила рожь,
Полями молний насквозь пронизанная.

Пуская в заречье горят стога,
в просторе пламенном достанет удали,
Я исполчаюсь, как на врага,
на радость песенную, до синей одури!

Блаженство огненное! колыбель
великой радости, во имя Божие,
я посвящаю ее тебе
за то, что дождь бушует над рожью,

за то, что молнии топят снега,
за то, что буйствовать не перестанем мы,
Пускай в заречье горят стога,
Как будто сопки, объятые пламенем.

IX Нам не выехать в поле.
Зима заложила дороги.
Будем пить и сидеть
шевелия кочергою дрова.
Над каминным огнем
задремали усталые боги
золотистое пламя
языками лепечет слова
нерассказанных песен,
а отроки дремлют по лавкам
и бормочут во сне
обрывками делятся грез,
от каминных углей
потянуло свечами и ладаном
словно яблочным запахом
твоих золотистых волос

Х Ражий отрок, истовый детина
режет руны, портит рукоять.
Этакого выносила сына
хрупкая неведомая мать!

Мы ль — отцы; они ли — наши дети,
сам себя я в каждом узнаю;
дренги, хольды, отроки и кмети
в огненном велесовом строю.

Это — местный ряд иконостаса
подвиги, герои, чудеса
Ах, какой нелегкий путь понадобился,
чтобы дух повыше поднялся!

Там, где змей, смиренный ратным словом
у царевны в белом поводу
стелется пред витязем суровым
Божьим Словом загнанный в узду.

Витязя воинственна осанка
взгляд царевны — нежен, и суров
вот и завершилось испытание
и не нужно больше ни молитв, ни слов,

а какие муки вынести сумела
и с какой неистовою силой ждать!

Даже сына вырастить успела,
и в отряды ратные отдать.

XI Над Могилей Олеговой
ночи велесовой тьма
За Могилей Олеговой
тонут во мраке дома
Тонут храмы и стены
в россыпи звездных огней
Выплывают системы
неведомых нам кораблей

Светозарные зори
наступят в назначенный час
И на радость и горе
позовут с неизбежностью нас
На Могиле Олеговой
 совещаются молча волхвы
Из Могилы Олеговой
шепот слушают конской главы

Синезвездное небо
покрылось мраком вдали
Под Могилей Олеговой
проплывают во мгле корабли
У Могилы Олеговой
молча с тобой постою
В зове речи неведомой
долю узнаю свою...

ХII Заря пылает в поднебесье
Велесе!
Я проплываю в чудном месте
Велесе!
Я помолюсь о дивном лесе
Велесе!
Ведь я опять с тобою вместе
Велесе!

И по склонам распушенным распущёнными стрелами
Разбегаются девушки цвета колоса спелого
И звенят на завалинках за Велешей гармоники
А на паперти пьяненькие говорят о покойнике.

Дескать, жил человек
правильно
Богу душу отдал
праведно
И земли ему
как положено
Сколько росту в нем
так и отложено.

Семь футов английской земли,
раз он ростом выше других людей.

И оплачет Гаральда
Ярославна
Потому что кончил он жизнь свою
славно
Хоть сложил перед смертью
плохие висы
Ни на шаг зато в бою
не отступился.

И шатаются по Ладогe изувеченные ветераны
битвы при Стемфордбридже
ищут пивную,
какая поближе
а потом охрипшими голосами
поют песни
сложенные когда-то конунгом
о своей невесте
И собравшись вместе
на видном месте
Воздают хвалу тебе,
Велесе!
Бог ладожский!
... Лада, дочь Велесова
Ладога

Наступила зима в Альдейгьюборге.

29–31.07.84

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Мачинский Д.А.</i> (Санкт-Петербург) Глеб Лебедев и Ладога.....	3
<i>Герд А.С.</i> (Санкт-Петербург) Навстречу ветру.....	16
<i>Кузьмин С.Л.</i> (Санкт-Петербург) Г.С. Лебедев: Ученый, Учитель, Личность.....	22
<i>Мачинский Д.А., Кулешов В.С.</i> (Санкт-Петербург) Северные народы середины IV — первой половины VI в. в «Getica» Иордана.....	26
<i>Шувалов П.В.</i> (Санкт-Петербург) <i>Pelles sarrhæginae</i> и восточный путь. К вопросу о политической истории Балто-Скандии в V–VI вв.....	73
<i>Андрощук Ф.А.</i> (Стокгольм) От Рагнара Лодброка до Видгаутра (о датских и шведских контактах сембов и куршей в эпоху ви- кингов и в раннем средневековье).....	109
<i>Кузьмин С.Л., Михайлова Е.Р.</i> (Санкт-Петербург) Памятники куль- туры псковских длинных курганов во Врево-Черемнецком поозерье.....	141
<i>Кузьмин С.Л.</i> (Санкт-Петербург), <i>Волковицкий А.И.</i> (Старая Лад- ога) Археологическое изучение Ладоги (проблемы, задачи, перспективы).....	151
<i>Пескова А.А.</i> (Санкт-Петербург) О древнейшей на Руси христиан- ской реликвии.....	157
<i>Мачинский Д.А.</i> (Санкт-Петербург) Крест и молот.....	184
<i>Кулешов В.С., Мачинский Д.А.</i> (Санкт-Петербург) Колбяги.....	207
<i>Казанский В.О.</i> (Умео—Санкт-Петербург) Ярл Рёгнвальд Ульвссон и христианизация Вестеръетланда в начале XI в.	228
<i>Тодорова А.А.</i> (Москва) Бусы как элемент женского костюма эпохи формирования Древнерусского государства (предваритель- ное исследование).....	236

<i>Белецкий С.В.</i> (Санкт-Петербург) Подвески с изображением древнерусских княжеских знаков.....	243
<i>Джаксон Т.Н.</i> (Москва) Из Рима в Иерусалим с остановкой в Ладоге.....	320
<i>Новоселов Н.В.</i> (Санкт-Петербург) Константинопольские приобретения архиепископа Антония и новгородское строительство начала XIII в.	333
<i>Васильев Б.В.</i> (Старая Ладога) Первые сведения о фресках церкви Воскресения XII в. Старой Ладоги.....	340
<i>Хрусталеv Д.Г.</i> (Санкт-Петербург) К вопросу о существовании в XIII в. в Ладоге латинских церквей.....	350
<i>Мачинский Д.А.</i> (Санкт-Петербург) Чтения памяти Анны Мачинской в Старой Ладоге. Свершения и перспективы.....	361
Приложение	
<i>Глеб Лебедев</i> Зима в Альдейгье.....	363

**ЛАДОГА
И
ГЛЕБ ЛЕБЕДЕВ**

**Восьмые чтения памяти
Анны Мачинской**

Старая Ладога, 21–23 декабря 2003 г.

Сборник статей

Корректор *И. Д. Павлов*

Оригинал-макет *Е. Ф. Качановой*

Художник *Е. В. Кудина*

Издательство Санкт-Петербургского института истории РАН
«Нестор-История»

Подписано в печать 18.12.2004. Гарнитура Newton.
Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 23,75. Тираж 550 экз. Заказ № 145.

Отпечатано в типографии
издательства СПбИИ РАН «Нестор-История»
197110 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7
Тел. (812) 2351586 e-mail: nestor_historia@list.ru

В книге собраны статьи известных и молодых историков и археологов, посвященные различным проблемам древней истории Скандинавии, Прибалтики, севера Восточной Европы от IV в. до н.э. до XIII в. н.э., т.е. в эпоху включения этих областей в систему общеевропейских связей – от первого появления древнегреческих и римских мореплавателей на Балтике до заключения Новгородом торговых договоров с Ганзой и Готландом. Точкой пересечения и преломления многих североевропейских связей в ряде статей выступает Ладога – первая столица этносоциума «русь» и Русского протогосударства, с которой связана вся жизнь замечательного петербургского ученого Глеба Сергеевича Лебедева.

